

УЧРЕДИТЕЛЬ

Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение
высшего образования
«Челябинский государственный университет»

Главный редактор

доктор филологических наук, доцент **Е. В. Шелестюк**

Ответственный секретарь

кандидат филологических наук, доцент **А. А. Селютин**

РЕДАКЦИОННЫЙ СОВЕТ

В. И. Бархатов, доктор экономических наук, профессор (Челябинский государственный университет, Россия); **Н. Н. Болдырев**, доктор филологических наук, профессор (Тамбовский государственный университет им. Г. Р. Державина, Россия); **А. В. Бузгалин**, доктор экономических наук, профессор (Московский государственный университет им. М. В. Ломоносова, Россия); **Е. И. Голованова**, доктор филологических наук, профессор (Челябинский государственный университет, Россия); **Р. М. Качалов**, доктор экономических наук, профессор (Центральный экономико-математический институт РАН, Россия); **А. Б. Невелев**, доктор философских наук, профессор (Челябинский государственный университет, Россия); **Р. М. Нижегородцев**, доктор экономических наук (Институт проблем управления РАН, Россия); **С. А. Питина**, доктор филологических наук, профессор (Челябинский государственный университет, Россия); **Ж. Ришар**, PhD, профессор Университета Париж-Дофин (Франция); **Н. Л. Худякова**, доктор философских наук, профессор (Челябинский государственный университет, Россия); **А. Н. Чумаков**, доктор философских наук, профессор, ведущий научный сотрудник Института философии РАН (Россия); **П. Элиоупос**, PhD, главный редактор научного журнала Paragi&Deltу (Греция)

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ НАУЧНОГО НАПРАВЛЕНИЯ

В. И. Бархатов, доктор экономических наук, профессор, главный редактор научного направления (Челябинск); **Д. С. Бенц**, кандидат экономических наук, доцент (Челябинск); **А. В. Горшков**, доктор экономических наук, профессор (Челябинск); **А. Ю. Даванков**, доктор экономических наук, профессор (Челябинск); **С. В. Каледин**, доктор экономических наук, доцент (Челябинск); **Ю. Ш. Капкаев**, кандидат экономических наук, доцент (Челябинск); **Н. В. Ким**, доктор экономических наук, профессор (Челябинск); **И. Д. Колмакова**, доктор экономических наук, доцент (Челябинск); **Т. А. Коркина**, доктор экономических наук, доцент (Челябинск); **Н. Н. Мильчакова**, доктор экономических наук, профессор (Тюмень); **Г. И. Немченко**, доктор экономических наук, профессор (Тюмень); **М. А. Пестунов**, доктор экономических наук, профессор (Челябинск); **Д. А. Плетнев**, кандидат экономических наук, доцент, ответственный секретарь редакционной коллегии (Челябинск); **Г. Н. Пряхин**, доктор экономических наук, доцент, заместитель главного редактора научного направления (Челябинск); **В. В. Седов**, доктор экономических наук, профессор (Челябинск); **Д. А. Сорокин**, кандидат экономических наук, доцент (Челябинск); **Е. А. Степанов**, кандидат экономических наук, доцент (Челябинск)

Журнал выходит 12 раз в год

Адрес издателя:
Россия, 454001, Челябинск,
ул. Братьев Кашириных, 129

Адрес редакции:
Россия, 454001, Челябинск,
ул. Братьев Кашириных, 129

Адрес редакции научного направления
«Экономические науки»:
Россия, 454021, Челябинск,
ул. Молодогвардейцев, 576
Тел. (351) 799-71-46
e-mail: vestnik_econ@csu.ru

С требованиями к оформлению статей
можно ознакомиться на сайте
www.csu.ru
(раздел Наука/Вестник ЧелГУ)

Редакция журнала может
не разделять точку зрения авторов
публикаций

Ответственность за содержание статей
и качество перевода аннотаций несут
авторы публикаций

Журнал зарегистрирован
в Роскомнадзоре.
Свидетельство ПИ № ФС77-66312

Индекс 33077
в объединенном каталоге
«Пресса России»

Корректурa *И. Н. Козыревой*
Верстка *И. Н. Козыревой*
Подписано в печать 19.11.21.
Выход в свет 26.11.21.

Формат 60×84 1/8. Бумага офсетная.
Гарнитура Times. Усл. печ. л. 28,2.
Уч.-изд. л. 23,5.

Тираж 500 экз. Заказ 484.
Цена свободная

Отпечатано:
Издательство Челябинского
государственного университета
Россия, 454021, Челябинск,
ул. Молодогвардейцев, 576

Журнал включен в перечень рецензируемых научных журналов, утвержденный
ВАК Минобрнауки РФ, по отраслям:
экономические науки, филологические науки, философские науки.

Издание включено в базы данных: **UlrichsWeb Global Serials Directory;**
EBSCO's research collections.

Economic Sciences

Issue 74

FOUNDER

Chelyabinsk State University (CSU)

Editor-in-chief

E. V. Shelestyuk, Doctor of Philology, Associate Professor

Executive secretary

A. A. Selyutin, Candidate of Philology, Associate Professor

EDITORIAL BOARD

V. I. Barhatov, Doctor of Economics, Professor (Chelyabinsk State University, Russia); **N. N. Boldyrev**, Doctor of Philology, Professor (Tambovsky State University named after G. R. Derzhavin, Russia); **A. V. Buzgalin**, Doctor of Economics, Professor (Moscow State University named after M. V. Lomonosov, Russia); **E. I. Golovanova**, Doctor of Philology, Professor (Chelyabinsk State University, Russia); **R. M. Katchalov**, Doctor of Economics, Professor (Central Economics and Mathematics Institute of RAS, Russia); **A. B. Nevelev**, Doctor of Philosophy, Professor (Chelyabinsk State University, Russia); **R. M. Nizhegorodtsev**, Doctor of Philosophy, Professor (Institute of Control Sciences of RAS, Russia); **S. A. Pitina**, Doctor of Philology, Professor (Chelyabinsk State University, Russia); **J. Richard**, PhD, Professor at the Paris-Dauphine University (France); **N. L. Khudyakova**, Doctor of Philosophy, Professor (Chelyabinsk State University, Russia); **A. N. Chumakov**, Doctor of Philosophy, Professor, Leading Researcher at the Institute of Philosophy of RAS, Russia); **P. Eliopoulos**, PhD, Editor-in-chief of the Scientific Journal «PAPYRI&DELTI» (Greece)

EDITORIAL BOARD OF SCIENTIFIC DIRECTION

V. I. Barhatov, Doctor of Economics, Professor, Chief Editor of Scientific Direction (Chelyabinsk); **D. S. Bents**, Candidate of Economics, Associate Professor (Chelyabinsk); **A. V. Gorshkov**, Doctor of Economics, Professor (Chelyabinsk); **A. Y. Davankov**, Doctor of Economics, Professor (Chelyabinsk); **S. V. Kaledin**, Doctor of Economics, Associate Professor (Chelyabinsk); **Yu. Sh. Kapkajev**, Candidate of Economics, Associate Professor (Chelyabinsk); **N. V. Kim**, Doctor of Economics, Professor (Chelyabinsk); **I. D. Kolmakova**, Doctor of Economics, Associate Professor (Chelyabinsk); **T. A. Korkina**, Doctor of Economics, Associate Professor (Chelyabinsk); **N. N. Milchakova**, Doctor of Economics, Professor (Tyumen); **G. I. Nemchenko**, Doctor of Economics, Professor (Tyumen); **M. A. Pestunov**, Doctor of Economics, Professor (Chelyabinsk); **D. A. Pletnev**, Candidate of Economics, Associate Professor, Executive Secretary of Editorial Board (Chelyabinsk); **G. N. Pryakhin**, Doctor of Economics, Associate Professor, Deputy Chief Editor of Scientific Direction (Chelyabinsk); **V. V. Sedov**, Doctor of Economics, Professor (Chelyabinsk); **D. A. Sorokin**, Candidate of Economics, Associate Professor (Chelyabinsk); **Ye. A. Stepanov**, Candidate of Economics, Associate Professor (Chelyabinsk)

The journal is included into the list of peer-reviewed journals, approved by the State Commission for Academic Degrees and Titles of the Ministry of Education and Science of the Russian Federation, in the following branches of knowledge: Economic Sciences, Philological Sciences, and Philosophical Sciences.

This journal is currently listed in: Ulrich's Periodical Directory; EBSCO's research collections.

The journal is published
12 times per year

Address of Publisher:
129 Bratiev Kashirinykh St.,
Chelyabinsk, 454001, Russia

Editorial office's address:
129 Bratiev Kashirinykh St.,
Chelyabinsk, 454001, Russia

"Economic Sciences"
editorial office's address:
57b Molodogvardeitsev St.,
Chelyabinsk, 454021, Russia
Tel.: +7(351) 799-71-46
e-mail: vestnik_econ@csu.ru

All the requirements
are available on the web-site
www.csu.ru

The Editorial Board may not share
the views of the authors

Authors are responsible
for the article content and quality
of annotations' translation

Academic periodical
is registered
in Federal Supervision Agency
for Information Technologies and
Communications
Certificate III № ФЦ77-66312

Index 33077
in Unified Catalogue
of Russian Printed Press

Proofreader *I. N. Kozyreva*
Imposition by *I. N. Kozyreva*

Passed for printing 19.11.21.
Date of publication 26.11.21.
Format 60×84 1/8. Litho paper.
Font Times.
Conventional print. sh. 28.2.
Ac.-publ. sh. 23,5.
Circulation 500 copies.
Order 484. Open price

Printed:
Publishing Office
of Chelyabinsk State University
57b Molodogvardeitsev St.,
Chelyabinsk, 454021, Russia

СОДЕРЖАНИЕ

РЕДАКТОРСКАЯ СТАТЬЯ

<i>Бархатов В. И., Плетнев Д. А.</i> Лицензия на убийство.	7
--	---

ТЕОРИЯ И МЕТОДОЛОГИЯ

<i>Брижак О. В., Толстобоков О. Н.</i> Политика неоиндустриализации в контексте новой экономической реальности.	9
---	---

МИРОВАЯ, НАЦИОНАЛЬНАЯ И РЕГИОНАЛЬНАЯ ЭКОНОМИКА

<i>Гордеев С. С.</i> Визуализация динамики региональной миграции и пространственной трансформации на примере Челябинской области.	18
<i>Бархатов В. И.</i> О проблемах устойчивости регионов Уральского федерального округа.	28
<i>Артемова О. В., Ужегов А. О.</i> Перспективы развития моногородов в региональном пространстве Российской Федерации	39
<i>Угрюмова А. А., Паутова Л. Е., Гришаева О. Ю.</i> Точки роста эффективности использования мелиоративного потенциала России	51
<i>Головина С. Г., Абилова Е. В., Смирнова Л. Н.</i> Государственная поддержка сельских территорий Европейского союза: содержание и результаты реформирования	59
<i>Бенц Д. С.</i> Оценка экологического иммунитета региональных экономик	70
<i>Довбий И. П., Кобылякова В. В., Минкин А. А.</i> Методологические аспекты имплементации ESG-факторов в новый инвестиционный цикл регионов	77
<i>Белова И. А.</i> Конкурентный анализ рынка ЖКХ Уральского федерального округа	87

ЭКОНОМИКА ХОЗЯЙСТВУЮЩИХ СУБЪЕКТОВ

<i>Забелина Е. В., Константинов Д. А., Корнеева А. А.</i> Взгляд изнутри на развитие экологического бизнеса в России: результаты качественного исследования	95
<i>Плетнев Д. А., Козлова Е. В.</i> Эмпирический анализ конкретных форм и готовности к оппортунизму работников российских предприятий	106
<i>Соболева Ю. П., Лиленко А. Т.</i> Актуальные аспекты цифровизации деятельности субъектов предпринимательства в России	116
<i>Санникова К. А., Торсян Е. К.</i> Особенности регулирования оценочной деятельности в России и за рубежом	123
<i>Антонова О. А., Колесник Е. А., Масленникова Е. В., Нурмухаметова М. И.</i> Нестандартные формы занятости населения моногорода в контексте прекаризации труда	134
<i>Корзоватых Ж. М., Морозова Н. Г.</i> Развитие инновационных инструментов налогового администрирования в Российской Федерации	145

<i>Лукьянова К. К., Новикова Д. И.</i> Метод центров оценки в управлении человеческими ресурсами	156
<i>Аксенова Э. А., Силова Е. С.</i> Возможности методик оценки вероятности банкротства в российской практике	164

ОБЗОРЫ И ДИСКУССИИ

<i>Неживенко Е. А., Головихин С. А.</i> Новые тенденции формирования кадровой потребности промышленного региона (на примере Челябинской области)	173
<i>Плетнев Д. А., Мурашкин С. В.</i> О декарбонизации	179
<i>Шмик М. В.</i> Применимость международных стандартов управления рисками в организациях сферы здравоохранения	185
<i>Бенц Д. С.</i> Сельскохозяйственный облик Челябинской области	191
<i>Чиканова Е. С.</i> Новый этап развития промышленной политики Российской Федерации ..	198
<i>Литкевич А. И., Гортаева Т. И., Киселица Е. П.</i> Динамика развития отрасли сельского хозяйства Тюменской области.	204
<i>Попов А. Ю., Колотило В. А.</i> Особенности признания, оценки и учета долгосрочных активов к продаже	212

СВЕЖИЙ ВЗГЛЯД

<i>Витер К. А.</i> Роль центров компетенций в структуре университета	220
<i>Рожков Е. В.</i> Анализ цифровизации учета муниципальной собственности	229
<i>Цемошевич О. С., Киртянова А. А.</i> Принятие решений о режиме налогообложения в фирме: анализ результатов и сложностей реализации	236

CONTENTS

EDITORIAL

- Barkhatov V. I., Pletnev D. A.* License to kill 7

THEORY AND METHODOLOGY

- Brizhak O. V., Tolstobokov O. N.* Neoliberalization policy in the context of the new economic reality 9

WORLD, NATIONAL AND REGIONAL ECONOMY

- Gordeev S. S.* Visualization of the dynamics of regional migration and spatial transformation: the case of the Chelyabinsk region 18
- Barkhatov V. I.* On the Ural Federal District regions' sustainability. 28
- Artemova O. V., Uzhegov A. O.* Prospects for the development of monotores in the regional space of the Russian Federation 39
- Ugryumova A. A., Pautova L. E., Grishaeva O. Yu.* Improving the efficiency of using the reclamation potential of the Russian Federation: analysis of growth points. 51
- Golovina S. G., Abilova E. V., Smirnova L. N.* State support of rural areas in the European Union: content and results of the reforms 59
- Benz D. S.* The estimate of the ecological immunity in the regional economies. 70
- Dovby I. P., Koblyakova V. V., Minkin A. A.* Methodological aspects of the implementation of ESG factors in the new investment cycle of regions 77
- Belova I. A.* Competitive analysis of the Ural Federal District housing and utilities market. 87

MICROECONOMICS AND ECONOMICS OF ENTERPRISES

- Zabelina E. V., Konstantinov D. A., Korneeva A. A.* An inside look at the development of environmental business in Russia: the results of the qualitative study. 95
- Pletnev D. A., Kozlova E. V.* Empirical study of particular forms of opportunism and opportunism readiness of Russian enterprises employees 106
- Soboleva Y. P., Lilenko A. T.* Current aspects of digitalization of the activities of business entities in Russia 116
- Sannikova K. A., Torosyan E. K.* Regulation of valuation activities in Russia and abroad 123
- Antonova O. A., Kolesnik E. A., Maslennikova E. V., Nurmukhametova M. I.*
Non-standard forms of employment of the population of a single-industry city in the context of labor precarization 134
- Korzovatykh Z. M., Morozova N. G.* Development of innovative instruments of tax administration in the Russian Federation 145
- Lukyanova K. K., Novikova D. I.* Assessment centers method in human resources management . 156
- Aksenova E. A., Silova E. S.* Use of different methods for analysis of bankruptcy probability using the example of «ZSSK LLC» 164

REVIEWS AND DISCUSSIONS

<i>Nezhivenko E. A., Golovikhin S. A.</i> New trends in the formation of human resources industrial region needs (on the example of the Chelyabinsk region)	173
<i>Pletnev D. A., Murashkin S.V.</i> About decarbonization.	179
<i>Shmik M. V.</i> Analysis of the applicability of international standards of risk management in healthcare organizations	185
<i>Benz D. S.</i> Agricultural portrait of Chelyabinsk region.	191
<i>Chikanova E. S.</i> A new round of industrial development of the state.	198
<i>Litkevich A. I., Gortaeva T. I., Kiselitsa E. P.</i> Development of the agriculture sector of the Tyumen region and the transition to agricultural cluster	204
<i>Popov A. U., Kolotilo V. A.</i> Modern concepts of recognition, valuation and accounting long-term assets for sale	212

A FRESH LOOK

<i>Viter K. A.</i> Role of centers of competence in the university structure.	220
<i>Rozhkov E. V.</i> Analysis of stages of digitalization of municipal property.	229
<i>Tsemoshevich O. S., Kirtyanova A. A.</i> Decision-making on taxation regime in the company: analysis of results and implementation challenges	236

РЕДАКТОРСКАЯ СТАТЬЯ

EDITORIAL

Вестник Челябинского государственного университета.
2021. № 10 (456). Экономические науки. Вып. 74. С. 7–8.

УДК 338.23
ББК 65.050.11

ЛИЦЕНЗИЯ НА УБИЙСТВО

В. И. Бархатов, Д. А. Плетнев

Челябинский государственный университет, Челябинск, Россия

Когда в 2019 г. было объявлено о запуске «регуляторной гильотины», у представителей бизнеса и других форм ведения хозяйственной деятельности затеплилась надежда, что контрольно-надзорная деятельность приблизится к реалиям XXI в., в котором и технологии, и информация, и знание создаются и распространяются с такой скоростью, что ни один контролирующий орган не способен компетентно реагировать на эти изменения и учитывать их в своей деятельности. И по этой причине просто необходима была полная перезагрузка системы контрольно-надзорной деятельности. Одним из анахронизмов, в современном виде появившимся в 1990-е гг., когда существовал соответствующий запрос общества, является механизм лицензирования и аккредитации деятельности в сфере высшего образования. Тогда, в пору расцвета «предпринимательства» от образования, было актуально не допускать до социально значимой деятельности откровенно недобросовестных игроков — тех, кто «продавал» дипломы, подрывая доверие ко всей системе высшего образования. Сегодня же на рынке остались только те, кто не только неоднократно проходил жесткую проверку на соответствие требованиям как законодательства, так и подзаконных нормативных актов, да и, скажем откровенно, субъективных трактовок этих законов и актов экспертами. И любой опрос профессионального сообщества (преподавателей, работодателей) покажет — потребности в той же аккредитации нет. Она однозначно воспринимается как неизбежное зло.

Следует отметить несколько современных тенденций, подтверждающих правильность такого вывода. Во-первых — ускорение развития технологий, требований к специалистам, их навыкам (в том числе межпредметным). Федеральные образовательные стандарты стараются поспеть за этими изменениями, и поколение 3+, 3++ разработаны как раз для обеспечения мобильности и гибкости подготовки. Но как только возникает

вопрос проверки и контроля, эксперты начинают цепляться за каждую букву стандарта, находя несоответствия и вынося отрицательные заключения. В стандарте написано «лаборатории», а не «лаборатория», значит, их должно быть минимум две. Такой же формальный подход — к оценке квалификации кадров, материально-технической базы, степени освоения программ. Холистический по своей сути процесс образования для удобства проверки атомизируют: есть компетенция, которой должен обладать студент, — это требования стандарта. Но при проведении проверок оценивается, как сформулированы формальные индикаторы степени достижения каждой компетенции каждой связанной с ней дисциплиной. Зачем? Как это связано с качеством образовательного процесса и как влияет на качества выпускника? Более того, по появляющимся профессиям оценить степень владения компетенциями могут редкие специалисты-практики, но никак не эксперты Рособнадзора. Те могут оценивать формальное наличие «индикаторов», что они и делают. И таких примеров масса. Высшее образование — не рутинное производство, где технологию и продукт можно стандартизировать и измерять сколь-нибудь точно. А аккредитация в ее современной (и, к сожалению, перспективной тоже) логике подходит именно с такой позиции, задавая вектор на упрощение и формализацию как образовательного процесса, так и оценки «знаний, умений и навыков».

Во-вторых, современный кадровый потенциал высшей школы крайне ослаблен многолетними реформами. Можно вспомнить реформу системы диссертационных советов, из-за которой целое поколение молодых ученых в регионах ушли из образования в иные сферы, а также реальный уровень оплаты труда преподавателей, в разы уступающий финансовой сфере, крупным компаниям и даже госуправлению. Да и весь бюджет государственных университетов таков, что по-

зволить себе качественный IT- и методический департамент могут далеко не все. Иными словами, не каждый руководитель отдела и методист, не каждый преподаватель и доцент обладают способностью воспринимать «в системе» весь процесс аккредитации, понимать, что важно, а что вторично для эксперта, и воплощать это понимание в своей деятельности. В результате требования Рособнадзора (даже разумные) порождают «на местах» бурную, но не всегда рациональную деятельность. И объемы этой деятельности оказываются в разы больше необходимого, потому что совершаются под страхом: «одно несоответствие по одной программе — и не аккредитуем всю укрупненную группу специальностей». То есть от ошибки одного методиста / преподавателя может зависеть судьба тысяч студентов и сотен преподавателей. «На всякий случай» специалисты и руководители на местах дуют на воду, создавая дополнительную массу не нужной никому работы, никак не связанной, опять же, с качеством образования и с востребованностью выпускников.

В-третьих, пандемия 2020–2021 гг. ускорила перевод «в цифру» и документацию вузов, и активность Рособнадзора. Давно назревшая отмена аккредитации сегодня вовсю обсуждается именно как переход к системе перманентного мониторинга в формате онлайн. В теории это разумный ход, упрощающий работу: просто организуйте свой труд качественно, и к вам не будет никаких вопросов. Но на деле объем пустой работы возрастает в разы: сканируются зачетки, ведомости, дипломы и курсовые, договоры на практики и отчеты по ним. Кроме того, постоянные изменения требований (например, появление стандартов поколения 3++) приводят к кратному увеличению такой работы. Зачем? Единственный критерий качества образования — востребованность выпускников. И не просто востребованность, выраженная в проценте трудоустроенных или средней зарпла-

те, а то, как вуз меняет судьбу и карьерный путь своих выпускников. А каким образом это делается — вопрос внутренней кухни, которая сложна, уникальна для каждого вуза, непостижима и неизмерима. В том и есть ее сила. А не право решать, кто качественно организует образовательный процесс, и право лишать возможности делать это тех, кто не вписался в сиюминутные требования.

А ведь мы даже не берем во внимание и более радикальную точку зрения, которую высказывают представители «Университета 2035», — о том, что как таковой диплом о высшем образовании устарел, и важен лишь подтвержденный набор (профиль) компетенций. Если же довериться этой позиции, то все современные подходы к аккредитации не только бесполезны, но и вредны, поскольку ведут к существенному перераспределению ресурсов университетов в сторону формальной работы с документами и упрощению самого образовательного процесса, чтобы тот лучше соответствовал «бумажным» методикам.

Под благовидным предлогом в России продолжает действовать архаичная система государственной аккредитации, многочисленные попытки которой ведут только к усилению ее разрушающего воздействия на ядро любой образовательной системы, на преподавателя. Она порождает безразличие и равнодушие, смещает фокус внимания с собственно образования на формальное документальное обеспечение этого процесса, «убивая» его живое начало. И, как обычно, все делается под благим предлогом и при одобрении «экспертного сообщества», зачастую заинтересованного в сохранении или усилении регуляторного статус-кво. И проблема эта очевидна только для оставшихся пока работать в системе высшего образования профессионалов, но их голос не слышен. А когда дойдет до всеобщего осознания проблемы, исправить что-то будет уже невозможно.

Но пока время есть.

Сведения об авторах

Бархатов Виктор Иванович — доктор экономических наук, профессор, директор Института экономики отраслей, бизнеса и администрирования Челябинского государственного университета, Челябинск, Россия. esoba@csu.ru

Плетнев Дмитрий Александрович — кандидат экономических наук, доцент, доцент кафедры экономики отраслей и рынков Челябинского государственного университета, Челябинск, Россия. pletnev@csu.ru

ТЕОРИЯ И МЕТОДОЛОГИЯ

THEORY AND METHODOLOGY

Вестник Челябинского государственного университета.
2021. № 10 (456). Экономические науки. Вып. 74. С. 9–17.

УДК 338.2

DOI 10.47475/1994-2796-2021-11001

БК 65.9 (2Рос)

ПОЛИТИКА НЕОИНДУСТРИАЛИЗАЦИИ В КОНТЕКСТЕ НОВОЙ ЭКОНОМИЧЕСКОЙ РЕАЛЬНОСТИ

О. В. Брижак¹, О. Н. Толстобоков²

¹ *Финансовый университет при Правительстве РФ, Москва, Россия*

² *Институт развития дополнительного профессионального образования, Москва, Россия*

Раскрывается значимость и востребованность реализации политики неоиндустриализации в российской экономике в условиях новой экономической реальности. Проанализировано современное состояние отечественной промышленности на период трансформационных преобразований и конъюнктурных колебаний, дана оценка научному, производственному и инновационному потенциалу российской экономики. Обоснован запрос со стороны науки и практики на формирование политики неоиндустриализации, предложены рекомендации по выбору стратегических приоритетов промышленной политики государства, ориентированной на неоиндустриализацию. Исследование проводилось с использованием ресурсов системной экономики, экономики знаний, институциональной экономики, метода диалектики, воспроизводственного подхода, метода сравнительного анализа, эмпирического метода.

Ключевые слова: *политика неоиндустриализации, отечественная промышленность, экономическое развитие, стратегические приоритеты, трансформации, новая экономическая реальность.*

Период затяжной рецессии, сопровождающий отечественную экономическую систему на протяжении нескольких десятилетий, стал свидетельством беспрецедентных по своим последствиям проблем в современной России. Эти проблемы приобрели особую остроту в условиях настоящего кризиса, вызванного биосоциальными и политическими факторами, в котором оказались в большей или меньшей степени все страны мира. Настоящий кризис повлиял на российскую экономику ровно настолько, насколько он повлиял на экономику мира, так как мы находимся в ситуации глобальной экономики, и поэтому влияние процессов, которые происходят в мире, идет однонаправленно. И естественно, нет такой страны и нет такого правительства, которые не позаботились бы о том, как противодействовать кризисным процессам. Дело в том, что глубина и длительность последствий, которые провоцируются теми или иными событиями, как сегодняшние, для разных стран и регионов различны. Экономики развитых стран имеют гораздо больше возможностей выхода из ситуации спада, чем стран развивающихся, к которым относится и российская экономика [5].

Задача выхода из современного кризиса, вызванного неэкономическими факторами, усложняется слабостью российской экономики, которая испытала на себе разрушительные последствия процессов деиндустриализации в трансформационный период, медленных темпов ввода новых рабочих мест в производство, угнетенных стимулов к инновациям и новым технологиям. Выбранный российской экономикой курс на проявление монетарных факторов и монетарной политики создал заведомо худшие условия для укрепления фундаментальных факторов отечественного производства. Весь этот комплекс проблем выливается в высокую норму безработицы, социальную неустроенность, сокращение социальных расходов, снижение покупательной способности домохозяйств и сворачивание инвестиционных расходов фирм. Весь комплекс фундаментальных проблем — промышленных и социальных — заставляет задуматься о повышении эффективности промышленной политики государства на качественно новом уровне [3].

Активные дискуссии по поводу необходимости формирования новой промышленной политики и политики неоиндустриализации в России, ее со-

держании, приоритетах и механизмах стали на современном этапе развития национального хозяйства наиболее актуальными и часто обсуждаемыми в экономической науке и практике. Данная проблематика обсуждается на научных и деловых площадках, имеет широкую представленность в работах отечественных ученых, политиков, практиков, подчеркивающих разрушительные последствия для российской экономики политики деиндустриализации, проводимой в условиях трансформации экономической системы России периода 1990-х гг. Среди авторов таких работ выделим известных российских ученых С. Д. Бодрунова [1], А. В. Бузгалина [10], Р. С. Гринберга [2], С. Ю. Глазьева [4], С. С. Губанова [6], Г. Б. Клейнера [9], Д. Е. Сорокина [2], А. И. Татаркина [14] и др.

Несмотря на то что большинство ученых и практиков поддерживают значимость и важность формирования неоиндустриальной политики государства в российской экономике, некоторые аспекты внутреннего содержания данной политики, приоритеты и механизмы реализации остаются до сих пор дискуссионными.

Так, концепция Г. Б. Клейнера обосновывает важность и необходимость реализации политики неоиндустриализации, которая должна преодолеть «кардинальное сокращение объема и уровня обрабатывающей промышленности, разрушение структуры отраслевой и корпоративной прикладной науки, снижение престижа и эффективности фундаментальной науки, а также разрушение системы институтов, обеспечивающих производственную деятельность экономики на уровне отраслей и предприятий» [9]. Такие тенденции в российской экономике обуславливают необходимость формирования политики неоиндустриализации, включающей систему мер, противодействующих негативным процессам в экономике, обеспечивающим эффективное соотношение между обновлением и инерцией.

Большинство авторов, поддерживающих политику неоиндустриализации, в частности С. Ю. Глазьев, делают акцент исключительно на промышленных базовых факторах, формирующих новые технологические уклады и отвечающих запросам новой экономической реальности, отодвигая на второй план социальную сферу экономики, науку, образование и культуру, играющие решающую роль в становлении промышленного производства на новом качественном уровне. Стратегия С. Ю. Глазьева включает опережающее становление нового технологического уклада на

условиях льготного и безлимитного кредитования тех отраслей экономики, которые соответствуют возможностям технологического и научного потенциала. В сырьевых отраслях он предлагает использовать технологии глубокой переработки, стимулировать рост инноваций и мегапроекты при поддержке эффективной монетарной политики [4].

Позиция С. Д. Бодрунова опирается на новые формы промышленной политики, базирующейся на активном включении государственных регуляторов в области налогов, кредитов и займов, выдвигая на передний план интеграцию высокотехнологического производства, науки и образования. Кроме того, по его мнению, реиндустриализация в России должна касаться качественных изменений в социально-экономической сфере экономики, а не только в сфере производства. Причем восстановление отечественной промышленности должно осуществляться на новой технологической базе в соответствии с вызовами четвертой промышленной революции и новым технологическим укладом. Модель технологического рывка в концепции С. Д. Бодрунова опирается на новые организационные формы производства и инвестиции в развитие человека как ключевого фактора прогресса [1].

В работах С. С. Губанова делается акцент на безальтернативности и крайней необходимости формирования и реализации эффективной политики неоиндустриализации российской экономики, включающей системные, общегосударственные и кадровые решения, налоговую политику, отвечающую критериям социальной справедливости, и всемерную поддержку отечественного промышленного и инфраструктурного капитала. Современная неоиндустриализация означает замещение трудоемкого труда машиноёмким и наукоёмким. С. С. Губанов предлагает проведение политики неоиндустриализации производительных сил вкупе с вертикальной интеграцией собственности, которая позволит сосредоточивать прибыль в отраслях обрабатывающей промышленности, а не в добывающих. Серьезным препятствием на пути неоиндустриализации он считает сложившуюся в национальной экономике России модель собственности на средства производства [6].

А. В. Бузгалин и А. И. Колганов, соглашаясь с позицией С. Ю. Глазьева и С. Д. Бодрунова в том, что российской экономике необходим переход к качественно новым производительным силам и производственным отношениям как ключевым

составляющим реализации стратегии опережающего развития, считают, что в ее основе лежат не только развитие высокотехнологичного материального производства, но и человеческие качества и связанные с этим приоритеты в области развития образования и науки. Таким образом, авторы утверждают, что индустриальный сектор является только условием для отраслей, занимающихся генерацией человеческого потенциала. Основной акцент промышленной политики делается на развитие ключевых отраслей общественного производства на новой технологической базе и изменение структуры экономики под развитие человеческих, а не вещных благ. Индустриальное производство, скорее, необходимо как одна из областей креативного производства [10].

Обратим внимание на подход А. И. Татаркина, который представляется нам достаточно значимым постольку, поскольку он под новой индустриализацией понимает одновременный процесс рождения новых высокотехнологичных производств на новой качественной основе традиционных секторов экономики, таким образом интегрируя политику модернизации и инновационного развития российской экономики. Успех проводимой политики автор видит в диверсификации компетенций между государством, государственными предприятиями и регионами, где располагаются промышленные компании, в целях оптимального распределения прав и обязанностей между указанными уровнями. Не менее важными для реализации системных задач политики новой индустриализации, по мнению автора, является создание налоговых, кредитных, организационных преференций. И, наконец, в качестве важного подкрепления целей неоиндустриализации необходим национальный программно-проектный план, служащий ориентиром для разработки региональных проектов и программ. Под приоритетные направления программы неоиндустриализации необходимо подвести подготовку и привлечение высококвалифицированных специалистов в области инноваций, а также расширение программ финансирования науки и образования системы экономики [14].

С позиции анализа происходящих трансформаций системные преобразования экономики проектируются на частные — отсюда слабость политики восстановительного роста и конкурентного развития российской экономики. Фактически, как показывают эмпирические данные, за последние годы экономических реформ 1990-х гг. объем про-

мышленного производства в России сократился более чем в два раза, а по некоторым производствам — в десятки раз. Так, производство гражданских самолетов сократилось в 15 раз, тракторов — в 30 раз, станков — в 34 раза [3, 15].

Данные табл. 1 свидетельствуют о неэффективности проводимой политики либерализации экономики в анализируемом периоде системных трансформаций, в результате реализации которой закрепилась стратегическая ориентация экономики на добычу ресурсов «природной кладовой». Отрасли добывающей промышленности понесли незначительные потери, а впоследствии получили всемерную поддержку со стороны государства. В большей степени пострадали (до 60 % объема производства) химическая, нефтехимическая и лесная промышленность.

Таблица 1

Сокращение объемов производства в ключевых отраслях отечественной промышленности в 1996 году по отношению к 1989 году [16]

Отрасль	Сокращение производства продукции, %
Электроэнергетика	80,7
Топливная промышленность	64,8
Химическая и нефтехимическая промышленность	40,7
Черная металлургия	54,8
Цветная металлургия	50,6
Лесная и лесоперерабатывающая промышленность	40,7
Легкая промышленность	13,4
Пищевая промышленность	47,5

Источник: составлено авторами по данным Росстата [13].

В легкой промышленности произошли практически масштабное сворачивание производства и переход оставшихся на плаву предприятий в частные компании, реализующие дизайнерские проекты иностранных производителей одежды. Разрушение промышленного ядра российской экономики сопровождалось институциональными деформациями, неэффективными нормами и ловушками развития, оппортунистическим поведением участников институционально-хозяйственного процесса [11, 12]. В табл. 2 приведена характеристика деструктивных преобразований в национальной экономике.

Таблица 2

Характеристика деструктивных преобразований в российской экономике [3, 8]

Форма экономического поведения участников деструкции	Способ извлечения полезного эффекта	Качество извлекаемых полезных эффектов	Позиция оцениваемых форм деструктивного поведения
Утилитарная	Через собственное потребление благ	Субъективная полезность	Подчиненная
Предприимчивая	Через извлечение дохода на капитал	Прибыль / доля в прибыли	Подчиненная
Поиск и извлечение ренты	Перераспределение доходов в пользу бенефициаров	Рентные доходы	Доминирующая
Внеэкономическая	Обслуживание интересов субъектов власти	Плата за лояльность и качественные услуги	Подчиненная
Внезаконное присвоение	Расхищение средств и результатов деятельности	Извлечение незаконных доходов	Доминирующая

Источник: составлено авторами по материалам исследования.

Результаты оценки деструктивных преобразований, представленных в табл. 2, показывают, что поведение участников данного процесса нацелено на поиск и извлечение рентных доходов, хищническое присвоение ресурсов и результатов деятельности путем закрепления доминирующих позиций в результате разгосударствления собственности, расхищения собственности по согласованным с покупателями ценам. Преобладание таких форм экономического поведения субъектов данного процесса привело к разрушению индустриального базиса отечественной системы экономики.

Приведем следующие данные. Сокращение станкостроения приводит к моральному и физическому износу материально-технической базы. Так, в 2009 г. в России было произведено 811 сверлильных и фрезерных станков, тогда как в Германии — 45 370, в Японии — 14 311, в Бразилии — 11 799 [2, 13]. Ухудшились качественные характеристики российской промышленности, что привело к структурным перекосам в пользу сырьевых отраслей. По объему добавленной стоимости в промышленности Россия переместилась с 8-го места в мире (1993 г.) на 12-е (2014 г.), занимая 1,9 % в мировом промышленном производстве [19].

Данные по агрегированной результативности инновационной деятельности в мире свидетельствуют о слабых позициях России: страна занимает 47-е место по данному показателю, уступая таким странам-лидерам, как Швейцария, Швеция, США, Нидерланды, Дания, Германия и др. По внутренним затратам на научные исследования и разработки Россия занимает лишь 10-е место в мире,

по доли расходов на НИОКР в 2020 г. — 11-е место (1,2 %), следуя за Кореей (4,1 %), Германией, США (3 %) и другими странами [13, 20].

Наряду с выше указанными факторами разрушения индустриального сектора национальной экономики выделим региональный. Вместе с сохранившимися индустриальными центрами России трудные времена переживают и регионы, некоторые из которых полностью лишились своей промышленности, выпускающей продукцию для отраслей сельхозмашиностроения, оборонной сферы, станкостроения, электроники и др. Последствия разрушения регионального индустриального ядра закрепили за многими регионами отстающие позиции по отношению к индустриальным центрам, сформировав депрессивный и деиндустриальный тип хозяйствования. Некоторые регионы России потеряли порядка 70 % объемов производства промышленной продукции. К таким регионам можно отнести Волгоградскую область, Краснодарский край, республики Северного Кавказа, моногорода и др. [7, 15, 21].

Приведенные выше результаты развития российской экономики все больше отодвигают Россию на периферийные позиции, приводят к стагнации, снижению спроса на высококвалифицированных работников и их творческий потенциал, увеличению «утечки мозгов» из страны. Так, по данным Росстата, отток человеческого капитала из страны составляет порядка 10–15 тыс. человек ежегодно [3, 8]. Представляется, что отток человеческого капитала связан с поиском эффективной капитализации последнего в той среде, где

существует запрос на него со стороны государственного и корпоративного капитала, ориентированного на повышение конкурентоспособности экономики в эпоху перехода к новому технологическому укладу и изменившемуся качеству экономических систем, характеризующегося как новая экономическая реальность. Выделим ряд аспектов новой экономической реальности.

Прежде всего следует учитывать: переход на качественно новый уровень технологического развития, происходящий в мире на протяжении нескольких лет; трансформацию форм ведения хозяйства, форм организации социально-экономических отношений и институтов; изменение роли государства в решении комплекса проблем, возникающих на данном этапе развития. Экономика России, как и мировая экономика, находится на этапе глубоких и динамичных перемен, начавшихся после мирового финансового кризиса 2008 г. и продолжающихся до сих пор. Период современных трансформаций предполагает разработку ключевых закономерностей развития, новой научной парадигмы, специальных стратегий экономической политики, учитывающих природу, особенности, возможности более высокого качественного состояния экономических систем. Развитие российской экономики находится на этапе формирования качественно новой экономической системы, адекватной качественно новым условиям социально-экономического и технологического развития. В данной ситуации требуется преодолеть накопившиеся проблемы и ограничения, вызванные процессами деиндустриализации отечественной экономики, неэффективностью прежних институтов и организационных форм, дестабилизацией системного качества связей на микро- и макроуровне. Важной задачей будущего развития системы экономики является экономический рост, опирающийся на инновационные факторы. Вызовы современных преобразований обращают внимание на необходимость разрешения накопившихся противоречий современного курса экономической политики государства и предложения нечто нового, соответствующего новой экономической реальности.

Российская экономическая политика, где доминирует направление, опирающееся на монетарную доктрину новой нормы, в которой эмиссия денег идет на операции с облигациями (антииндустриальная эмиссия), раздувает спекулятивные пузыри на финансовых и валютных рынках. Такая политика является антипромышленной, потому что снижает стимулы развития реального секто-

ра экономики и сдерживает условия проведения крупных научных исследований в области технологического и технического обеспечения производства, создает препятствия для работы крупных научных школ отечественной науки. Надо сказать, что тенденция торможения крупных научных исследований в области фундаментальной науки характерна не только для России, но развивается и по всему миру. Однако российскую науку это затрагивает напрямую и в большей степени. До сих пор в России слабо преодолена деиндустриализация экономики, поэтому переход к политике добычи и полной высокотехнологичной переработки сырья на собственных промышленных предприятиях затруднен, с тем чтобы выпускать наукоемкую продукцию с добавленной стоимостью и экспортировать на внешние рынки готовую продукцию [3, 6].

Необходима переориентация монетарной политики на старую норму, где эмиссия финансового капитала идет на финансирование капиталовложений в долгосрочные инфраструктурные проекты, реальные рабочие места, неоиндустриальные технологии, такие как высокоскоростной железнодорожный транспорт, цифровые технологии и цифровая инфраструктура, космическая связь, суперкомпьютерная и связанная с этим сеть сверхбыстрых вычислений, научно-исследовательская деятельность и опытно-конструкторские разработки, серьезное, базисное финансирование с соединением фундаментальной и прикладной науки, инжиниринг с длительным производственным циклом. Все ранее перечисленное позволяет сделать фундаментальный задел для развития промышленности и индустрии на ближайшую и будущую перспективу. Такие проекты должны финансироваться инвестиционной эмиссией. Спекулятивная же эмиссия маскирует базовые проблемы российской экономики, связанные с затуханием объемов ВВП, экономической динамики, с секвестрованием расходных статей государственного бюджета, сокращением людских ресурсов и оттоком высококвалифицированных специалистов за границу [4, 6].

Назрела объективная необходимость пересмотра действующей социально-экономической политики государства и потребность в создании фундаментальной основы для более эффективной политики, базирующейся на системном подходе и принципах неоиндустриализации.

Полученные выше результаты анализа процессов, происходящих в индустриальном секторе

Таблица 3

Ключевые предпосылки необходимости формирования политики неоиндустриализации и их характеристика

Объективный анализ ключевых предпосылок	Признаки и характеристики, на которые следует обратить особое внимание	Ключевые предпосылки
Объективный процесс ускорения технологических преобразований, происходящих в системе экономики	Результаты разрушения старого индустриального ядра указанной системы	Неблагоприятные последствия процессов деиндустриализации, происходящих в системе экономики в связи с переходом от командно-административного типа экономической системы к рыночной
Колебания рыночных и социально-экономических трансформаций в связи с утверждением экономики знаний	Преобразования, которые адекватны системе экономики, чтобы встроиться в данные процессы с наименьшими издержками	Формирование качественно нового индустриального ядра, соответствующего технико-технологическому потенциалу и социально-экономическим преобразованиям национальной экономики
Необходимость выбора верной научной парадигмы неоиндустриализации, позволяющей определить вектор формирования и реализации качественно новой политики неоиндустриализации	Специфика кризисных процессов в экономике, влияющих на направленность и темпы процесса неоиндустриализации	Критическая оценка выбора научной парадигмы неоиндустриализации в условиях современной кризисной ситуации

Источник: составлено авторами по материалам исследования.

русской экономики, а также результаты, опубликованные современными учеными и практиками в своих трудах, позволяют сформулировать ключевые предпосылки, необходимые для формирования политики неоиндустриализации [3, 6, 9, 17, 19]:

- ускорение технологических преобразований в системе экономики;
- колебание рыночных и социально-экономических трансформаций в связи с утверждением экономики знаний;
- выбор верной научной парадигмы неоиндустриализации, позволяющей определить вектор формирования и реализации качественно новой политики неоиндустриализации.

Исходя из указанных предпосылок, определим содержание признаков и характеристик формирования политики неоиндустриализации, на которые следует обратить особое внимание:

1) учитывая колебания рыночных и социально-экономических трансформаций, происходящих в связи с утверждением экономики знаний как качественно иной экономики, следует опираться на те преобразования, которые адекватны системе экономики, чтобы встроиться в данные процессы с наименьшими издержками;

2) учитывая процессы ускорения технологических преобразований в отечественной системе экономики, важно определить причины, масшта-

бы и результаты деиндустриализации данной системы;

3) при анализе и выборе научной парадигмы, на основе которой будет реализована современная теория и практика политики неоиндустриализации, важно учитывать специфику кризисных процессов в экономике, влияющих на направленность и темпы осуществления данных процессов.

В табл. 3 обобщены ключевые предпосылки формирования политики неоиндустриализации:

- неблагоприятные последствия процессов деиндустриализации, происходящих в экономике в связи с переходом от командно-административного типа системы к рыночной;
- острая необходимость формирования качественно нового индустриального ядра, соответствующего технико-технологическому потенциалу и социально-экономическим преобразованиям национальной экономики;
- критическая оценка выбора научной парадигмы неоиндустриализации в условиях современной кризисной ситуации.

Неблагоприятные последствия деиндустриализации русской экономики в переходный период системных преобразований проявили себя в самом начале рыночных преобразований и реставрации капитализма, их последствия накапливались по мере их закрепления, проявляясь в разрушении производственной базы, трансфор-

мации форм собственности, выбора источников прибыли, направленности стратегических ресурсов для развития экономики, которые не нашли адекватной научной парадигмы развития страны [6, 18].

Поскольку современные экономические системы в условиях цифрового взрыва и нарастания технологических преобразований в связи с переходом на новый технологический уклад показывают динамичные темпы развития экономик, российская экономика должна принимать меры к смене приоритетов: сформировать адекватную политику неоиндустриализации, ориентированной на реализацию инвестиционных проектов по развитию приоритетных производств в реальном секторе экономики; восстановить прикладные НИОКР; осуществлять стратегическое планирование и прогнозирование экономики на микро-, мезо- и макроуровне; проводить масштабную цифровизацию, воспроизводство креативного потенциала национальной экономики [3, 22].

Переход к политике неоиндустриализации в условиях новой экономической реальности предполагает ряд ключевых предпосылок и для этого следует принять во внимание системный подход.

Во-первых, необходима реализация бюджетной политики увеличения доходов неналоговыми мерами с опорой на промышленный капитал и высокотехнологичное производство.

Во-вторых, необходим переход к политике всемерной поддержки проектов с использованием ключевых факторов производства.

В-третьих, нужно исключить все источники макроэкономических потерь, в том числе и нецелевое использование бюджетных средств.

В-четвертых, назрела острая необходимость увеличения расходов государственного бюджета на НИР и НИОКР.

В-пятых, необходимо использование возможностей стратегирования системы целей и координации всего контура управления на разных институциональных уровнях принятия и исполнения решений.

В-шестых, необходима полномасштабная цифровизация промышленных отраслей и экономики страны в целом.

В-седьмых, следует создавать благоприятные и конкурентные условия для воспроизводства креативного потенциала в национальной экономике.

Вместе с тем предложенные инструменты не являются исчерпывающими, шаги правительства в области неоиндустриализации экономики должны быть адекватными, отвечающими запросам нового времени, рынка, бизнеса и общества, направленными на восстановление промышленности и экономики на новом качественном уровне и в соответствии с новой экономической реальностью.

Список литературы

1. Бодрунов С. Д. Реиндустриализация в условиях новой технологической революции: дорога в будущее // *Управленец*. 2019. Т. 10, № 5. С. 2–8.
2. Бодрунов С. Д., Гринберг Р. С., Сорокин Д. Е. Реиндустриализация российской экономики: императивы, потенциал, риски // *Экономическое возрождение России*. 2013. № 1 (35). С. 8–18.
3. Брижак О. В. Конформирование корпоративного капитала в условиях системных социально-экономических преобразований : монография. Краснодар, 2018. 302 с.
4. Глазьев С. Ю. Причины кризиса и возможности его преодоления / Интеграция производства, науки и образования и реиндустриализация российской экономики : сб. материалов Междунар. конгресса «Возрождение производства, науки и образования в России: вызовы и решения». М. : Ленанд, 2015. 464 с.
5. Альпидовская М. Л., Бобков В. Н., Брижак О. В. Глобальное мирохозяйство: проблемы и противоречия. М. : Проспект, 2021. 416 с.
6. Губанов С. С. Державный прорыв. Неоиндустриализация России и вертикальная интеграция. М. : Книж. мир, 2012. С. 23–78.
7. Иншаков О. В. Развитие эволюционного подхода в стратегии модернизации региона и макрорегиона. Волгоград : ВолГУ, 2009.
8. Кагарлицкий Б. А. Периферийная империя. М. : Ультра-Культура, 2004.
9. Клейнер Г. Б. Реиндустриализация, ресайентизация, реинституционализация — ключевые задачи экономического возрождения России // *Экономическое возрождение России*. 2015. № 4 (46). С. 34–39
10. Колганов А. И., Бузгалин А. В. Реиндустриализация как ностальгия? Теоретический дискурс // *Социс*. 2014. № 1 (357). С. 80–94.

11. Никонова А. А. Системные проблемы и эволюция институциональных условий для инноваций в России // Экономическое возрождение России. 2021. № 2 (68). С. 146–164.
12. Нуреев Р. М. Периферия мирового хозяйства // Terra economicus. 2014. Т. 12, № 1. С. 30–59.
13. Федеральная служба государственной статистики (Росстат) : сайт. URL: <http://rosstat.gov.ru> (дата обращения: 04.07.2021).
14. Татаркин А. И. Новая индустриализация экономики России: потребность развития и / или вызовы времени // Экономическое возрождение России. 2015. № 2 (44). С. 20–31.
15. Ханин Г. И., Фомин Д. А. Экономический кризис 2010-х гг. в России: причины, последствия, пути выхода // Terra economicus. 2014. № 4. С. 15–32.
16. Экономика переходного периода: Очерки экономической политики посткоммунистической России. М. : ИЭ ППП, 1998.
17. Shinkevich A. I., Kudryavtseva S. S., Chikisheva N. M., Korotun O. N. et al. Scientific and Technical Potential of Russia as a Factor of Economic Growth in the Knowledge Economy // International Journal of Environmental and Science Education. Vol. 12, iss. 1 (2017). Pp. 47–56.
18. Barkhatov V., Benz D., Pletnev D. Trust in the russian economy and business environment // E3S Web of Conferences. 8. Ser. Innovative Technologies in Science and Education, ITSE 2020. 2020. P. 13013.
19. Brizhak O., Klochko E., Adamenko A. Neoindustrial paradigm of russian corporations integration into the economy system under the conditions of transition to the sixth technological order // Lecture Notes in Networks and Systems. 2020. Vol. 111. Pp. 619–626.
20. Cornell University, INSEAD, and WIPO 2020. The Global Innovation Index 2020. URL: <https://issek.hse.ru/news/396120793.html> (дата обращения: 04.04.2021).
21. Dyrdonova A. N., Shinkevich A. I., Fomin N. Y., Andreeva E. S. Formation and development of industrial clusters in the regional economy // Espacios. 2019. Vol. 40, no. 1. Pp. 21–28.
22. Pletnev D., Kazadayev M., Barkhatov V. Human capital in russian power generating corporations // E3S Web of Conferences. Key Trends in Transportation Innovation, KTTI 2019. 2020. P. 04028.

Сведения об авторах

Брижак Ольга Валентиновна — доктор экономических наук, доцент, профессор Департамента экономической теории Финансового университета при Правительстве Российской Федерации, Москва, Россия. brizhak71@mail.ru

Толстобок Олег Николаевич — кандидат технических наук, доцент кафедры управления и экономики Института развития дополнительного профессионального образования, Москва, Россия. tolstobokov@yandex.ru

Bulletin of Chelyabinsk State University.
2021. № 10 (456). Economic Sciences. Iss. 74. Pp. 9–17.

NEOINDUSTRIALIZATION POLICY IN THE CONTEXT OF THE NEW ECONOMIC REALITY

O. V. Brizhak

Finance University under the Government of the Russian Federation, Moscow, Russia. brizhak71@mail.ru

O. N. Tolstobokov

Institute for the Development of Continuing Professional Education, Moscow, Russia. tolstobokov@yandex.ru

The article reveals the importance and relevance of the implementation of the policy of neo-industrialization in the Russian economy in the context of the new economic reality. The authors analyzed the current state of the domestic industry for the period of transformational transformations and market fluctuations, assessed the scientific, production and innovation potential of the Russian economy. The authors substantiated the request from science and practice for the formation of a neo-industrialization policy, and offered recommendations on the choice of strategic priorities for the state's industrial policy focused on neo-industrialization. The study

was carried out using the resources of the systemic economy, the knowledge economy, institutional economics, the dialectic method, the reproductive approach, the comparative analysis method, the empirical method.

Keywords: *neoindustrialization policy, domestic industry, economic development, strategic priorities, transformations, new economic reality.*

References

1. Bodrunov S. D. (2019) *Upravlenets*. vol. 10, no. 5, pp. 2–8 [in Russ.].
2. Bodrunov S. D., Grinberg R. S., Sorokin D. E. (2013) *Economicheskoe vrozozhdenie Rossii*, no. 1 (35), pp. 8–18 [in Russ.].
3. Brizhak O. V. (2018) *Konformirovaniye korporativnogo kapitala v usloviyakh sistemnykh sotsial'no-ekonomicheskikh preobrazovaniy* [Conforming corporate capital in the context of systemic socio-economic transformations]. Krasnodar, 302 p. [in Russ.].
4. Glazyev S. Yu. (2015) *Prichiny krizisa i vozmozhnosti yego preodoleniya* [Causes of the crisis and the possibility of overcoming it. Integration of production, science and education and the reindustrialization of the Russian economy: Collection of materials of the international congress «Revival of production, science and education in Russia: challenges and solutions»]. Moscow, 464 p. [in Russ.].
5. Alpidovskaya M. L., Bobkov V. N., Brizhak O. V. (2021) *Global'noye mirokhozaystvo: problemy i protivorechiya* [Global World Economy: problems and contradictions]. Moscow, 416 p. [in Russ.].
6. Gubanov S. S. (2012) *Derzhavnyy proryv. Neoindustrializatsiya Rossii i vertikal'naya integratsiya* [Sovereign breakthrough. Neo-industrialization of Russia and vertical integration]. Moscow, pp. 23–78 [in Russ.].
7. Inshakov O. V. (2009) *Razvitiye evolyutsionnogo podkhoda v strategii modernizatsii regiona i makroregiona* [Development of an evolutionary approach in the strategy of modernization of the region and macroregion]. Volgograd [in Russ.].
8. Kagarlitsky B. A. (2004) *Periferiynaya imperiya* [Peripheral empire]. Moscow [in Russ.].
9. Kleiner G. B. (2015) *Economicheskoe vrozozhdenie Rossii*, no. 4 (46), pp. 34–39 [in Russ.].
10. Kolganov A. I., Buzgalin A. V. (2014) *SOCIS*, no. 1 (357), pp. 80–94 [in Russ.].
11. Nikonova A. A. (2021) *Economicheskoe vrozozhdenie Rossii*, no. 2 (68), pp. 146–164 [in Russ.].
12. Nureyev R. M. (2014) *Terra economicus*, vol. 12, no. 1 [in Russ.].
13. Federal'naya sluzhba gosudarstvennoy statistiki (Rosstat) [The Federal State Statistics Service (Rosstat)]. Available at: <http://rosstat.gov.ru>, accessed 04.07.2021 [in Russ.].
14. Tatarin A. I. (2015) *Economicheskoe vrozozhdenie Rossii*, no. 2 (44), pp. 20–31 [in Russ.].
15. Khanin G. I., Fomin D. A. (2014) *Terra economicus*, no. 4 [in Russ.].
16. (1998) *Ekonomika perekhodnogo perioda: Ocherki ekonomicheskoy politiki postkommunisticheskoy Rossii* [The Economy in Transition: Essays on the Economic Policy of Post-Communist Russia]. Moscow [in Russ.].
17. Shinkevich A. I., Kudryavtseva S. S., Chikisheva N. M., Korotun O. N. et al. (2017) *International Journal of Environmental and Science Education*, vol. 12, iss. 1, pp. 47–56.
18. Barkhatov V., Benz D., Pletnev D. (2020) *E3S Web of Conferences*. 8. Ser. Innovative Technologies in Science and Education, ITSE 2020, p. 13013.
19. Brizhak O., Klochko E., Adamenko A. (2020) *Lecture Notes in Networks and Systems*, vol. 111, pp. 619–626.
20. Cornell University, INSEAD, and WIPO 2020. The Global Innovation Index 2020, available at: <https://issek.hse.ru/news/396120793.html>, accessed 04.04.2021.
21. Dyrdonova A. N., Shinkevich A. I., Fomin N. Y., Andreeva E. S. (2019) *Espacios*, vol. 40, pp. 21–28.
22. Pletnev D., Kazadayev M., Barkhatov V. (2020) Human capital in russian power generating corporations. *E3S Web of Conferences*. Key Trends in Transportation Innovation, KTTI 2019, p. 04028.

МИРОВАЯ, НАЦИОНАЛЬНАЯ И РЕГИОНАЛЬНАЯ ЭКОНОМИКА

WORLD, NATIONAL AND REGIONAL ECONOMY

Вестник Челябинского государственного университета.
2021. № 10 (456). Экономические науки. Вып. 74. С. 18–27.

УДК 331.556+332.1

DOI 10.47475/1994-2796-2021-11002

ББК 65.240.7+65.04

ВИЗУАЛИЗАЦИЯ ДИНАМИКИ РЕГИОНАЛЬНОЙ МИГРАЦИИ И ПРОСТРАНСТВЕННОЙ ТРАНСФОРМАЦИИ НА ПРИМЕРЕ ЧЕЛЯБИНСКОЙ ОБЛАСТИ

С. С. Гордеев

*Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации,
Челябинский филиал, Челябинск, Россия*

Работа выполнена при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта № 19-010-00964
«Моделирование и визуализация сценариев пространственного развития трансграничного макрорегиона
на примере Урала и Северного Казахстана»

В условиях нестабильной региональной динамики и трансформации территорий вопросы пространственного сжатия требуют особого внимания при решении все более значимых проблем устойчивого развития. В статье построение моделей трансформации рассмотрено на примере исследования миграционной динамики Челябинской области — одного из ведущих индустриально развитых территориальных образований Урала. Многоуровневый анализ значений сальдо миграции и построение соответствующих моделей связано с обновлением ряда методических основ исследования региональной динамики и с адаптацией инструментария визуализации — проблемно-ориентированной обработки цифровой и графической информации. По результатам классификации территорий, наряду с моделями роста и сжатия, предлагается сформировать особый промежуточный класс моделей «пространственной реконструкции».

Ключевые слова: *пространственное развитие, миграция, регион, модели, анализ, визуализация.*

Взаимосвязь проблем отрицательной миграции, устойчивости развития и пространственного сжатия

В условиях разнообразия экономических, социальных и экологических перемен последнего времени число проблем устойчивого развития (sustainable development) существенно возрастает. Для социально-экономических систем проблематика устойчивого развития традиционно связана с проблемами роста и базируется на очевидном утверждении — замкнутая система при ограниченности ресурсов не может расти бесконечно. Исторически унаследованная траектория развития традиционно связана с пределами роста. Пределы роста таких систем обусловлены ограниченностью основных ресурсов жизнеобеспечения (D. H. Meadows, D. L. Meadows... The Limiting to Growth. N. Y., Potomac, 1974) и требованием удовлетворения потребностей без ущерба для возможностей будущих поколений (Commission

on Environment and Development (Our Common Future. UN, N. Y., 1987).

Вместе с тем по мере проявления глобальных проблем роста — «расширения» систем — на региональном уровне весьма явно проявляются проблемы неоднородной пространственной трансформации в форме пространственного сжатия. Пространственное сжатие региональных систем (далее — сжатие) рассматривается как противоположность роста. В более сложных ситуациях траектории развития региональных сложных многоуровневых систем определяются составляющими как расширения (разнонаправленного преимущественно экстенсивного роста), так и сжатия, а также более сложных форм трансформации (частичного сжатия и асимметричного роста).

Траектории развития пространственных систем определяются рядом ключевых социально-экономических факторов. Рост в социально-экономических системах традиционно связан с ростом чис-

ленности населения. Именно в рамках концепции роста численности населения традиционно рассматриваются траектории устойчивого глобального развития и ограничения для региональных систем. Для соответствующих сценариев роста сбалансированного (пропорционального по основным параметрам) традиционно формируются базовые системы показателей. Далее определяются прогнозы развития основных параметров устойчивого развития регионального уровня [5, 6, 12].

В настоящее время в России все более заметны региональные тренды снижения численности населения. Вне зависимости от причин возникновения подобные тренды далее определяют перспективы развития многих территорий. Помимо проблемных демографических факторов в регионах России все более очевидны не менее проблемные факторы межрегиональной миграции. Для подобных региональных систем неизбежны сценарии «частичного сжатия и асимметричного роста» с иными требованиями к моделям развития.

При рассмотрении региона как сложной неоднородной системы в условиях принципиально новой динамики преимущественно оттока населения (взамен традиционного роста) неизбежно затрагивается ряд основ развития региональных социально-экономических систем [9, 10]. В таких условиях неизбежно меняются методические положения формирования моделей. Далее неизбежно обновляется инструментарий исследования. Все подобные изменения в статье рассматриваются на примере противоречивой пространственной миграции населения Челябинской области. У сложной системы ведущего индустриально развитого регионального образования Урала рассматривается множество неоднородных территорий городских округов и муниципальных районов.

Построение моделей ограниченного асимметричного сжатия — оценки трансформации при падении численности населения

Традиционно решение задач регионального устойчивого развития связано с рассмотрением различных аспектов устойчивости и взаимодействия множества социальных, экологических и экономических факторов. Для сложных неоднородных региональных социально-экономических систем с проблемной динамикой численности населения, ключевые аспекты исследования устойчивого развития меняются. Принципиальным становится детальное исследование процессов *огра-*

ниченного пространственного сжатия. Данное концептуальное изменение означает переход от многомерных моделей *общего разнонаправленного развития (роста)* к более сложным моделям *ограниченного асимметричного сжатия — трансформации*.

При подобной смене моделей в первую очередь принципиально меняется система ограничений и приоритетов развития. Помимо пределов роста (ограничений по росту потребления ограниченных ресурсов) в таких случаях рассматриваются *пределы непропорционального сжатия — падение значений параметров до границы перехода системы в зону бифуркации (потери устойчивости)*. В данном случае бифуркация означает потерю пропорций сбалансированности между основными социально-экономическими параметрами.

При выходе на пределы роста социально-экономическая динамика процессов неизбежно замедляется. В условиях сжатия, при переходе в зону бифуркации, с разрушением социально-экономических пропорций динамика падения может существенно ускориться. Например, в случае существенного роста миграции и быстрого снижения численности населения могут обостриться проблемы содержания избыточных объектов социальной сферы (вплоть до их ликвидации с резким падением показателей качества жизни).

В данном случае неизбежно возникает проблема определения предела падения (противоположность пределу роста) — *нового уровня сбалансированного функционирования системы*. Подобное развитие систем связано с исследованием сложных нелинейных зависимостей и выхода на некоторые равновесные состояния в рамках исследования нелинейной динамики [15]. В исследованиях таких процессов важны междисциплинарные основы развития неравновесных структур в рамках «философии нестабильности» И. Пригожина [2].

Модели устойчивого развития регионов неизбежно отличаются от моделей более масштабных глобальных систем. Для территорий (городов и районов) сложной неоднородной региональной системы модели развития системы могут принципиально различаться. Переход территорий от динамики притока к динамике оттока населения предполагает смену моделей устойчивого развития. Такие модели существенно различаются по ограничениям, приоритетам и требованиям к сбалансированности основных социально-экономических параметров. Многообразие простран-

ственных преобразований обуславливает необходимость использования многих типов моделей.

Модели развития отдельных территорий сложных неоднородных региональных систем, несмотря на общность положений [7, 8], принципиально различаются [3]. В условиях подобного многообразия моделей выбор сценария развития определяется *в рамках классификации территорий по различию ключевых определяющих трендов региональной динамики*. Основы для классификации связаны с адаптацией ряда аспектов системного для анализа развития территорий (с рассмотрением: изменчивости трендов оттока населения, нелинейности, недостатка информации и др.).

Существенные различия трендов динамики численности в рассматриваемых условиях определяют классификацию территорий. Характер динамики притока и оттока населения становится *одним из ключевых признаков, определяющих классификацию территорий*. Рассматриваемая далее разница между притоком и оттоком населения — *сальдо миграции* — является одним из наиболее существенных факторов, определяющих изменение численности населения. Также этот показатель выступает одним из наиболее ярких индикаторов благополучия и социальной привлекательности территории.

Рассматриваемые операции анализа и классификации связаны с адаптацией средств визуализации и расширением сферы применения информационных технологий. Визуализация предполагает использование проблемно ориентированных технологий формирования графической информации в особых форматах на базе соответствующих цифровых характеристик (оценок). Агрегирование неоднородной информации и визуализация обеспечивают формирование специфических аналитических графических (точнее, комбинированных графическо-цифровых аналитических) моделей. Подобные графические модели характеризуют региональную систему как совокупность территориальных объектов на разных уровнях абстрагирования. Такие модели лучше традиционных цифровых отражают не полностью формализуемые закономерности. Визуализация характеристик территорий в подобном случае повышает информативность классических цифровых оценок.

Для рассматриваемых моделей трансформации появление угроз нелинейного спада и бифуркации *предполагает переход к двумерной оценке сальдо миграции*. К обычной оценке линейной функции

динамики миграции добавляется оценка скорости изменений самой функции (производной в понятии дифференциального исчисления). Оценка угроз регионального развития предполагает:

- на первом уровне — оценку текущей миграции территорий, сопоставление трендов относительно медианных значений и друг друга (характеристика динамики миграции по территориям);
- на втором уровне — оценку скорости изменения миграции территорий, скорость изменения динамики миграции в данной точке траектории (характеристика изменчивости динамики миграции по территориям: ускорение, замедление).

Подобные две группы оценок формируются в рамках соответствующих проблемно ориентированных алгоритмов ранжирования всей совокупности территорий. Оценка характеристик по двум рассмотренным критериям становится основой классификации территорий.

Исследования по классификации территорий неоднородной региональной системы связаны с организацией многоэтапной процедуры анализа. Организация подобной проблемно ориентированной процедуры предполагает обновление основ анализа в рамках методологии «мягких систем» — применения системного мышления к несистематическим ситуациям [13]. В данной методологии специфика процедуры анализа во многом определяется как первичными характеристиками рассматриваемых территорий, так и промежуточными результатами, позволяющими оперативно корректировать последующие этапы исследования. Разнообразие вариантов процедуры анализа и классификации сложных региональных систем велико. Ниже представлено использование рассмотренных основ и соответствующего инструментария визуализации на примере исследования динамики миграции населения городских округов и муниципальных районов Челябинской области.

Оценка динамики миграции населения и классификации пространственного сжатия территорий Челябинской области

В многоэтапной процедуре исследования пространственного сжатия по динамике миграции населения с классификацией территорий Челябинской области рассматриваются четыре основных этапа анализа пространственных трансформаций:

1. Определение ключевых характеристик динамики миграции важнейших территорий (идентификация спада и точек поворота траектории, оценка трендов на участках траектории).

2. Анализ текущих значений сальдо миграции по территориям.

3. Анализ изменчивости (текущих приращений) сальдо миграции (скорости изменения: ускорения — замедления по территориям).

4. Обобщающая классификация неоднородного множества территорий по двумерной оценке динамики (оценки величины и изменчивости сальдо миграции).

Из-за неоднородности территорий основные закономерности в наиболее значимых результатах по этапам представлены далее в графическом формате.

Этап 1. Определение ключевых характеристик миграционных процессов: идентификация динамики спада и точек поворота, оценка трендов (на траектории динамики миграции крупнейших городов региона). Подобные города, как традиционные центры «притяжения» населения, во многом определяют общую региональную динамику.

«Разворот» — смена трендов сальдо миграции с роста на падение — для территорий во многом индивидуален. Он идентифицируется по очевидным признакам «поворота» и смены трендов (в рамках анализа проблемно ориентированных графиков динамики миграции).

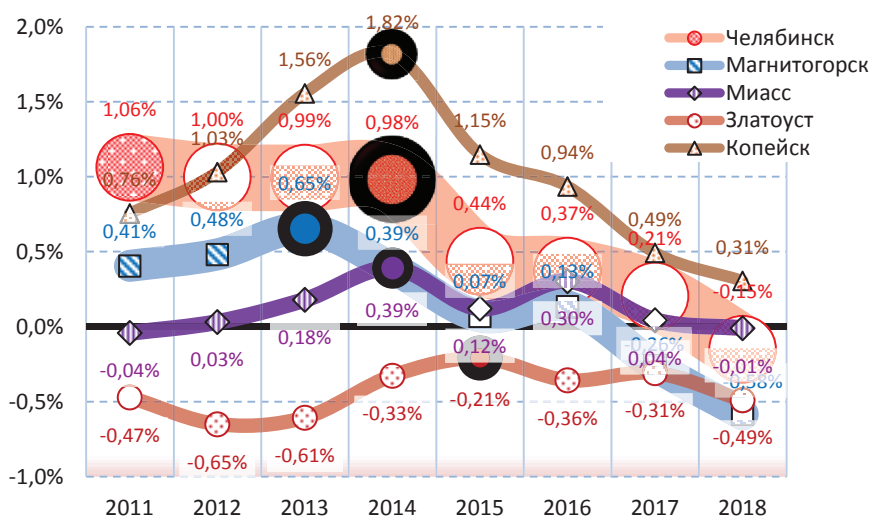

Рис. 1. Идентификация точек поворота траектории динамики миграции: приток (отток) населения крупнейших городов Челябинской области (в процентах от численности населения)¹

Источник: составлено автором по данным Росстата.

На рис. 1 отражена динамика сальдо миграции пяти крупнейших городов Челябинской области в процентах от их численности (здесь и далее данные Росстата). Толщина линий временных рядов пропорциональна численности населения городов Челябинск, Магнитогорск, Златоуст, Миасс, Копейск (тыс. человек, 2018 г.). Точки резкой смены «перелома» трендов на отток населения выделены (см. выделенный круг). Становление негативных тенденций миграции ведущих территорий является первой из предпосылок перехода к моделям ограниченного асимметричного сжатия — трансформации.

Оценки динамики негативных миграционных трендов (см. рис. 2) указывает на смену перспективных приоритетов и смещение городов в зону отрицательного сальдо миграции. Негативные тренды миграции даже у крупнейших региональных агломерационных центров (мегаполис Челябинск и Магнитогорск) нетипичны для подобных городов (даже на фоне проблемных демографических тенденций России). Стабильность трендов снижения (с высокой достоверностью аппроксимации — более 0,9) однозначно указывает на перспективы «миграционной ямы» и дальнейшей потери населения крупнейшими городами региона в ближайшие годы.

Этап 2. Анализ текущих значений сальдо миграции по территориям позволяет получить характеристику различий текущей динамики миграции по всему множеству муниципальных об-

¹Здесь и далее данные Росстата: База данных показателей муниципальных образований // Федеральная служба государственной статистики. <https://www.gks.ru/dbscripts/munst/munst75/DBInet.cgi#1> (дата обращения: 15.10.2021).

разований (по значениям 2018 г.). Распределение территорий при ранжировании по величине сальдо миграции представлено на диаграмме (рис. 3). На рис. 3 группы разделены границами, а стрелки указывают направления изменений. Большинство значений сальдо миграции находится в отрицательной зоне. Очевидно, что подобное распределение отражает текущую региональную ситуацию, при которой к числу проблемных относится половина территорий.

Следует отметить нелинейность и асимметричность распределения значений (для анализа

на диаграмме представлены аппроксимации распределения: линейная и полиномиальная третьей степени). Отмеченные различия предопределяют основы для деления множества территорий на три группы (по критерию «приток — отток населения» относительно медианы «середины» для множества значений в распределении). Среди них:

- благоприятная группа территорий (сальдо выше или около нуля при росте или стабилизации численности);
- относительно нейтральная группа территорий, ограниченных негативными последствиями

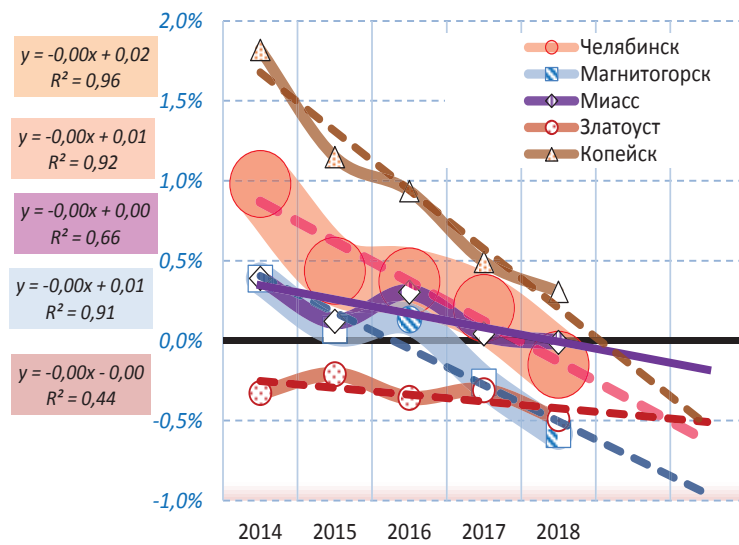

Рис. 2. Становление отрицательных трендов: сальдо миграции (в процентах от численности населения) после поворота траектории динамики крупнейших городов Челябинской области

Источник: составлено автором по данным Росстата.

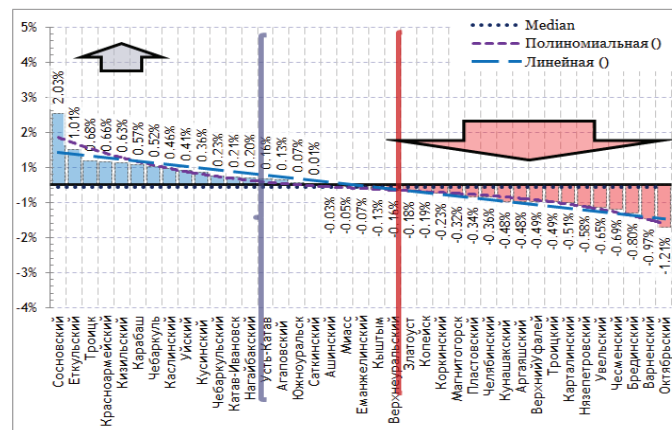

Рис. 3. Масштабы миграции: распределение территорий по критерию величины текущего сальдо миграции, аппроксимации распределения (линейная и полиномиальная третьей степени), признаки классификации муниципалитетов на три неоднородные группы

Источник: составлено автором по данным Росстата

миграции (отрицательное сальдо от нуля до медианы при ограниченном спаде);

- проблемная группа территорий существенной миграции (отрицательное сальдо ниже медианы).

Этап 3. Анализ изменчивости (текущих приращений) сальдо миграции по территориям при оценке ускорения (замедления) обеспечивает более точную характеристику перспектив. Ранжирование всех территорий по приращению сальдо миграции в 2018 г. приведено на рис. 4. Наложение негативных характеристик — отрицательное ускорение (замедление) в случае уже отрицательного сальдо миграции — указывает на угрозу быстрого ухода территории в зону «сжатия» и необратимых социально-экономических последствий.

Представленное распределение (по величине изменений) более однородное нежели предшествующее (по величине сальдо). Эмпирические оценки такого распределения определяют классификацию всех территорий региона на три сравнительно однородные по масштабам изменений группы:

- территории улучшения динамики;
- сохранения текущих трендов (околонулевые изменения 0,1–0,2 %);
- территории ухудшения динамики.

Следует отметить, что ни один из рассматриваемых пяти крупнейших городов не попал в группу территории улучшения динамики. Это указывает на существенные скрытые региональные проблемы.

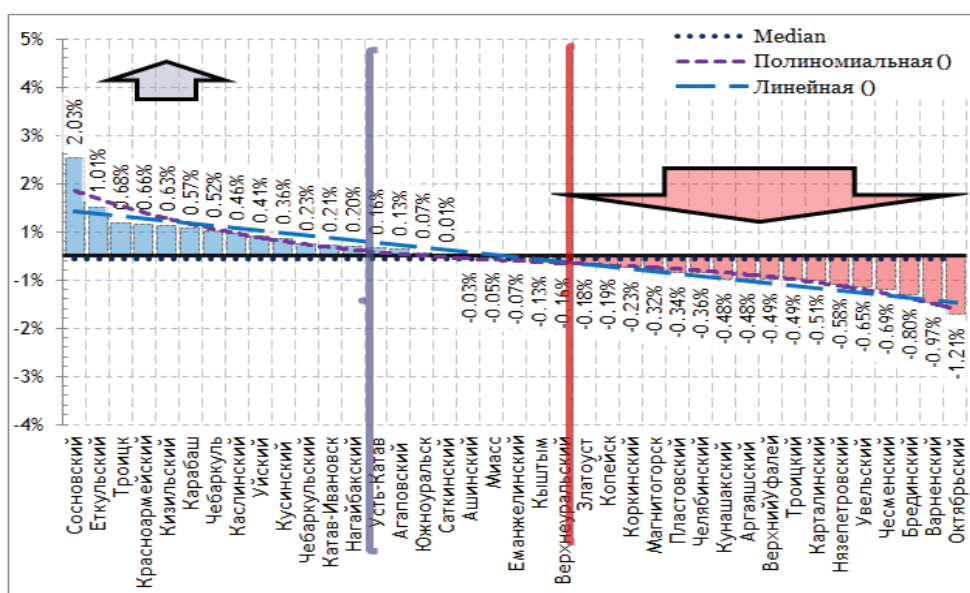

Рис. 4. Изменчивость миграции: распределение территорий по критерию приращения сальдо миграции, линейная аппроксимация распределения, признаки классификации муниципалитетов на три группы

Источник: составлено автором по данным Росстата.

Этап 4. Обобщающая классификация множества территорий различного масштаба по двумерной оценке динамики (по значению и скорости изменения сальдо миграции) интегрирует результаты предшествующих этапов исследования (см. рис. 5). Оценка характеристик миграции в аспекте «текущие состояние и направления перемен» увязана с масштабом перемен (пропорционально численности населения по муниципалитетам). На двумерной диаграмме площадь элементов диаграммы пропорциональна численности населения, а расположение отражает параметры динамики миграции.

В двумерной системе оценок:

- положительные значения сальдо миграции (по вертикали) указывают на принадлежность территории к группе «развития», отрицательные значения, наоборот, на принадлежность к группе «сжатия»;
- положительные значения, приращение сальдо миграции (смещение по горизонтали) указывают на принадлежность территории к зоне «роста перспектив», отрицательные значения, наоборот, указывают на принадлежность к группе «падения перспектив».

На рисунке в двумерной системе координат дополнительно отмечены:

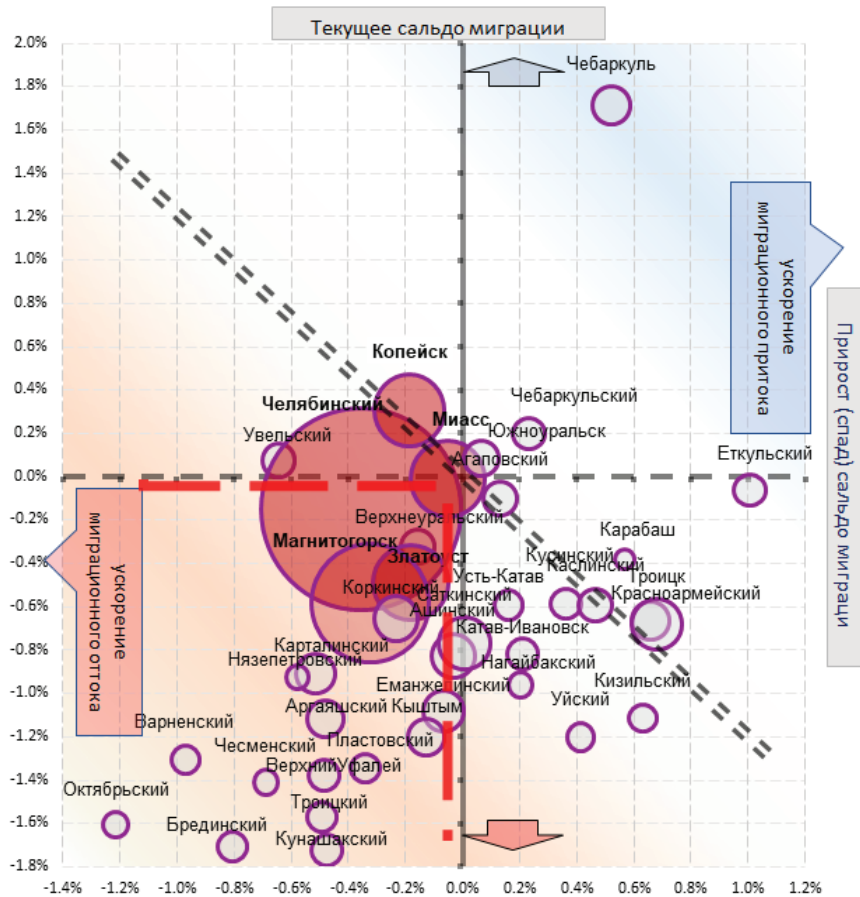

Рис. 5. Обобщающая классификация неоднородного множества территорий по двумерной оценке динамики (по значению скорости изменения сальдо миграции) с выделением отдельных групп территорий

Источник: составлено автором по данным Росстата

- проблемная зона для территории с обеими отрицательными характеристиками — ухудшающегося отрицательного сальдо миграции (нижний левый квадрант, ограниченный линиями). Именно в такую проблемную зону попадает большинство территорий Челябинской области, включая крупнейшие города;
- нейтральная зона (с точки зрения двух критериев), размещенная относительно диагонали;
- группа крупнейших городов (Челябинск, Магнитогорск, Миасс, Копейск), выделенных заливкой.

Интеграция информации на диаграмме в графическом формате обеспечивает основу для последующего многомерного анализа и классификации территорий, выбора той или иной модели, параметров и приоритетов.

Модели «пространственной реконструкции» и управление преобразованием территорий

Специфичность развития Челябинской области во многом определяет проблемы миграционной

динамики и остроту противоречий. Результаты исследования характеристик неоднородной динамики притока и оттока населения из множества муниципальных районов и городских округов Челябинской области позволяют обновить ряд положений эффективного устойчивого развития для подобных региональных систем.

По результатам обобщающей классификации результатов исследований становится очевидным, что наряду с моделями роста и моделей сжатия для значительного числа территорий необходимо рассматривать некоторый промежуточный класс моделей, которые можно отнести к моделям «пространственной реконструкции». Сценарии «пространственной реконструкции» очевидны для подавляющего числа небольших муниципальных образований Челябинской области, включая основные города. Общие моменты и приоритеты задач пространственной реконструкции во многом определяются по результатам классификации территории, в том числе тем, относятся они к проблемной или пограничной зоне. Таким обра-

зом, устойчивое развитие региональных систем с проблемной динамикой следует рассматривать в рамках взаимосвязанной системы из трех классов моделей социально-экономического развития территорий, со своей спецификой решения задач пространственной реконструкции. Подобная дифференциация открывает новые возможности в решении задач перспективного пространственного развития.

Появление нескольких классов моделей позволяет детально рассмотреть специфику асимметричного пространственного развития. В рамках моделей пространственной реконструкции (противоречивых асимметричных преобразований) появляется больше возможностей для детального исследования многих, прежде выпадавших из рассмотрения факторов. Среди них: проблемы «эффекта колеи» (path dependence), ухода от предшествующей траектории [4, 11], изменений территориальных взаимосвязей в формате «центр — периферия» [1], деформации пространственной структуры при росте мобильности и агломерационных процессов [14].

Возможности практического использования результатов исследования далее связаны дета-

лизацией приоритетов пространственного развития и целей преобразования городской среды. Корректировка приоритетов и целей развития неизбежно отражается на многих аспектах регионального зонирования. Дополнительные перспективы связаны с рассмотрением вопросов синергии проектных решений (прежде всего инфраструктурных) и роста качества жизни населения.

Рассмотренные в исследовании основные закономерности пространственной трансформации и элементы инструментария, во многом универсальны и легко адаптируются для исследования многих неоднородных региональных систем со сложной структурой и противоречивой внутренней динамикой. Подобные прикладные исследования открывают новые возможности развития технологий многомерного анализа с использованием средств визуализации. Апробация нового инструментария способствует расширению границ исследований. Сюда добавляются качественно новые направления исследований взаимосвязанных социальных, экологических и экономических процессов.

Список литературы

1. Бархатов В. И., Плетнев Д. А., Капкаев Ю. Ш. Центры и периферия Урала и Поволжья в условиях «новой нормальности» // Социум и власть. 2019. № 5 (79). С. 65–83.
2. Васильева Л. Н. Наследие И. Р. Пригожина и социальные науки // Социологические исследования. 2009. № 6. С. 28–37.
3. Гордеев С. С. Визуализация в системе моделей пространственного развития: на примере трансграничной территории Урала и северного Казахстана // Научный ежегодник Центра анализа и прогнозирования. 2019. № 1 (3). С. 9–29.
4. Гордеев С. С., Зырянов С. Г., Подопригора А. В. «Эффект колеи» в развитии социально-экономического пространства региона. Ч. 2: Кризисная трансформация «эффекта колеи» и ее последствия для Челябинской области // Социум и власть. 2020. № 1 (81). С. 30–43.
5. Зубаревич Н. В. Стратегия пространственного развития: приоритеты и инструменты // Вопросы экономики. 2019. № 1. С. 135–145.
6. Зырянов С. Г., Гордеев С. С., Понькина А. О. Интеграционные приоритеты пространственного развития муниципальных образований в условиях формирования цифровой экономики // Научный ежегодник Центра анализа и прогнозирования. 2018. № 2. С. 9–18.
7. Клейнер Г. Б. Государство — регион — отрасль — предприятие: каркас системной устойчивости экономики России. Ч. 1: Экономика региона. 2015. № 2. С. 50–52.
8. Клейнер Г. Б. Государство — регион — отрасль — предприятие: каркас системной устойчивости экономики России. Ч. 2: Экономика региона. 2015. № 3. С. 9–17.
9. Козлова О. А., Макарова М. Н. Оценка адаптации населения к изменениям условий жизнедеятельности с позиции конвергенции региональных систем расселения // Экономика региона. 2020. Т. 16, вып. 1. С. 84–96.
10. Козлова О. А., Соськова О. Н. Факторы пространственной дифференциации городского расселения промышленных регионов Урала и Зауралья // Ars Administrandi. Искусство управления. 2018. Т. 10, № 1. С. 64–79.

11. Растворцева С. Н. Теоретические аспекты возможности ухода экономики региона от траектории предшествующего развития // Журнал экономической теории. 2018. Т. 15, № 4. С. 633–642.
12. Bobylev S. N., Solovyeva S. V. Sustainable development goals for the future of Russia // Studies on Russian Economic Development. 2017. Vol. 28, no. 3. С. 259–265.
13. Checkland P. Soft Systems Methodology: A Thirty Year Retrospective // Systems Research and Behavioral Science. 2000. Vol. 17. С. 11–58.
14. Gordeev S. S., Zyryanov S. G., Sitkovskiy A. M. International Scientific and Practical Conference Environmental Risks and Safety in Mechanical Engineering (ERSME-2020).
15. Remco I. L. The historical development of classical stability concepts: Lagrange, Poisson and Lyapunov stability // Nonlinear Dynamics. 2010. Vol. 59. P. 173.

Сведения об авторе

Гордеев Сергей Сергеевич — кандидат экономических наук, заведующий лабораторией «Модели пространственного развития» Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации, Челябинский филиал, Челябинск, Россия. sgordeev222@gmail.com

Bulletin of Chelyabinsk State University.
2021. № 10 (456). Economic Sciences. Iss. 74. Pp. 18–27.

VISUALIZATION OF THE DYNAMICS OF REGIONAL MIGRATION AND SPATIAL TRANSFORMATION: THE CASE OF THE CHELYABINSK REGION

S. S. Gordeev

Russian Academy of National Economy and Public Administration under the President of the Russian Federation, Chelyabinsk, Russia. sgordeev222@gmail.com

In the context of heterogeneous dynamics, the issues of transformation of territories in the format of spatial compression or acquire special importance in solving regional problems of sustainable development. The construction of transformation models is considered on the example of the study of migration dynamics and the specifics of the outflow of the population from the Chelyabinsk region, one of the leading industrially developed territorial formations of the Urals. Multilevel analysis of the migration balance values is associated with updating a number of methodological foundations of the study of regional dynamics and the adaptation of visualization tools - the use of graphic information. Based on the results of the classification of territories, along with the growth and contraction models, it is proposed to form a certain intermediate class of “spatial reconstruction” models.

Keywords: *spatial development, migration, region, models, analysis, visualization.*

References

1. Barkhatov V. I., Pletnev D. A., Kapkaev Yu. Sh. (2019) *Sotsium i vlast'*, no. 5 (79), pp. 65–83 [in Russ.].
2. Vasilyeva L. N., Naslediye I. R. (2009) *Sotsiologicheskiye issledovaniya*, no. 6, pp. 28–37 [in Russ.].
3. Gordeev S. S. (2019) *Nauchnyy yezhegodnik Tsentra analiza i prognozirovaniya*, no. 1 (3), pp. 9–29 [in Russ.].
4. Gordeev S. S., Zyryanov S. G., Podoprighora A. V. (2020) *Sotsium i vlast'*, no. 1 (81), pp. 30–43 [in Russ.].
5. Zubarevich N. V. (2019) *Voprosy ekonomiki*, No. 1, pp. 135-145. [in Russ.].
6. Zyryanov S. G., Gordeev S. S., Pon'kina A. O. (2018) *Nauchnyy ezhegodnik Centra analiza i prognozirovaniya*, no. 2, pp. 9–18 [in Russ.].
7. Kleiner G. B. (2015) *Ekonomika regiona*, no. 2, pp. 50–52 [in Russ.].
8. Kleiner G. B. (2015) *Ekonomika regiona*, no. 3, pp. 9–17 [In Russ.].
9. Kozlova O. A., Makarova M. N. (2020) *Ekonomika regiona*, vol. 16, iss. 1, pp. 84–96 [in Russ.].
10. Kozlova O. A., Soskova O. N. (2018) *Iskusstvo upravleniya*, vol. 10, no. 1, pp. 64–79 [In Russ.].

11. Rastvortseva S. N. (2018) *Zhurnal ekonomicheskoy teorii*, vol. 15, no. 4, pp. 633–642 [in Russ.].
12. Bobylev S. N., Solovyeva S. V. (2017) Sustainable development goals for the future of Russia *Studies on Russian Economic Development*, vol. 28, no. 3, pp. 259–265.
13. Checkland P. (2000) *Systems Research and Behavioral Science*, vol. 17, pp. 11–58.
14. Gordeev S. S., Zyryanov S. G., Sitkovskiy A. M. (2020) *International Scientific and Practical Conference Environmental Risks and Safety in Mechanical Engineering (ERSME-2020)*.
15. Remco I. L. (2010) *Nonlinear Dynamics*, vol. 59, p. 173.

О ПРОБЛЕМАХ УСТОЙЧИВОСТИ РЕГИОНОВ УРАЛЬСКОГО ФЕДЕРАЛЬНОГО ОКРУГА

В. И. Бархатов

Челябинский государственный университет, Челябинск, Россия

Ответ на вопрос об устойчивости развития российских регионов важен для разработки адекватной политики регионального развития как всей страны, так и на уровне отдельных регионов. Уровень и динамика развития различных регионов существенно отличаются даже в пределах одного федерального округа. В статье на основе анализа данных 2000–2020-х гг. регионов, входящих в Уральский федеральный округ (без Ханты-Мансийского и Ямало-Ненецкого автономных округов), с использованием концепций устойчивого развития и энтропийного подхода анализируется устойчивость развития Челябинской, Свердловской, Тюменской и Курганской областей. Рассмотрена динамика показателей, отражающих валовой региональный продукт, величину инвестиций в основной капитал, уровень инновационности производства, соотношение доходов и прожиточного минимума, уровень безработицы и др. Сделан вывод, что регионы, входящие в Уральский федеральный округ, характеризуются высоким уровнем энтропии, высокой степенью неопределенности и рисков, низкими возможностями использования своего потенциала.

Ключевые слова: *Уральский федеральный округ, энтропия, устойчивое развитие, устойчивость региона, региональное развитие, Челябинская область.*

В условиях трансформации социально-экономических систем, нарастания энтропии и ее влияния на экономический рост борьба за потенциальные ресурсы, усиливающая риски, предполагает изменения парадигмы развития как социально-экономической системы в целом, так и региональных подсистем. Ограниченность ресурсов предполагает изменение стратегических задач развития. Так, экономический рост в данный период ограничен для многих регионов вследствие развивающихся объективных процессов, а именно уменьшения природных, человеческих, интеллектуальных ресурсов (особенно вследствие миграции человеческого капитала от периферийных регионов в более развитые центры социально-экономического развития). Отсутствие источников экономического роста сопровождается развитием экономического, финансового, инвестиционного кризиса территории, поэтому возникает проблема перехода от модели экстенсивного экономического роста к модели устойчивого развития региона с определенной спецификой. Эта специфика определяется степенью его развития в парадигме «центр — периферия» (см. [1]), а также способностью региона сглаживать колебания экономических систем. Нестабильность, возникающая в экономике регионов, требует иного подхода к прогнозированию и управлению ими. В этом случае основной целью является переход от экономического роста к ре-

шению проблемы устойчивого развития региона. Эта концепция появилась в 1992 г. и была озвучена на конференции в Рио-де-Жанейро. В экономической литературе существует множество методологических и теоретических подходов как к обоснованию самой концепции устойчивого развития, так и к содержанию понятия «устойчивое развитие». На конференции в Рио-де-Жанейро содержание этого понятия включало в себя три составляющие: экономическую эффективность, социальное равенство и экологическую устойчивость. В России идея устойчивого развития сводилась к обеспечению сбалансированного решения проблем социально-экономического развития, сохранения благоприятной окружающей среды и природного потенциала, удовлетворяющих потребности настоящего и будущих поколений. При определении сущности устойчивого развития региона существует два направления. В рамках первого направления акцент смещается в область экономической устойчивости и сводится к необходимости воспроизводства ограниченных ресурсов с позиций региона. Нас в большей степени интересуют не экологические аспекты устойчивого развития, а социально-экономические проблемы развития региональных подсистем. Рассмотрим некоторые трактовки содержания понятия «устойчивое развитие региона». Так, Г. В. Гутман, А. А. Мирюков, С. В. Федин в его

содержание вкладывают идею о том, что устойчивое развитие региона — это состояние социально-экономической системы, в которой созданы условия и предпосылки для прогрессивного движения, поддержания внутреннего и внешнего равновесия для последующего перехода в качественно новое состояние [2]. В. А. Коптюг, В. М. Матросов, В. К. Левашов и Ю. Г. Демянко в устойчивом развитии региона видят его стабильное развитие без потрясений и катастроф [3]. А. А. Шалмуев связывает устойчивое развитие региона с моделью регионального менеджмента, которая обеспечивает достойный уровень благосостояния населения [4]. Т. В. Ускова под устойчивым развитием понимает процесс изменений, в котором эксплуатация ресурсов, направление капиталовложений, ориентация технологического развития в гармонии с социальным благополучием и равновесием повышают ценность текущего и будущего потенциала [5]. Значительный интерес к проблеме устойчивого развития у отечественных экономистов подтверждается большим числом публикаций (см., например, [6–10]). Автор настоящей работы также ранее уже рассматривал эту проблему в контексте развития мировой экономической системы [11, 12].

Качественные изменения, происходящие в социально-экономической системе регионов, создают ряд предпосылок для определения сущности устойчивого развития региона. Регионы развиваются последние десятилетия в нестабильной среде, в зоне постоянных рисков. Движение экономического процесса происходит в парадигме «нестабильность — экономический процесс — устойчивое развитие». Такое состояние экономической системы не может не отражаться на ресурсном, экономическом, финансовом и инвестиционном потенциале регионов как предпосылках формирования устойчивого развития системы. При нестабильности системы теряются импульсы развития, возникают центробежные и центростремительные силы, порождающие отрицательную энтропию в социально-экономической системе региона. Концепция отрицательной энтропии (негэнтропии) применительно к «живым» системам представлена и обоснована в работах А. Н. Соломатина [13], В. Л. Чечулина и В. С. Богомягковой [14], Э. Х. Лийва [15], В. Л. Лотоцкого [16].

Развитие расширенного воспроизводства может замедляться. В этом случае может происходить несовпадение во времени и пространстве локальных воспроизводственных циклов при-

родных, финансовых, денежных, экологических и человеческих ресурсов. В таких условиях социально-экономическая система приходит к нестабильности, которая усугубляется отрицательной энтропией. Движение воспроизводственного процесса осуществляется в границах «отрицательная энтропия — минимальное устойчивое развитие», «положительная энтропия — максимально устойчивое развитие». При минимизации неопределенности и рисков в последнее время на нестабильность регионов сильное влияние оказывают возникшие угрозы, такие как глобальные риски появления новых технологий, снижения доходов населения, расслоения людей на бедных и богатых, истощения природных ресурсов. Борьба за ресурсы, собственность, экономическую власть, проблемы, связанные с изменениями климата, — все эти проблемы оказывают влияние на рост энтропии регионов или уменьшают способность регионального потенциала поддерживать уровень устойчивого развития.

Комбинации угроз создают предпосылки для изменения места регионов в пространственном поле и перемещения региона от центра к периферии или от периферии к центру. Возникают предпосылки для усиления негативного эффекта в регионах, во все большей степени проявляются проблемы нехватки различных видов ресурсов, но при этом происходит увеличение скорости протекания экономических процессов в экономической системе. Борьба противоположностей и невозможность предвидеть изменения в движении ресурсов системы региона приводят ко все более хаотичному процессу, и проблемы устойчивого развития регионов возникают вследствие роста энтропии. Если регион рассматривать как открытую систему, то она связана с внешней средой следующим образом: регион функционирует, извлекая ресурсы из окружающей среды; энтропия региональной системы основывается на ряде ее свойств: чем больше число состояний системы и чем меньше отличается их вероятность, тем энтропия больше. Система регионов открыта, происходит обмен ее с внешней средой. В этом случае необходимо максимизировать связи региона с внешней средой. От возможности максимизации этих связей зависит тип развития региона либо как центра, либо как периферии.

Могут возникать ситуации, когда энтропия региона убывает, и это связано не только с потенциалом региона, но и с ростом энтропии внешней среды. Энтропия не исчезает из экономической

системы, просто осуществляется ее переход от объекта к среде. Движение и направление энтропии увеличивает или уменьшает порядок или хаотичность в системе региона. В процессе взаимодействия регионов с различным уровнем развития ресурсы перемещаются от менее развитых регионов к более развитым. Устойчивое развитие региона возможно при снижении энтропии. Под устойчивым развитием региона с позиций энтропии понимаем поддержание его экономического развития на определенном уровне в пространственном поле региона во взаимодействии с внешней средой. Приоритет отдается устойчивости именно экономической системы региона.

Рассмотрим устойчивость развития регионов Уральского федерального округа как особой экономической системы в контексте «центр — периферия», где в каждом регионе существуют специфические связи региона и его внешней среды, особый экономический потенциал. Это приводит к разным уровням энтропии отдельных регионов. Для определения устойчивости развития регионов Уральского федерального округа проанализируем набор соответствующих показателей. Рассмотрим такие экономические показатели, характеризующие устойчивость развития регионов, как валовой региональный продукт, объем промышленного производства, объем инвестиций в основной капитал, налоговые и неналоговые доходы консолидированного бюджета, доля инновационных товаров и услуг для предприятий, степень износа основных фондов, доля убыточных предприятий, доля внутренних затрат на исследования, а также социальные показатели устойчивого развития регионов, такие как величина доходов на душу населения, доля населения с доходами ниже прожиточного минимума, розничный товароборот на

душу населения, уровень экономической активности, доля занятых с высшим образованием, показатель депопуляции населения.

Рассмотрим тренды этих показателей устойчивости развития регионов Уральского федерального округа. Информационной основой для настоящего исследования является статистика Росстата. Для исследования выбраны четыре региона УрФО, имеющие более или менее традиционную структуру и объемы валового внутреннего продукта: Свердловская, Челябинская, Курганская и Тюменская (без автономных округов) области. Исключение из анализа Ханты-Мансийского и Ямало-Ненецкого автономных округов объясняется их качественными отличиями от вышеназванных, иной природой их благосостояния и особой ролью в экономике РФ. Их устойчивость определяется конъюнктурой мировых рынков энергоносителей, внешнеполитическими причинами и масштабом инвестиций в имеющие всероссийское значение месторождения и перерабатывающие мощности. Мы же рассматриваем те регионы, для которых важны и актуальны проблемы устойчивости в контексте как внутренней структуры, так и внешних связей с другими регионами, важны вопросы самовоспроизводства, сохранения и развития человеческого капитала.

Основной показатель, отражающий экономический потенциал региона, — это валовой региональный продукт. Его динамика для регионов Уральского федерального округа отражена на рис. 1. В период с 2000 по 2020 г. во всех регионах наблюдался рост этого показателя, но в разных регионах динамика существенно отличалась. В Уральском федеральном округе сформировалась экономическая система с разным уровнем

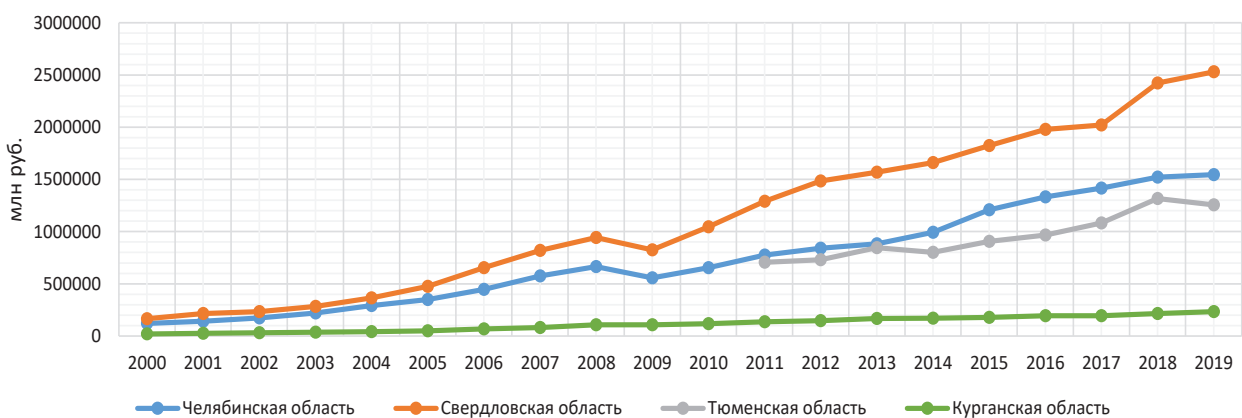

Рис. 1. Валовой региональный продукт в регионах Уральского федерального округа в 2000–2019 годах, млн руб.

Источник: составлено автором на основе данных Росстата.

экономического ресурсного инвестиционного потенциала, в системе четко прослеживается развитие по разным траекториям центра и периферии.

Для центра наблюдается значительный рост валового регионального продукта, динамика роста замедлилась в 2009 г., и в этот же период энтропия в регионе была положительной. Начиная с 2010 г. ресурсный потенциал Свердловской области и его использование постоянно росло, что свидетельствует об отрицательной энтропии и увеличении устойчивости. В периферийных регионах критическим также был 2008 г., в этот период наблюдаем точки перегиба кривых для Челябинской области. Спад темпов роста валового регионального продукта наблюдается также в 2014 г., что отражает кризисные процессы, связанные с увеличением положительной энтропии в регионе и спадом, который произошел в 2018–2020 гг. Это свидетельствует о нарастании энтропии и неустойчивости регионального развития. Для Курганской области характерно отставание по объемам валового регионального продукта от других «периферийных» регионов, в частности Челябинской и Тюменской областей. Однако тенденция к росту также имеет место. С 2000 по 2020 г. прирост не носил ярко выраженного характера, но сохранял положительную динамику. Это говорит о том, что не происходило особых изменений в потенциале Курганской области, энтропия носила положительный характер. В отличие от региона-центра, в котором развитие имело устойчивый характер и нарастание потенциала шло в том числе за счет концентрации капиталов.

При рассмотрении динамики регионального продукта на душу населения с 2014 по 2020 г. во всех регионах УрФО следует отметить, что прослеживается рост этого показателя, спад происходил только в 2014 г. в Тюменской области. Наиболее высокий прирост характерен для

Тюменской и Свердловской областей, но и в данном случае центр обгонял Тюменскую область. Аутсайдером же оставалась Курганская область. Все это может свидетельствовать о влиянии определенных пропорций положительной и отрицательной энтропии на ресурсный потенциал и о форме пространственного поля региона с высокой степенью устойчивого развития прежде всего центров (см. рис. 2).

Отрицательная энтропия и рост ресурсного потенциала регионов напрямую связаны с ростом инвестиций в основной капитал как технической и технологической базы способа производства. Вложения в основной капитал влияют на изменение структуры экономики регионов, создают условия для перехода к новому этапу технологического развития и формируют новую устойчивость развития. Чем выше объем инвестиций в основной капитал, тем выше отрицательная энтропия и тем более упорядоченной становится экономическая система региона. Динамика изменения объемов инвестиций в основной капитал представляет собой ломаную кривую, где рост чередуется с падением для всех регионов. Спады были характерны для кризиса 2008–2010 и 2015–2016 гг., в этот период возникали в экономической системе неопределенность и хаос, росла положительная энтропия, падали объемы инвестиций в основной капитал, замедлились процессы его обновления. Тем самым снижалась устойчивость развития регионов. Однако в периоды от кризиса к кризису наблюдались и периоды роста инвестиций в основной капитал. Особенно это было характерно для Свердловской области и для полупериферийных регионов Челябинской и Тюменской областей. При этом Курганская область, как депрессивный регион, резко отличалась от остальной, более экономически развитой части региона, где устойчивость повышалась у центрального ре-

Рис. 2. Валовой региональный продукт на душу населения в регионах Уральского федерального округа, руб.

Источник: составлено автором на основе данных Росстата.

гиона, а у периферийных, наоборот, снижалась. Соответственно энтропия центрального региона была минимальной, а у региона периферии нарастала. В регионе-центре максимизировался рост потенциальных ресурсов (прежде всего инвестиций в основной капитал) (см. рис. 3).

Формирование устойчивого развития на ближайшую перспективу зависит от достигнутой технической и технологической базы развития, что связано с уровнем развития промышленности регионов УрФО, характеризующегося индексом промышленного производства. Рассмотрим динамику этого показателя в период с 2020 по 2000 г. (рис. 4).

Динамика индекса промышленного производства имела периоды роста и спада. При этом особых различий, характеризующих разную энтропию и разный уровень устойчивости реги-

онов, в том числе по линии «центр — периферия», выявить сложно. Единственное отличие — сохранение высоких уровней этого показателя у Тюменской области в период после 2008 г., в то время как остальные регионы, попав в зону неустойчивого роста промышленного производства, так из нее и не выбрались до настоящего времени.

Снижение прироста потенциала регионов обостряет проблему устойчивого развития. Все рассмотренные выше показатели имели тенденцию к снижению в период нарастания кризисных ситуаций. Их снижение и последующее восстановление требовало увеличения вовлекаемых ресурсов, что не могло не влиять на устойчивость развития регионов, затрудняя его. Особо остро отражались эти процессы на периферийных региональных системах вследствие недостаточности ресурсов и нарастания энтропии.

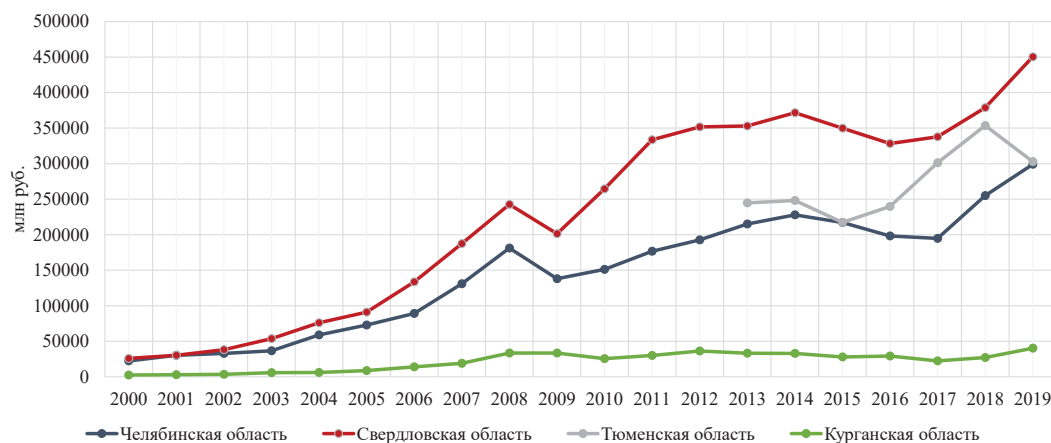

Рис. 3. Объем инвестиций в основной капитал по регионам Уральского федерального округа в 2010–2019 годах, млн руб.

Источник: составлено автором на основе данных Росстата.

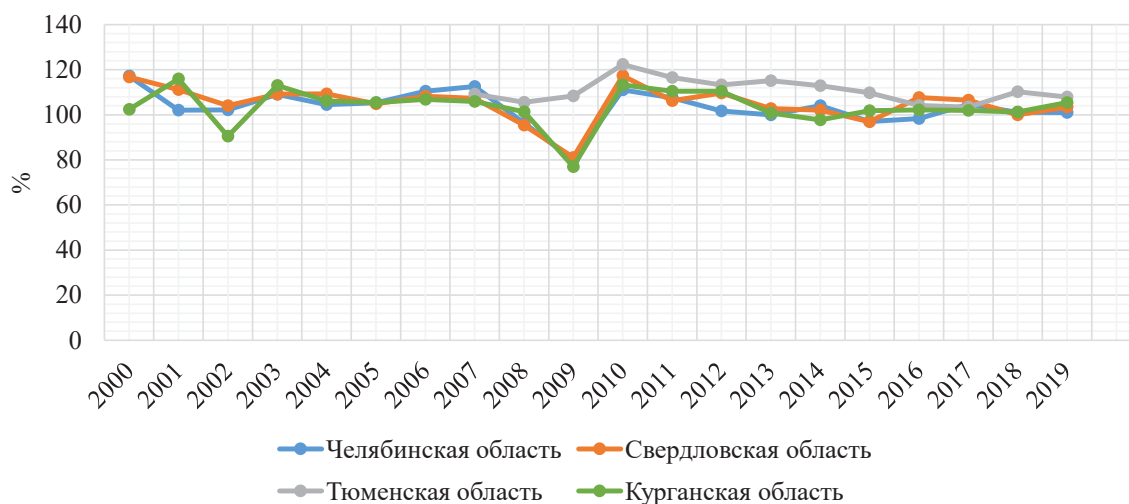

Рис. 4. Индекс промышленного производства регионов Уральского федерального округа в 2000–2021 годах
Источник: составлено автором на основе данных Росстата.

Протекающие в Уральском федеральном округе экономические процессы характеризуются нестабильностью и неравномерным уровнем экономического развития, невысокими темпами экономического роста. Регионы отличаются объемами и уровнем развития, который снижается от центра к периферии. Ввиду того, что большую часть округа занимает периферия, основная его часть не обладает потенциалом, необходимым для достижения высоких темпов экономического роста и развития. Энтропия ресурсов увеличивает неопределенность и риски, поэтому для регионов в соответствии с их уровнем потенциала может быть идентифицирован процесс устойчивого развития в определенном периоде. Об этом и свидетельствуют вышеприведенные показатели. Их значения вместе с тем недостаточны для серьезного экономического рывка.

Для обеспечения серьезного экономического рывка и формирования устойчивого развития экономики регионов привлекаются и другие аспекты. В частности, важен вопрос инновационного развития. Динамика доли инновационных товаров, работ и услуг в общем объеме отгруженных товаров, выполненных работ и услуг в регионах УрФО представлена на рис. 5

Этот показатель отражает инновационный вектор развития, и его динамика отличается неравномерностью. Растет положительная энтропия, складывающаяся структура экономики регионов не позволяет выйти на новый качественный уровень. В частности, увеличивается износ основных производственных фондов. Эти процессы харак-

терны для всех регионов Уральского федерального округа (рис. 6).

Наряду с экономическими показателями устойчивого развития устойчивость проявляется через социальные показатели, отражающие благосостояние населения региона в целом. Оно определяется долей населения, находящегося за чертой прожиточного минимума (рис. 7).

Рост бедности в регионе влияет на его возможности устойчивого развития, и наоборот, устойчивое развитие влияет на уровень бедности. В период с 2012 по 2016 г. во всех регионах УрФО доля населения с доходами ниже прожиточного минимума имела тенденцию к росту, после чего зафиксировалась примерно на одном (различном для каждого региона) уровне. Надо отметить, что и величина прожиточного минимума в разных регионах УрФО была на разном уровне: в центре существенно выше, чем в периферийных регионах.

На устойчивость развития региона не могут не оказывать влияние тенденции изменения среднедушевых доходов населения. Они предопределяют возможности реализации агентами их экономических интересов, а также прямо влияют на экономическую активность субъектов, на возможности и горизонты планирования и, как следствие, снижение энтропии в социально-экономической системе регионов. Рост среднедушевых доходов влияет на появление отрицательной энтропии, снижение хаоса. Чем выше величина среднедушевых доходов, тем выше упорядоченность системы, ниже энтропия, ниже неопределенность и риски. Рост денежных доходов населения — это условие

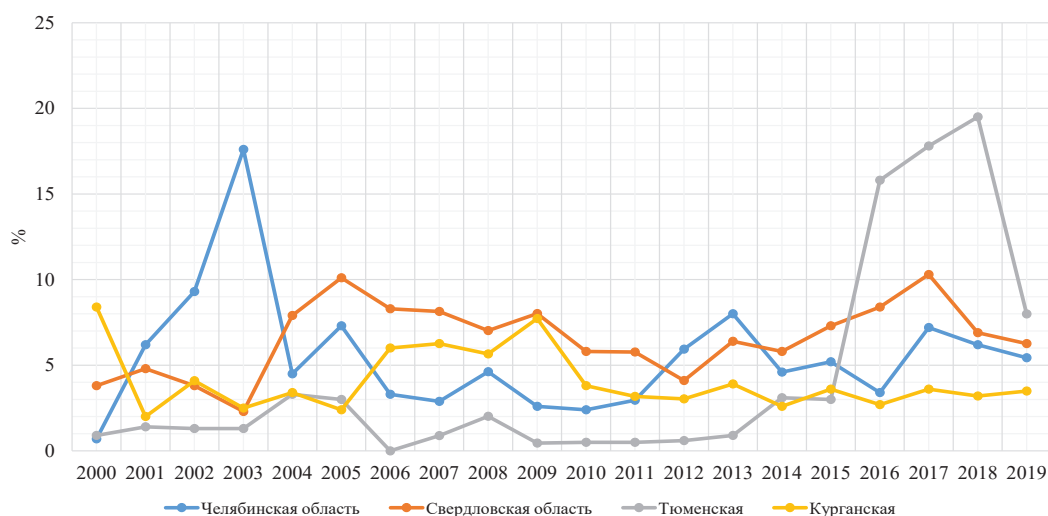

Рис. 5. Доля инновационных товаров, работ и услуг в общем объеме отгруженных товаров, выполненных работ и услуг в регионах Уральского федерального округа в 2010–2019 годах, %

Источник: составлено автором на основе данных Росстата.

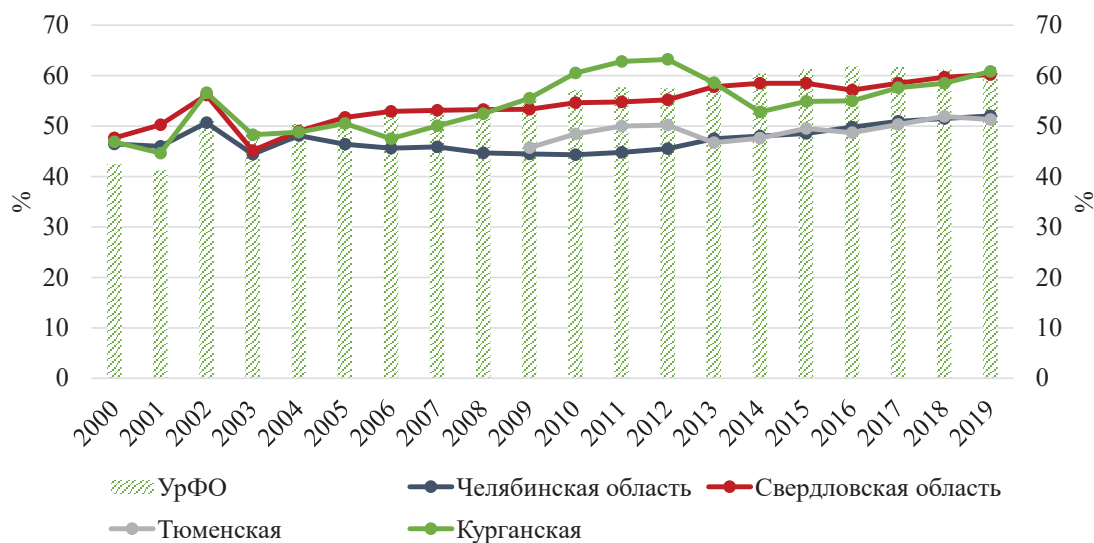

Рис. 6. Степень износа основных производственных фондов в регионах Уральского федерального округа в 2009–2020 годах, %

Источник: составлено автором на основе данных Росстата.

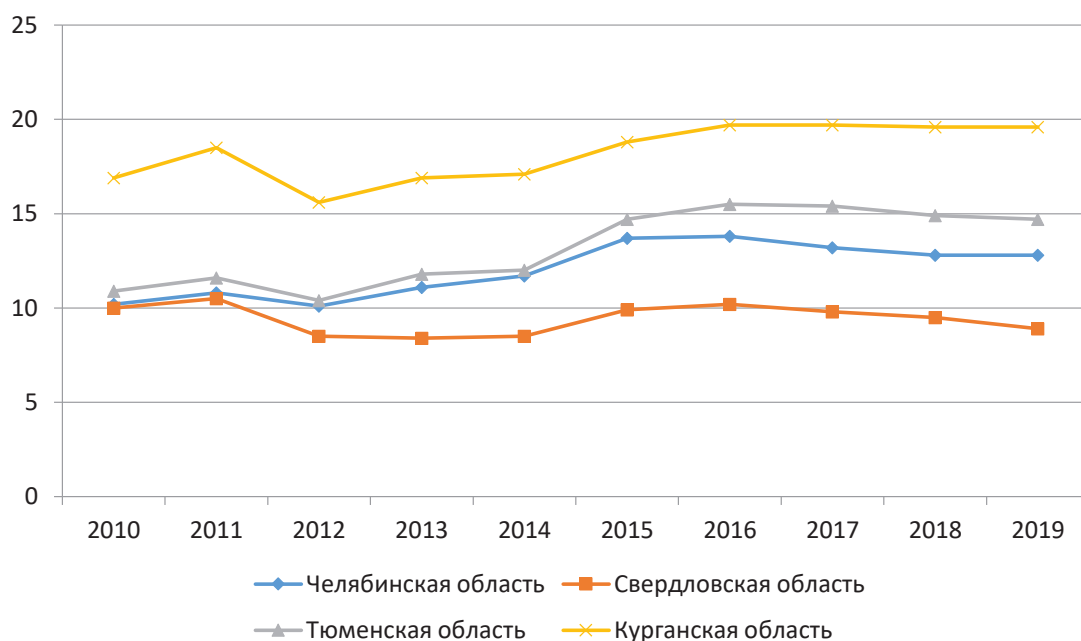

Рис. 7. Доля населения с доходами ниже прожиточного минимума в регионах Уральского федерального округа, %

Источник: составлено автором на основе данных Росстата.

упорядоченности субъектов рынка, а также роста их экономической активности (рис. 8).

В рассмотренный период во всех регионах УрФО происходит рост среднедушевых денежных доходов населения, однако характер и масштабы роста различаются существенно. Лидером по этому показателю является Тюменская область (прирост около 20 000 руб.), в то время как у Курганской области прирост почти в два раза меньше.

Степень реализации ресурсного потенциала региона, а также величина и динамика энтропии зависят от соотношения среднедушевых денежных доходов населения и величины прожиточного минимума в нем. Этот показатель характеризует положение населения в целом. Если это соотношение мало, ресурсный потенциал региона не может реализоваться в полной мере. Регион будет развиваться медленно и неустойчиво. Анализ данных за

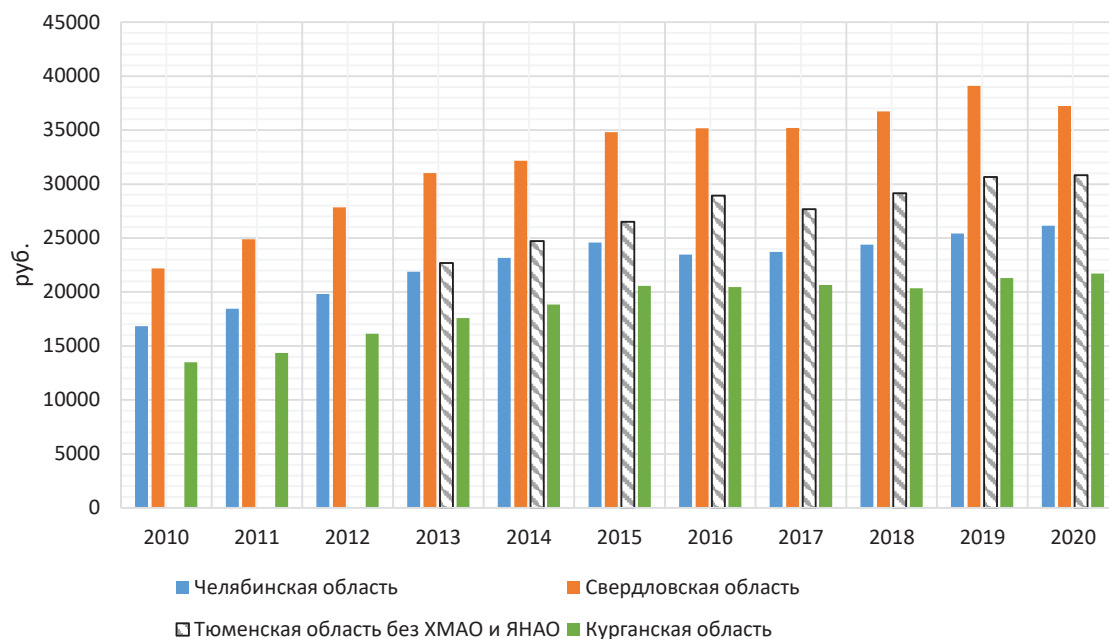

Рис. 8. Тенденции среднедушевых денежных доходов населения регионов Уральского федерального округа
 Источник: составлено автором на основе данных Росстата.

2010–2020 гг. позволяет сделать вывод, что устойчивого роста этого показателя не наблюдается. Особенно этот вывод касается периферийных экономик (рис. 9). Следует отметить, что в «лучшие времена» этот показатель в регионе-центре доходил до 4 (2013 г.), а в «самой периферийной» Курганской области — до 2,5, но к 2020 г. упал соответственно до 3,2 и 1,9.

Ввиду того, что одним из главных ресурсов устойчивого развития регионов является эконо-

мически активное население и степень его использования, то для оценки устойчивости развития необходимо рассмотреть такой показатель, как уровень безработицы. В 2000–2019 гг. уровень безработицы колебался от 13 до 2 % (рис. 10). Происходило снижение уровня занятости, что не способствовало раскрытию экономического потенциала населения регионов. Возникли проблемы с привлечением квалифицированных кадров, что напрямую влияло на устойчивость

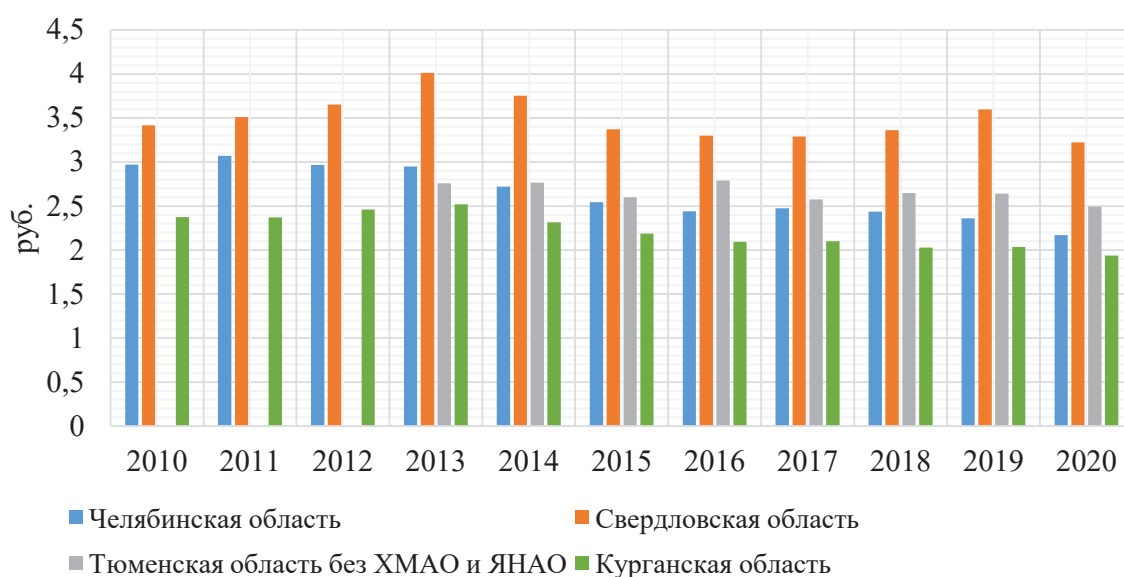

Рис. 9. Соотношение среднедушевых доходов населения и величины прожиточного минимума в регионах Уральского федерального округа в 2010–2020 годах, руб.

Источник: составлено автором на основе данных Росстата.

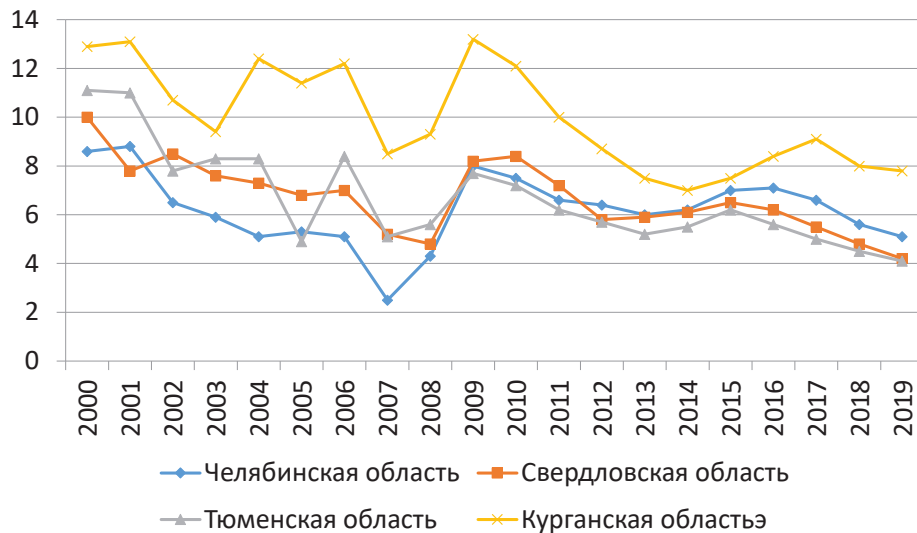

Рис. 10. Уровень безработицы в регионах Уральского федерального округа в 2000–2019 годах

Источник: составлено автором на основе данных Росстата.

развития регионов. Происходил переток населения из периферии в центр УрФО, а из периферийных зон каждого региона — в региональный центр. Большая же часть региона испытывала кадровый голод.

Тем самым происходил рост неопределенности и увеличение энтропии. Низкая же безработица свидетельствует о действии отрицательной энтропии и упорядоченности системы. Динамика этого показателя говорит скорее о депрессивном состоянии, нежели об устойчивом развитии.

В Уральском федеральном округе наблюдается неравномерность в развитии регионов, слабо развита производственная кооперация, происходит перемещение рабочей силы из периферии в центр, что приводит к снижению трудового потенциала

территорий. То же касается и капитала финансового: периферийные регионы существуют в условиях его дефицита, а центр относительно обеспечен инвестициями. То же касается и инновационного потенциала регионов, способности создавать и внедрять новые производственные технологии. Эти процессы влияют и на возможности управленческих элит эффективно реализовывать государственную политику.

Округ не стал единой, гармонично развитой экономической системой, где бы регионы в рамках кооперации и разделения труда органически дополняли друг друга, что могло бы создать предпосылки к устойчивому развитию регионов и округа в целом, снизить уровень энтропии, неопределенность и риски.

Список литературы

1. Бархатов В. И., Плетнев Д. А., Капкаев Ю. Ш. Центры и периферия Урала и Поволжья в условиях «новой нормальности» // Социум и власть. 2019. № 5 (79). С. 65–83.
2. Гутман Г. В., Мироедов А. А., Федин С. В. Управление региональной экономикой. М. : Финансы и статистика, 2001. С. 176.
3. Коптюг В. А., Матросов В. М., Левашов В. К., Демянко Ю. Г. Устойчивое развитие цивилизации и место в ней нашей России: проблемы формирования национальной стратегии. Новосибирск : Изд-во СО РАН, 1996.
4. Шалмуев А. А. Теоретико-методологические основы устойчивого развития региона // Инновации. Вып. 3 (90). СПб., 2006.
5. Ускова Т. В. Управление устойчивым развитием региона. Вологда : ИСЭРТ РАН, 2009. 355 с.
6. Хайруллоев Д. С., Еремеев Л. М. Проблемы устойчивости социально-экономического развития региона // Вестник Казанского государственного аграрного университета. 2012. № 1. С. 73–76.
7. Алферова Т. В., Третьякова Е. А. Концептуальное моделирование определения категории «устойчивое развитие» // Журнал экономической теории. 2012. № 4. С. 46–52.

8. Антонова М. А. Теоретико-методологические основы изучения устойчивого развития регионов // Общество: политика, экономика, право. 2013. № 4. С. 113–119.
9. Данилов-Данильян В. И. Устойчивое развитие (теоретико-методологический анализ) // Экономика и математические методы. 2003. № 39. С. 123–135
10. Соломатин А. Н. Устойчивое развитие добывающих регионов и экологические проблемы: энтропийный подход // Экология промышленного производства. 2012. Вып. 3. С. 72–79.
11. Бархатов В. И. К вопросу об измерении устойчивого развития российских регионов // Вестник Челябинского государственного университета. 2021. № 3 (449). С. 96–105.
12. Бархатов В. И., Бенц Д. С. Источники роста промышленного региона в Уральском федеральном округе // Вестник Челябинского государственного университета. 2018. № 3 (413). С. 19–29.
13. Соломатин А. Н. Энтропийный подход к проблемам устойчивого регионального развития // Управление развитием крупномасштабных систем (MLSD'2020) : тр. 13-й междунар. конф. / под общ. ред. С. Н. Васильева, А. Д. Цвиркуна. М., 2020. С. 1329–1340.
14. Чечулин В. Л., Богомякова В. С. Негэнтропия и социальные факторы (модели и анализ). Пермь, 2016. 130 с.
15. Лийв Э. Х. Инфодинамика. Обобщенная энтропия и негэнтропия. Таллинн, 1998. 200 с.
16. Лотоцкий В. Л. Энтропия и негэнтропия // Перспективы науки и образования. 2017. № 1 (25). С. 20–23.

Сведения об авторе

Бархатов Виктор Иванович — доктор экономических наук, профессор, директор Института экономики отраслей, бизнеса и администрирования Челябинского государственного университета. Челябинск, Россия. ieo-science@csu.ru

Bulletin of Chelyabinsk State University.

2021. № 10 (456). *Economic Sciences. Iss. 74. Pp. 28–38.*

ON THE URAL FEDERAL DISTRICT REGIONS' SUSTAINABILITY

V. I. Barkhatov

Chelyabinsk State University, Chelyabinsk, Russia. ieo-science@csu.ru

The answer to the question on Russian regions' development sustainability is essential for the adequate regional development policy. The level and dynamics of development of various regions differ significantly even within the same federal district. The article analyzes the sustainability of the development of the Chelyabinsk, Sverdlovsk, Tyumen, and Kurgan regions using the concepts of sustainable development and the entropy approach based on the analysis of data from 2000-2020 of the regions included in the Ural Federal District (excluding the Khanty-Mansiysk and Yamalo-Nenets Autonomous Districts). The dynamics of indicators reflecting the gross regional product, the amount of investment in fixed assets, the level of innovativeness of production, the ratio of income and the living wage, the level of unemployment, and others are considered. It is concluded that the regions of the Ural Federal District are characterized by a high level of entropy, a high degree of uncertainty and risks, and low opportunities for using their potential.

Keywords: *Ural Federal District, entropy, sustainable development, regional stability, regional development, Chelyabinsk region.*

References

1. Barkhatov V. I., Pletnov D. A., Kapkayev Yu. Sh. (2019) *Sotsium i vlast'*, no. 5 (79), pp. 65–83.
2. Gutman G. V., Miroyedov A. A., Fedin S. V. (2001) *Upravleniye Regional'noy ekonomikoy* [Regional Economy Management]. Moscow, *Finansy i statistika*, p. 176.
3. Koptyug V. A., Matrosov V. M., Levashov V. K., Demyanko Yu. G. (1996) *Ustoychivoye razvitiye tsivilizatsii i mesto v ney nashey Rossii: problemy formirovaniya natsional'noy strategii* [Sustainable development

of civilization and the place of our Russia in it: problems of forming a national strategy]. Novosibirsk, Izd-vo SO RAN.

4. Shalmuyev A. A. (2006) Zhurnal ob innovatsionnoy deyatel'nosti. Innovatsii. Vol. 3 (90). Sankt-Petersburg.

5. Uskova T. V. (2009) Upravleniye ustoychivym razvitiyem regiona [Management of sustainable development of the region]. Vologda, ISERT RAN. 355 p.

6. Khayrulloev D. S., Yeremeyev L. M. (2012) *Vestnik Kazanskogo gosudarstvennogo agrarnogo universiteta*, no. 1, pp.73–76.

7. Alferova T. V., Tret'yakova Ye. A. (2012) *Zhurnal ekonomicheskoy teorii*, no. 4, pp. 46–52.

8. Antonova M. A. (2013) *Obshchestvo: politika, ekonomika, pravo*, no. 4, pp. 113–119.

9. Danilov-Danil'yan V. I. (2003) *Ekonomika i matematicheskiye metody*, vol. 39, pp. 123–135.

10. Solomatin A. N. (2012) *Ekologiya promyshlennogo proizvodstva*, no. 3, pp. 72–79.

11. Barkhatov V. I. (2021) *Vestnik Chelyabinskogo gosudarstvennogo universiteta*, no. 3 (449), pp. 96–105.

12. Barkhatov V. I., Bents D. S. (2018) *Vestnik Chelyabinskogo gosudarstvennogo universiteta*, no. 3 (413), pp. 19–29.

13. Solomatin A. N. (2020) Upravleniye razvitiyem krupnomasshtabnykh sistem (MLSD'2020). Trudy 13-y mezhdunarodnoy konferentsii, pp. 1329–1340.

14. Chechulin V. L., Bogomyagkova V. S. (2016) Negentropiya i sotsial'nyye faktory (modeli i analiz) [Negentropy and Social Factors (Models and Analysis)]. Perm', 130 p.

15. Liyv E. Kh. (1998) Infodinamika. Obobshchennaya entropiya i negentropiya [Infodynamics. Generalized entropy and negentropy]. Tallinn, 200 p.

16. Lototskiy V. L. (2017) *Perspektivy nauki i obrazovaniya*, no. 1 (25), pp. 20–23.

ПЕРСПЕКТИВЫ РАЗВИТИЯ МОНОГОРОДОВ В РЕГИОНАЛЬНОМ ПРОСТРАНСТВЕ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

О. В. Артемова, А. О. Ужegov

Челябинский филиал Института экономики УрО РАН, Челябинск, Россия

*Статья подготовлена в соответствии с планом НИР ФГБУН «Институт экономики УрО РАН»
на 2021 г.*

Миссия и функции моногородов трансформируются под воздействием внешних и внутренних факторов, при этом усиливаются риски, связанные с монопрофильностью градообразующих предприятий, что сказывается на условиях жизнедеятельности населения. Отмечено, что моногорода представлены в 61 субъекте РФ, которые значительно различаются по своему социально-экономическому положению. Наибольшая концентрация населения, проживающего в моногородах, сосредоточена в Приволжском, Сибирском и Уральском Федеральных округах, на примере анализа которых в данном исследовании вскрываются основные проблемы, риски и ограничения функционирования моногородов в современных условиях (экономические, технологические, демографические и др.). Авторами сформулированы основные направления развития моногородов применительно к экономической, технологической, демографической, экологической сферам, а также меры по преодолению пространственных ограничений развития территорий, реализация которых позволит преодолеть кризисные явления, стабилизировать состояние этих особых территорий, вывести их на благоприятную траекторию развития.

Ключевые слова: *моногород, регион, демографические процессы, отраслевая специализация, развитие моногородов, риски моноспециализации.*

Поиск перспектив развития моногородов в РФ — сложная задача, которая актуализируется в тех регионах РФ, где число моногородов, численность населения в них, вклад в региональную экономику значительны. Моногорода в этих регионах во многом формируют промышленный и расселенческий каркас территории, определяют социально-экономическую ситуацию в городе.

В настоящее время нет единого мнения относительно критериев определения «моногорода». Так, впервые упоминание о моногородах встречалось в зарубежных научных работах, посвященных культурным изменениям моногородов США [2, 3]. Анализируя зарубежный опыт использования понятия «моногород», отметим, что, как правило, оно рассматривается с позиции отраслевой специализации производственной сферы города. В зависимости от специализации города авторы употребляют различные термины: «mining town» (добывающий город) [4, 5], «coal town» (угольный город) [6], «railroad town» (железнодорожный город) [1], «companytown» [13] и т. д. В зарубежной литературе демонстрируется многообразие применяемых терминов, при этом особое внимание

уделяется аспекту функциональной специализации города [9].

Понятие «моногород», получившее широкое распространение в отечественной литературе, используется чаще всего для обозначения населенного пункта с размещенным на его территории градообразующим предприятием [11]. При этом исследователи отмечают, что для моногорода характерно наличие существенной связи между городом и градообразующим предприятием на его территории, оказывающим существенное влияние на все сферы его жизнедеятельности [8]. Кроме того, многими авторами справедливо акцентируется внимание на том, что от финансового состояния градообразующего предприятия зависит жизнедеятельность города и его социально-экономическое развитие в целом [15].

Помимо понятия «моногород» в отечественных источниках зачастую встречаются близкие по смыслу понятия «монопрофильный город», «моnofункциональный город» [10, 16], в которых акцентируется экономическая составляющая, а именно отраслевая специализация доминирующей отрасли на территории. Итак, в определении

моногородов присутствуют следующие признаки: отраслевая специализация производства; связь с градообразующим предприятием (далее — ГОП); зависимость моногорода от деятельности градообразующего предприятия¹.

Проанализировав ряд представленных трактовок понятия «моногород», в контексте данного исследования авторы использовали формулировку, близкую по содержанию к определению Е. Г. Анимицы, В. С. Бочко, Э. В. Пешиной, и П. Е. Анимицы: моногород — это населенный пункт, законодательно имеющий статус города, на территории которого функционирует градообразующее предприятие, от которого зависит социально-экономическое развитие данного города [8].

Разделяя такой подход к определению «моногород», авторы статьи конкретизируют область применения этого понятия, сосредоточивая внимание на экономической (производственной) сфере. Это важно подчеркнуть в связи с тем, что в научных исследованиях, управленческой практике, восприятии образа города населением закрепилось и используется понятие «моногород», зачастую распространяемое на город в целом, в том числе на городской социум. Действительно, как отмечают специалисты, города все еще воспринимаются как функциональное приложение к заводам и фабрикам, еще жива ментальность советской индустриализации, создававшей города в чистом поле [12].

Это, с одной стороны, вполне оправдано с позиций исторических, экономических, политических причин возникновения, миссии и функций, которые успешно выполняли эти города, реализуя поставленные цели. С другой стороны, современные реалии требуют трансформации роли и целей развития моногородов, формирования городского образа жизни в широком смысле как предоставление разнообразных возможностей для жизни и развития человека. Очевидно, что новые ориентиры развития моногородов должны быть связаны с созданием благоприятных условий для проживания населения на этих территориях.

¹ Понятие «градообразующее предприятие» определено в Федеральном законе от 26 октября 2002 г. № 127-ФЗ «О несостоятельности (банкротстве)» (ст. 169), где градообразующим может считаться предприятие, на котором работает четвертая часть работников населенного пункта. URL: <https://rg.ru/2002/11/02/bankrotstvo-dok.html> (дата обращения: 20.09.2021).

В связи с вышеизложенными авторами поставлена цель — выявить проблемы (риски) и перспективы (направления) развития моногородов для обеспечения благоприятных условий проживания населения.

Данные и методы исследования

В исследовании использовались данные Федеральной службы государственной статистики, стратегические документы РФ, регионов, моногородов, аналитические данные, информация монографических и периодических изданий.

В качестве методов исследования применялись: структурный (отраслевой) анализ экономики монопрофильных городов; выявление доминирующей отраслевой специализации градообразующих предприятий; демографический анализ (текущее состояние, динамика и темпы демографических процессов в моногородах); выявление возможностей и ограничений пространственных факторов развития моногородов (транспортной, логистической, агломерационной составляющих); анализ рисков, обуславливающих неблагоприятную траекторию развития моногородов; систематизация направлений развития моногородов на основе выявленных проблем и с учетом рисков их функционирования.

В РФ к моногородам отнесено 321 муниципальное образование (на 2019 г.). Согласно данным Института комплексных стратегических исследований (ИКСИ)², по состоянию на 2016 г. в моногородах проживали 13 025 000 человек. По Распоряжению Правительства РФ от 29 июля 2014 г. № 1398-р «О Перечне монопрофильных муниципальных образований РФ (моногородов)»³, моногорода подразделяют на три группы в зависимости от экономического положения:

- а) с наиболее сложным социально-экономическим положением (принято относить к красной зоне);
- б) с возможными рисками ухудшения социально-экономического положения (желтая зона);
- в) со стабильным социально-экономическим положением (зеленая зона).

²См. обзор российских моногородов на сайте АНО ДПО «Институт комплексных стратегических исследований». URL: <https://icss.ru/vokrug-statistiki/obzor-rossijskix-monogorodov> (дата обращения: 20.09.2021).

³Распоряжение Правительства РФ от 29 июля 2014 г. № 1398-р «О Перечне монопрофильных муниципальных образований РФ (моногородов)». URL: <http://government.ru/docs/14051/> (дата обращения: 20.09.2021).

В моногородах, находящихся в сложном социально-экономическом положении, по данным ИКСИ за 2016 г. проживали 3217 тыс. человек, что составляет 24,6 % населения моногородов РФ.

Моногорода представлены в 61 субъекте, при этом их наибольшая концентрация характерна для Приволжского федерального округа (ПФО), Сибирского федерального округа (СФО) и Уральского федерального округа (УрФО). Приволжский и Сибирский федеральные округа являются лидерами в России по количеству моногородов, на их территории сосредоточено суммарно 145 моногородов (в ПФО — 79,

в СФО — 66). Моногорода УрФО представлены 37 городами¹.

Отметим регионы трех федеральных округов (ПФО, СФО, УрФО), где более 20 % населения проживает в моногородах (табл. 1).

Анализируя данные таблицы, отметим, что по количеству моногородов и численности проживающего в них населения лидирует Кемеровская область (СФО) — 24 города с численностью населения около 1,6 млн человек [14]. По людности города этого региона существенно различаются: от малого поселка Белогорска с населением 2,6 тыс. человек до крупных городов, как, напри-

Таблица 1

Сведения о моногородах в субъектах РФ, в которых население составляет более 20%

Субъект РФ	Количество моногородов	Население моногородов, тыс. чел.	Доля населения моногородов в регионе, %	Распределение городов по социально-экономическому положению		
				Кризисные	В зоне риска	Стабильные
<i>Сибирский федеральный округ</i>						
Кемеровская область	24	1636	60,2	9	11	4
Республика Хакасия	6	157	29,2	1	5	0
<i>Уральский федеральный округ</i>						
Свердловская область	17	1253	28,9	5	6	6
Челябинская область	16	1130	32,3	7	5	4
<i>Приволжский федеральный округ</i>						
Республика Татарстан	7	1034	26,7	2	4	1
Самарская область	3	786	24,5	1	0	2

Источник: составлено по расчетам АНО ДПО «Институт комплексных стратегических исследований»²; перечню монопрофильных муниципальных образований Российской Федерации (моногородов) на январь 2020 г.³

мер, Новокузнецк, где проживают 550,2 тыс. человек. При этом в регионе большое число кризисных и находящихся в зоне риска городов — 20. К кризисным городам относятся Анжеро-Судженск, Гурьевск, Прокопьевск, Калтан, Киселевск, Мундыбаш, Юрга, Салаир и Таштагол; еще 11 моногородов находятся в зоне риска. Стабильное социально-экономическое положение наблюдается в четырех моногородах: в малых поселениях Шерегеш, Краснобродский и Белогорск, а также в крупном городе Новокузнецке.

¹В перечень моногородов добавлены семь новых территорий. URL: http://xn--80afd4affbbat.xn--plai/news/v_perechen_monogorodov_dobavleny_7_novykh_territoriy/ (дата обращения 20.09.2021).

Профильная специализация моногородов разная. Так, например, в Прокопьевске, Киселевске, Анжеро-Судженске, Салаире, Таштаголе, Мысках, Междуреченске, Краснобродском сосредоточены добывающие отрасли (угольная промышленность, рудное производство); в Гурьевске, Новокузнецке градообразующие предприятия относятся к обрабатывающей отрасли (металлургическая специализация).

²Обзор российских моногородов. URL: <https://icss.ru/vokrug-statistiki/obzor-rossijskix-monogorodov> (дата обращения 20.09.2021).

³Распоряжение Правительства Российской Федерации от 29 июля 2014 г. № 1398-р «О перечне монопрофильных муниципальных образований Российской Федерации (моногородов)

Учитывая отраслевую специализацию моногородов Кемеровской области, следует констатировать наличие экологических проблем, связанных с деятельностью промышленных предприятий: загрязнение воды, воздуха, почвы. Отметим, что в национальном экологическом рейтинге¹ Кемеровская область занимает 48-ю позицию из 85 (2019–2020 гг.). Безусловно, экологические вопросы стоят в повестке региональных властей и бизнеса, от их своевременного и эффективного решения зависит экологическая ситуация в регионе.

В Республике Хакасия масштабы иные: в разы меньше моногородов и проживающего в них населения. Их социально-экономическое положение нельзя назвать стабильным, ни один моногород не находится в «зеленой» зоне. К кризисным моногородам, судьба которых напрямую зависит от градообразующих предприятий, относятся Туим (ГОП — ООО «Туимский завод по обработке цветных металлов»), Абаза (Абаканский филиал ОАО «Евразруда») и поселок Вершина Тёи (Тёйский филиал ОАО «Евразруда»). К моногородам, социально-экономическое положение которых характеризуется как нестабильное, относятся Саяногорск (ГОП — ОАО «Саяногорский алюминиевый завод»), Сорск (ООО «Сорский горнообогатительный комбинат»), ООО «Сорский ферромолибденовый завод») и Черногорск («СУЭК-Хакасия», специализация угольная промышленность). Все перечисленные предприятия относятся к добывающим или обрабатывающим отраслям производства. В национальном экологическом рейтинге регионов Хакасия находится на 32-м месте².

В Свердловской и Челябинской областях (УрФО) по числу моногородов, численности населения и их доле в регионе, экономическому положению ситуация похожая: в нестабильной зоне («красной» и «желтой») находятся более половины моногородов. Значительная часть моногородов Челябинской и Свердловской областей имеет специализацию в секторе черной или цветной металлургии. В этих регионах обострились эколо-

гические проблемы, вследствие чего эти регионы находятся в аутсайдерах в национальном экологическом рейтинге страны (Челябинская область — на 84-м месте, Свердловская — на 83-м).

В Татарстане (ПФО) в моногородах проживает более миллиона человек (26,7 % населения республики). Это города с разным статусом по численности населения — от малых до крупных. К кризисным моногородам относятся Зеленодольск и Набережные Челны; к моногородам с нестабильным социально-экономическим положением — Камские Поляны, Елабуга, Менделеевск, Чистополь. Из семи городов только один оценивается как стабильный — Нижнекамск. Отраслевая специализация моногородов — добывающие и обрабатывающие (в том числе машиностроение) отрасли. В национальном экологическом рейтинге регионов Татарстан находится на 40-м месте.

В Самарской области три моногорода с суммарной численностью населения 786 тыс. человек, при этом только один город находится в зоне нестабильности. Тольятти является наиболее населенным моногородом России, численность его жителей составляет 719 тыс. человек. Градообразующее предприятие, функционирующее на территории моногорода, относится к отрасли автомобилестроения (АО «АвтоВАЗ»). В национальном экологическом рейтинге регионов Самарская область находится на 47-м месте.

Результаты

Рассмотрим более подробно ситуацию в моногородах Челябинской области. Отличительной особенностью Челябинской области является наличие 16 моногородов, экономика которых слабо диверсифицирована. По оценке Министерства экономического развития Челябинской области, доля моногородов составляет около 35 % ВРП³.

Сведения о моногородах Челябинской области представлены в табл. 2.

В таблице представлены данные по моногородам Челябинской области: их отраслевая принад-

(с изм. на 21.01.2020). URL: <https://docs.cntd.ru/document/420210942> (дата обращения 20.09.2021).

¹URL: <https://greenpatrol.ru/ru/stranica-dlya-obshchego-reytinga/ekologicheskij-reyting-subektov-rf?tid=388> (дата обращения: 20.09.2021).

²URL: <https://greenpatrol.ru/ru/stranica-dlya-obshchego-reytinga/ekologicheskij-reyting-subektov-rf?tid=388> (дата обращения: 20.09.2021).

³Стратегия социально-экономического развития Челябинской области до 2035 года. URL: https://www.economy.gov.ru/material/directions/regionalnoe_razvitiye/strategicheskoe_planirovaniye_prostranstvennogo_razvitiya/strategii_socialno_ekonomicheskogo_razvitiya_subektov_rf/dorabotannye_proekty_strategiy/dorabotannyj_proekt_strategii_socialno_ekonomicheskogo_razvitiya_chelyabinskoy_oblasti_na_period_do_2035_goda.html (дата обращения: 20.09.2021).

Таблица 2

Моногорода, входящие в состав Челябинской области, сгруппированные по уровню социально-экономического положения

Муниципальное образование	Градообразующее предприятие	Отраслевая специализация, статус ТОСЭР, ЗАТО	Вхождение в агломерацию
<i>Кризисные (наиболее сложное социально-экономическое положение)</i>			
Усть-Катавский городской округ (г. Усть-Катав)	Усть-Катавский вагоностроительный завод имени С. М. Кирова	Машиностроение	«Горный Урал»
Карабашский городской округ (г. Карабаш)	ЗАО «Карабашмедь»	Металлургия	«Горный Урал»
Нязепетровское городское поселение / Нязепетровский муниципальный район (г. Нязепетровск)	Нязепетровский филиал ООО «Литейно-механический завод»	Машиностроение	Северная конурбация
Ашинское городское поселение / Ашинский муниципальный район (г. Аша)	ОАО «Ашинский металлургический завод»	Металлургия	«Горный Урал»
Миньярское городское поселение / Ашинский муниципальный район (г. Миньяр)	ОАО «Миньярский карьер», ООО «Биянковский щебеночный завод»	Добывающая отрасль	«Горный Урал»
Верхнеуфалейский городской округ (г. Верхний Уфалей)	ОАО «Уфалейникель» (в 2017 г. промплощадку приобрела компания «Полимет Инжиниринг»)	Металлургия, ТОСЭР	Северная конурбация
Бакальское городское поселение / Саткинский муниципальный район (г. Бакал)	ООО «Бакальское рудоуправление»	Добывающая отрасль, ТОСЭР	«Горный Урал»
<i>В зоне риска (ухудшение социально-экономического положения)</i>			
Симское городское поселение / Ашинский муниципальный район (г. Сим)	ПАО «Агрегат»	Машиностроение	«Горный Урал»
Саткинское городское поселение / Саткинский муниципальный район (г. Сатка)	Комбинат «Магнезит»	Металлургия	«Горный Урал»
Миасский городской округ (г. Миасс)	Автомобильный завод «Урал»	Машиностроение, ТОСЭР	«Горный Урал»
Златоустовский городской округ (г. Златоуст)	ОАО «Златоустовский машиностроительный завод»	Машиностроение	«Горный Урал»
Чбаркульский городской округ (г. Чбаркуль)	ОАО «Уральская кузница»	Металлургия	«Горный Урал»
<i>Стабильное социально-экономическое положение</i>			
Озерский городской округ (г. Озерск)	Производственное объединение «Маяк»	ОПК, атомная промышленность, ЗАТО, ТОСЭР	Северная конурбация
Трехгорный городской округ (г. Трехгорный)	ФГУП «Приборостроительный завод»	ОПК, машиностроение, ЗАТО	«Горный Урал»
Снежинский городской округ (г. Снежинск)	ФГУП «Всероссийский научно-исследовательский институт технической физики»	Наука, ЗАТО, ТОСЭР	Северная конурбация
Магнитогорский городской округ (г. Магнитогорск)	ОАО «Магнитогорский металлургический комбинат»	Металлургия	Магнитогорская межрегиональная агломерация

Источник: составлено авторами по «Стратегии социально-экономического развития Челябинской области до 2035 года»¹; Распоряжению Правительства Российской Федерации от 29 июля 2014 г. № 1398-р «О перечне монопрофильных муниципальных образований Российской Федерации (моногородов) (с изм. на 21.01.2020)².

¹URL: https://www.economy.gov.ru/material/directions/regionalnoe_razvitiye/strategicheskoe_planirovanie_prostranstvennogo_razvitiya/strategii_socialno_ekonomicheskogo_razvitiya_subektov_rf/dorabotannye_proekty_strategiy/dorabotannyy_proekt_strategii_socialno_ekonomicheskogo_razvitiya_chelyabinskoy_oblasti_na_period_do_2035_goda_.html (дата обращения: 20.09.2021).

²URL: <https://docs.cntd.ru/document/420210942> (дата обращения 20.09.2021).

лежность, градообразующие предприятия, наличие статуса ЗАТО, ТОСЭР, их классификация по социально-экономическому положению, а также вхождение в ту или иную агломерацию.

Отраслевая принадлежность моногородов региона различна, но в основном это обрабатывающие отрасли: черная и цветная металлургия, машиностроение; есть и добывающие отрасли. Степень диверсификации экономики городов разная: так, в более крупных городах она существенно выше (Магнитогорск), в малых городах уровень диверсификации и потенциал ее расширения существенно ограничен (Верхний Уфалей).

На сегодняшний день в Челябинской области из 16 моногородов 7 относятся к моногородам, в которых сложное социально-экономическое положение, 5 городов — с рисками ухудшения социально-экономического положения, 4 города — со стабильным социально-экономическим положением. Социально-экономическое состояние городов зависит прежде всего от деятельности градообразующих предприятий, которые несут не только основную экономическую нагрузку, но и значительную социальную ответственность за ситуацию и развитие городов.

В регионе ряд моногородов обладает особым статусом. Так, три города имеют статус закрытых административно-территориальных образований (ЗАТО). Они находятся в ведении госкорпорации «Росатом». По численности населения попадают в группу «средние и малые города». В Озерске (основан в 1945 г.) и Трехгорном (в 1952 г.) доминирующая отрасль градообразующих предприятий — атомная промышленность (производится продукция ОПК и гражданская продукция — приборы для атомных электростанций). Статус Снежинска (основан в 1957 г.) — наукоград. Все три города отнесены к зоне со стабильным социально-экономическим положением.

Все моногорода Челябинской области в рамках межмуниципального и межрегионального взаимодействия являются участниками агломераций и конурбации. Это обеспечивает связанность территорий, позволяет снижать неоднородность социального положения моногородов, создавать для населения широкий доступ к социальной инфраструктуре региона. Однако возможности агломераций до сих пор не задействованы в полной мере в связи с ограничениями институционального, инфраструктурного, управленческого характера и др.

В настоящее время на территории Челябинской области насчитывается пять территорий опере-

жающего социально-экономического развития (ТОСЭР). Изначально ТОСЭР создавались, чтобы сформировать благоприятный инвестиционный климат на заданной территории с целью улучшения социально-экономического положения моногорода. Для представителей бизнес-структур это давало возможность получения некоторых привилегий, таких как упрощенное налогообложение, налоговые льготы, специальные условия госконтроля [17]. Особенностью ТОСЭР является то, что формирование инфраструктуры города осуществляется за счет не только бюджетного финансирования, но и активного привлечения инвестиций резидентов с целью обеспечения социально-экономического развития территории. Однако на сегодняшний день активность резидентов, реализующих свои инвестиционные проекты для развития бизнеса и территории города, недостаточна. В этом контексте необходимо проанализировать соотношение стимулов и ограничений в отношении резидентов ТОСЭР для привлечения инвестиций на территорию этих особых зон.

В порядке конкретизации социально-экономической ситуации в моногородах региона были выбраны для дальнейшего исследования три города из каждой зоны (красной, желтой, зеленой): соответственно Верхний Уфалей, Миасс, Магнитогорск. При этом главным звеном анализа явилось население, проживающее в моногородах, а также его трудоспособная часть, обеспечивающая экономическое развитие территории.

В моногородах, как правило, складывается сложная демографическая ситуация; исключением в этом контексте не является и Челябинская область, что наглядно отражено на примере трех городов региона. Графическая интерпретация демографических процессов в Верхнем Уфалее представлена на рис. 1.

Анализируя динамику, представленную на рисунке, отметим следующее: общая численность и численность трудоспособного населения Верхнего Уфалея снижалась. В течение всего периода (2012–2019) население убывало на величину от 1,5 до 2,2 %. Динамика темпов изменения численности трудоспособного населения за тот же период была нестабильна и находилась в отрицательной зоне; диапазон изменений темпов убыли составлял от 3,3 % (2017) до 11,7 % (2018), при этом темпы убыли трудоспособного населения значительно превышали темпы убыли численности всего населения. Наибольшее падение численности трудоспособного населения за-

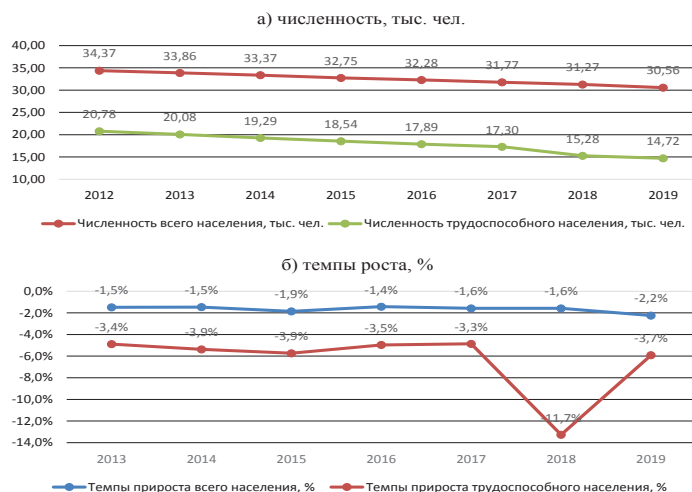

Рис. 1. Численность и темпы прироста населения Верхнего Уфалея

Источник: <https://rosstat.gov.ru/dbscripts/munst/munst.htm> (дата обращения: 20.09.2021).

фиксировано в 2017 г. Отметим, что в этом году градообразующее предприятие «Уфалейникель» было признано банкротом, произошло резкое сокращение работников предприятия, в городе возросла безработица¹. В сентябре 2020 г. завод был полностью демонтирован, а на его месте ныне строится новый завод по производству цинка. Неблагоприятная экономическая и социальная ситуация в Верхнем Уфалее вызвала отток людей из моногорода [7].

Графическая интерпретация демографических процессов в Миассе представлена на рис. 2.

Рассматривая численность и темпы прироста населения Миасса, отметим следующее. Численность всего населения росла с 2012 по 2017 г., но динамику сложно охарактеризовать как устойчивую, так как в 2016 и 2018 гг. наблюдался спад. Численность трудоспособного населения сокращалась в течение всего периода (2012–2019), при этом наибольшее высвобождение работников произошло в 2017 г. и составило 8,56 тыс. человек. Темпы изменения численности всего населения находились в рамках от +0,4 до –0,4 %. Ситуация с темпами изменения численности трудоспособного населения значительно хуже: она характеризовалась нестабильностью и резким спадом в 2017 г. (на 8,9 %), что во многом было связано с падением спроса на продукцию автомобильного завода «Урал» и переводом более 4,4 тыс. человек на неполный рабочий день².

¹URL: <https://tass.ru/ural-news/4683133> (дата обращения: 20.09.2021).

²URL: https://www.znak.com/2017-04-27/avtomobilnyy_zavod_ural_vse_zhe_perevodit_4_4_tys_

Графическая интерпретация демографических процессов в Магнитогорске представлена на рис. 3. Анализируя рисунок, отметим, что численность всего населения Магнитогорска росла с 2012 по 2017 г., затем началось убывание. Темпы изменения численности всего населения наибольшего спада достигли в 2019 г. и составили 0,8 %. Трудоспособное население города убывало на протяжении всего анализируемого периода, а в 2017 г. резко сократилось на 20 тыс. человек. Темпы изменения численности трудоспособного населения за весь анализируемый период отрицательные, при этом наибольший спад был зафиксирован в 2018 г. и составил 7,8 %.

Анализ демографических процессов по выбранным городам позволяет сделать ряд выводов:

а) изменение общей численности населения обозначенных городов: в Верхнем Уфалее снижение на 11 %, в Миассе и Магнитогорске численность практически не изменилась;

б) тенденция к снижению численности трудоспособного населения следующая: в Верхнем Уфалее эта численность с 2012 по 2019 г. сократилась на 29,17 %, в Миассе на 16,17 %, в Магнитогорске на 13,76 %.

Отмеченные неблагоприятные тенденции в функционировании моногородов региона существенно увеличивают риски их дальнейшего развития. Это подтверждает и проведенный контент-анализ ситуации в моногородах [8, 9, 11, 12, 14, 15]. Риски возникновения неблагоприятных тенденций в моногородах представлены в табл. 3.

сотрудников_на_неполную_неделю (дата обращения: 20.09.2021).

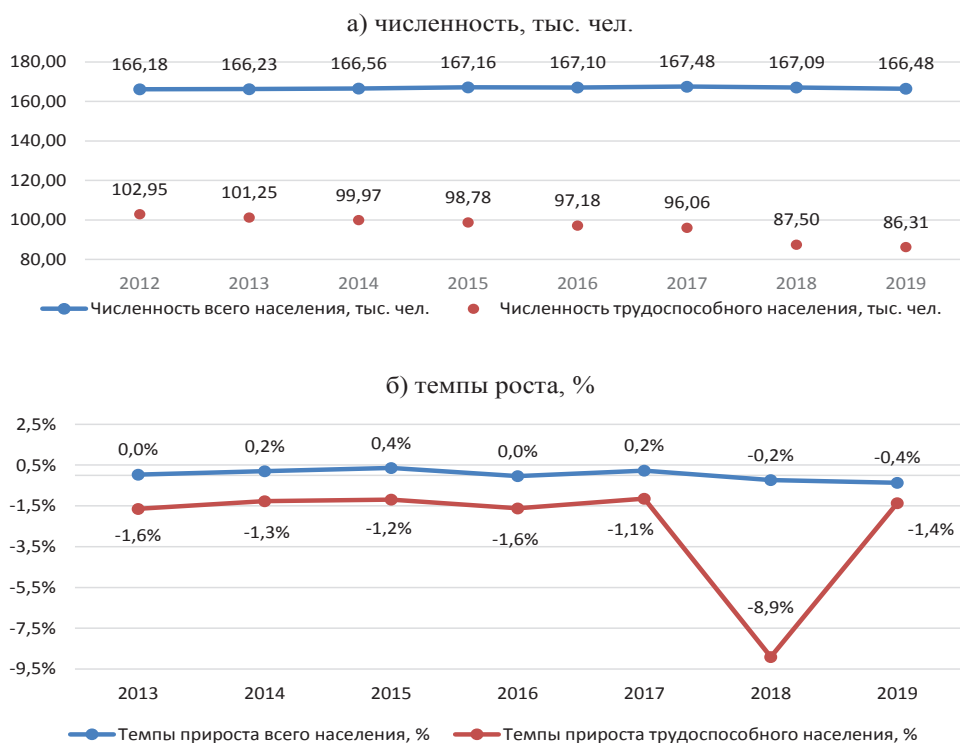

Рис. 2. Численность и темпы прироста населения Миасса

Источник: <https://rosstat.gov.ru/dbscripts/munst/munst.htm> (дата обращения: 20.09.2021).

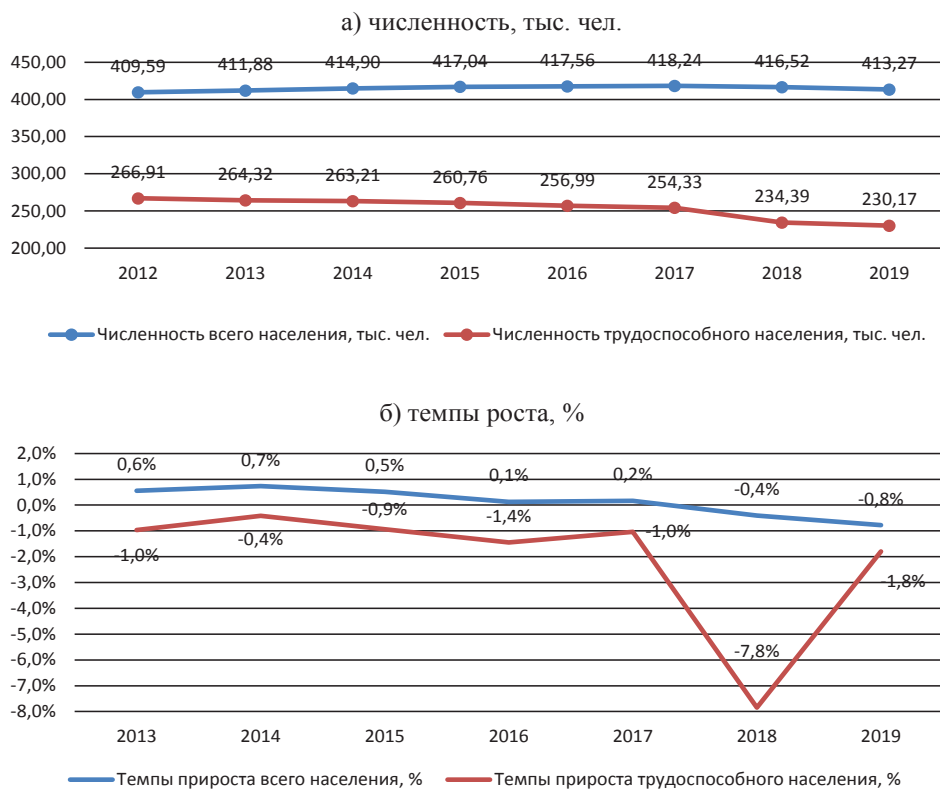

Рис. 3. Численность и темпы прироста населения Магнитогорска

Источник: <https://rosstat.gov.ru/dbscripts/munst/munst.htm> (дата обращения: 20.09.2021).

Таблица 3

Риски возникновения неблагоприятных тенденций в моногородах

Группа рисков	Виды рисков
Экономические	Отраслевая моноспециализация моногородов Низкий уровень диверсификации экономики Зависимость моноспециализированной экономики моногородов от конъюнктуры рынка Зависимость местного бюджета от налоговых поступлений градообразующего предприятия, от дотаций регионального бюджета Недостаточная инвестиционная активность резидентов Рост безработицы
Технологические	Износ основных производственных фондов Устаревшие промышленные и управленческие технологии
Экологические	Высокая антропогенная нагрузка на атмосферу, гидросферу и биосферу Канцерогенный риск от воздействия химических веществ, содержащихся на территории моногорода
Демографические	Снижение общей численности населения Естественная убыль населения Отток трудоспособного населения Нестабильность миграционных потоков
Пространственные ограничения	Слабая связанность территории (транспортная, логистическая) Неэффективное взаимодействие в рамках агломерационных объединений (институциональные, инфраструктурные ограничения)

Источник: составлено авторами.

Итак, проведенный анализ показал наличие ряда рисков и проблем в моногородах, в частности в Челябинской области, от решения которых зависит будущее социально-экономическое развитие этих городов. В связи с этим авторами сформулированы основные направления развития моногородов, которые представлены в табл. 4.

В таблице приведены возможные направления, которые способствуют развитию городов, о чем свидетельствуют исследования ученых, а также зарубежная и отечественная практика. В то же время очевидно, что направления и механизмы социально-экономического развития моногородов требуют дифференцированных подходов, которые различаются в зависимости от социально-экономического положения моногородов; численности населения в моногородах (людности): малый, средний, большой; локализации и степени их изолированности от других городов; размера, статуса, стадии жизненного цикла градообразующего предприятия; согласованности действий моногорода и градообразующего предприятия.

Заключение

Авторами уточнено понятие «моногород», сфера применения которого связана с монопрофиль-

ной специализацией градообразующего предприятия. Для понимания современного положения моногородов был проведен структурный (отраслевой) анализ экономики монопрофильных городов; выявлена доминирующая отраслевая специализация градообразующих предприятий; проанализированы демографические процессы в моногородах; выявлены возможности и ограничения пространственных факторов развития моногородов (транспортная, логистическая, агломерационная составляющие); проанализированы риски, обуславливающие неблагоприятную траекторию развития моногородов.

В результате было показано наличие ряда рисков и проблем в моногородах, в частности в Челябинской области, от решения которых зависит будущее социально-экономическое развитие этих городов. В связи с этим авторами сформулированы основные направления развития моногородов применительно к экономической, технологической, демографической, экологической сферам, а также меры по преодолению пространственных ограничений развития территорий, которые позволят решать социальные вопросы, вызванные многими факторами, важнейшим из которых является монопрофильная специализация производства.

Таблица 4

Основные направления и механизмы развития моногородов

Направления развития моногородов	Сферы и механизмы развития моногородов	Социальные эффекты
<i>В экономической сфере</i>		
Диверсификация экономики	Создание и развитие предприятий смежных и / или иных отраслевых специализаций по отношению к градообразующему предприятию. Развитие малого и среднего бизнеса. Развитие социальной сферы	Создание новых рабочих мест, самозанятости, в том числе в сфере услуг и социальной сфере
Реализация потенциала ТОСЭР	Использование преференций (в том числе налоговых) для создания благоприятного инвестиционного климата; привлечение инвесторов на территорию города. Увеличение налоговых поступлений в местный бюджет. Государственная поддержка ТОСЭР	Создание дополнительных рабочих мест, развитие территории (в том числе социальной инфраструктуры) за счет инвестиций резидентов
Реализация потенциала ЗАТО	Развитие технологий двойного назначения (продукция военного и гражданского назначения), создание высокотехнологичных рабочих мест	Создание высокотехнологичных рабочих мест, развитие социальной сферы за счет господдержки
Использование КИП	Использование комплексных инвестиционных проектов (КИП), синергетический и мультипликативный эффекты развития территории. Господдержка инвестиционных проектов, в том числе за счет федерального бюджета (софинансирование строительства и реконструкции инфраструктурных проектов моногородов)	Комплексное развитие территории за счет крупных инфраструктурных проектов, обеспечивающих дополнительную занятость
<i>В технологической сфере</i>		
Модернизация производственных мощностей, прежде всего градообразующего предприятия	Модернизация оборудования предприятий на основе новых технологий; переход на новую технологическую платформу «Индустрия 4.0»	Создание высокотехнологичных рабочих мест, улучшение условий труда
Переход к новым технологиям (цифровизация производственной и управленческой сфер)	Использование новых производственных и управленческих технологий, современных форм организации труда	Содействие новым формам занятости (удаленная работа, фриланс и др.), предоставление широкого спектра цифровых социальных услуг
<i>В экологической сфере</i>		
Снижение экологической нагрузки на население моногородов	Выполнение норм и требований, предусмотренных федеральным и региональным законодательством в сфере экологии; введение и следование экологическим стандартам региона (мониторинг, добровольный экологический аудит, формирование экологической репутации региона); эффективный механизм работы с ТКО	Создание и поддержание благоприятных экологических условий для населения города
<i>В демографической сфере</i>		
Разработка и реализация согласованной демографической политики на федеральном, региональном, муниципальном уровнях	Мониторинг занятости населения в моногородах. Реализация государственных мер поддержки занятости населения в монопрофильных городах; реализация нацпроекта «Демография» с учетом муниципальной составляющей	Рост общей численности, благосостояния населения, содействие занятости населения
<i>Преодоление пространственных ограничений</i>		
Использование эффектов агломерации	Обеспечение связанности территории, ко-операция товаропроизводителей, оптимизация транспортных и логистических потоков	Снижение дифференциации развития территорий, входящих в агломерацию
Межмуниципальное взаимодействие	Создание кластеров (продуктовых и технологических) для эффективного производства и вовлечение предприятий (в том числе малых) в цепочки создания стоимости	Создание дополнительных рабочих мест

Источник: составлено авторами.

Список литературы

1. Floyd C. F., Allen M. T., Real Estate Principles, 2002. 476 p.
2. Innis H. A., Lower A. R. M. (Ed.). Settlement and the mining frontier. Settlement and the Forest Frontier in Eastern Canada. Toronto : Macmillan of Canada, 1936. Pp. 170–407.
3. Landis P. H. Three iron mining towns: A study in cultural change. Edwards brothers, Incorporated, 1958. 210 p.
4. Leadbeater D. Mining towns and the new Hinterland crisis, Canadian Dimension, Dimension Publications Inc. 2004. No. 5. Pp. 41–44.
5. Magill D. W. Migration and occupational mobility from a nova scotia coal mining town, 1964. 84 p.
6. Rabenold-Finsel R. Carbon County, 2004. 28 p.
7. Абдурахимов Ю. В. Стратегия восстановительного роста и посткризисного развития малых индустриальных городов Южного Урала // Социум и власть. 2017. № 6 (68). С. 73–84.
8. Анимица Е. Г., Бочко В. С., Пешина Э. В., Анимица П. Е. Концептуальные подходы к разработке стратегии развития монопрофильного города / под ред. А. И. Татаркина, М. В. Федорова. Екатеринбург : УрГЭУ, 2010. С. 22.
9. Бартош А. А., Малышев Е. А. Монопрофильное муниципальное образование как особая категория научного исследования // Вестник ЗабГУ. 2017. № 5. С. 107–114.
10. Ветров Ф. А. «Моногород» в «Эксперте»: кризисный год // Череповецкие научные чтения. 2011. Ч. 1. С. 131–134.
11. Гранберг А. Г. Основы региональной экономики : учеб. для вузов. М. : ГУ ВШЭ, 2001. 95 с.
12. Зубаревич Н. В. Города на постсоциалистическом пространстве // Общественные науки и современность. 2010. № 5. С. 5–19.
13. Кулай С. В. Монопрофильное муниципальное образование (моногород): особенности российского и зарубежного понятийного аппарата // Вестник НГУЭУ. 2019. № 1. С. 262–274.
14. Малашенко Е. А., Мекуш Г. Е. Понятие «Моногород»: Российский и зарубежный взгляд // Ученые записки Крымского федерального университета имени В. И. Вернадского. Сер. География. Геология. 2020. Т. 6 (72), № 3. С. 125–134.
15. Манаева И. В. Методический инструментарий разработки сценариев социально-экономического развития моногорода : монография. Белгород : Белгород : БелГУ, 2014. 176 с.
16. Нещадин А. А., Горин Н. И. Феномен города: социально-экономический анализ. М., 2001. 239 с.
17. Фомин М. В., Безвербный В. А., Шушпанова И. С., Микрюков Н. Ю. и др. Моногорода Сибири и Дальнего Востока России: потенциал и перспективы развития // Вопросы государственного и муниципального управления. 2020. № 1. С. 137–165.

Сведения об авторах

Артемова Ольга Васильевна — доктор экономических наук, профессор, ведущий научный сотрудник Института экономики УрО РАН, Челябинский филиал. artemova.ov@uiec.ru

Узегов Артем Олегович — аспирант Института экономики УрО РАН. uzhegov.ao@uiec.ru

Bulletin of Chelyabinsk State University.
2021. № 10 (456). Economic Sciences. Iss. 74. Pp. 39–50.

PROSPECTS FOR THE DEVELOPMENT OF MONOTORES IN THE REGIONAL SPACE OF THE RUSSIAN FEDERATION

O. V. Artemova

*Chelyabinsk Branch of the Institute of Economics of the Ural Branch of the Russian Academy
of Sciences, Chelyabinsk, Russia. artemova.ov@uiec.ru*

A. O. Uzhegov

*Institute of Economics, Ural Branch of the Russian Academy of Sciences, Ekaterinburg, Russia.
uzhegov.ao@uiec.ru*

At the present time, the mission and functions of single-industry towns are being transformed under the influence of external and internal factors, while the risks associated with the single-industry nature of city-forming enterprises are increasing, which affects the living conditions of the population in these territories. It is noted that monotowns are represented in 61 constituent entities of the Russian Federation, which differ significantly in their socio-economic status. The largest concentration of the population living in single-industry towns is concentrated in the Volga, Siberian and Ural Federal Districts, the analysis of which in this study reveals the main problems, risks and limitations of the functioning of single-industry towns in modern conditions (economic, technological, demographic, etc.). The authors formulated the main directions of the development of single-industry towns in relation to the economic, technological, demographic, ecological spheres, as well as to overcome the spatial restrictions on the development of territories, the implementation of which will allow to overcome the crisis phenomena, stabilize their condition, and bring them to a favorable development trajectory.

Keywords: *single-industry town, region, demographic processes, industry specialization, development of single-industry towns, risks of single-industry specialization.*

References

1. Floyd C. F., Allen M. T. (2002) *Real Estate Principles*. 476 p.
2. Innis H. A., Lower A. R. M. (Ed.). (1936) *Settlement and the mining frontier. Settlement and the Forest Frontier in Eastern Canada*. Toronto, Macmillan of Canada, pp. 170–407.
3. Landis P. H. (1958) *Three iron mining towns: A study in cultural change*. Edwards brothers, Incorporated, 210 p.
4. Leadbeater D. (2004) *Mining towns and the new Hinterland crisis, Canadian Dimension, Dimension Publications Inc.*, no. 5, pp. 41–44.
5. Magill D. W. (1964) *Migration and occupational mobility from a nova scotia coal mining town*. 84 p.
6. Rabenold-Finsel R. (2004) *Carbon County*. 28 p.
7. Abdurahimov Y. V. (2017) *Socium i vlast'*, no. 6 (68), pp. 73–84 [in Russ.].
8. Animica E. G. (2010) Pod red. A.I. Tatarkina, M.V. Fedorova. Ekaterinburg: UrGEU, p. 22. [in Russ.].
9. Bartosh A.A., Malyshev E.A. (2017) *Vestnik ZabGU*, no. 5, pp. 107–114 [in Russ.].
10. Vetrov F. A. (2011) *Cherepoveckie nauchnye chteniya*, no. 1, pp. 131–134 [in Russ.].
11. Granberg A. G. (2001) *Uchebnik dlya VUZov*. Moskow, GU VSHE, 95 p. [in Russ.].
12. Zubarevich N. V. (2010) *Obshchestvennye nauki i sovremennost'*, no. 5. pp. 5–19 [in Russ.].
13. Kulaj S. V. (2019) *Vestnik NGUEU*, no. 1, pp. 262–274 [in Russ.].
14. Malashenko E. A., Mekush G. E. (2020) *Uchenye zapiski Krymskogo federal'nogo universiteta imeni V. I. Vernadskogo. Geografiya. Geologiya*, vol. 6 (72), no. 3, pp. 125–134 [in Russ.].
15. Manaeva I. V. (2014) *Metodicheskij instrumentarij razrabotki scenarijev social'no-ekonomicheskogo razvitiya monogoroda: monografiya*. Belgorod, BelGU, 176 p. [in Russ.].
16. Neshchadin A. A., Gorin N. I. (2001) *Fenomen goroda: social'no-ekonomicheskij analiz*. Moskow, 239 p. [in Russ.].
17. Fomin M. V., Bezverbnny V. A., Shushpanova I. S., Mikryukov N. Y., Lukashenko E. A., Miryazov T. R. (2020) *Voprosy gosudarstvennogo i municipal'nogo upravleniya*, no. 1, pp. 137–165 [in Russ.].

ТОЧКИ РОСТА ЭФФЕКТИВНОСТИ ИСПОЛЬЗОВАНИЯ МЕЛИОРАТИВНОГО ПОТЕНЦИАЛА РОССИИ

А. А. Узрюмова, Л. Е. Паутова, О. Ю. Гришаева

ФГБНУ ВНИИ «Радуга», Коломна, Россия

Исследование выполнено в рамках государственного задания Минсельхоза России на 2020 г.

Целью представленного исследования потенциала мелиоративного комплекса РФ стало выявление его состояния, ведущих тенденций формирования, значимых направлений совершенствования составляющих. В ходе исследования выявлена необходимость реализации управленческих решений в отрасли с учетом сложившейся территориальной дифференциации в уровне обеспечения и обновления кадрового и производственного капитала. Разработанные в результате исследования рекомендации позволяют выявить наиболее весомые точки роста мелиоративного потенциала РФ и повысить эффективность его использования за счет внедрения предложений по использованию рабочей силы и основных фондов. Улучшение эффективности управления кадрами позволит обеспечивать научно обоснованную комплектацию штата организаций, формировать систему управления путем повышения квалификации и переподготовки кадров отрасли, более обоснованно формировать фонд оплаты труда. Повышение эффективности использования основного капитала отразится на показателях фондоотдачи и фондовооруженности отрасли, что закономерно улучшит конечные показатели эффективности деятельности организаций мелиорации.

Ключевые слова: *мелиоративный потенциал, рабочая сила мелиорации, профессиональное развитие кадров, основной капитал отрасли.*

В настоящее время, в дополнение к нормативным документам, регулирующим восстановление и развитие мелиоративного комплекса РФ, разработана государственная программа [5], в основу которой заложено повышение эффективности мелиоративного комплекса РФ за счет рационального управления его основными производительными силами, то есть средствами производства и человеческими ресурсами отрасли. Конечная цель реализации программы — повышение экономической безопасности развития национального сельского хозяйства и продовольственного обеспечения страны за счет роста импортозамещения сельскохозяйственной продукции, повышения рентабельности и добавленной стоимости. В частности, заложена реализация двух основных направлений совершенствования экономического механизма отрасли — средств производства и человеческих ресурсов как наиболее определяющих элементов экономического роста и развития мелиорации.

Рекомендованный исследователями комплекс мероприятий по формированию и совершенствованию потенциала мелиоративного развития регионов РФ (рис. 1) включает следующие основополагающие направления:

- восстановление и обновление активной части основных фондов, не только позволяющие поддерживать инновационные возможности экономического роста отрасли, но и задающие темпы данного роста;
- реконструкция и капитальный ремонт основных мелиоративных фондов на орошаемых и осушаемых землях как способ поддержания основного капитала отрасли в работоспособном состоянии и поступательных темпов роста производительности труда;
- увеличение объемов эксплуатационных работ и затрат на обслуживание и ремонт мелиоративных систем и мелиоративных объектов федеральной собственности для обеспечения их работоспособного состояния и увеличения времени межремонтных периодов;
- улучшение качества мелиорированных земель до уровня «хорошее качество», что позволит повысить отдачу от использования данных земель;
- увеличение объема культуртехнических работ в целях ускорения процессов ввода в эксплуатацию мелиорируемых земель;
- реализация управленческих решений в отрасли с учетом сложившейся территориальной диф-

ференциации в уровне обеспечения и обновления основного капитала мелиорации.

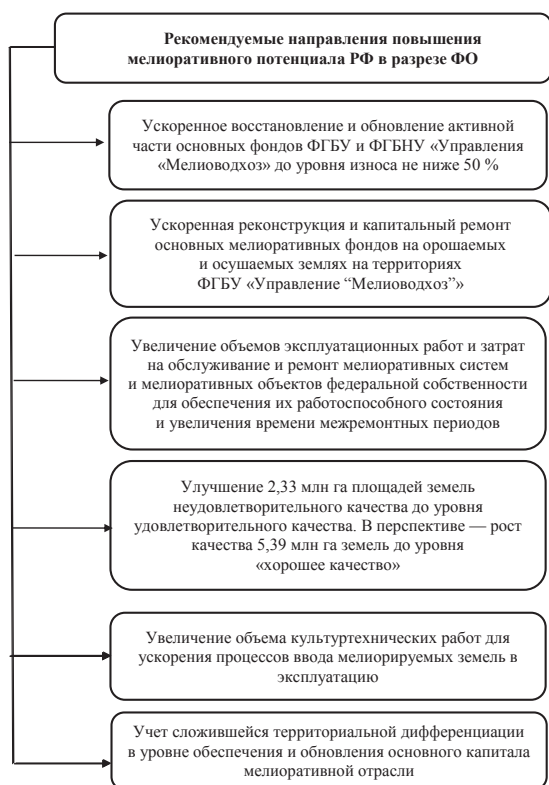

Рис. 1. Комплекс мероприятий по формированию потенциала мелиоративного развития регионов РФ

Источник: составлено авторами на основе [6, 12, 14, 16].

На основе результатов исследования В. В. Мелихова [10, 11] определено, что резервы мелиоративного потенциала связаны с решением проблемы возрастающего дефицита пресных вод на фоне климатических изменений, происходящих в настоящее время в РФ и в мире. Исследованы прогрессирующие процессы деградации, увеличения площади переувлажненных, заболоченных, закисленных, засоленных и закустаренных земель, а также земель, подвергшихся эродированию и опустыниванию.

Работы В. Н. Краснощекова [15, 19, 20] посвящены изучению влияния роли ресурсосберегающих и природоохранных технологий сельскохозяйственного производства на мелиорированных землях в повышении эффективности функционирования аграрного сектора экономики. Научные результаты Н. Н. Дубенка [7, 8] связаны с изучением орошаемых сельскохозяйственных площадей в структуре пахотных земель РФ, а также с обоснованием их роли для национальной продовольственной безопасности.

Вместе с этим в научной литературе недостаточно внимания уделено таким серьезным сторонам мелиоративного потенциала страны, как накопленный износ основного капитала, в том числе по его отдельным видам и с учетом дифференциации территорий РФ. Практически отсутствует анализ отраслевых инвестиционных потоков. Мало исследований, посвященных использованию мелиорируемых земель и анализу причин их недостаточно эффективного использования.

Одновременно в научно-исследовательских публикациях малоизученными являются вопросы, связанные с анализом отдельных сторон отраслевой рабочей силы. В частности, к таким вопросам следует отнести: управление системой повышения квалификации и переподготовки кадров; изучение тенденций, меняющих структуру и характеристики рабочей силы отрасли; изменение комплектации рабочей силы отрасли в территориальном масштабе страны.

Таким образом, представленное исследование является оригинальным и расширяет представление о компонентах и драйверах развития мелиорации в РФ и мелиоративного потенциала в частности. В первую очередь это касается таких его компонентов, как рабочая сила и основные фонды федеральных государственных бюджетных учреждений Департамента мелиорации Министерства сельского хозяйства Российской Федерации.

В целях повышения эффективности использования рабочей силы мелиоративных организаций Департамента мелиорации и на основе изучения [1–4, 9, 13, 17, 18] авторы рекомендуют реализацию следующего научно-методологического, нормативно-правового и методического обеспечения потенциала кадров мелиорации:

- использование при оценке потенциала рабочей силы мелиорации производственно-отраслевого подхода;
- формирование единой научно-практической методологии на всех уровнях исполнительных органов власти;
- разработка нормативно-методического обеспечения и технологии по формированию потенциала рабочей силы АПК, в частности мелиоративной отрасли;
- установление взаимосвязи в регламентирующих документах по формированию и развитию потенциала рабочей силы Департамента мелиорации между федеральным, региональным и отраслевым уровнями.

Наиболее комплексным и оптимальным научным подходом к эффективному использованию потенциала рабочей силы мелиорации, по мнению исследователей, является производственно-отраслевой. Именно в рамках данного подхода к основным элементам потенциала рабочей силы относятся комплексные и достаточно объективные показатели профессионально-отраслевой деятельности специалиста. Особенности применения и структурно-содержательные элементы производственно-отраслевого подхода наглядно представлены на рис. 2.

Внедрение производственно-отраслевого подхода позволяет: обеспечить возможность научно-практического анализа производственно-от-

раслевых особенностей потенциала рабочей силы мелиоративной отрасли, а также выявлять, и определять социально-экономические направления развития и эффективного использования в мелиоративной отрасли АПК.

Результаты теоретического анализа нормативно-правового обеспечения управления и направлений социально-экономического развития рабочей силы мелиоративной отрасли позволяют определить отсутствие:

- единой научно-практической методологии на всех уровнях исполнительных органов власти;
- нормативно-методического обеспечения и технологии по формированию потенциала рабочей силы АПК, в частности мелиоративной отрасли;

Рис. 2. Структурно-содержательные элементы применения производственно-отраслевого подхода
Источник: составлено авторами.

• взаимосвязи в регламентирующих документах по формированию и развитию потенциала рабочей силы Департамента мелиорации между федеральным, региональным и отраслевым уровнями.

С целью устранения выявленных недостатков рекомендуется органам исполнительной власти привести в соответствие нормативно-правовые акты (далее — НПА) по вопросам кадровой политики мелиоративной отрасли АПК. Рекомендательные мероприятия представлены в табл. 1.

Рекомендации по повышению эффективности структурно-кадрового обеспечения потенциала рабочей силы:

- разработка мер по «омоложению» возрастного потенциала рабочей силы мелиоративной отрасли;
- решение проблемы дефицита кадров в выявленных группах персонала отрасли (в частности группы «специалисты»);
- разработка единой нормативно-методической документации по нормированию труда для категорий должностей Департамента мелиорации.

К основополагающим задачам разработки предложенной документации, согласно нормативному и производственно-отраслевому подходу, считаем целесообразным отнести следующие:

- расчет и планирование численности руководителей, специалистов и служащих в целом по предприятию, по отдельным функциям управления и структурным подразделениям;
- формирование подразделений оптимального размера;
- распределение работ между исполнителями;
- определение нормы обслуживания и нормы времени обслуживания;
- составление типового отраслевого штатного расписания по видам учреждений Департамента мелиорации, дифференцированных в территориальном разрезе.

Рекомендовать федеральным органам исполнительной власти разработать и внедрить социальный механизм профессионально-карьерного развития молодых специалистов АПК, в частно-

Таблица 1

Рекомендации по нормативно-правовому обеспечению потенциала рабочей силы мелиорации АПК РФ

НПА по кадровой политике (федеральные)	Рекомендуемые мероприятия
Государственная программа Российской Федерации «Комплексное развитие сельских территорий», подпрограмма «Развитие рынка труда (кадрового потенциала) на сельских территориях» (Постановление Правительства РФ от 31.05.2019 г. № 696 (ред. от 17.10.2020)). В данной программе отсутствуют направления и целевые показатели по формированию потенциала рабочей силы АПК РФ	В части структуры госпрограммы определить соответствие между понятием «кадровый потенциал» и целевыми показателями реализации подпрограммы. В рамках данной подпрограммы разработать и реализовать проект, формирующий (развивающий) кадровый потенциал, в частности, разных отраслей АПК РФ
Государственная программа «Развитие сельского хозяйства и регулирование рынков сельскохозяйственной продукции, сырья и продовольствия на период до 2025 года». В рамках настоящей госпрограммы имеет место одно направление (подпрограмма) — «Устойчивое развитие сельских территорий», — частично учитывающее реализацию элементов кадровой политики АПК РФ в части целевых показателей занятости, активизации социальной активности сельского населения, создания высокотехнологичных рабочих мест	Разработать целевой проект по формированию потенциала рабочей силы АПК, в частности мелиоративной отрасли. Это обосновано тем, что в рамках данного НПА отсутствуют проекты или отдельные направления, решающие задачи кадрового обеспечения, развития в рамках АПК в целом и с учетом отраслевой специфики
Федеральная научно-техническая программа развития сельского хозяйства на 2017–2025 гг. (Постановление Правительства РФ от 25.08.2017 г. № 996). В структуре и показателях реализации данной программы указан один показатель, характеризующий кадровый потенциал и потенциал рабочей силы — по дополнительному профессиональному образованию научно-технических специалистов АПК	Включить целевые показатели, характеризующие структурно-функциональные особенности кадров как следствие потенциала рабочей силы и мероприятия по их достижению на всех уровнях исполнения. На основе системы показателей внедрить системный мониторинг по анализу и формированию потенциала рабочей силы АПК
Целесообразно на федеральном уровне разработать единую стратегию развития кадров и потенциала рабочей силы АПК РФ с проектами по отраслевой кадровой специфике	

Источник: составлено авторами.

сти, мелиоративной отрасли, как обеспечение социальной защищенности потенциальных специалистов на этапе профессиональной подготовки, гарантированной возможности получения бюджетного образования по выбранной профессии; формирования достойных условий профессиональной деятельности и оплаты труда.

Необходимо также разработать и внедрить мониторинг кадрового обеспечения Департамента мелиорации как основную технологию формирования потенциала рабочей силы отрасли.

Рекомендации по повышению эффективности социально-экономического использования и профессионального развития рабочей силы мелиоративной отрасли включают разработку единых отраслевых методических материалов для организации профессионального развития рабочей силы Департамента мелиорации АПК. В частности, разработку и реализацию следующих методических разработок:

- профессиональные отраслевые стандарты и квалификационные требования должностей руководителей, специалистов и служащих;
- соответствие уровня и профиля образования занимаемой должности;
- спецификация профессиональной деятельности и выполняемых трудовых функций;
- личностно-профессиональное развитие кадров мелиорации;
- структурно-содержательные элементы программ ДПО разного уровня.

В качестве определяющего принципа при направлении на обучение в рамках государственного задания необходимо предусматривать соблюдение предельных нормативных сроков и соответствие профессиональным компетентностям с разбивкой по персоналу ФГБУ «Управление «Мелиоводхоз»». Создание государственных отраслевых институтов ДПО как профессионально-образовательных центров профессионального мастерства АПК.

Разработать и внедрить информационно-программное обеспечение для оценки кадрового обеспечения и потенциала рабочей силы с учетом отраслевой специфики. Это предоставит возможность формирования индивидуальных профессионально-образовательных траекторий в рамках программ повышения квалификации и профессиональной переподготовки специалистов АПК.

Авторы предлагают усовершенствованную систему управления персоналом Департамента мелиорации, основанную на следующих принципах:

- адаптивность формирования человеческих ресурсов отрасли, нацеленную на соответствие мелиоративного потенциала территории и ее задач в области мелиоративного использования сельскохозяйственных площадей;
- соответствие системы управления персоналом Департамента мелиорации ведущим целевым ориентирам развития мелиорации в разрезе федерального образования РФ;
- волатильность и приспособляемость системы управления персоналом к изменяющимся условиям и состоянию человеческих ресурсов отрасли;
- своевременность реагирования на устранение негативных тенденций, формирующихся в количественных и качественных индикаторах развития человеческих ресурсов мелиоративной отрасли;
- дифференциация в управлении человеческими ресурсами отрасли в разрезе федерального образования;
- соблюдение принципа эффективности в использовании человеческих ресурсов отрасли как условие эффективной работы отраслевых предприятий в целом.

Таким образом, реализация обозначенных рекомендаций позволит выявить наиболее весомые точки роста мелиоративного потенциала РФ и повысить эффективность его использования за счет внедрения предложений по использованию рабочей силы и основных фондов федеральных государственных бюджетных учреждений Департамента мелиорации. В частности, в процессе использования отраслевой рабочей силы предполагается достижение улучшения как ее производительности, так и эффективности управления. Реализация предложенных рекомендаций позволит более обоснованно формировать фонд заработной платы ФГБУ, обеспечивать научно-обоснованную комплектацию штатного расписания организаций Департамента мелиорации и формировать систему управления повышением квалификации и переподготовки кадров отрасли. В свою очередь повышение эффективности использования основного капитала отразится на таких показателях, как его фондоотдача и фондовооруженность, что закономерно улучшит конечные показатели эффективности деятельности всех организаций ФГБУ Департамента мелиорации.

Список литературы

1. Федеральная научно-техническая программа развития сельского хозяйства на 2017–2025 гг., утв. Постановлением Правительства Российской Федерации от 25 августа 2017 г. № 996.
2. Концепция долгосрочного социально-экономического развития РФ до 2020 г., утв. Распоряжением Правительства РФ от 17.11.2008 № 1662-р (ред. от 28.09.2018).
3. Концепция развития непрерывного образования взрослых в Российской Федерации на период до 2025 г. URL: http://www.dpo-edu.ru/?page_id=13095 (дата обращения: 12.01.2021).
4. Стратегия развития аграрного образования в Российской Федерации до 2030 г. URL: http://www.bsaa.edu.ru/sveden/files/Strategiya_AO.pdf (дата обращения: 18.02.2021).
5. Проект Постановления Правительства РФ «Об утверждении государственной программы эффективного вовлечения в оборот земель сельскохозяйственного назначения и развития мелиоративного комплекса Российской Федерации» (по состоянию на 01.02.2021). URL: <https://www.welikepotato.ru/news/0302204> (дата обращения: 01.03.2021).
6. Григорьева Т. И. Финансовый анализ для менеджеров: оценка, прогноз : учеб. для бакалавриата и магистратуры. 3-е изд., перераб. и доп. М. : Юрайт, 2019. 486 с.
7. Дубенок Н. Н. Научные подходы к решению проблем мелиоративного комплекса нечерноземной зоны Российской Федерации // Современное состояние и инновационные пути развития мелиорации и орошаемого земледелия : материалы междунар. науч.-практ. конф. специалистов, ученых и аспирантов, посвящ. 75-летию Победы в Великой Отечеств. войне. Махачкала, 2020. С. 23–35.
8. Дубенок Н. Н. Основные составляющие стратегии развития мелиорации земель сельскохозяйственного назначения на 2021–2030 гг. // Доклады ТСХА. М., 2020. С. 3–8.
9. Краснощеков В. Н., Ольгаренко Д. Г. Роль комплексного обустройства территорий в обеспечении устойчивого функционирования и развития сельского хозяйства // Стратегии и инструменты экологически устойчивого функционирования и развития экономики : сб. тр. XV Междунар. науч.-практ. конф. Рос. о-ва экол. экономики. Ставрополь, 2019. С. 384–389.
10. Исследование влияния структуры кадров в орошаемом земледелии на систему повышения квалификации и переподготовки персонала: отчет о НИР. Коломна, 2019. 491 с.
11. Информационный портал ФГБНУ НИИ «Радуга» URL: <https://inform-raduga.ru/> (дата обращения 01.03.2021).
12. Мелихов В. В. Мелиорация — потенциал и стратегия развития АПК и сельских территорий России // Мелиорация в России: потенциал и стратегия развития : материалы Междунар. науч.-практ. интернет-конф. Волгоград. 2016. С. 7–14.
13. Мелихов В. В. О роли мелиорации земель сельскохозяйственного назначения в устойчивом развитии сельских территорий России // Орошаемое земледелие. 2017. № 1. С. 3–4.
14. Образовательные вызовы и драйверы кадров орошаемого земледелия РФ : монография / под ред. Г. В. Ольгаренко, А. А. Угрюмовой. М. : Русайнс, 2020. С. 92–93.
15. Провести исследования влияния государственной мелиоративной инфраструктуры на социально-экономическое развитие территории Российской Федерации: отчет о НИР. Коломна, 2020. 469 с.
16. Угрюмова А. А., Гришаева О. Ю. Нормативно-правовое обеспечение восстановления и развития мелиоративного комплекса РФ // Оценка программ и политик в условиях нового государственного управления : сб. ст. 2-й Всерос. науч.-практ. конф., г. Новосибирск, 19 ноября 2020 г. / под ред. д-ра экон. наук, проф. И. В. Барановой. Новосибирск : Изд-во НГТУ, 2020. С. 217–221.
17. Угрюмова А. А., Замаховский М. П., Паутова Л. Е. Современные процессы формирования кадрового потенциала мелиоративной отрасли РФ // Россия: тенденции и перспективы развития. Вып. 15, ч. 2. М., 2020. С. 296–303.
18. A new impetus for European cooperation in Vocational Education and Training to support the Europe 2020 strategy. COM (2010) 296 final, 9.6.2010. Brussels : European Commission, 2010.
19. Krasnoschekov V. N., Olgarenko D. G. Methodological trends of economic tool formation for regulation of natural resources use in agriculture // 18th International Multidisciplinary Scientific GeoConferences SGEM 2018. Conference proceedings. 2018. С. 485–490.
20. Krasnoschekov V., Margolina E. Eco-economic efficiency evaluation of agricultural development projects // Государственная служба. 2017. Т. 19, № 1 (105). С. 88–95.

Сведения об авторах

Угрюмова Александра Анатольевна — доктор экономических наук, профессор, главный научный сотрудник ФГБНУ ВНИИ «Радуга», Московская область, Коломенский г. о., п. Радужный. feminaa@mail.ru

Паутова Людмила Евгеньевна — кандидат психологических наук, старший научный сотрудник, руководитель УМЦ ДПО, ФГБНУ ВНИИ «Радуга», Московская область, Коломенский г. о., п. Радужный. cosidanie35@yandex.ru

Гришаева Олеся Юрьевна — кандидат экономических наук, старший научный сотрудник ФГБНУ ВНИИ «Радуга», Московская область, Коломенский г. о., п. Радужный. zelen_go@mail.ru

Bulletin of Chelyabinsk State University.

2021. № 10 (456). *Economic Sciences. Iss. 74. Pp. 51–58.*

IMPROVING THE EFFICIENCY OF USING THE RECLAMATION POTENTIAL OF THE RUSSIAN FEDERATION: ANALYSIS OF GROWTH POINTS

A. A. Ugryumova

Federal State Budgetary Institution All-Russian Scientific Research Institute "Raduga", Kolomna, Russia. feminaa@mail.ru

L. E. Pautova

Federal State Budgetary Institution All-Russian Scientific Research Institute "Raduga", Kolomna, Russia. cosidanie35@yandex.ru

O. Yu. Grishaeva

FGBNU VNIИ "Raduga", Kolomna, Russia. zelen_go@mail.ru

The purpose of the presented study of the potential of the reclamation complex of the Russian Federation was to identify its state, the leading trends of formation, and significant areas for improving the components. The study revealed the need to implement management decisions in the industry, taking into account the existing territorial differentiation in the level of provision and renewal of personnel and production capital. The recommendations developed as a result of the study allow us to identify the most significant points of growth of the reclamation potential of the Russian Federation and to increase the efficiency of its use through the introduction of proposals for the use of labor and fixed assets. Improving the efficiency of personnel management will allow us to provide a scientifically-based staffing of organizations, form a management system for professional development and retraining of industry personnel, and form a more reasonable salary fund. Improving the efficiency of use of fixed capital will be reflected in the indicators of return on assets and capital-labor ratio in the industry, which naturally improves the final performance of the organizations of reclamation.

Keywords: *reclamation potential, reclamation workforce, professional development of personnel, fixed capital of the industry.*

References

1. Federal'naya nauchno-tekhnicheskaya programma razvitiya sel'skogo khozyaystva na 2017–2025 gg., utv. Postanovleniyem Pravitel'stva Rossiyskoy Federatsii ot 25 avgusta 2017 g. № 996 [Federal science and technology agricultural development programme for 2017-2025, approved by the Government Decree of the Russian Federation No. 996 of 25 August 2017] [in Russ.].
2. Kontseptsiya dolgosrochnogo sotsial'no-ekonomicheskogo razvitiya RF do 2020 g., utv. Rasporyazheniyem Pravitel'stva RF ot 17.11.2008 № 1662-r [Concept of long-term socio-economic development of the Russian Federation for the period up to 2020, approved by the Government Order No. 1662-r of 17 November 2008] (red. ot 28.09.2018) [in Russ.].
3. Kontseptsiya razvitiya nepreryvnogo obrazovaniya vzroslykh v Rossiyskoy Federatsii na period do 2025 g. [Concept of development of continuing education for adults in the Russian Federation for the period to 2025]. Available at: http://www.dpo-edu.ru/?page_id=13095, accessed 12.01.2021 [in Russ.].

4. Strategiya razvitiya agrarnogo obrazovaniya v Rossiyskoy Federatsii do 2030 g. [Strategy of development of agricultural education in the Russian Federation to 2030] MSKHRF. Available at: http://www.bsaa.edu.ru/sveden/files/Strategiya_AO.pdf, accessed 18.02.2021 [in Russ.].
5. Projekt Postanovleniya Pravitel'stva RF «Ob utverzhdenii gosudarstvennoy programmy effektivnogo vovlecheniya v oborot zemel' sel'skokhozyaystvennogo naznacheniya i razvitiya meliorativnogo kompleksa Rossiyskoy Federatsii» (po sostoyaniyu na 01.02.2021) [Draft Decree of the Government of the Russian Federation «On approval of the government program of effective agricultural land rehabilitation and development of reclamation complex of the Russian Federation» (as at 1 February 2021)]. Available at: <https://www.welikepotato.ru/news/0302204>, accessed 01.03.2021 [in Russ.].
6. Grigor'yeva T. I. (2019) Finansovyy analiz dlya menedzherov: otsenka, prognoz: uchebnik dlya bakalavriata i magistratury [Financial analysis for managers: assessment, forecast: A textbook for undergraduate and Master's programmes] 3rd edition, updated and revised. Moscow, Yurayt, 486 p. [in Russ.].
7. Dubenok N. N. (2020) Sovremennoye sostoyaniye i innovatsionnyye puti razvitiya melioratsii i oroshayemogo zemledeliya, materialy mezhdunarodnoy nauchno-prakticheskoy konferentsii spetsialistov, uchenykh i aspirantov, posvyashchennoy 75-letiyu Pobedy v Velikoy Otechestvennoy voyne [Current state and innovative ways of land reclamation and irrigated culture development, Materials of the International scientific and practical conference of specialists, scientists and PhD students dedicated to the 75th anniversary of the Great Patriotic War victory]. Makhachkala, pp. 23–35 [in Russ.].
8. Dubenok N. N. (2020) Doklady TSKHA [Moscow Timiryazev Agricultural Academy Proceedings], pp. 3–8 [in Russ.].
9. Krasnoshchekov V. N., Ol'garenko D. G. (2019) Strategii i instrumenty ekologicheskoi ustoychivogo funktsionirovaniya i razvitiya ekonomiki. Sbornik trudov KHV Mezhdunarodnoy nauchno-prakticheskoy konferentsii Rossiyskogo obshchestva ekologicheskoy ekonomiki, pp. 384–389 [in Russ.].
10. Ugryumova A. A., Zamakhovskiy M. P., Pautova L. Ye. (2019) Issledovaniye vliyaniya struktury kadrov v oroshayemom zemledelii na sistemu povysheniya kvalifikatsii i perepodgotovki personala: otchet o NIR [Study of the influence of personnel structure in land reclamation on the system of advanced training and professional retraining of the personnel: A research report]. FGBNU VNII «Raduga», Kolomna, 491 p. No. GR NIOKTR AAAA-A19-119090290014-6 [in Russ.].
11. Informatsionnyy portal FGBNU VNII «Raduga» [FGBNU VNII «Raduga» data portal]. Available at: <https://inform-raduga.ru/>, accessed 18.02.2021 [in Russ.].
12. Melikhov V. V. (2016) Melioratsiya v Rossii: potentsial i strategiya razvitiya: materialy Mezhdunar. nauch.-prakt. internet-konf., 26 avg. 2016 g. Volgograd, pp. 7–14 [in Russ.].
13. Melikhov V. V. (2017) Oroshayemoye zemledeliye, no. 1, pp. 3–4 [in Russ.].
14. Ol'garenko G. V., Ugryumova A. A. (2020) Obrazovatel'nyye vyzovy i drayvery kadrov oroshayemogo zemledeliya RF: monografiya [Educational challenges and drivers of the Russian irrigation agriculture personnel: a monograph]. Moscow, RUSAYNS, pp. 92–93 [in Russ.].
15. Ugryumova A. A., Zamakhovskiy M. P., Pautova L. Ye., Grishayeva O. Yu. (2020) Provesti issledovaniya vliyaniya gosudarstvennoy meliorativnoy infrastruktury na sotsial'no-ekonomicheskoye razvitiye territorii Rossiyskoy Federatsii: otchet o NIR [Research on the impact of state reclamation infrastructure on the social and economic development of the territory of the Russian Federation: A research report]. FGBNU VNII «Raduga», Kolomna, 469 p. No. GR AAAA-A20-120041490018-0 [in Russ.].
16. Ugryumova A. A., Grishayeva O. Yu. (2020) Otsenka programm i politik v usloviyakh novogo gosudarstvennogo upravleniya: sbornik statey 2-oy Vserossiyskoy nauchno-prakticheskoy konferentsii, pp. 217–221. [in Russ.].
17. Ugryumova A. A., Zamakhovskiy M. P., Pautova L. Ye. (2020) Rossiya: Tendentsii i perspektivy razvitiya. Yezhegodnik. Vyp. 15. Ch. 2. Moscow, pp. 296–303 [in Russ.].
18. (2010) A new impetus for European cooperation in Vocational Education and Training to support the Europe 2020 strategy. COM (2010) 296 final, 9.6.2010. vols. Brussels, European Commission.
19. Krasnoschekov V. N., Olgarenko D. G. (2018) 18th International Multidisciplinary Scientific GeoConferences SGEM 2018. Conference proceedings, pp. 485–490.
20. Krasnoshchekov V., Margolina E. (2017) *Gosudarstvennaya sluzhba*, vol. 19, no. 1 (105), pp. 88–95.

ГОСУДАРСТВЕННАЯ ПОДДЕРЖКА СЕЛЬСКИХ ТЕРРИТОРИЙ ЕВРОПЕЙСКОГО СОЮЗА: СОДЕРЖАНИЕ И РЕЗУЛЬТАТЫ РЕФОРМИРОВАНИЯ

С. Г. Головина¹, Е. В. Абилова², Л. Н. Смирнова³

¹ Уральский государственный аграрный университет, Екатеринбург, Россия

² Челябинский государственный университет, Челябинск, Россия

³ Курганская государственная сельскохозяйственная академия имени Т. С. Мальцева, Курган, Россия

Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ и Челябинской области в рамках научного проекта № 20-410-740018

Европейский опыт государственной поддержки развития сельских территорий (имеется в виду опыт стран Европейского Союза) заслуживает внимания ученых, политиков, практиков, а следовательно, тщательного изучения в силу длительной (эволюционной) истории и имеющихся в связи с этим возможностей специфицировать тенденции в организации политики сельского развития европейских стран (членов ЕС), определить, почему именно и каким образом меняются ее направления, механизмы, инструменты, оценить эффективность реализации политических инициатив на определенных этапах развития общества в тех или иных условиях среды. Цель данной статьи — представить основное содержание европейской политики, направленной на поддержку сельских районов стран — членов Европейского Союза, отражая контент осуществляемых в последние годы реформ и обозначая их планы по вопросам совершенствования господдержки в странах — членах ЕС как на ближайший период (2021–2027 гг.), так и на длительную перспективу (до 2040 г.). Полученные исследовательские выводы, отражающие некоторые существенные особенности современного этапа реализации Единой сельскохозяйственной политики ЕС, а также стратегические перспективы ее (политики) дальнейшего развития имеют важное теоретико-практическое значение для многих других стран, включая Россию.

Ключевые слова: государственная поддержка, сельские территории, Единая сельскохозяйственная политика, Европейский Союз, реформы.

Введение

Как известно, на территории Европейского Союза еще с 1962 г. (то есть практически на протяжении шестидесяти лет) успешно реализуется Единая сельскохозяйственная политика (САР), причем с 2000 г. в ее системе выделяется особый компонент (Second Pillar), адресованный непосредственно сельским территориям. Такая длительная эволюционная история и богатый опыт господдержки сельских территорий позволяет не только идентифицировать отдельные положительные практики, имеющиеся в границах ЕС (это, безусловно, важно, но относительно не сложно), а главным образом: 1) выделить функции ЕС на всех этапах реализации САР; 2) проанализировать содержание и эффективность использования различных инструментов поддержки; 3) специфицировать тренды развития политики в условиях глобальных вызовов и угроз, учитывая при этом региональные проблемы и потребности. Решение данных задач отражается в цели исследования

(раскрыть основное содержание европейской политики, направленной на поддержку сельских районов стран — членов Европейского Союза, отражая контент осуществляемых в последние годы реформ и обозначая их планы по вопросам совершенствования господдержки в странах — членах ЕС как на ближайший период (2021–2027 гг.), так и на длительную перспективу (до 2040 г.), результаты которого представлены в данной научной публикации).

Методы и материалы

Обозначенная в работе цель достигнута с использованием различных обзорно-аналитических методов, в числе которых: 1) периодизация планов и результатов осуществления политических мероприятий и программ; 2) скрупулезный анализ имеющейся статистики; 3) тщательное изучение европейского законодательства, разработанного для реализации соответствующих политических инициатив; 4) обобщение теоретических исследований, аналитических отчетов и форму-

лирование (в итоге) важных научных выводов. Пристальному изучению подлежали и документы ЕС: 1) Регламент Европейского Парламента и Совета ЕС № 1305/2013 от 17 декабря 2013 г. (далее — Регламент № 1305/2013), определяющий порядок поддержки сельских районов Европейским фондом развития сельских территорий (European Agricultural Fund for Rural Development — EAFRD)¹; 2) Регламент Европейского парламента и Совета № 1306/2013 от 17 декабря 2013 г. (далее — Регламент № 1306/2013) о финансировании, управлении и мониторинге единой сельскохозяйственной политики²; 3) Регламент № 2017/2393 от 13 декабря 2017 г. (далее — Регламент № 017/2393), вносящий поправки в Регламент № 1305/2013³. Более того, особое значение для предпринятой в исследовании аналитической работы имела, во-первых, информация, содержащаяся в отчетах EAFRD за последние годы (период 2014–2020 гг.), во-вторых, опубликованные плановые материалы фонда на следующий этап реформирования CAP (2021–2027 гг.).

Результаты

Начать следует с того, что Европейский Союз расходует существенную часть своего бюджета (около 30 %) на поддержку аграрной отрасли экономики и сельских территорий, что подтверждает их значимое место в сложившихся общественных приоритетах и обеспечении национальной безопасности стран — членов ЕС [1]. Подтверждая важность сельских территорий для развития европейских стран (членов ЕС), статистика демонстрирует следующие факты: 30 % населения ЕС постоянно проживает в сельских населенных пунктах; 83 % территории ЕС (341 млн га), согласно действующей в Европе классификации, составля-

ют сельские территории; на 43 % этих площадей осуществляется сельскохозяйственное производство; 47,5 % сельских территорий идентифицируются в качестве удаленных [2].

Единая сельскохозяйственная политика ЕС, в рамках которой реализуется данная государственная поддержка, переживает постоянные трансформации, связанные с некоторыми объективными причинами, такими как: 1) изменение состава ЕС (первоначальный вариант ЕС, объединяющий Францию, Италию, Германию, Бельгию, Нидерланды, Люксембург, в 1973 г. был расширен вступлением в ЕС Дании, Ирландии, Великобритании, в 1981 г. — Греции, в 1986 г. — Испании и Португалии, в 1995 г. — Австрии, Финляндии, Швеции, в 2004 г. — Кипра, Чехии, Эстонии, Венгрии, Латвии, Литвы, Мальты, Польши, Словакии, Словении, в 2007 г. — Румынии, Болгарии, в 2013 г. — Хорватии, а 2020 г. ознаменовался, наоборот, выходом из ЕС Великобритании); 2) трансформация целей, приоритетов и инструментов воздействия государства на функционирование сельскохозяйственного производства (и связанных с ним отраслей) и состояние сельских территорий.

Что касается последнего, то особого внимания заслуживают процессы адаптации политики к изменениям глобальной и европейской внешней среды, а также особенности применяемых в ходе реализации CAP стратегий, которые, с одной стороны, решают определенные проблемы стран — членов ЕС в области аграрной деятельности и сельского развития, с другой — порождают некоторые сложности, обуславливающие новые реформы. Коротко описывая содержание некоторых предпринятых трансформаций, можно выделить несколько важных аспектов.

1. Исходная задача CAP сводилась, по сути, к гарантированному обеспечению населения продовольствием за счет поддержки государством аграрных производителей (прежде всего путем сохранения высоких цен на их продукцию), что, однако, постепенно привело к дисбалансу на рынке сельскохозяйственной продукции.

2. С 1992 г. предпринимаются определенные новшества, являющиеся существенным основанием изменения механизмов поддержки фермеров, а именно переход от субсидирования цен к субсидированию доходов, компенсация потерь которых была организована через прямые денежные выплаты на гектар земельной площади в растениеводстве и на одну голову скота в животноводстве.

¹European Parliament. Regulation (EU) No 1305/2013 of The European Parliament and of the Council of 17 December 2013 on Support for Rural Development by the European Agricultural Fund for Rural Development (EAFRD) and Repealing Council Regulation (EC) No 1698/2005 // Official Journal of the European Union. 2013. Vol. 56. No. 347. Pp. 487–548.

²European Parliament. Regulation (EU) No 1306/2013 of the European Parliament and of the Council of 17 December 2013 on the Financing, Management and Monitoring of the Common Agricultural Policy // Official Journal of the European Union. 2013. No. 347. Pp. 549–607.

³European Parliament. Regulation (EU) No 2017/2393 of The European Parliament and of the Council of 13 December 2017 // Official Journal of the European Union. 2017. Vol. 56. No. 350. Pp. 15–49.

3. В марте 1999 г. Берлинским Советом Европы (24–25 марта 1999 г.) достигается соглашение, утвердившее как новую стратегию CAP, так и ее новые задачи, в числе которых:

- выравнивание цен на продукцию Европейского Союза с мировыми ценами, причем одновременно с прямой помощью производителям в целях частичной компенсации потерь;
- обязательное соблюдение государствами — членами ЕС экологических требований как условие предоставления финансовой помощи для развития сельских территорий (с возможностью ее сокращения при нарушении экологических стандартов);
- введение качественно новой политики развития сельских районов, известной как второй компонент CAP (Second Pillar);
- определение на последующие годы (2000–2006) жестких финансовых рамок CAP с целью обеспечения ее стабильного бюджета.

В качестве новых механизмов политики можно отметить: 1) отказ от «привязки» объемов финансовой помощи к объемам производства продукции (введение так называемой «несвязанной» поддержки — единовременного платежа как гарантии стабильности доходов) для обеспечения сугубо рыночной ориентации производителей при определении параметров их деятельности; 2) сведение особых условий отмеченных выплат к выполнению определенного ряда критериев, касающихся состояния окружающей среды, условий жизни населения, отношения к животным; 3) обеспечение совместности содержания CAP с правилами ВТО (включение обозначенных выплат в «зеленый ящик — green box» ВТО); 4) предоставление возможности странам — членам ЕС осуществлять (помимо единовременных выплат в рамках второго компонента CAP) выплаты на гектар обрабатываемой сельхозпроизводителями площади согласно региональным (национальным) критериям в целях соблюдения исторической преемственности в организации национальных аграрных политик (совмещение общеевропейской модели поддержки сельского хозяйства и сельских территорий с национальными моделями); 5) строгое соблюдение финансовой дисциплины, усиленной в 2007 г. заморозкой первого компонента CAP и введением ежегодных ограничений («потолков») финансовых выплат.

4. Переходный период от CAP 2003 г. к CAP 2013 г. предполагает: 1) постепенный отказ от оставшихся платежей, связанных с объемами производства; 2) переориентацию части средств

первого компонента политики (First Pillar) на второй (Second Pillar), связанный с непосредственной поддержкой развития сельских территорий; 3) обеспечение гибкости правил государственного вмешательства и контроля за поставками сельскохозяйственной продукции с целью более оперативной реакции фермеров на сигналы рынка. При этом переход к новому контенту CAP (2013 г.), означавшему более глобальный и комплексный подход к организации политики (Регламент № 1308/2013 от 17 декабря 2013 г.¹), в том числе более строгую ориентацию на многофункциональность сельского хозяйства и сельских территорий [3], детерминирует существенные изменения относительно условий поддержки фермеров, в частности, осуществляется переход от общей поддержки фермерских доходов к строгой ее организации с учетом сформулированных обществом целей. Безусловно, современные этапы реализации Единой сельскохозяйственной политики ЕС, а именно 2014–2020 и 2021–2027 гг. (с прогнозом на более длительный лаг до 2040 г.), представляют наиболее значимый исследовательский интерес и поэтому подвергаются скрупулезному научному анализу и обобщению [4, 5].

Фокусируясь на той части CAP, которая обращена непосредственно к развитию сельских территорий, напомним, что в рамках данной политики через Европейский фонд сельскохозяйственных гарантий (European Agricultural Guarantee Fund — EAGF) реализуется первый ее компонент (First Pillar): поддерживаются доходы фермерских хозяйств, осуществляются меры, корректирующие ситуацию на аграрных рынках; а через Европейский фонд развития сельских территорий (EAFRD) — второй компонент (Second Pillar), согласно функциям которого применяются инструменты позитивного воздействия на состояние сельских территорий [6]. Структурно расходы данных фондов, а следовательно, и расходы CAP в целом, выглядят так, что примерно 70 % составляет прямая поддержка фермеров, 5 % — рыночные меры и 25 % — помощь сельским районам ЕС (табл. 1). Европейский фонд развития сельских территорий при этом расходует свои сред-

¹European Parliament. Regulation (EU) No. 1308/2013 of the European Parliament and of the Council of 17 December 2013 Establishing a Common Organization of the Markets in Agricultural Products and Repealing Council Regulations (EEC) No. 922/72, (EEC) No. 234/79, (EC) No. 1037/2001 and (EC) No. 1234/2007 // Official Journal of the European Union. 2013. Vol. 56. No. 347. Pp. 671-854.

ства на такие направления: 1) создание рабочих мест, в том числе вне сельскохозяйственной отрасли производства; 2) обеспечение связей между городами и сельскими районами (особенно в контексте развития информационных технологий); 3) поддержка малого и среднего (аграрного и неаграрного) бизнеса (в том числе основанного на инновациях); 4) контроль рисков в границах сельских территорий (включая самые современные, связанные с изменением климата и биологическими угрозами); 5) развитие базовой инфраструктуры в сельской местности (согласно достигнутым в странах ЕС стандартам).

Таблица 1

Расходы CAP в отдельные программные периоды, млрд евро

Виды расходов	2014–2020 гг.	2021–2027 гг.
Прямые платежи (First Pillar)	291,273	270,02
Корректировка рынков (First Pillar)	17,453	22,26
Развитие сельских территорий (Second Pillar)	99,587	95,52
Всего	408,313	387,80

Источник: составлено авторами по регламентам ЕС № 1305/2013 и 2017/2393.

Важно подчеркнуть, что EAFRD, участвуя в реализации национальных программ сельского развития, осуществляет расходы лишь на условиях софинансирования, в связи с чем фактическая сумма, выделенная на эти цели в 2014–2020 гг., составила 161,2 млрд евро. В целом можно констатировать, что в этот период странами — членами ЕС реализуются 118 программ (их действие продлено до 2022 г.), содержание которых сориентировано на цели и приоритеты CAP, специфицированные на данный временной период. Причем в качестве главных целей политики определены «повышение конкурентоспособности аграрной экономики как основы сельского развития, достижение устойчивого управления природными ресурсами и успешная имплементация мер по борьбе с изменением климата и его последствиями, сбалансированное территориальное (социально-экономическое) развитие» [7]. Что касается перечня приоритетов, то в их числе отмечаются «содействие оперативному трансферу знаний и инноваций, повышение жизнеспособности фермерских хозяйств и конкурентоспособности сельского хо-

зяйства в целом, организация короткой пищевой цепи (включая переработку и маркетинг сельскохозяйственной продукции) и сокращение рисков на каждом из ее звеньев, восстановление, сохранение и улучшение экосистем, связанных с сельским и лесным хозяйством, повышение эффективности использования ресурсов и переход в сельскохозяйственном, продовольственном и лесном секторах к низкоуглеродному производству, которое более устойчиво к последствиям изменения климата, содействие социальной интеграции, сокращению бедности и экономическому развитию сельских районов» [8].

В то время как общее целеполагание Единой сельскохозяйственной политики ЕС кардинально не меняется с момента ее основания, некоторые отличия в ее организации в разные периоды все же существуют (см. табл. 2).

Необходимо отметить, что Единая сельскохозяйственная политика ЕС на каждом временном отрезке реализуется через сложную систему взаимосвязанных элементов. Так, сформулированные на 2014–2020 гг. приоритеты (всего их шесть) находят выражение в специфицированных в соответствующих регламентах фокус-сферах, которые, в свою очередь, предполагают использование определенной совокупности мер (см. табл. 3).

Безусловно, существующее законодательство не только увязывает определенные им фокус-сферы с набором конкретных мер, но и определяет объемы финансирования по каждой из них, что осуществляется, как было отмечено, через Европейский фонд развития сельских территорий (см. табл. 4).

В результате взаимоувязки приоритетов, фокус-сфер и специфицированных законодательством мер большая часть расходов EAFRD (44 %) приходится на экосистемные мероприятия, 20 % — на повышение конкурентоспособности аграрных хозяйств, сельского и лесного хозяйства в целом, 15 % — на улучшение условий жизни сельского населения (сельское развитие). Остальные приоритеты занимают в общей сумме финансирования гораздо меньшие доли (организация пищевой цепи и управление рисками — около 10 %, создание ресурсоэффективной, устойчивой к изменению климата экономики — 8 %, оставшиеся 3 % — трансфер знаний и инноваций). Особенность организации политики такова, что многие приоритеты реализуются с опорой на фермерские хозяйства через стимулирующие мероприятия, касающиеся непосредственно фермеров. Концептуальная идея

Таблица 2

Содержание CAP в последние плановые периоды

Показатель	2014–2020 гг.	2021–2027 гг.
Особые цели политики развития сельских территорий	Обеспечение адекватных доходов сельских жителей. Успешная адаптация сельских территорий к изменению климата, устойчивое управление природными ресурсами. Оказание помощи сельской экономике, создание дополнительных рабочих мест в сельском хозяйстве (и связанных с ним секторах), а также других приемлемых для сельских территорий сферах деятельности	Поощрение эффективных фермерских хозяйств в расчёте на то, что они будут соответствовать ожиданиям общества в улучшении состояния сельских территорий и помощи сельским сообществам. Особая поддержка молодежи, начинающих бизнесменов, женщин в реализации их проектов, касающихся сельского развития. Инкорпорация в хозяйственную практику «умного» сельского хозяйства и «умных» деревень
Ключевые особенности в направлениях и механизмах реализации	Более строгая ориентация на многофункциональность сельского хозяйства и сельских территорий. Переход от общей поддержки фермерских доходов к строгой ее увязке с выполнением фермерами сформулированных обществом задач (экономических, экологических, социальных)	Ослабление поддержки аграрных производителей в расчёте на их творческий и профессиональный потенциал к самостоятельному повышению конкурентоспособности. Очевидная концентрация на развитии сельских территорий в эпоху глобального изменения климата, экологических, техно-сферных, биологических угроз

Источник: составлено авторами по регламентам ЕС № 1305/2013 и 2017/2393.

Таблица 3

Элементы CAP в 2014–2020 годах

Приоритет	Фокус-сферы
1. Передача знаний и инноваций	1А. Содействие инновациям, сотрудничеству и развитию баз знаний в сельской местности. 1В. Укрепление связей между сельским хозяйством, производством продуктов питания и лесным хозяйством, исследования и инновации. 1С. Содействие непрерывному обучению и профессиональному обучению в сельскохозяйственном и лесном секторах
2. Жизнеспособность и конкурентоспособность хозяйств	2А. Улучшение экономических показателей хозяйств, содействие их реструктуризации и модернизации. 2В. Содействие вступлению в сельскохозяйственный сектор квалифицированных фермеров и обновление поколений фермеров
3. Организация пищевой цепи и управление рисками	3А. Повышение конкурентоспособности первичных производителей за счет их лучшей интеграции в агропродовольственную цепочку. 3В. Предотвращение и управление рисками на фермах
4. Восстановление, сохранение и улучшение экосистем	4А. Восстановление, сохранение и приумножение биоразнообразия. 4В. Улучшение управления водными ресурсами. 4С. Предотвращение эрозии почв; улучшение управления почвами
5. Ресурсоэффективная, климатоустойчивая экономика	5А. Повышение эффективности использования воды в сельском хозяйстве. 5В. Повышение эффективности использования энергии в сельском хозяйстве и пищевой промышленности. 5С. Содействие поставке и использованию возобновляемых источников энергии. 5D. Снижение в сельском хозяйстве выбросов парниковых газов и аммиака. 5Е. Содействие сохранению и секвестрации углерода в сельском и лесном хозяйстве
6. Социальная встроенность сельского населения и успешное сельское развитие	6А. Содействие диверсификации, созданию и развитию малых предприятий, а также созданию новых рабочих мест. 6В. Содействие местному развитию в границах сельских территорий. 6С. Повышение доступности и качества используемых информационных и коммуникационных технологий (ИКТ) в сельских районах

Источник: составлено авторами по Регламенту Европейского Парламента и Совета ЕС № 1305/2013 (с. 547–548).

такой поддержки заключается в том, что именно фермеры (как основные «игроки» в сельском пространстве) способны не только выполнять важные экономические функции (более 90 % аграрных хозяйств ЕС функционируют в форме семейных фермерских хозяйств), но и с позиции затрат и результатов более эффективно решать актуальные экологические и социальные задачи, причем без необходимости создания дополнительных государственных структур [9, 10]. В связи с этим лишь 14,8 % расходов EAFRD не имеют непосредствен-

ного отношения к фермерству, а представляют собой неаграрные статьи финансирования (наиболее значимые из них: финансовые расходы на обеспечение программы LEADER — 7,1 %, финансирование сельской инфраструктуры — 6,1 %).

Что касается реформы 2021–2027 гг., отметим, что первые два года из них (2021–2022 гг.) определены для переходных мероприятий, а последующие нацелены на создание: 1) благоприятных условий жизнедеятельности селян; 2) продуктивной среды для формирования релевантного ди-

Таблица 4

**Финансовый план Европейского фонда развития сельских территорий (EAFRD)
на 2014–2020 годы**

Принимаемые меры (согласно Регламенту № 1305/2013)		млн EUR	%
Мера 01	Передача знаний и информационные мероприятия (ст. 14)	973,6	1,0
Мера 02	Консультационные услуги по управлению фермой и услуги по оказанию технологической помощи фермам (ст. 15)	606,1	0,6
Мера 03	Схемы качества сельскохозяйственной продукции и продуктов питания (ст. 16)	368,6	0,4
Мера 04	Инвестиции в физические сельскохозяйственные активы (ст. 17)	22860,8	22,8
Мера 05	Восстановление потенциала сельскохозяйственного производства, поврежденного в результате стихийных бедствий и катастроф, принятие соответствующих превентивных мер (ст. 18)	807,5	0,8
Мера 06	Развитие фермы и бизнеса (молодые фермеры, малый бизнес) (ст. 19)	6701,1	6,7
Мера 07	Основные услуги в сельской местности и обновление села (ст. 20)	6893,5	6,9
Мера 08	Инвестиции в развитие лесных территорий и повышение жизнеспособности лесов (ст. 21)	4257,4	4,3
Мера 09	Создание фермерских групп и организаций (ст. 27)	266,4	0,3
Мера 10	Агроокружающая среда и климат (ст. 28)	16443,4	16,4
Мера 11	Органическое сельское хозяйство (ст. 29)	7451,3	7,4
Мера 12	Платежи по Natura 2000 и Водной рамочной директиве (ст. 30)	606,6	0,6
Мера 13	Платежи районам, сталкивающимся с естественными или другими специфическими ограничениями (ст. 31)	16732,2	16,7
Мера 14	Забота о животных (ст. 33)	1809,1	1,8
Мера 15	Экологическое и климатическое обслуживание лесов, их охрана (ст. 34)	240,0	0,2
Мера 16	Сотрудничество (кооперация) (ст. 35)	1676,4	1,7
Мера 17	Управление рисками (ст. 36)	1613,0	1,6
Мера 18	Финансирование дополнительных национальных прямых платежей для Хорватии (ст. 40)	111,9	0,1
Мера 19	Поддержка местного развития LEADER — развитие под руководством местных сообществ (ст. 35)	7011,4	7,0
Мера 20	Техническое сопровождение CAP (ст. 51-54)	2155,0	2,2
Мера доп. 1	Досрочный выход на пенсию	493,8	0,5
Мера доп. 2	Соответствие стандартам, основанным на законодательстве Европейского союза	0,0	0,0
Мера доп. 3	Приобретение необходимых навыков; регулярное обучение	0,6	0,0
Всего		100079,5	100,0

Источник: составлено авторами по Регламенту № 1305/2013 с учетом предпринятых в ходе его реализации корректировок.

намичному развитию отрасли и территорий человеческого капитала; 3) стимулов для удержания в границах сельских территорий специалистов и работников (в том числе молодых, начинающих трудовую и профессиональную жизнь), способных и желающих заниматься сельскохозяйственной деятельностью [11].

Законодательно предусмотренная на этот период программа сформулирована в Регламенте № 2017/2393, вносящем поправки в Регламенты № 1305/2013, 1306/2013, 1307/2013, 1308/2013 и 652/2014. Единая сельскохозяйственная политика, утвержденная Европейской Комиссией уже в 2018 г., должна, согласно ее содержанию, прежде всего стать ключом к достижению целей, сформулированных в Европейском зеленом курсе (European Green Deal). Именно в связи с этим очевиден разворот CAP к активному поощрению выполнения европейскими фермерами обозначенных в этом курсе задач и внесения ими существенного вклада в борьбу с изменением климата (его серьезными последствиями), защиту окружающей среды, переход к практикам устойчивого ведения сельского и лесного хозяйства, а в итоге — к устойчивым продовольственным системам [12]. Примечателен факт, что Европейским советом и Европейским парламентом принимается решение о выделении 387 млрд евро на реализацию в течение семи лет новой CAP. При этом 30 % общих расходов бюджета ЕС (включая расходы на преодоление последствий коронакризиса — Next Generation EU) планируется на достижение так называемых «климатических» целей (40 % расходов CAP). Содержательно новая CAP на 2021–2027 гг. включает в себя разнообразные элементы, необходимые для достижения устойчивых методов ведения сельского хозяйства, создания экономических возможностей для фермеров по улучшению их положения в цепочке поставок продовольствия, совокупность добровольных и обязательных мер, благоприятных для окружающей среды и климата. В целом же система означает более тесную увязку поддержки доходов фермерских хозяйств и сельских районов с внедрением устойчивых современных моделей и конструктивных практик, предполагая ряд действий по развитию знаний, инноваций и (цифровых) технологий для реализации экологической и климатической (мировой, европейской) повестки.

Обсуждение

Активному обсуждению в кругах политиков и ученых подлежит принятый Европейской ко-

миссией (30 июня 2021 г.) новый программный документ «Долгосрочное видение развития сельских территорий ЕС — к более сильным, взаимосвязанным, устойчивым и процветающим сельским территориям к 2040 году» (A Long-Term Vision for the EU's Rural Areas — Towards Stronger, Connected, Resilient and Prosperous Rural Areas by 2040) [2].

С учетом необходимости мобилизации государственных органов и заинтересованных сторон для участия в программах, соответствующих современным потребностям сельских жителей, в качестве основных задач государственной поддержки сельского территориального развития определены следующие: 1) способствование территориальной сплоченности европейских стран и регионов; 2) создание новых возможностей для привлечения инвестиций в сельское пространство; 3) обеспечение доступа сельского населения к качественным рабочим местам; 4) продвижение новых и улучшенных профессиональных навыков сельских жителей через ускоренный трансфер знаний и инноваций; 5) обеспечение селян лучшей инфраструктурой и услугами; 6) повышение устойчивости (экономической, социальной, экологической) аграрной отрасли и сельских территорий; 7) продвижение диверсификации экономической деятельности на селе. С целью реализации данного документа Европейским союзом запланированы мероприятия по четырем обозначенным в его названии направлениям: 1) сильные сельские территории; 2) взаимосвязанные сельские территории; 3) устойчивые сельские территории; 4) благополучные сельские территории.

Так, вектор «Сильные сельские территории» предполагает, во-первых, создание платформы возрождения (развития) сельских территорий, которая станет универсальным центром сотрудничества, объединяющим сельские сообщества, участников сельских проектов, местные власти. Такая новая институциональная структура путем обмена информацией и передовым опытом в отношении инструментов и стратегий развития будет поддерживать преимущественно те сельские районы, которые в большей степени «страдают» от сокращения населения, его старения, отсутствия экономических возможностей развития. Главные ее задачи — продвижение программ Leader, Smart Villages, Interreg, призванных сделать сельские районы более привлекательными, и реализация пилотных мероприятий, направленных на успешное сельское развитие, подобных (и популярных

сегодня) Small Places Matter («Маленькие места имеют значение») или Smart Rural 21 («Умное село XXI века»).

Во-вторых, планируется продвижение исследований и инноваций для сельского развития. Перечень мероприятий в данном направлении отражен в программе Horizon Europe (9-я рамочная программа ЕС для поддержки актуальных исследований и инноваций в 2021–2027 гг. с бюджетом 95,5 млрд евро) и включает: 1) создание «центра сельских инноваций, экспертизы и обучения»; 2) комплекс проектов, нацеленных на достижение «умных» сельских сообществ, создание «умных» деревень; 3) инициативы, нацеленные на формирование социальной ответственности за улучшение здоровья и безопасность труда в сельском хозяйстве. Причем их реализация должна обеспечить поддержку и развитие инноваций в сельском пространстве, качественное обучение селян, обмен профессиональным опытом для его распространения и внедрения. Институционализация мероприятий предусмотрена (в том числе) через проведение форума сельских стартапов, объединяющего участников сельских инноваций по всему ЕС.

В-третьих, планируется расширение участия в программах Leader/CLLD, в рамках которых на протяжении 30 лет сельские сообщества имеют возможность разрабатывать местные стратегии и проекты, реализуя их (прежде всего) через единую сельскохозяйственную политику (местное развитие под руководством сельских сообществ). Расширенное сетевое взаимодействие в данном направлении будет сопровождать уже отмеченные инициативы (к примеру, Smart Villages), предоставляя необходимые консультации и рекомендации сельским жителям, особенно по вопросам доступа к финансированию и возможностям участия.

В-четвертых, намечаются: 1) продвижение землепользования, связанного с устойчивым сельским хозяйством, для чего комиссия разработает дополнительные инструменты стимулирования оптимального планирования (зонирования) землепользования; 2) поддержка образования и профессионального обучения молодежи, развитие спорта и волонтерской деятельности в сельской местности, в связи с чем иницируются новые программы Erasmus+ и European Solidarity Corps Programmes (2021–2027 гг.), которые охватят значительное количество взрослых и детей посредством конкретных финансовых механизмов, целе-

направленной коммуникационной деятельности, удобных форматов мобильности и сотрудничества, расширенного набора цифровых технологий, современных возможностей обучения и нетворкинга.

Об основных задачах и мероприятиях трех других направлений программного документа Европейской Комиссии коротко отметим следующее. Так, посредством эффективной поддержки сельских муниципалитетов в траектории «Взаимосвязанные сельские территории» планируется развитие мобильности населения сельских районов (главным образом через использование современных средств передвижения и мультимодальных услуг, основанных на цифровых технологиях), стабильное обеспечение цифрового будущего сельских территорий и повышение (с помощью Drone Strategy 2.0) их доступности. В свою очередь траектория «Устойчивость сельских территорий» фокусируется на использовании новых источников энергии, реализации мер по предотвращению последствий изменения климата, обеспечению социальной устойчивости (в частности, улучшение положения женщин в сельской местности), интеграции мигрантов в сельскую местность и сельские сообщества, созданию равных возможностей для достойного развития детей, улучшению условий для удовлетворения потребностей людей с ограниченными возможностями. И, наконец, направление «Благополучные сельские районы», которое примечательно тем, что ориентирует на развитие предпринимательства и социальной экономики в сельской местности, поощрение государствами — членами ЕС расширения возможностей образования, профессиональной подготовки и трудоустройства молодых людей в сельских и отдаленных районах в рамках программы Youth Guarantee and the European Education Area, содействие развитию устойчивой биоэкономики, в том числе в рамках Лесной стратегии ЕС и инициативы по связыванию (выращиванию) углерода, усиление роли организаций (сетей) производителей в развитии сельских территорий.

Обоснованность отмеченных в данном программном документе задач, потенциальная эффективность предполагаемых к использованию инструментов, реальность намеченных для достижения к 2040 г. результатов составляют основные аспекты современных научных дискуссий, некоторые выводы которых уже опубликованы в реферируемых научных журналах [13, 14].

Заключение

Подчеркивая значимость сельских территорий в развитии стран, а следовательно, важность и необходимость их поддержки, целесообразно процитировать слова президента Еврокомиссии, которая отмечает, что «сельские районы являются “тканью” нашего общества и сердцевинной нашей экономики. Они составляют основу нашей идентичности и нашего экономического потенциала. Именно в связи с этим мы будем беречь и развивать сельские районы, инвестируя в их будущее» [2, с. 1].

Анализ содержания CAP в последние программные периоды, оценка направлений и объемов расходов Европейского фонда развития сельских территорий за несколько последних лет позволяют сделать ряд важных исследовательских выводов, в том числе приемлемых для инкорпорации в отечественную хозяйственную и политическую практику.

Первое. Единая сельскохозяйственная политика Европейского союза выстраивается на общих приоритетах, предоставляя отдельным государствам — членам ЕС определенную свободу в их ранжировании и выборе инструментов реализации (национальные программы предусматривают как минимум четыре приоритета из шести).

Второе. Ключевой концептуальной идеей в организации поддержки сельских территорий является упор на многофункциональность фермерских хозяйств, и потому государство не берет на себя напрямую такие функции, как развитие сельской инфраструктуры, диверсификация сельской деятельности и некоторые другие, а стимулирует к их выполнению фермеров, реализуя это именно

через Фонд развития сельских территорий (через тематики, предполагающие развитие малого бизнеса, поддержку молодых предпринимателей, привлечение женщин в сельскую местность и т. д.).

Третье. В рамках Евросоюза не реализуются программы развития образования, здравоохранения, сферы услуг, разработанные специально для сельских территорий. Развитие указанных сфер поддерживается в общем русле, без деления на городские и сельские территории, и осуществляется не через Европейский фонд развития сельских территорий, а через другие фонды (Европейский социальный фонд, Европейский фонд регионального развития, Фонд солидарности Европейского союза).

В то же время в развитии сельских территорий ЕС делает акцент: 1) на помощь тем районам, которые находятся в неблагоприятных условиях (климатических, географических); 2) на сохранение окружающей среды в границах сельских территорий; 3) на адаптацию сельских территорий к изменению климата и сокращение отрицательного влияния на климат.

Полученные в данной работе результаты и выявленные в ходе поиска возможностей эффективного (основанного на критическом анализе) использования международного опыта в отечественной хозяйственной практике проблемы являются основанием для решения задач дальнейшего исследования: необходимо провести сравнительно-сопоставительный анализ условий развития сельских территорий в странах Евросоюза и России; выявить степень их идентичности; предложить унифицированные пути решения наиболее актуальных текущих проблем сельского развития и предотвращения будущих.

Список литературы

1. European Commission. This annual report presents a review of key policy developments and analytical findings in the area of public finances. Institutional Paper 147. February 2021. Brussels. PDF. 126 p. URL: https://ec.europa.eu/info/publications/report-public-finances-emu-2020_en (available at: 05.02.2021).
2. European Commission. Long-term vision for rural areas: for stronger, connected, resilient, prosperous EU rural areas. URL: https://ec.europa.eu/commission/presscorner/detail/en/IP_21_3162 (available at: 05.02.2021).
3. Cairol D., Coudel E., Knickel K., Caron P., Kröger M. Multifunctionality of Agriculture and Rural Areas as Reflected in Policies: The Importance and Relevance of the Territorial View // *Journal of Environmental Policy and Planning*. 2009. № 11 (4). P. 269-289.
4. Alons G., Zwaan P. New Wine in Different Bottles: Negotiating and Selling the CAP post-2013 Reform // *Sociologia Ruralis*. 2015. No. 56 (3). Pp. 349-370.
5. Carey M. The Common Agricultural Policy's New Delivery Model Post-2020: National Administration Perspective // *EuroChoices*. 2019. Vol. 18. No. 1. Pp. 11-17.
6. Terluin I. J., Venema G. S. Second Pillar of the CAP: What Can We Learn From the Experiences with the Menu Approach? // Report at the 87-th Seminar EAAE, Assessing Rural Development Policies of the CAP, Vienna, Austria, 21-23 April 2004. URL: <https://ecsocman.hse.ru/text/19202408/> (available at: 05.02.2021).

7. Alons G., Zwaan P. New Wine in Different Bottles: Negotiating and Selling the CAP post-2013 Reform // *Sociologia Ruralis*. 2015. No. 56 (3). Pp. 349–370.
8. Nazzaro C., Marotta G. The Common Agricultural Policy 2014-2020: Scenarios for the European Agricultural and Rural Systems // *Agricultural Economics*. 2016. No. 4. P. 16.
9. Dupraz P., Guyomard H. Environment and Climate in the Common Agricultural Policy // *EuroChoices*. 2019. Vol. 18. No. 1. Pp. 18–25.
10. Unnevehr L. J. Between Farmers and Consumers // *Nature Food*. 2021. No. 2. Pp. 392–393.
11. Matthews A. The CAP in the 2021–2027 MFF Negotiations // *Intereconomics*. 2018. No. 53 (6). Pp. 306–311.
12. Petit M. Another Reform of the Common Agricultural Policy: What to Expect // *EuroChoices*. 2019. Vol. 18, no. 1. Pp. 34–39.
13. Chandrakala V. Smart Village System for Rural Development // *International Journal of Creative Research Thoughts*. 2021. Vol. 9, iss. 5. Pp. 2320–2882.

Сведения об авторах

Головина Светлана Георгиевна — доктор экономических наук, профессор, главный научный сотрудник Уральского государственного аграрного университета, Екатеринбург, Россия. kkrav84@mail.ru

Абилова Екатерина Викторовна — кандидат экономических наук, доцент кафедры менеджмента факультета управления Челябинского государственного университета, Челябинск, Россия. ekaterina.abilova@mail.ru

Смирнова Лидия Николаевна — кандидат педагогических наук, ведущий научный сотрудник Курганской государственной сельскохозяйственной академии им. Т. С. Мальцева, Курган, Россия. lidia-1311@mail.ru

Bulletin of Chelyabinsk State University.
2021. № 10 (456). *Economic Sciences*. Iss. 74. Pp. 59–69.

STATE SUPPORT OF RURAL AREAS IN THE EUROPEAN UNION: CONTENT AND RESULTS OF THE REFORMS

S. G. Golovina

Ural State Agrarian University, Yekaterinburg, Russia, kkrav84@mail.ru

E. V. Abilova

Chelyabinsk State University, Chelyabinsk, Russia, ekaterina.abilova@mail.ru

L. N. Smirnova

Kurgan State Agricultural Academy, Kurgan, Russia, lidia-1311@mail.ru.^[E]^[SEP]The European experience of state support for the development of rural areas (the experience of the European Union countries) deserves the attention of scientists, politicians, practitioners, and therefore, its careful study due to the long (evolutionary) history and the opportunities: 1) to specify trends in organization of the rural development policy of European countries (EU members); 2) to determine exactly why and how its directions, mechanisms, tools are changing; (3) to assess the effectiveness of political initiatives implementation at certain stages of society development in certain environmental conditions. The purpose of this article is to present the main content of the European policy aimed at supporting rural areas of the member states of the European Union (EU), to reflect the content of the reforms carried out in recent years and to outline the plans of EU to improve state support in member states as for the next period (2021–2027) and for the long term (until 2040). The obtained research conclusions, reflecting some essential features of the current stage of EU Common Agricultural Policy implementation, as well as the strategic prospects for its (policy) further development, are of great theoretical and practical importance for many other countries, including Russia.

Keywords: *government support, rural areas, Common Agricultural Policy, European Union, reforms.*

References

1. European Commission. This annual report presents a review of key policy developments and analytical findings in the area of public finances. Institutional Paper 147. Brussels. 126 p. Available at: https://ec.europa.eu/info/publications/report-public-finances-emu-2020_en, accessed 05.02.2021.
2. European Commission. Long-term vision for rural areas: for stronger, connected, resilient, prosperous EU rural areas. Available at: https://ec.europa.eu/commission/presscorner/detail/en/IP_21_3162, accessed 05.02.2021.
3. Cairol D., Coudel E., Knickel K., Caron P., Kröger M. (2009) *Journal of Environmental Policy and Planning*, no. 11 (4), pp. 269–289.
4. Alons G., Zwaan P. (2015) *Sociologia Ruralis*, no. 56 (3), pp. 349–370.
5. Carey M. (2019) *EuroChoices*, vol. 18, no. 1, pp. 11–17.
6. Terluin I. J., Venema G. S. Report at the 87th Seminar EAEE, Assessing Rural Development Policies of the CAP, Vienna, Austria. Available at: <https://ecsocman.hse.ru/text/19202408/>, accessed 05.02.2021.
7. Alons G., Zwaan P. (2015) *Sociologia Ruralis*, no. 56 (3), pp. 349–370.
8. Nazzaro C., Marotta G. (2016) *Agricultural Economics*, no. 4, pp. 16.
9. Dupraz P., Guyomard H. (2019) *EuroChoices*, vol. 18, no. 1, pp. 18–25.
10. Unnevehr L. J. (2021) *Nature Food*, no. 2, pp. 392–393.
11. Matthews A. (2018) *Intereconomics*, no. 53 (6), pp. 306–311.
12. Petit M. (2019) *EuroChoices*, vol. 18, no. 1, pp. 34–39.
13. Chandrakala V. (2021) *International Journal of Creative Research Thoughts*, vol. 9, iss. 5, pp. 2320–2882.

ОЦЕНКА ЭКОЛОГИЧЕСКОГО ИММУНИТЕТА РЕГИОНАЛЬНЫХ ЭКОНОМИК

Д. С. Бенц

Челябинский государственный университет, Челябинск, Россия

Исследование посвящено оценке экологического иммунитета территорий Урала. Экологический иммунитет определен как составляющая природного потенциала, который, в свою очередь, определен составляющей социально-экономического иммунитета. Автор исходит из понимания того, что социально-экономический иммунитет территории обеспечивает ее выживаемость и может при случае стимулировать экономический рост. Формируется иммунитет как посредством длительного накопления резервов, так и в результате целенаправленных действий субъектов региона (предприятий, населения, власти). Количественно оценить уровень экологического иммунитета предлагается при помощи такого показателя, как «запас экологической прочности». Для определения такого запаса необходимо понять соотношение роста реального валового регионального продукта (ВРП) и роста загрязнения атмосферы. И не просто определить соотношение, а исследовать долгосрочную динамику. Полученные результаты показывают риски в отношении ослабления экологического иммунитета для Тюменской области.

Ключевые слова: *экологический иммунитет, региональные экономики, социально-экономический иммунитет, запас «экологической прочности», территории Урала, Свердловская область, Тюменская область, Челябинская область.*

Сегодня исследователи все чаще обращаются к смежным наукам в поисках причин тупикового состояния в отношении экономического роста региональных экономик. Феномен иммунитета территории не так часто попадает в поле зрения исследователей. Однако можно предположить, что он может стать той самой базой, соединяющей разнородные составляющие территориального развития.

Истоки зарождения такого явления, как «иммунитет территории», можно найти в смежных категориях — «жизнеспособность территории», «жизнестойкость территории» [8, 9]. В. С. Бочко, раскрывая концепцию жизнестойкого развития, ориентируется на идею согласованного развития территории. Комбинация ресурсов на сегодня не столь важна. Важна гармония интеллектуального, технологического, нравственно-этического развития [8].

С. Г. Важенин и И. С. Важенина определяют жизнестойкость территории как ее способность «преодолевать препятствия, компенсировать потери, связанные, например, с несовершенством институциональной среды, различными негативными ситуациями, криминализацией экономики, стихийными бедствиями» [9]. Эти же исследователи предпринимают попытку положить конкурентный иммунитет территории в основу регио-

нального развития, понимая под конкурентным иммунитетом «способность в настоящем, и особенно в будущем, успешно вести конкурентную борьбу за инвестиции, бизнес, квалифицированные кадры и другие ресурсы в целях достижения устойчивого экономического роста, создания и сохранения оптимальных производственных, коммерческих и социальных связей, а также последовательного повышения уровня и качества жизни населения» [9–12].

Изучив научные труды авторов, чьи работы посвящены социальному иммунитету территории [14–16], конкурентному иммунитету территории [9–13], общему иммунитету периферии [13], автор данной статьи предложил следующую трактовку социально-экономического иммунитета территории: «...это совокупность накопленных потенциалов (природного, демографического, трудового, производственного, инвестиционного, инновационного, интеллектуального, инфраструктурного, потенциала благополучия и пр.), обеспечивающих выживаемость территории, формируемую за счет длительного накопления резервов, а также являющуюся результатом не только целенаправленных действий агентов территории (предприятий, населения, власти), но и результатом стихийного накопления ресурсов, в том числе благодаря деятельности природы» [5].

Автор предлагает рассматривать экологический потенциал (экологический иммунитет) одной из составляющих социально-экономического иммунитета территории. Сегодня уже ни для кого не секрет, что, говоря об устойчивом развитии, все ученые сходятся во мнении о балансе экономического роста с экологической составляющей [1–4, 6, 7, 17, 18]. Идея противоречия экологической эффективности и экономического роста была предложена автором и изображена графически [2]. Несмотря на то что весь мир ратует за снижение загрязнений и достижение того самого устойчивого развития, ряд исследователей делает акцент на том, что не нужно резко снижать объемы выбросов, так как это подорвет сформировавшуюся на сегодня устойчивость [3].

Объектом данного исследования является экологический иммунитет территорий Урала. Ранее проведенные исследования показали, что темп роста промышленного производства стал ключевым фактором экономического роста для трех регионов Урала — Челябинской, Свердловской, Тюменской областей. И тот же самый фактор (темп роста промышленного производства) стал ключевой причиной роста отходов, формируемых стационарными источниками [Там же]. Эколого-ориентированные факторы мы отнесли к природному потенциалу [5]. Но природный потенциал мы предлагаем понимать шире, чем накопленное в регионе природное богатство. С одной стороны, природный потенциал можно оценивать именно через показатели, отражающие накопленные ресурсы, как то: общая площадь земель, площадь сельскохозяйственных земель, площадь лесных земель, площадь поверхностных вод и т. п. Но, с другой стороны, этот природный потенциал может стать слабее именно в силу антропогенного вмешательства. А потому природный потенциал и может быть оценен при посредстве экологической составляющей.

Под экологическим иммунитетом предлагаем понимать некий запас «экологической прочности», который может быть оценен как превышение положительной динамики над отрицательной. Положительную динамику количественно будем оценивать через темп роста физического объема ВРП. Отрицательную динамику предлагаем оценивать с помощью темпов роста объемов выбросов загрязняющих веществ, отходящих от стационарных источников:

$$\text{ЗЭП} = i_{\text{ВРП}} - i_{\text{выбр}} = Y_2 - Y_1.$$

Перенесем предложенную идею в графическую плоскость. На рис. 1 и 2 изображены два графика: f_1 — график зависимости темпов роста выбросов от стационарных источников (Y_1) от темпов роста промышленного производства (X); f_2 — график зависимости темпов роста реального валового регионального продукта (Y_2) от темпов роста промышленного производства (X). Выбор независимой переменной X обусловлен результатами ранее проведенных исследований [2], которые показали наиболее тесную корреляцию между индексом промышленного производства и индексом валового регионального продукта (причем как номинального, так и реального), а также между индексом промышленного производства и темпами роста выбросов в атмосферу, отходящими от стационарных источников. Наиболее тесной связью между указанными показателями оказалась характерна для трех регионов Урала. Исключение составила Курганская область. По этой причине из исследования она удалена.

На указанных рисунках изображена разная эластичность. На рис. 1 показана ситуация, когда эластичность функции f_2 выше эластичности функции f_1 . Это означает, что темп прироста выбросов опережает темп прироста реального ВРП. Если в регионе сложилась такая ситуация, это означает невозможность дальнейшего наращивания промышленного производства, так как в этом случае рост загрязнений будет опережать рост промышленного производства. А учитывая тот факт, что для исследуемых регионов именно промышленное производство является ключевым источником экономического роста, то последний становится ограничен. И ограничен он местом пересечения двух кривых (рис. 1). Левее точки пересечения на рисунке изображена зона положительного значения запаса экологической прочности, правее — зона отрицательного запаса.

Таким образом, на рис. 1 показана ситуация, которая характеризует ограниченные возможности экономического роста с точки зрения эколого-экономического баланса. Примем, что в такой ситуации экологический иммунитет территории постепенно ослабевает, так как на поддержание и укрепление такового требуются финансовые ресурсы, генерировать которые и должны предприятия. И эти самые ресурсы могут быть направлены на формирование технологий, позволяющих сократить те самые негативные выбросы при каждой заданной величине X . Графически это и будет означать снижение эластичности Y_1 по отношению к фактору X .

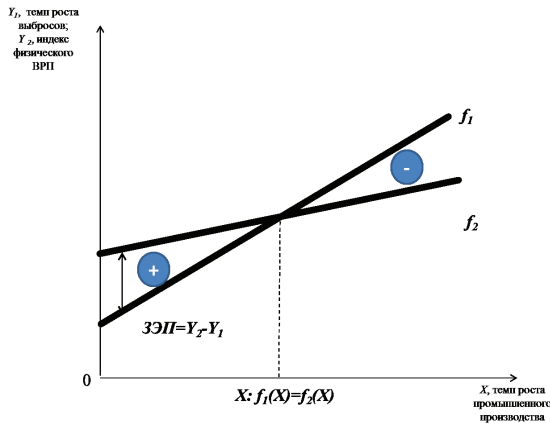

Рис. 1. Запас экологической прочности (ЗЭП), ограниченный спецификой эластичностей f_1 и f_2 .
Наращение темпов роста промышленного производства неблагоприятно

Источник: составлено автором.

Если на рис. 1 изображена ситуация, когда по мере сокращения темпов роста промышленного производства величина экологического иммунитета будет расти, то на рис. 2 изображена обратная ситуация. И ситуация эта является куда более благоприятной для региона. В данном случае чем более быстрым будет рост промышленного производства, тем в большей степени он будет приводить к росту физического объема ВРП и, что важно, опережать рост выбросов загрязнений в атмосферу.

Проанализируем, какая ситуация сложилась в регионах Урала. Для целей количественного анализа построим по две регрессионные модели для каждой территории:

$$\begin{aligned} Y_1 &= aX + b, \\ Y_2 &= kX + c, \end{aligned}$$

где Y_1 — темп роста объема загрязнений, отходящих от стационарных источников; X — темп роста промышленного производства; Y_2 — темп роста реального ВРП (он же индекс физического объема ВРП); a, b, k, c — параметры линейных функций.

Спецификацию функций примем как линейную — в силу наличия относительно высокой парной корреляции между зависимыми и независимой переменными. А парные регрессии позволят провести графическое моделирование.

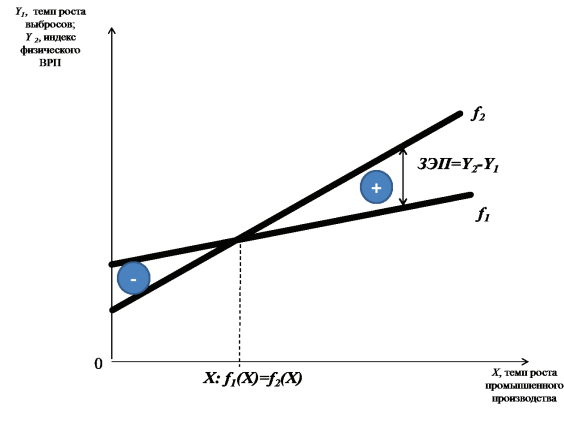

Рис. 2. Запас экологической прочности (ЗЭП), неограниченный спецификой эластичностей f_1 и f_2 .
Наращение темпов роста промышленного производства благоприятно

Источник: составлено автором.

Для построения функции f_1 выборкой послужил период с 1996 по 2019 г. (24 наблюдения); для построения функции f_2 — период с 1997 по 2019 г. (23 наблюдения). Статистические данные были взяты из базы показателей Росстата.

На рис. 3–5 приведены полученные результаты. Функции, построенные для Челябинской области, имеют следующий вид:

$$\begin{aligned} f_1 : Y_1 &= 0,4709X + 0,486, \\ f_2 : Y_2 &= 0,8025X + 0,2004. \end{aligned}$$

Приравняв две функции, мы получаем то самое пограничное значение X , до которого темп роста загрязнений опережает темп роста физического ВРП:

$$\begin{aligned} 0,4709X + 0,486 &= 0,8025X + 0,2004, \\ X &= 0,8613. \end{aligned}$$

По состоянию на конец 2019 г. индекс промышленного производства в Челябинской области составил 1,025. Подставив данное значение как текущее в обе функции, получим индексы загрязнений и индекс физического объема ВРП, разность между которыми и символизирует тот самый запас экологической прочности (рис. 6). Однако фактически эта разность, по данным Росстата, составила 0,017.

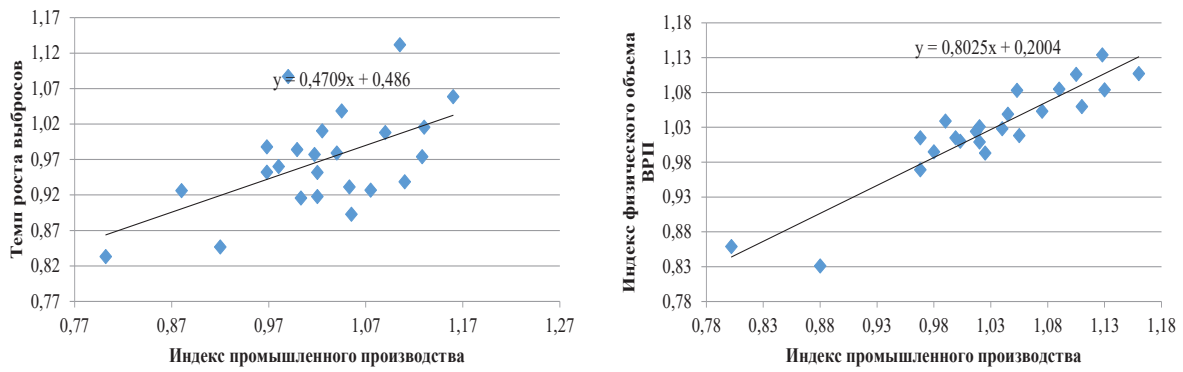

Рис. 3. Зависимости темпа роста выбросов в окружающую атмосферу и индекса физического объема ВРП от темпов роста промышленного производства. Челябинская область
 Источник: составлено и рассчитано автором по данным Росстата.

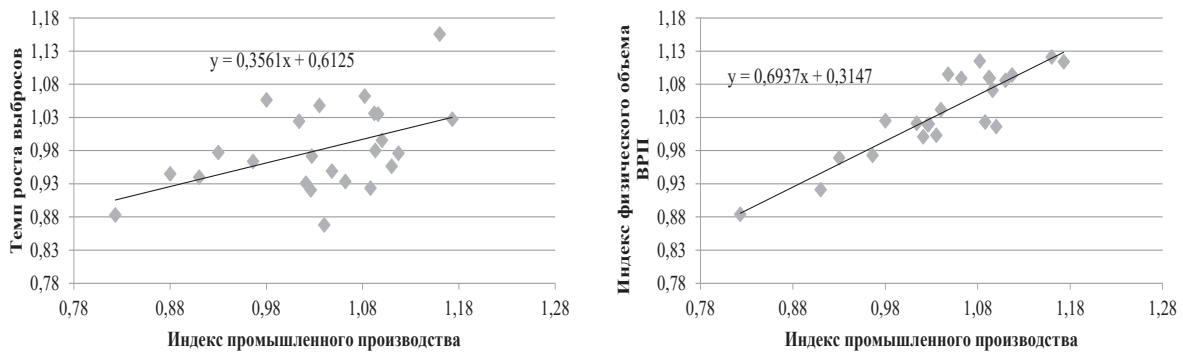

Рис. 4. Зависимости темпа роста выбросов в окружающую атмосферу и индекса физического объема ВРП от темпов роста промышленного производства. Свердловская область
 Источник: составлено и рассчитано автором по данным Росстата

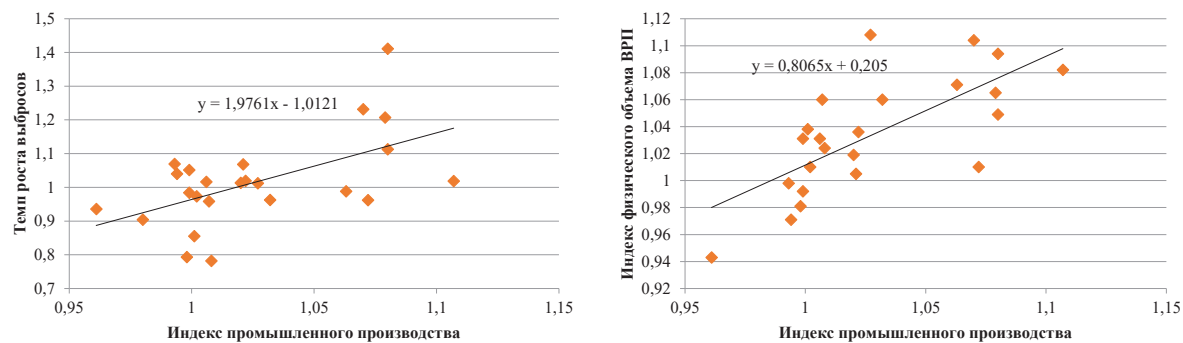

Рис. 5. Зависимости темпа роста выбросов в окружающую атмосферу и индекса физического объема ВРП от темпов роста промышленного производства. Тюменская область
 Источник: составлено и рассчитано автором по данным Росстата

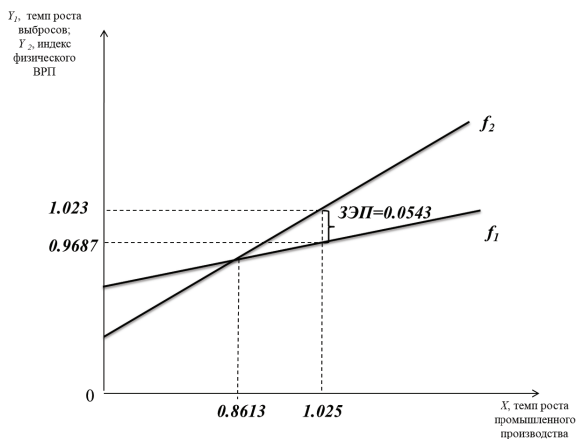

Рис. 6. Моделирование функций экономического роста f_2 и выбросов загрязняющих веществ в атмосферу f_1 для Челябинской области
Источник: составлено автором.

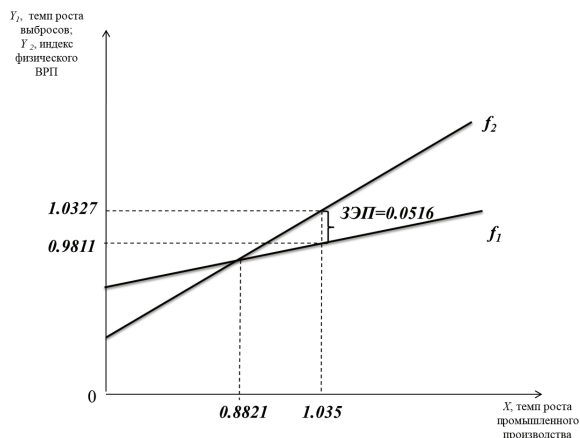

Рис. 7. Моделирование функций экономического роста f_2 и выбросов загрязняющих веществ в атмосферу f_1 для Свердловской области
Источник: составлено автором.

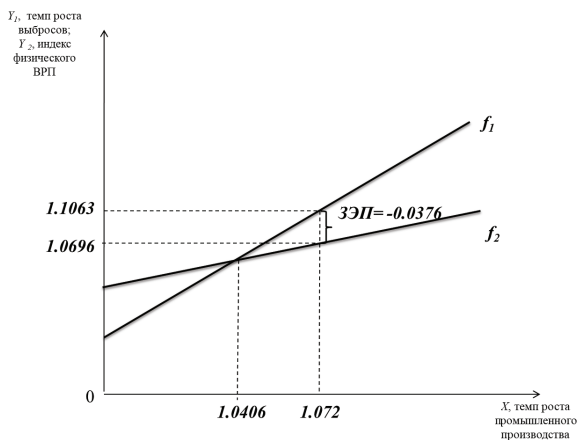

Рис. 8. Моделирование функций экономического роста f_2 и выбросов загрязняющих веществ в атмосферу f_1 для Тюменской области
Источник: составлено автором.

Аналогичным образом изобразим модель для Свердловской области (рис. 7):

$$\begin{aligned} f_1 : Y_1 &= 0,3561X + 0,6125, \\ f_2 : Y_2 &= 0,6937X + 0,3147, \\ 0,3561X + 0,6125 &= 0,6937X + 0,3147, \\ X &= 0,8821. \end{aligned}$$

Фактический запас экологической прочности составил 0,4484. Немного меньшее значение, нежели то, что мы получаем по предсказанным данным.

И, наконец, для Тюменской области модель получена следующая (рис. 8).

$$\begin{aligned} f_1 : Y_1 &= 1,9761X - 1,0121, \\ f_2 : Y_2 &= 0,8065X + 0,205, \\ 1,9761X - 1,0121 &= 0,8065X + 0,205, \\ X &= 1,0406. \end{aligned}$$

По результатам проведенного исследования мы получаем превышение положительной динамики над отрицательной для двух регионов — Челябинской и Свердловской областей, и обратную ситуацию — для Тюменской области. Эластичность экономического роста относительно роста промышленного производства оказалась ниже эластичности роста загрязнений. Таким образом, для Тюменской области можно констатировать некие риски в отношении экологического иммунитета, который постепенно ослабевает. И несмотря на то что фактический запас экологической прочности, по данным Росстата, по состоянию на конец 2019 г. составил все же положительную величину, моделирование графиков было предложено автором, чтобы построить долгосрочную динамику и проанализировать возможные риски. И если для Челябинской и Свердловской областей были получены положительные результаты относительно соотношений эластичностей двух функций, то Тюменская область продемонстрировала отрицательную ситуацию. И это повод задуматься над тем, какие условия сформировались в регионе, изменив которые, можно было бы усилить экологический иммунитет.

Список литературы

1. Barton J., Pretty J. Urban ecology and human health and well-being // *Urban Ecology*. 2010. Pp. 202–229.
2. Benz D. Economic growth vs. eco-efficiency of Russian industrial regions // *Ural Environmental Science Forum “Sustainable Development of Industrial Region” (UESF-2021)*. 2021. P. 06016.
3. Krugman P. Building a Green Economy // *The New York Times Magazine*. 2010. No. 5. Pp. 5–16.
4. Mustafa A., Afzal H., Zahoor Z. Green economy and its future // *Journal of Sustainable Tourism and Entrepreneurship*. 2020. No. 2 (2). Pp. 119–131.
5. Бенц Д. С. Оценка социально-экономического иммунитета Челябинской области // *Вестник Челябинского государственного университета*. 2021. № 6 (452). С. 122–131.
6. Бобылев С. Н. В поисках экологической устойчивости // *Ресурсная экономика, изменение климата и рациональное природопользование : материалы XVI Междунар. науч.-практ. конф. Рос. о-ва экол. экономики*. Красноярск, 2021. С. 19–20.
7. Бобылев С. Н., Кирюшин П. А., Кошкина Н. Р. Новые приоритеты для экономики и зеленое финансирование // *Экономическое возрождение России*. 2021. № 1 (67). С. 152–166.
8. Бочко В. С. Жизнестойкость территории: содержание и пути укрепления // *Экономика региона*. 2013. № 3 (35). С. 26–37.
9. Важенин С. Г., Важенина И. С. Жизнестойкость территорий в конкурентном экономическом пространстве // *Регион: экономика и социология*. 2015. № 2 (86). С. 175–199.
10. Важенина И. С., Важенин С. Г. Феномен конкурентного иммунитета территории // *Общество и экономика*. 2009. № 11–12. С. 139–156.
11. Важенина И. С., Важенин С. Г. Социально-экономическое проектирование конкурентного иммунитета территории // *Инновации в управлении региональным и отраслевым развитием : материалы Всерос. с междунар. участием науч.-практ. конф. Тюмень : Тюмен. индустр. ун-т, 2014. С. 69–73.*
12. Важенина И. С., Важенин С. Г. Методические ориентиры мониторинга конкурентного иммунитета территории // *Экономический анализ: теория и практика*. 2013. № 35. С. 23–31.
13. Казаков М. Ю. Разграничение понятий конкурентного иммунитета и общего иммунитета территорий периферии // *Конкурентный потенциал региона: оценка и эффективность использования : сб. ст. IX Междунар. науч.-практ. конф. Абакан, 2018. С. 22–24.*
14. Мыслякова Ю. Г. Устойчивое экономическое развитие через призму социального иммунитета территории // *Вестник Алтайской академии экономики и права*. 2010. № 10. С. 150–155.
15. Мыслякова Ю. Г. Социальный иммунитет региона: подходы к его пониманию // *Труды IX Всероссийского симпозиума по экономической теории : сб. докл. секцион. заседаний. Екатеринбург, 2020. С. 114–115.*
16. Мыслякова Ю. Г., Неклюдова Н. П. Теоретический подход к региональному развитию с учетом социально-экономического генотипа территории // *Журнал экономической теории*. 2021. Т. 18, № 1. С. 103–115.
17. Порфирьев Б. Н. Климат, устойчивое развитие и экономический рост: приоритеты решений для России // *Экономическая политика России в межотраслевом и пространственном измерении : материалы второй конф. ИНП РАН и ИЭОПП СО РАН по межотраслевому и регион. анализу и прогнозированию. Новосибирск, 2020. С. 19–31.*
18. Порфирьев Б. Н. О «зеленом» векторе стратегии социально-экономического развития России // *Научные труды Вольного экономического общества России*. 2021. Т. 227, № 1. С. 128–136.

Сведения об авторе

Бенц Дарья Сергеевна — кандидат экономических наук, доцент, профессор кафедры экономики отраслей и рынков Челябинского государственного университета, Челябинск, Россия. benz@csu.ru

Bulletin of Chelyabinsk State University.
2021. № 10 (456). Economic Sciences. Iss. 74. Pp. 70–76.

THE ESTIMATE OF THE ECOLOGICAL IMMUNITY IN THE REGIONAL ECONOMIES

D. S. Benz

Chelyabinsk State University, Chelyabinsk, Russia. benz@csu.ru

The study is devoted to assessing the ecological immunity of the Urals territories. The environmental immunity is defined as a component of natural potential, which in turn is defined as a component of the socio-economic immunity. The author proposes to understand that the socio-economic immunity of the territory ensures its survival. Such immunity is formed through the long accumulation of reserves. This is the first component. Its second component is the result of both targeted actions of the entities of the region (enterprises, population, authorities) and the spontaneous accumulation of all resources. The concept of environmental survival is based on the contradiction between the economic growth and the environmental efficiency. The factor of both the first and the second for the regions under study is the growth of industrial production.

The author proposes to quantify the level of environmental immunity using an indicator “the environmental safety margin”. It is necessary to understand there is the relationship between the growth of real gross regional product and the growth of atmospheric pollution. And we say about not only the ratio, but also about the long-term dynamics. According to the results, we found the risks regarding the weakening of environmental immunity for the Tyumen region.

Keywords: *the environmental immunity, the regional economies, the socio-economic immunity, a reserve of “the environmental strength”, territories of the Urals, Sverdlovsk region, Tyumen region, Chelyabinsk region.*

References

1. Barton J., Pretty J. (2010) *Urban Ecology*, pp. 202–229.
2. Benz D. (2021) E3S Web of Conferences. 258, p. 06016.
3. Krugman P. (2010) *The New York Times Magazine*. no. 5, pp. 5–16.
4. Mustafa A., Afzal H., Zahoor Z. (2020). *Journal of Sustainable Tourism and Entrepreneurship*, no. 2 (2), pp. 119–131.
5. Bents D. (2021) *Vestnik ChelGU*, no. 6 (452), pp. 122–131 [in Russ.].
6. Bobylev S. N. (2021) Resursnaja jekonomika, izmenenie klimata i racional'noe prirodopol'zovanie, pp. 19–20 [in Russ.].
7. Bobylev S. N., Kirjushin P. A., Koshkina N. R. (2021) *Ekonomicheskoe vozrozhdenie Rossii*, no. 1 (67), pp. 152–166 [in Russ.].
8. Bochko V. S. (2013) *Ekonomika regiona*, vol. 3, no. 35, pp. 26–37 [in Russ.].
9. Vazhenin S. G., Vazhenina I. S. (2015) *Region: Ekonomika i Sotsiologiya*, vol. 2, no. 86, pp. 157–199 [in Russ.].
10. Vazhenina I. S., Vazhenin S. G. (2009). *Society and Economy — Obshchestvo i ekonomika*, no. 11–12, pp. 139–156 [in Russ.].
11. Vazhenina I. S., Vazhenin S. G. (2014) Innovacii v upravlenii regional'nym i otraslevym razvitiem, pp. 69–73 [in Russ.].
12. Vazhenina I. S., Vazhenin S. G. (2013) *Ekonomicheskij analiz: teoriya i praktika*, no. 35, pp. 23–31 [in Russ.].
13. Kazakov M. Ju. (2018) Konkurentnyi potentsial regiona: otsenka i effektivnost' ispol'zovaniya, pp. 22–24 [in Russ.].
14. Mysljakova Ju. G. (2010) *Vestnik Altajskoy Akademii ekonomiki i prava*, no. 10, pp. 150–155 [in Russ.].
15. Mysljakova Ju. G. (2020) Trudy IX Vserossijskogo simpoziuma po jekonomicheskoi teorii, pp. 114–115 [in Russ.].
16. Mysljakova Ju. G. (2021) *Zhurnal jekonomicheskoi teorii*, vol. 18, no. 1, pp. 103–115 [in Russ.].
17. Porfiryev B. N. (2020) Ekonomicheskaja politika Rossii v mezhotraslevom i prostranstvennom izmerenii, pp. 19–31 [in Russ.].
18. Porfiryev B. N. (2021) Nauchnye trudy Vol'nogo ekonomicheskogo obshchestva Rossii, vol. 227, no. 1, pp. 128–136 [in Russ.].

МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ ИМПЛЕМЕНТАЦИИ ESG-ФАКТОРОВ В НОВЫЙ ИНВЕСТИЦИОННЫЙ ЦИКЛ РЕГИОНОВ

И. П. Довбий, В. В. Кобылякова, А. А. Минкин

Южно-Уральский государственный университет (НИУ), Челябинск, Россия

Глобальный переход к новому технологическому укладу происходит на фоне беспрецедентного подрыва экономических правил как на уровне международных организаций, так и на уровне государств. Практически все сегменты глобальной экономики подчиняются новым стандартам — принципам ESG. В России намечен запуск нового инвестиционного цикла. Привлечение инвестиций обуславливает необходимость придерживаться ESG-принципов при разработке региональных стратегий и программ. В статье рассматриваются проблемы запуска нового инвестиционного цикла в российских регионах и выработки региональной инвестиционной политики в контексте учета происходящей в мире ESG-трансформации. Цель исследования — выявить возможность имплементации ESG-факторов в новый инвестиционный цикл регионов. Задачи исследования: определить текущие экономические условия и сформированность институционального механизма запуска нового инвестиционного цикла; сформулировать исходные положения и методологические принципы имплементации ESG-факторов в региональный инвестиционный процесс.

Ключевые слова: *регион, инвестиционный цикл, ESG-факторы, региональный инвестиционный процесс, FastTrack для инвестиций в регионах.*

С началом глобального системного кризиса 2020-х гг. для России открылась новая экономическая реальность: прежний идеологический базис, лежавший в основе национальной инвестиционной политики, устарел. Во-первых, не сбылись ожидания реформаторов 1990-х, считавших, что драйвером модернизации национальной экономики станут инвестиции, в том числе иностранные. Вместо этого «Россия за 30 лет после распада Советского Союза субсидировала мировую финансовую систему на \$ 1 трлн. А если брать весь бывший Советский Союз, то объем вывезенного капитала составляет \$ 2 трлн... Речь идет о том, к чему привело следование рекомендациям МВФ при проведении макроэкономической политики»¹. Во-вторых, мировой кризис «не сыграл традиционной роли “санитара” отечественной экономики, более того, он обусловил противоречивые последствия для институтов, генерирующих инновационные процессы», в том числе для науки [9]. Таким образом, для России время «догонять» было упущено. Для быстрого перехода национальной экономики в шестой технологический уклад необходимы инвестиции, иначе вместо получения «ренты развития» придется платить «ренту отсталости».

Обозначим лишь несколько трендов шестого технологического уклада, которые необходимо

учитывать при формировании новой инвестиционной политики [1, 2, 5, 6]:

1) кардинальные технологические изменения породили новые принципы конкуренции, когда наряду вытеснением посредников из цепочек добавленной стоимости на государственном уровне принимаются решения, «замешанные» на протекционизме и санкциях;

2) исчерпание резервов роста неолиберальной модели мироустройства обусловило истощение так называемой «подушки безопасности» общества (среднего класса), углубление социальной дифференциации, как следствие — переход в режим самовоспроизводства таких явлений, как международный терроризм, киберпреступность и пр.;

3) затухающая динамика цивилизационного развития, основу которой многие столетия составляли ссудный процент и экстенсивное расширение рынков, поставила вопрос о переходе к новой цивилизационной парадигме;

4) трансформация структуры ресурсов, формирующих конкурентные преимущества государств, на первый план выдвинула такие ресурсы, как экологически чистые территории, пригодные для проживания и сельхозосвоения, питьевая вода, критические технологии, здоровье нации;

5) цифровая трансформация запустила процесс изменения бизнес-моделей развития различных

¹ <https://tass.ru/ekonomika/7037106>

отраслей и экономических систем на всех уровнях управления, обозначив в качестве особых требований к инвестициям ESG-факторы.

Все перечисленное является исходными условиями, при которых на сентябрьском финансовом форуме в Москве в 2020 г. было заявлено о запуске «нового инвестиционного цикла» в российских регионах. Инициатива правительства России направлена на поощрение бизнеса к капиталовложениям. Она должна реализоваться в формате четырех проектов и коснуться:

- регуляторных изменений в режиме соглашений о защите и поощрении капиталовложений;
- создания предпосылок для инвестиционных проектов в регионах,
- реинжиниринга правил промышленного строительства;
- генерации денежных потоков для финансового обеспечения капиталовложений¹.

Новый инвестиционный цикл в России начинается в момент, когда в мире формируется парадигма развития, выражаемая понятиями, которые уже прочно вошли в корпоративную отчетность, ESG-рейтинги, в оценки аналитиков и инвесторов инвестиционной привлекательности компаний: «устойчивое развитие» (sustainable development, SD), «ответственное ведение бизнеса» (responsible business conduct, RBC), ESG-finance.

Подписание Российской Федерацией в 2016 г. Парижского соглашения по климату определило поворот национальной экономики в сторону экологичности (E), социальной ответственности (S) и качественного корпоративного управления (G), дав определенный сигнал хозяйствующим субъектам: инвестирование должно отвечать долгосрочным общественным интересам и быть ответственным. Ответственное инвестирование (PRI) означает, что принятие инвестиционных решений инвесторами обосновывается с учетом ESG-факторов и соответствует целям устойчивого развития (рис. 1).

В контексте сохранения и развития глобальных цепочек добавленной стоимости соответствие ESG-практикам является, с одной стороны, условием привлечения ответственных инвесторов, с другой — обязательным требованием для бизнеса всех отраслей, форм собственности и размеров. В противном случае:

¹ <https://www.rbc.ru/newspaper/2021/03/15/604232099a79471cc6eb3997>

Рис. 1 Устойчивое развитие и ESG-факторы
Источник: [16].

- предприятия, не желающие играть по «зеленым» правилам, будут терять свою стоимость;
- отказ от ESG-принципов со стороны кредиторов и инвесторов может иметь следствием появление системных рисков в экономике;
- концентрация кредитной активности в секторах реальной экономики с высокими выбросами CO₂ будет усиливать риски в финансовом секторе.

По данным рейтингового агентства Expert, в РФ порядка 80 % компаний реального сектора серьезно не воспринимают ESG-практики [8]. Между тем продвижение ESG-принципов является уже неотъемлемой частью государственной политики многих государств.

Новый инвестиционный цикл в России потребует существенных инвестиций. И хотя на самом высоком государственном уровне принято решение в качестве инвестиций максимально использовать внутренние резервы государства [12], тем не менее привлечение иностранных инвесторов становится возможным только при условии ответственности признанным в мире ESG-принципам. Это предполагает формирование в национальной экономике соответствующей институциональной среды.

Институционализация ESG-принципов началась в 2004 г., когда генеральный секретарь ООН Кофи Анан в докладе «WhoCaresWins» (WCW — «Неравнодушный побеждает») к Chief Executive Officer (главным исполнительным директорам) крупнейших компаний мира призвал пересмотреть стратегические приоритеты и начать ESG-трансформацию, когда не создание акционерной стоимости должно стать смыслом существования компании, а инициативы по снижению воздействия на климат [18]. Институциональные ин-

весторы поддержали инициативы WCW: они согласились на отказ от краткосрочного подхода к инвестициям, отдав предпочтение долгосрочному экономическому процветанию. Было положено начало совместной с ООН разработке «Принципов ответственного инвестирования» (PRI), в соответствии с которыми институциональные инвесторы и управляющие активами должны надлежащим образом учитывать, как ESG-проблемы могут повлиять на эффективность инвестиционных портфелей.

Пандемия COVID-19 создала условия, когда «не только институциональные инвесторы, но и политики стран с развитыми рынками четко и ясно дали понять, что намерены следовать принципам ESG — с фокусом на борьбу с изменением климата» [14]. Ответственное инвестирование и ведение бизнеса на принципах ESG постепенно становится глобальной нормой. Таким образом, запуск нового инвестиционного цикла в национальной экономике должен опираться на прочный институциональный фундамент, в который должны быть имплементированы ESG-принципы.

Обозначим основные законодательные и нормотворческие инициативы, наиболее значимые из которых определили параметры запуска «нового инвестиционного цикла».

1. Принятие в апреле 2020 г. Федерального закона № 69-ФЗ «О защите и поощрении капиталовложений в Российской Федерации» позволило ввести в правовое поле новую форму инвестиционного сотрудничества государства и бизнеса — соглашение о защите и поощрении капиталовложений (СЗПК), которое должно обеспечить, с одной стороны, стабилизацию законодательства, с другой — возмещение расходов на создание и / или модернизацию инфраструктуры, потребности в которой возникают в процессе реализации проектов.

2. Постановлением Совета Федерации РФ от 8 июля 2020 г. № 274-СФ «О предложениях Совета Федерации Федерального Собрания Российской Федерации по формированию концепции федерального бюджета на 2021 год и на плановый период 2022 и 2023 годов» определена необходимость «стимулировать применение субъектами Российской Федерации инвестиционного налогового вычета на своих территориях, в том числе обеспечив признание указанного вычета эффективной налоговой льготой». С этой целью предусмотрены «ежегодно начиная с 2021 года бюджетные ассигнования на

частичную компенсацию выпадающих доходов бюджетов субъектов Российской Федерации от применения инвестиционного налогового вычета по налогу на прибыль организаций».

3. Указом Президента РФ от 21 июля 2020 г. № 474 «О национальных целях развития Российской Федерации до 2030 года» определена необходимость в течение предстоящих десяти лет обеспечить реальный рост инвестиций в основной капитал на 70 %.

4. Распоряжением Правительства РФ от 9 сентября 2020 г. № 2286-р создано Агентство инвестиционного развития (АИР), призванное формировать дополнительные условия для инвестиций и капиталовложений на территории России. Здесь следует сделать акцент на том факте, что в качестве целевых приоритетов определены PR- и GR-сопровождение инвестиционных проектов; осуществление сделок с промышленной недвижимостью; инвестиционный девелопмент и консалтинг и т. д. В качестве целевой аудитории, с которой придется работать АИР, рассматриваются потенциальные инвесторы из России, стран ближнего и дальнего зарубежья. В данном контексте важно учитывать, что теория и практика зарубежного и отечественного инвестиционного анализа динамично прогрессирует в направлении развития ESG-критериев.

5. Поручение Президента РФ от 26 июня 2021 г. № Пр-1096 «Перечень поручений по итогам Петербургского международного экономического форума» содержит положения, призванные:

- *Пр-1096, п. 2 з)* — «создать систему поддержки новых инвестиционных проектов (исходя, в том числе, из приоритетных направлений развития территорий субъектов Российской Федерации) и обеспечить ее внедрение к 2024 году во всех субъектах Российской Федерации, в первую очередь в субъектах Российской Федерации, в которых привлечение инвестиций находится на низком уровне»;

- *Пр-1096, п. 1 и)* — «обеспечить возможность реализации начиная с 1 июля 2022 г. на территории Российской Федерации климатических проектов по сокращению (предотвращению) выбросов парниковых газов и (или) увеличению поглощения парниковых газов, предусмотрев принятие необходимых нормативных правовых актов. Именно в этом пункте нашли отражение заявленные Президентом РФ на Саммите лидеров по вопросам климата положения».

6. Распоряжением Правительства РФ от 6 сентября 2021 г. № 2471-р на общественное обсужде-

ние представлен проект Соглашения о намерениях между Правительством Российской Федерации и публичным акционерным обществом «Газпром» в целях развития в Российской Федерации высокотехнологической области «Развитие водородной энергетики и декарбонизация промышленности и транспорта на основе природного газа», что фактически означает «дорожную карту» развития высокотехнологических отраслей.

7. Распоряжением Правительства РФ от 18 ноября 2020 г. № 3024-р государственная корпорация «ВЭБ.РФ» была наделена функционалом методического обеспечения «инвестиционной деятельности в сфере устойчивого развития и привлечения внебюджетных средств, актуализации критериев, требований к верификации проектов, подходов к оценке воздействия на окружающую среду и климат, информационного сопровождения и взаимодействия с международными финансовыми организациями» [13].

Важными институтами, которые напрямую относятся к запуску инвестиционного цикла, являются национальные проекты, федеральные и ведомственные программы. Согласно данным электронного бюджета, за 2019–2024 гг. в РФ предполагается реализовать 3692 региональных проекта на сумму 9 875 454,63 млн руб., в том числе возвести 7180 объектов капитального строительства¹.

Особую роль в институциональном обеспечении ESG-трансформации играет Банк России. В 2019 г. в ЦБ РФ была создана рабочая группа для разработки концепции организации методологической системы по развитию «зеленых» финансовых инструментов и проектов ответственного инвестирования. Положение Банка России от 19 декабря 2019 г. №706-П «О стандартах эмиссии ценных бумаг» определило возможности для финансирования проектов устойчивого развития. Целый ряд нормативных правовых актов ЦБ РФ предшествующих лет направлен на стимулирование выпуска и обращения «зеленых» финансовых инструментов в части стандартов эмиссии ценных бумаг и раскрытия эмитентами соответствующей информации², оценки влияния климатических рисков на финансовый сектор [3],

¹ http://budget.gov.ru/epbs/faces/oracle/webcenter/portalapp/pagehierarchy/Page585.jsp?territory=P&_adf.ctrl-state=4rti9luig_151®ionId=75

² Положение Банка России от 27 марта 2020 г. № 714-П «О раскрытии информации эмитентами эмиссионных ценных бумаг».

рекомендаций по внедрению принципов ответственного инвестирования институциональными инвесторами³ и др. Важными нормотворческими инициативами 2021 г. стали: рекомендации по регулированию деятельности коммерческих банков⁴, раскрытию публичными акционерными обществами нефинансовой информации⁵; проект «Основных направлений развития финансового рынка России на 2022, 2023 и 2024 годы», проект «Стратегии развития финансового рынка Российской Федерации до 2030 года».

Таким образом, можно сделать вывод, что в России на федеральном уровне заложена не просто правовая основа для запуска нового инвестиционного цикла, но и предпосылки для имплементации ESG-принципов в реальном и финансовом секторах национальной экономики.

В контексте запуска нового инвестиционного цикла в регионах следует назвать инициативы Минэкономразвития России, в частности проект «FastTrack для инвестиций в регионах (система поддержки средних инвестиционных проектов)» РГ01-ОС06- ПР02 [11].

FastTrack должен содержать правила формирования и внедрения стандартов запуска и сопровождения инвестиционных проектов, предусматривающих оптимальные «клиентские пути» инвестора (от идеи реализации проекта до его завершения). Для ответственных и зарубежных инвесторов решающим аргументом при принятии инвестиционного решения могут стать ESG-критерии.

Здесь следует вспомнить опыт крупных советских предприятий, несущих значительную социальную нагрузку в регионах по содержанию объектов социальной инфраструктуры, особенно в моногородах. Экономические реформы 1990-х гг., акционирование и приватизация проводились в условиях господства доктрины примата акционерной стоимости, и социальная нагрузка существенно снижала инвестиционную привлека-

³ Информационное письмо Банка России от 15 июля 2020 г. № ИН-06-28/111 «О рекомендациях по реализации принципов ответственного инвестирования».

⁴ Приказ Банка России от 5 апреля 2021 г. № 03-40-4/2915 «Об ответах на вопросы к встрече «Регулирование Банком России деятельности коммерческих банков».

⁵ Информационное письмо Банка России от 12 июля 2021 г. № ИН-06-28/49 «О рекомендациях по раскрытию публичными акционерными обществами нефинансовой информации, связанной с деятельностью таких обществ».

ESG-критерии в FastTrack для инвестиций в регионах

FastTrack-позиция	Раскрытие FastTrack-позиции	ESG-критерии (авторские предложения)
Инвестиционная декларация субъекта РФ	Раскрывает персональные обязательства главы региона перед инвесторами о незыблемости мер государственной поддержки и условий ведения бизнеса, учитывает специфику каждого региона, а также содержит конкурентную / систематизированную информацию о приоритетных направлениях, инвестиционном потенциале и другую информацию, необходимую инвесторам для принятия решений об инвестициях в проекты	Целесообразно дополнительно включить: – декларацию о приверженности ESG-принципам, поддержке и содействии «ответственному», «зеленому» и «устойчивому» инвестированию; – перечень экономических субъектов из списка «трехсот» Минприроды РФ, действующих на территории субъекта Федерации, которые должны начать проводить политику ESG-трансформации
Инвестиционная карта субъектов РФ	Содержит информацию о перспективных планах пространственного развития каждого региона (включая информацию о ресурсной базе и об обеспеченности инженерной и транспортной инфраструктур, строительных площадках), о мерах поддержки, а также о полезных ископаемых и подрядных организациях	Должна содержать информацию: о предприятиях-загрязнителях из списка «трехсот» Минприроды РФ, которым требуются инвестиции для внедрения наилучших доступных технологий; о проблемах эколого-экономической безопасности региона и перспективных планах решения этих проблем посредством реализации инвестиционных проектов на территории региона
Свод инвестиционных правил	Определяет оптимальный пошаговый алгоритм действий («клиентский путь») инвестора (в ключевых ситуациях, например, получение разрешений, присоединение к сетям и т. д.), планирующего реализацию инвестиционного проекта на территории субъекта Российской Федерации	Наряду с определением оптимального алгоритма действий инвестора («клиентский путь») должен содержать требования ESG-критериев по конкретным отраслям и сферам
Инвестиционный комитет региона Агентство инвестиционного развития субъекта Федерации	Консультационный механизм коммуникаций инвесторов и региональных властей (консультационные и координирующие органы) в части фиксации проблем, возникающих у инвесторов на региональном уровне, осуществляющих функции операционных центров сопровождения инвестиционных проектов в субъектах РФ	Целесообразно: – в нормативных документах, регулирующих деятельность (соответственно в положении об инвестиционном комитете или агентстве развития), следует указать на обязательное участие данных структур в организации, обеспечении разработки и финансировании крупных проектов, направленных на развитие экономик территорий в соответствии с ESG-критериями, в том числе на принципах государственно-частного партнерства; – в составе членов данных структур на постоянной или ассоциированной основе должны присутствовать лица, способные дать квалифицированную оценку региональным инвестиционным проектам на предмет их соответствия ESG-критериям

Источник: разработано авторами в соответствии с [11].

тельность. Следствием этого стало демонстративное сокращение социальных расходов. В настоящее время мировой тенденцией стала социальная ответственность бизнеса в регионах присутствия. Для инвесторов (частных и институциональных) компании — объекты инвестиций оцениваются с позиции ESG-принципов. Наличие у российских компаний собственных KPI в области ESG по-

зволит успешно взаимодействовать с инвесторами, в том числе на глобальном рынке капиталов. Пропаганда и расширение действия принципов устойчивого развития на национальном уровне актуализируются еще и потому, что российский финансовый сектор в первую очередь должен быть представлен «внутренним», российским институциональным инвестором. Следовательно,

методика FastTrack для инвестиций в регионах в обязательном порядке должна содержать ESG-критерии (см. таблицу).

В проекте FastTrack для инвестиций в регионах отдельно следует указать на такой формальный институт, как «инвестиционная декларация региона». В контексте запуска нового инвестиционного цикла в регионах России «инвестиционная декларация должна стать обязательством региона перед инвестором» и «гарантией губернатора как представителя субъекта России инвестору о неизблемости мер государственной поддержки и условий ведения бизнеса» [10]. Декларация призвана формировать имидж региона в лице региональной власти как надежного партнера и защитника прав и интересов инвесторов на национальном и международном уровне. В декларации установлены принципы взаимодействия властных структур, предпринимательского и инвестиционного сообщества: равенство, вовлеченность, прозрачность и лучшие практики [15].

Декларация, содержащая восемь блоков, должна, во-первых, отражать инвестиционные приоритеты в части территорий, отраслей, технологий опережающего развития, осваиваемых видов продукции (работ, услуг), планируемых к реализации проектов; во-вторых, включать комплекс мер (целевых программ, проектов, мероприятий), взаимоувязанных по целям и задачам, срокам и ресурсам. Особое место должно быть уделено политико-экономической ситуации, эффективности «использования региональными и муниципальными властями своих полномочий, в том числе по обеспечению солидарности представителей различных общественных и политических групп в развитии экономики региона» [4]. В первой части, описывающей регион, определены его конкурентные преимущества, раскрываемые в контексте инвестиционной привлекательности; во второй — отражен региональный опыт реализации инвестиционных проектов.

В инвестиционной декларации, адресованной бизнесу и инвесторам, должны быть, во-первых, четко сформулированы перспективы и потенциал развития региона, инвестиционная стратегия, конкурентные преимущества, ключевые характеристики; во-вторых — меры поддержки со стороны государства, условия их применения и сроки действия; должна быть сформирована матрица предпочтений, позволяющая сравнивать проекты по таким критериям, как минимальный размер вложений, требования к участникам и обязатель-

ствам. Данные декларации должны основываться на показателях, представленных Росстатом, Минстроем и прочими структурами и имеющих прозрачные методики расчета.

Инвестиционная стратегия региона, входящая составной частью в инвестиционную декларацию, как правило, имеет рамки: институциональные (совершенствование нормативной базы и ее правоприменение) и временные, ограничивающие горизонт стратегического планирования. В ней должны быть отражены: оценка качественных и количественных характеристик воспроизводственного процесса региона, включая имеющиеся ресурсы; прогнозные сценарии развития экономики на мезо-, макро- и глобальном уровнях, определяющие наиболее значимые факторы, способные повлиять на процесс реализации региональной стратегии. Традиционными пунктами инвестиционной стратегии являются: принципы сотрудничества территориальных органов власти и местного самоуправления со стейкхолдерами в части формирования инвестиционного климата; план мероприятий (программы, проекты, законодательные инициативы и пр.); графики и регламенты контроля исполнения и пересмотра стратегии; конкретные лица, ответственные за реализацию конкретных мероприятий; требования к реализации и публикации отчетов и пр.

Институт «инвестиционной декларации региона» призван обеспечить доверие инвестора к государству. Учитывая различие правовых норм на региональном уровне, инвестиционная декларация должна в точности соответствовать региональным законам и нормативным правовым актам.

В данном контексте следует учитывать, что для инвестиций характерна чрезвычайная чувствительность «к условиям инвестирования: стабильности и предсказуемости макроэкономической политики, уровню вмешательства государства в экономическую деятельность, степени изменения национальных стандартов с международными, процедур согласования инвестиционных проектов, адекватности законодательства о защите инвестиций и т. д.» [17]. Это значит, что инвестиционная декларация должна соответствовать принципам «ответственного инвестирования», подхода к инвестированию, который «стремится включить факторы окружающей среды, социальные факторы и факторы управления (ESG-факторы) в процесс принятия инвестиционных решений для лучшего управления рисками и устойчивого и долгосрочного возврата от инвестиций» [7].

Поэтому в деятельности инвестиционных комитетов в субъектах РФ необходимо определить баланс, чтобы сочетать рыночные механизмы и государственное регулирование, в одной стороны, продвижение и развитие сферы ESG — с другой.

Таким образом, можно сделать следующие выводы.

Запуск «нового инвестиционного цикла» в регионах России имеет достаточную правовую и институциональную базу. Однако в контексте присоединения России к климатической повестке и в связи с необходимостью привлечения зарубежных инвестиций особое внимание должно быть уделено ESG-трансформации. ESG-принципы должны найти отражение во всех региональных нормативных правовых актах, стратегических документах региональных властных и общественных структур, предприятий и пр.

Формирование методологии нового инвестиционного цикла применительно к региональному уровню целесообразно начинать с определения исходных методологических положений.

1. Методологическую функцию исследования «нового инвестиционного цикла» могут выполнять научные теории, связанные с общественным воспроизводством, устойчивым развитием, инвестициями, экономическими циклами, ресурсным обеспечением, пространственным развитием и пр.

2. Признание ESG-приоритетов для нового инвестиционного цикла предполагает выработку комплекса непротиворечивых базовых понятий и моделей, обоснование принципов, условий запуска и успешного прохождения основных этапов, отбор и обоснование статических и динамических критериев анализа и оценки влияния

ESG-факторов на региональные инвестиционные процессы по всему комплексу экономических отношений.

3. Новый инвестиционный цикл, направленный на переход к шестому технологическому укладу имеет внутреннее диалектическое противоречие: практически все стратегии, принятые в РФ, основываются на огромном приросте добычи нефтегазовых ресурсов (как следствие — приросте выбросов парниковых газов), а региональные стратегии не включают в себя достаточных положений, что противоречит ESG-принципам; совершенствование технологий будет способствовать расширению возможностей имплементации ESG-факторов в инвестиционный процесс на всех уровнях национальной экономики.

4. Новый инвестиционный цикл затрагивает интересы экономических систем различного уровня — от мега- до наноуровня. Задача гармонизации интересов на основе ESG-критериев достигается посредством совокупности административных, экономических и рыночных механизмов.

5. Как должен учитываться международный опыт? Прежде всего должны быть приняты национальные стратегические документы, создающие базис для осуществления системной ESG-трансформации, принятые на высоком политическом уровне и скоординированные во взаимодействии всех заинтересованных сторон: федеральных органов власти, финансовых институтов, научных сообществ и образовательных институтов, бизнеса и некоммерческих организаций, регионов РФ, средств массовой информации и прочих заинтересованных лиц.

Список литературы

1. Альпидовская М. Л., Стомпелева Е. С. Институциональные особенности цифровизации российской экономики // Вестник Волгоградского государственного университета. Экономика. 2020. Т. 22, № 1. С. 15–22.
2. Булочников П. А., Смирнов К. Б. Межрегиональная дифференциация пространственного развития регионов Российской Федерации // Петербургский экономический журнал. 2019. № 4. С. 68–75.
3. Влияние климатических рисков и устойчивого развития финансового сектора Российской Федерации, 2020 год. URL: https://www.cbr.ru/Content/Document/File/108263/Consultation_Paper_200608.pdf (дата обращения: 18.09.2021).
4. Голиков В. К., Гянджиева Ю. С., Мраев М. В. Инвестиционное проектирование и особенности разработка инвестиционной политики на региональном и муниципальном уровнях // Информационные технологии в строительных, социальных и экономических системах. 2019. № 1 (15). С. 41–45.
5. Джармокова Ж. А. Социально-экономические аспекты и региональный терроризм: взаимосвязь и взаимообусловленность // KANT. 2011. № 3. С. 154–156.
6. Довбий И. П., Кондратов М. В., Минкин А. А. Проблемы «новой индустриализации» старопромышленных регионов в условиях перехода к Индустрии 4.0 (финансовые аспекты) // Управление в современных системах. 2021. № 2 (30). С. 13–28.

7. ESG факторы в инвестировании. URL: <https://www.pwc.ru/ru/sustainability/assets/pwc-responsible-investment.pdf> (дата обращения: 23.09.2021).
8. ESG-банкинг в РФ: текущее состояние и перспективы развития. URL: https://asros.ru/upload/iblock/2fe/tlbn9av7j2bh04nt71slnnipvqjutf9/Ekspert-RA-_Saraev.pdf (дата обращения: 13.09.2021).
9. Манохина Н. В. Наука как зеркало российского общества // Вестник СГСЭУ. 2012. № 2 (41).
10. Материалы второго заседания Госсовета по направлению «Инвестиции». URL: <http://government.ru/news/42845/> (дата обращения: 12.08.2021).
11. Паспорта инициатив социально-экономического развития Российской Федерации. URL: http://www.mar.ru/news_photo/124418/info.pdf (дата обращения: 12.08.2021).
12. Плотников И. Н. Запуск нового инвестиционного цикла в России: проблемы, мифы, реальность // Инновации и инвестиции. 2020. № 7. С. 39–42.
13. Практические рекомендации банковского сообщества по внедрению ESG-банкинга в России. URL: <https://asros.ru/projects/esg/> (дата обращения: 15.09.2021).
14. Снесарь Д. ESG: всерьез, надолго, зелено. URL: <https://www.vedomosti.ru/opinion/articles/2021/04/26/867742-esg-vserez> (дата обращения: 15.09.2021)
15. Стандарт деятельности органов исполнительной власти субъекта Российской Федерации по обеспечению благоприятного инвестиционного климата в регионе. URL: STD-v3-RUS_f.pdf (asi.ru) (дата обращения: 12.09.2021).
16. Финансирование устойчивого развития. Банк России. URL: https://cbr.ru/Content/Document/File/123919/press_02072021.pdf (дата обращения: 15.09.2021).
17. Юзвович Л. И., Арутюнян А. Г. Инвестиционная политика в России: механизм государственного регулирования и региональная специфика реализации // Вестник УрФУ. Сер. Экономика и управление. 2012. № 5. С. 42–53.
18. Rethinking the value chain. URL: <https://www.cgma.org/content/dam/cgma/resources/downloadabledocuments/ethics-risk-and-governance.pdf> (accessed 13.09.2021).

Сведения об авторах

Довбий Ирина Павловна — доктор экономических наук, доцент, профессор кафедры экономической безопасности Южно-Уральского государственного университета (национального исследовательского университета), Челябинск, Россия. betelgeyse@mail.ru

Кобылякова Влада Валерьевна — аспирант Южно-Уральского государственного университета (национального исследовательского университета), Челябинск, Россия. krutova.94@inbox.ru

Минкин Александр Александрович — аспирант Южно-Уральского государственного университета (национального исследовательского университета), Челябинск, Россия. aspiranter@icloud.com

Bulletin of Chelyabinsk State University.
2021. № 10 (456). Economic Sciences. Iss. 74. Pp. 77–86.

METHODOLOGICAL ASPECTS OF THE IMPLEMENTATION OF ESG FACTORS IN THE NEW INVESTMENT CYCLE OF REGIONS

I. P. Dovby

South Ural State University (national research university), Russia, Chelyabinsk. betelgeyse@mail.ru

V. V. Kobylyakova

South Ural State University (national research university), Russia, Chelyabinsk. krutova.94@inbox.ru

A. A. Minkin

South Ural State University (national research university), Russia, Chelyabinsk. aspiranter@icloud.com

The global transition to a new technological order is taking place against the background of an unprecedented undermining of economic rules both at the level of international organizations and at the level of states. Almost all segments of the global economy are subject to new standards - ESG principles. The article examines the problems of launching a new investment cycle in Russian regions and developing a regional investment policy in the context of taking into account the ESG transformation taking place in the world. The purpose of the study is to identify the possibility of implementing ESG factors in the new investment cycle of the regions. Research objectives: to determine the current economic conditions and the formation of the institutional mechanism for launching a new investment cycle; formulate the starting points and methodological principles for the implementation of ESG factors in the regional investment process.

Keywords: *region, investment cycle, ESG factors, regional investment process, FastTrack for investments in the regions.*

References

1. Alpidovskaya M. L., Stompeleva E. S. (2020) *Vestnik Volgogradskogo gosudarstvennogo universiteta. Ekonomika*, vol. 22, no. 1, pp. 15–22 [in Russ.].
2. Bulochnikov P. A., Smirnov K. B. (2019) *Peterburgskiy ekonomicheskij zhurnal*, no. 4, pp. 68–75 [in Russ.].
3. Vliyaniye klimaticheskikh riskov i ustoychivogo razvitiya finansovogo sektora Rossiyskoy Federatsii, 2020 god [Impact of Climate Risks and Sustainable Development of the Financial Sector of the Russian Federation, 2020]. Available at: https://www.cbr.ru/Content/Document/File/108263/Consultation_Paper_200608.pdf, accessed 18.09.2021 [in Russ.].
4. Golikov V. K., Gandzhieva Yu. S., Mraev M. V. (2019) *Informatsionnyye tekhnologii v stroitel'nykh, sotsial'nykh i ekonomicheskikh sistemakh*. No. 1 (15). Pp. 41–45 [in Russ.].
5. Dzhar'mokova J. A. (2011) *KANT*, no. 3, pp. 154–156 [in Russ.].
6. Dovbiy I. P., Kondratov M. V., Minkin A. A. (2021) *Management in modern systems*, no. 2 (30), pp. 13–28 [in Russ.].
7. ESG faktory v investirovanii. [ESG factors in investing]. Available at: <https://www.pwc.ru/ru/sustainability/assets/pwc-responsible-investment.pdf>, accessed 23.09.2021 [in Russ.].
8. ESG-banking v RF: tekushcheye sostoyaniye i perspektivy razvitiya. [ESG banking in the Russian Federation: current state and development prospects]. Available at: https://asros.ru/upload/iblock/2fe/tlbn9av7j2bh04nt71slnnipvqjutf9/Ekspert-RA_-Saraev.pdf, accessed 13.09.2021 [in Russ.].
9. Manohina N. V. (2012) *Vestnik SGSEU*, no. 2 (41) [in Russ.].
10. Materialy vtorogo zasedaniya Gossoveta po napravleniyu "Investitsii" [Materials of the second meeting of the State Council in the direction of "Investments"]. Available at: <http://government.ru/news/42845/>, accessed 12.08.2021 [in Russ.].
11. Pasporta initsiativ sotsial'no-ekonomicheskogo razvitiya Rossiyskoy Federatsii [Passports of initiatives of socio-economic development of the Russian Federation]. Available at: http://www.mar.ru/news_photo/124418/info.pdf, accessed 12.08.2021 [in Russ.].
12. Plotnikov I. N. (2020) *Innovatsii i nvestitsii*, no. 7, pp. 39–42 [in Russ.].

13. Prakticheskiye rekomendatsii bankovskogo soobshchestva po vnedreniyu ESG-bankinga v Rossii [Practical recommendations of the banking community on the implementation of ESG banking in Russia]. Available at: <https://www.vedomosti.ru/opinion/articles/2021/04/26/867742-esg-vserez>, accessed 15.09.2021 [in Russ.].

14. Snesar' D. ESG: vser'yez, nadolgo, zeleno [ESG: seriously, for a long time, green]. Available at: <https://www.vedomosti.ru/opinion/articles/2021/04/26/867742-esg-vserez>, accessed 15.09.2021 [in Russ.].

15. Standart deyatel'nosti organov ispolnitel'noy vlasti sub'yekta Rossiyskoy Federatsii po obespecheniyu blagopriyatnogo investitsionnogo klimata v regione [Standard for the activities of executive authorities of a constituent entity of the Russian Federation to ensure a favorable investment climate in the region]. Available at: [STD-v3-RUS_f.pdf \(asi.ru\)](#), accessed 12.09.2021 [in Russ.].

16. Finansirovaniye ustoychivogo razvitiya. Bank Rossii. [Financing sustainable development: new subsection on Bank of Russia website]. Available at: https://cbr.ru/Content/Document/File/123919/press_02072021.pdf, accessed 15.09.2021 [in Russ.].

17. Yuzvovich L. I., Arutyunyan A. G. (2012) Vestnik UrFU. Ser. Ekonomika i upravleniye, no. 5, pp. 42–53 [in Russ.].

18. Rethinking the value chain. Available at: <https://www.cgma.org/content/dam/cgma/resources/downloadabledocuments/ethics-risk-and-governance.pdf>, accessed 13.09.2021.

КОНКУРЕНТНЫЙ АНАЛИЗ РЫНКА ЖКХ УРАЛЬСКОГО ФЕДЕРАЛЬНОГО ОКРУГА

И. А. Белова

Челябинский государственный университет, Челябинск, Россия

Цель исследования заключается в конкурентном анализе рынка ЖКХ в рамках Уральского федерального округа. Исследована структура жилищного фонда РФ по регионам, определена доля УрФО в структуре жилищного фонда РФ. Проведена оценка уровня рыночной концентрации отрасли ЖКХ в УрФО. Определены крупнейшие участники рынка ЖКХ в УрФО, рассчитаны их доли в общем объеме жилищного фонда УрФО и в рамках каждого региона УрФО. Результаты, полученные в данной работе, позволят в дальнейших исследованиях провести ценовой анализ рынка ЖКХ УрФО, оценить насыщенность и предполагаемый потенциал рынка ЖКХ в УрФО, произвести оценку объема потребления ЖКХ на душу населения.

Ключевые слова: конкурентный анализ, крупнейшие игроки, доли крупнейших конкурентов, жилищно-коммунальное хозяйство, рынок ЖКХ, регионы Уральского федерального округа.

Конкурентный анализ, проводимый на любом рынке, является важнейшим инструментом при определении стратегии позиционирования компании, выбора дальнейшего направления путей диверсификации бизнеса, емкости рынка, определения своей ниши и доли на нем. Исключение в данном контексте не составляет и рынок жилищно-коммунального хозяйства.

Цель исследования заключается в конкурентном анализе рынка ЖКХ в рамках Уральского федерального округа.

Теоретическую и методологическую базу исследования составили аналитические и обзорные статьи в области изучения проблем функционирования ЖКХ в России и УрФО, степени рыночной концентрации, крупнейших операторов рынка. Так, оценка интеллектуального потенциала регионов, показателей развития научной деятельности и воспроизводства научного потенциала в Уральском федеральном округе была проведена В. Бархатовым [1]. Исследование ЖКХ как драйвера устойчивого развития Уральского федерального округа было проведено И. Беловой [3, 4]. Государственная информационная система ЖКХ как основа управления сетевыми отношениями в России раскрыта Д. Плетневым и коллегами [7]. Исследование внешних и внутренних факторов, оказывающих влияние на успешное функционирование малых и средних предприятий, к которым и относится часть компаний жилищно-коммунального хозяйства, провели В. Бархатов и И. Белова [2],

Е. Николаева и Д. Плетнев [6]. Основные направления реформирования жилищно-коммунальных услуг и особенности функционирования рынка ЖКХ исследовали И. Плотникова и И. Сорокина [8], О. Ненахова [5]. Анализ системного кризиса ЖКХ в России, включая анализ состояния основных фондов жилищно-коммунального хозяйства, реформ ЖКХ провел Ю. Соколов [9].

Методическим инструментарием исследования являются методы индукции, дедукции, синтеза, методы сравнительного и графического анализа, системного подхода, экономико-математические методы исследования.

Информационную базу исследования составили данные специализированных порталов: единый информационный ресурс «Государственная информационная система жилищно-коммунального хозяйства», Государственная корпорация — Фонд содействия реформированию жилищно-коммунального хозяйства (Фонд ЖКХ).

Структура жилищного фонда РФ по регионам распределяется весьма неравномерно, что во многом определяется площадью регионов, численностью населения в них, степенью инвестиционной активности девелоперов, спросом на рынке жилья и пр.

В топ-15 регионов России в структуре жилищного фонда вошли Москва (доля 10,5 %), Московская область (8,2 %), Санкт-Петербург (5,8 %). Примечательным является тот факт, что Свердловская и Челябинская области, входящие в Уральский федеральный округ, в анализируе-

мой структуре занимают четвертое и пятое места с долями 3,4 и 3,1 % соответственно. При этом доли оставшихся регионов УрФО в структуре жилищного фонда РФ распределились следующим образом: Ханты-Мансийский автономный округ (доля 1,3 % — 21-е место в рейтинге регионов по объему жилищного фонда), Тюменская область (1,1 % — 26-е место), Ямало-Ненецкий автономный округ (0,4 % — 63-е место), Курганская область (0,3 % — 70-е место). В целом доля УрФО в жилищном фонде РФ составляет 9,6 %.

Доли топ-15 регионов в объеме жилищного фонда России в 2020 г. представлены на рис. 1.

Исходя из расчета индекса Херфиндала — Хиршмана (ННИ), используемого для определения рыночной конкурентоспособности и определяемого путем суммирования квадратов рыночных долей каждой компании в отрасли, равного 15, исследуемый рынок является низкоконцентрированным, а доли функционирующих на рынке операторов незначительны. При этом в качестве операторов на данном рынке рассматриваются компании, осуществляющие управление эксплуатацией жилого фонда, ввиду того, что они выступают посредниками между потребителями услуг ЖКХ и ресурсоснабжающими организациями, и платежи за коммунальные услуги населения проходят через них и отражаются в их выручке от реализации.

К крупнейшим участникам рынка ЖКХ в УрФО относятся: ООО «ДЕЗ Калининского района» (Челябинская область, г. Челябинск), ООО УК «ПЖРЭУ Курчатовского района» (Челябинская область, г. Челябинск), ООО «УК “Дирекция единого заказчика”» (Свердловская область, г. Каменск-Уральский), ООО УО «Ремжилзаказчик

Советского района» (Челябинская область, г. Челябинск), ООО «УК “Верх-Исетская”» (Свердловская область, г. Екатеринбург), ООО «УЖК “Новоуральская”» (Свердловская область, г. Новоуральск), ОАО «УК № 2» (ХМАО — Югра, г. Нижневартовск), АО «Орджоникидзевская УЖК» (Свердловская область, г. Екатеринбург), ООО «УК “РЭМП Железнодорожного района”» (Свердловская область, г. Екатеринбург), ООО «Новая волна Курган» (Курганская область, г. Курган). Также необходимо отметить, что крупнейшие участники рынка, являющиеся таковыми исходя из общей площади домов, находящихся в их управлении, являются конкурентами в большей степени только в рамках своего региона. Это обусловлено различными объемами жилищного фонда в регионе в целом, численностью населения в них, концентрацией управляющих организаций жилищного фонда, спецификой рынка, заключающейся в привязке оказания данного вида услуг к месторасположению оператора, и пр. Более того, в случае, если собственники жилья захотят сменить управляющую компанию, то в качестве альтернативных вариантов они будут рассматривать компании, находящиеся в их городе или регионе. Таким образом, в рамках УрФО анализируемые компании рассматриваются как крупнейшие участники, а в рамках региона — как крупнейшие конкуренты.

В качестве основы для расчета долей крупнейших участников рынка ЖКХ в УрФО были взяты данные по общей площади домов, находящихся в управлении у каждой компании, к общей площади жилых помещений (жилищного фонда), находящихся в обслуживании у всех компаний, осуществляющих управление эксплуатацией жилого

Рис. 1. Доли топ-15 регионов в объеме жилищного фонда России в 2020 году, %

Источник: расчет и оценка автора по данным портала «Реформа ЖКХ».

го фонда, по УрФО в целом. Источником данных для расчета послужил реестр управляющих организаций по России, представленный на портале Государственной корпорации — Фонда содействия реформированию жилищно-коммунального хозяйства (Реформа ЖКХ) (последнее обновление данных реестров — 1 октября 2021 г.), отражающий сведения по общей площади жилищного фонда, находящегося в обслуживании у всех компаний, осуществляющих управление эксплуатацией жилого фонда.

Профили крупнейших участников рынка ЖКХ в УрФО в 2020 г. представлены в табл. 1.

Определим доли крупнейших участников ЖКХ в совокупной площади домов, находящихся в управлении всех компаний, осуществляющих управление эксплуатацией жилого фонда, в Уральском федеральном округе. Лидером в этом ключе является ООО «ДЕЗ Калининского района» (доля рынка 1,5 %), второе и третье места с одинаковыми долями рынка (по 1,3 % каждая) делят ООО УК «ПЖРЭУ Курчатовского района» и ООО «УК “Дирекция единого заказчика”»; на четвертом месте — ООО УО «Ремжилзаказчик» с долей рынка 1,1 %; пятое, шестое, седьмое места с одинаковыми долями рынка (по 1,0 % каждая) занимают ЗАО «УК “Верх-Исетская”», ООО «УЖК “Новоуральская”», ОАО «УК № 2». Еще по 0,9 % рынка принадлежит АО «Орджоникидзевская УЖК» и ООО «УК “РЭМП Железнодорожного района”». Замыкает десятку лидеров ООО «Новая волна Курган» (доля рынка 0,8 %). На долю прочих операторов приходится 89,2 % рынка ЖКХ в УрФО. Доли крупнейших участников рынка ЖКХ в УрФО в 2020 г. представлены на рис. 2.

Далее рассмотрим топ-5 крупнейших конкурентов рынка ЖКХ в рамках каждого региона УрФО и определим их доли в них.

Распределение долей крупнейших конкурентов в Курганской области отличается неравномерностью с вариацией диапазона долей от 1,7 до 24,6 %. Лидером среди крупнейших конкурентов рынка ЖКХ в данном регионе является ООО «Новая волна Курган», занимая 24,6 % общей площади жилищного фонда. В целом на топ-5 компаний приходится почти 40,0 % общей площади жилищного фонда региона. Крупнейшие конкуренты рынка ЖКХ Курганской области в 2020 г. представлены в табл. 2.

В рамках крупнейших конкурентов рынка ЖКХ в Свердловской области наблюдается более равномерное распределение долей, входящих в диапазон от 2,5 до 3,6 %. При этом все компании, входящие в топ-5 в данном регионе, входят в число крупнейших участников рынка в рамках округа. Но их совокупная доля в общей площади жилищного фонда Свердловской области составляет всего 14,4 %. Крупнейшие конкуренты рынка ЖКХ в Свердловской области в 2020 г. представлены в табл. 3.

В число крупнейших конкурентов рынка ЖКХ в Тюменской области вошли компании, оказывающие услуги по эксплуатации жилищно фонда, только в рамках регионального центра — г. Тюмени. При этом совокупная доля топ-5 участников в общей площади жилищного фонда данного региона составляет почти 18,0 %, а доля лидера рынка (ООО «УК по СЖФ») — 5,8 %. При этом ООО «УК по СЖФ», являясь лидером рынка в Тюменской области, не вошел в число крупнейших участников в рамках округа.

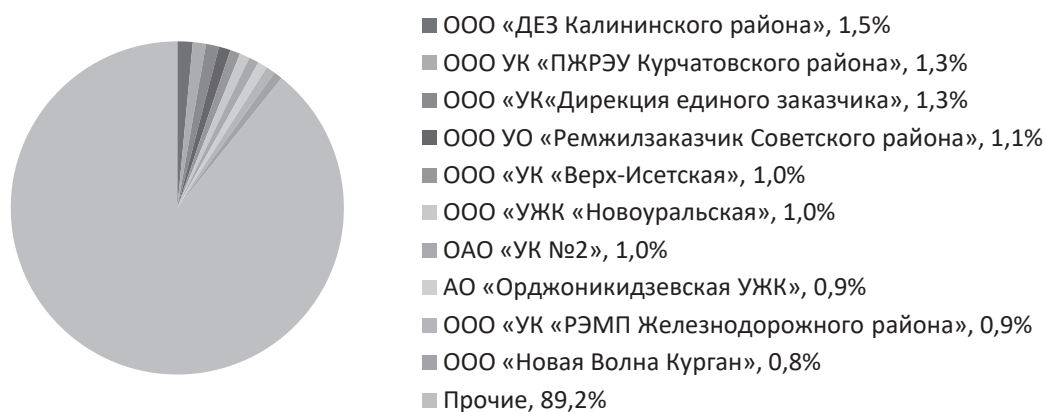

Рис. 2. Доли крупнейших участников рынка ЖКХ в Уральском федеральном округе в 2020 году, %

Источник: расчет и оценка автора по данным портала «Реформа ЖКХ».

Таблица 1

Крупнейшие участники рынка ЖКХ в Уральском федеральном округе в 2020 году

Компания	Оказываемые услуги	Общая площадь домов в управлении, кв. м
ООО «ДЕЗ Калининского района»	Услуги по эксплуатации и содержанию жилой и нежилой недвижимости	3 990 746,8
ООО УК «ПЖРЭУ Курчатовского района»	Управление многоквартирными домами, их содержание, обслуживание и текущий ремонт	3 451 744,9
ООО «УК “Дирекция единого заказчика”»	Услуги по управлению жилым и нежилым фондом, содержанию общего имущества в МКД, предоставление коммунальных услуг гражданам в МКД	3 378 921,5
ООО УО «Ремжилзаказчик Советского района»	Услуги по содержанию и ремонту общего имущества многоквартирных жилых домов	3 039 835,4
ООО «УК “Верх-Исетская”»	Управление общим имуществом многоквартирных домов и оказание услуг по содержанию и ремонту общего имущества дома	2 640 649,3
ООО «УЖК “Новоуральская”»	Услуги по техническому обслуживанию, управлению, содержанию и ремонту жилищного фонда	2 618 267,8
ОАО «УК № 2»	Управление жилыми МКД, контроль за работой и услугами по содержанию и техническому ремонту общего имущества жилых МКД, объектов внешнего благоустройства и придомовых территорий	2 587 777,4
АО «Орджоникидзевская УЖК»	Управление общим имуществом МКД и оказание услуг по содержанию и ремонту общего имущества дома	2 522 102,6
ООО «УК “РЭМП Железнодорожного района”»	Управление МКД, содержание и текущий ремонт общего имущества МКД, предоставление коммунальных услуг собственникам (пользователям) жилых помещений в МКД	2 397 738,5
ООО «Новая волна Курган»	Управление МКД, техническая эксплуатация, ремонт и содержание жилищного фонда	2 276 600,6

Источник: составлено автором по данным портала «Реформа ЖКХ», данным операторов рынка.

Таблица 2

Крупнейшие конкуренты рынка ЖКХ Курганской области в 2020 году

Компания	Общая площадь домов в управлении, кв. м	Доля в общей площади жилищного фонда Курганской области, %
ООО «Новая волна Курган» (Курган)	2 276 600,6	24,6
ООО «Восток-Центр» (Курган)	686 147,4	7,4
ООО УК «Жилищник» (Курган)	345 585,3	3,7
ООО «УК “Уют”» (Курган)	158 021,3	1,7
ООО «Сервис» (Курган)	158 010,4	1,7
Прочие	5 615 635,1	60,8

Источник: составлено автором по данным портала «Реформа ЖКХ».

Крупнейшие конкуренты рынка ЖКХ в Тюменской области в 2020 г. представлены в табл. 4.

Лидирующие позиции среди крупнейших конкурентов рынка ЖКХ в Челябинской области занимают ООО «ДЕЗ Калининского района» (доля 4,7 %) и ООО УК «ПЖРЭУ Курчатовского района» (4,1 %). Более того, эти компании явля-

ются крупнейшими не только по меркам региона, но и в рамках округа, занимая первое и второе места в рейтинге крупнейших участников рынка в рамках УрФО с долями 1,5 и 1,3 % соответственно. В целом на топ-5 крупнейших операторов рынка ЖКХ в Челябинской области приходится 16,0 % общей площади жилищного фонда региона.

Таблица 3

Крупнейшие конкуренты рынка ЖКХ Свердловской области в 2020 году

Компания	Общая площадь домов в управлении, кв. м	Доля в общей площади жилищного фонда Свердловской области, %
ООО «УК “Дирекция единого заказчика» (Каменск-Уральский)	3 378 921,5	3,6
ЗАО «УК “Верх-Исетская”» (Екатеринбург)	2 640 649,0	2,8
ООО «УЖК “Новоуральская”» (Новоуральск)	2 618 268,0	2,8
АО «Орджоникидзевская УЖК» (Екатеринбург)	2 522 103,0	2,7
ООО «УК “РЭМП Железнодорожного района”» (Екатеринбург)	2 397 738,5	2,5
Прочие	80 702 320,3	85,6

Источник: составлено автором по данным портала «Реформа ЖКХ».

Крупнейшие конкуренты рынка ЖКХ в Челябинской области в 2020 г. представлены в табл. 5.

Совокупная доля топ-5 крупнейших конкурентов рынка ЖКХ в Ханты-Мансийском автономном округе в общей площади жилищного фонда данного региона составляет 23,5 %, а лидером рынка в этом ключе выступает ОАО «УК № 2» с долей 7,0 %. При этом ОАО «УК № 2» занимает седьмую строчку в рейтинге крупнейших участников рынка в УрФО по общей площади домов, находящихся в обслуживании (доля 1,0 %).

Крупнейшие конкуренты рынка ЖКХ в Ханты-Мансийском автономном округе в 2020 г. представлены в табл. 6.

В отличие от других регионов, анализируемых выше, крупнейшие конкуренты рынка ЖКХ в Ямало-Ненецком автономном округе не функционируют в рамках административного центра

региона — г. Салехарда, а локализуются в более крупных городах — Новом Уренгое и Ноябрьске. Так, в тройку лидеров рынка входят ОАО «УЖС» (доля 9,5 %), ООО «Янтарное» (7,3 %), ООО «НЖСК+» (5,6%). В целом на топ-5 компаний приходится почти 30,0 % общей площади жилищного фонда региона.

Крупнейшие конкуренты рынка ЖКХ Ямало-Ненецкого автономного округа в 2020 г. представлены в табл. 7.

В результате проведенного исследования можно сделать ряд выводов.

Во-первых, исследована структура жилищного фонда РФ по регионам. На долю топ-15 регионов приходится порядка 53,5 % жилищного фонда РФ. При этом в пятерку лидеров, помимо Москвы, Московской области и Санкт-Петербурга, вошли два региона УрФО — Свердловская и Челябинская области, заняв четвертое и пятое место в рейтинге с долями 3,4 и 3,1 % соответственно. При этом

Таблица 4

Крупнейшие конкуренты рынка ЖКХ Тюменской области в 2020 году

Компания	Общая площадь домов в управлении, кв. м	Доля в общей площади жилищного фонда Тюменской области, %
ООО «УК по СЖФ» (Тюмень)	1 813 451,5	5,8
ООО «УК “Русь”» (Тюмень)	1 469 776,3	4,7
ООО «УК “Север”» (Тюмень)	903 311,9	2,9
ООО «УК “Запад”» (Тюмень)	710 945,9	2,3
ООО «УК “Юг”» (Тюмень)	701 386,9	2,2
Прочие	25 681 127,5	82,1

Источник: составлено автором по данным портала «Реформа ЖКХ».

Таблица 5

Крупнейшие конкуренты рынка ЖКХ Челябинской области в 2020 году

Компания	Общая площадь домов в управлении, кв. м	Доля в общей площади жилищного фонда Челябинской области, %
ООО «ДЕЗ Калининского района» (Челябинск)	3 976 230,7	4,7
ООО УК «ПЖРЭУ Курчатовского района» (Челябинск)	3 451 744,9	4,1
ООО УО «Ремжилзаказчик» (Челябинск)	2 697 470,7	3,2
ООО «Жилищная управляющая компания» (Копейск)	1 890 591,9	2,2
ООО «ЖРЭУ № 5» (Магнитогорска)	1 508 226,6	1,8
Прочие	70 945 735,2	84,0

Источник: составлено автором по данным портала «Реформа ЖКХ».

Таблица 6

Крупнейшие конкуренты рынка ЖКХ Ханты-Мансийского автономного округа в 2020 году

Компания	Общая площадь домов в управлении, кв. м	Доля в общей площади жилищного фонда Ханты-Мансийского автономного округа, %
ОАО «УК № 2» (Нижневартовск)	2 587 777,4	7,0
ООО «УК ДЕЗ ВЖР» (Сургут)	2 264 333,5	6,1
ООО «УК ДЕЗ ЦЖР» (Сургут)	1 506 085,9	4,1
ООО УК «Сервис-3» (Сургут)	1 299 838,3	3,5
ПАО «ЖТ № 1» (Нижневартовск)	1 067 437,8	2,9
Прочие	28 394 528,1	76,5

Источник: составлено автором по данным портала «Реформа ЖКХ».

на долю УрФО в общем объеме жилищного фонда РФ приходится 9,6 %.

Во-вторых, рынок ЖКХ в УрФО характеризуется низким уровнем концентрации — большим количеством операторов с незначительными долями рынка. При этом для исследуемого рынка характерно практически полное отсутствие общеизвестных брендов исполнителей. Управляющие компании являются узнаваемыми исключительно в рамках своего города, не говоря уже о регионе и УрФО в целом.

В-третьих, на долю топ-10 крупнейших участников приходится только 10,8 % рынка ЖКХ УрФО. При этом доля лидера рынка составляет лишь 1,5 % (ООО «ДЕЗ Калининского района», Челябинск).

В-четвертых, на долю топ-5 крупнейших операторов в трех из шести регионов УрФО приходится чуть больше 15,0 % рынка ЖКХ. Такими регионами являются Свердловская, Тюменская и Челябинская области. В оставшихся регионах УрФО совокупная доля топ-5 крупнейших игроков значительно выше и входит в диапазон от 23,0 до 40,0 %. При этом лишь в одном регионе — Курганской области — на долю лидера приходится почти четверть рынка (24,6 %, ООО «Новая волна Курган»).

В-пятых, с точки зрения географической локации, крупнейшие участники рынка ЖКХ в большей степени сосредоточены в региональных центрах УрФО, в меньшей — в других городах региона.

Таблица 7

Крупнейшие конкуренты рынка ЖКХ Ямало-Ненецкого автономного округа в 2020 году

Компания	Общая площадь домов в управлении, кв. м	Доля в общей площади жилищного фонда Ямало-Ненецкого автономного округа, %
ОАО «УЖС» (Новый Уренгой)	1 084 937,5	9,5
ООО «Янтарное» (Надым)	832 967,9	7,3
ООО «НЖСК+» (Ноябрьск)	642 263,3	5,6
ООО «Крепость+» (Ноябрьск)	544 297,8	4,8
ООО «Сити Сервис» (Новый Уренгой)	417 068,0	3,7
Прочие	7 858 465,5	69,1

Источник: составлено автором по данным портала «Реформа ЖКХ».

Результаты, полученные в данной работе, позволяют в дальнейших исследованиях провести ценовой анализ на рынке ЖКХ УрФО, оценить насыщенность и предполагаемый потенциал рынка ЖКХ в УрФО, провести оценку объема потребления услуг ЖКХ на душу населения.

Список литературы

1. Barkhatov V. Reproduction of Human Potential in the Ural Federal District in Russia Under the New Normal Conditions // E3S Web of Conferences. 2020. 210. 15002. DOI:10.1051/e3sconf/202021015002.
2. Barhatov V., Belova I. External Success Factors of Small and Medium-Sized Enterprises of Russia: Economic Aspect // Country Experiences in Economic Development, Management and Entrepreneurship. Proceedings of the 17th Eurasia Business and Economics Society Conference. 2017. Vol. 5. Pp. 453–468.
3. Belova I. Housing and communal services as a driver of the Urals Federal District sustainable development // E3S Web of Conferences. 2021. 258 (78):06031. DOI:10.1051/e3sconf/202125806031.
4. Белова И. А. ЖКХ как индикатор устойчивого развития Уральского федерального округа // Вестник Челябинского государственного университета. 2021. № 6 (452). С. 115–121.
5. Nenakhova O. Peculiarities of Functioning of Housing and Communal Services and Main Directions of Reform of Housing and Communal Services // North Caucasus Legal Vestnik. 2018. № 1 (2). Pp. 87–91.
6. Nikolaeva E., Pletnev D. Internal Business Success Factors of Small and Medium-Sized Enterprises in Russia // Journal of Advanced Research in Law and Economics. 2015. No. 6 (4). Pp. 768–774.
7. Pletnev D., Fink O., Dyachenko O. State Information System of Housing and Utilities Sector as a Basis of Network Relationship Management in Russia // Eurasian Business Perspectives. Proceedings of the 25th Eurasia Business and Economics Society Conference. 2020. Vol. 1. Pp. 127–137.
8. Plotnikova I., Sorokina I. Modern Housing and Communal Services Development Problems // Problems of Territory's Development. 2019. No. 6 (104). Pp. 52–68.
9. Sokolov Yu. Systemic Crisis of Housing and Communal Services in Russia // Issues of Risk Analysis. 2020. No. 17 (5). Pp. 10–25.

Сведения об авторе

Белова Ирина Анатольевна — кандидат экономических наук, доцент кафедры экономики отраслей и рынков Челябинского государственного университета, Челябинск, Россия. belova@csu.ru

Bulletin of Chelyabinsk State University.
2021. № 10 (456). Economic Sciences. Iss. 74. Pp. 87–94.

COMPETITIVE ANALYSIS OF THE URAL FEDERAL DISTRICT HOUSING AND UTILITIES MARKET

I. A. Belova

Chelyabinsk State University, Chelyabinsk, Russia.belova@csu.ru

The purpose of the study is to provide a competitive analysis of the housing and communal services market within the Urals Federal District. The structure of the housing stock of the Russian Federation by regions is investigated, the share of the Ural Federal District in the structure of the housing stock of the Russian Federation is determined. The assessment of the level of market concentration of the housing and communal services industry in the Urals Federal District was carried out. The largest participants in the housing and communal services market in the Urals Federal District have been identified, their shares in the total housing stock of the Ural Federal District and within each region of the Ural Federal District have been calculated. The results obtained in this work will allow, in further studies, to carry out a price analysis on the housing and communal services market of the Urals Federal District, to assess the saturation and the estimated potential of the housing and communal services market in the Urals Federal District, to assess the volume of consumption of housing and communal services per capita.

Keywords: *competitive analysis, largest players, shares of largest competitors, housing and communal services, housing and communal services market, regions of the Ural Federal District.*

References

1. Barkhatov V. (2020) E3S Web of Conferences, no. 210, 15002. DOI:10.1051/e3sconf/202021015002.
2. Barhatov V., Belova I. (2017) Country Experiences in Economic Development, Management and Entrepreneurship. Proceedings of the 17th Eurasia Business and Economics Society Conference, no. 5, pp. 453–468.
3. Belova I. (2021) E3S Web of Conferences, no. 258 (78), 06031. DOI:10.1051/e3sconf/202125806031.
4. Belova I. (2021) Bulletin of the Chelyabinsk State University, no. 6 (452), pp. 115–121 [in Russe.].
5. Nenakhova O. (2018) North Caucasus Legal Vestnik, no. 1 (2), pp. 87–91.
6. Nikolaeva E., Pletnev D. (2015) Journal of Advanced Research in Law and Economics, no. 6(4), pp. 768–774.
7. Pletnev D., Fink O., Dyachenko O. (2020) Eurasian Business Perspectives. Proceedings of the 25th Eurasia Business and Economics Society Conference, no. 1, pp. 127–137.
8. Plotnikova I., Sorokina I. (2019) Problems of Territory's Development, no. 6 (104), pp. 52–68.
9. Sokolov Yu. (2020) Issues of Risk Analysis, no. 17(5), pp. 10–25.

ЭКОНОМИКА ХОЗЯЙСТВУЮЩИХ СУБЪЕКТОВ

MICROECONOMICS AND ECONOMICS OF ENTERPRISES

Вестник Челябинского государственного университета.
2021. № 10 (456). Экономические науки. Вып. 74. С. 95–105.

УДК 338.3+502.3

DOI 10.47475/1994-2796-2021-11010

ББК 65.28+65.290.2

ВЗГЛЯД ИЗНУТРИ НА РАЗВИТИЯ ЭКОЛОГИЧЕСКОГО БИЗНЕСА В РОССИИ: РЕЗУЛЬТАТЫ КАЧЕСТВЕННОГО ИССЛЕДОВАНИЯ

Е. В. Забелина¹, Д. А. Константинов², А. А. Корнеева¹

¹ Челябинский государственный университет, Челябинск, Россия

² НТИ-ЭкоНет, Челябинск, Россия

Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ и Челябинской области в рамках научного проекта № 20-413-740009.

Авторы выражают благодарность предпринимательскому сообществу «ЭкоНет» за готовность к научному сотрудничеству.

Статья посвящена анализу представлений предпринимателей в сфере экобизнеса о причинах выбора этого направления бизнеса в качестве основного, о личностных ресурсах и трудностях, с которыми они сталкиваются в этой деятельности, о перспективах развития экологического бизнеса в России. Для проведения исследования была разработана программа полуструктурированного интервью. Выявлены разнообразные причины занятия бизнесом в сфере экотехнологий: забота о природе, безразличие к будущему, интерес к технологиям, желание принести пользу обществу и др. Идентифицирован ценностный профиль предпринимателей в этой сфере. На первое место в системе ценностей они ставят семью (детей), далее следуют честность (честное имя), безопасность (для близких, для общества в целом) и независимость, интересная задача (работа), развитие, общественная польза. Основным препятствием на пути развития экобизнеса видится отсутствие конструктивного взаимодействия между предпринимателями, администрацией, наукой и общественностью.

Ключевые слова: экологический бизнес, экотехнологии, ресурсы, ценности, мотивация, предпринимательство.

Введение

Развитие «зеленого» бизнеса, основанного на экотехнологиях, является сегодня одним из мощных мировых трендов [2]. Значимость этого направления активно обсуждается и в нашей стране: проводятся ежегодные форумы, выделяются правительственные гранты, создаются инвестиционные программы¹. Однако, несмотря на все принимаемые усилия в этой сфере, состояние окружающей среды заметно ухудшается. По данным «ФинЭкспертизы», количество случаев экстремально высокого уровня загрязнения за последний год увеличилось в четыре раза². Кроме

того, несмотря на принятие в России закона о «зеленом» финансировании³, объем рынка финансирования «зеленого» предпринимательства остается незначительным, что говорит о слабости этого экономического сектора⁴.

Формируется определенный научный интерес к отрасли экологического бизнеса [1, 4, 6, 9, 15], однако фактических наработок в этой области, особенно в изучении его социально-психологических аспектов, пока немного [10–14]. В частно-

выросло в четыре раза. URL: <https://finexpertiza.ru/press-service/researches/2021/vysok-zagryazn-vozd/> (дата обращения: 13.08.2021).

³ Зеленое финансирование. URL: <https://veb.ru/ustojchivoe-razvitie/zeljonoe-finansirovanie/> (дата обращения: 13.08.2021).

⁴ «Идеи экоактивизма возводятся в ранг новой религии»: как это поможет Челябинску? URL: <https://chel.dk.ru/news/237150657> (дата обращения: 13.08.2021).

¹ Основы государственной политики в области экологического развития Российской Федерации до 2030 года. (утв. Президентом РФ 30.04.2012). URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_129117 (дата обращения: 13.08.2021).

² Количество высоких загрязнений воздуха в России

сти, практически не изучаются причины выбора экобизнеса в качестве основного, мотивы вступления в ряды экопредпринимателей, их личностные ресурсы, а также трудности, с которыми они сталкиваются в этой деятельности. Настоящее исследование стремится частично восполнить этот пробел.

Методы и выборка

В рамках поискового исследования предпочтением было отдано качественным методам как инструменту изучения тех тем и проблем, которые еще не были предметом научного исследования. Качественный подход стимулирует исследователя обходиться без предварительных теоретических представлений о том, какие из переменных окажутся более важными и как результаты впишутся в систему объяснений, предлагаемых уже существующей теорией [8]. В частности, применялся метод интервью с последующим анализом полученных данных без обращения к статистическим методам [3]. Главная отличительная черта исследований с применением интервью — это использование описания, анализа, интерпретации в работе с изучаемым феноменом, внимание к содержанию значений и смыслов, зафиксированных в языке людей.

Для исследования проблем и возможностей развития экологического бизнеса в России была разработана программа полуструктурированного интервью. Вводная часть вопросов была направлена на налаживание контакта с респондентом и включала в себя вопросы для сбора демографических данных. В основную часть интервью были включены вопросы, касающиеся восприятия респондентом своего бизнеса, его успешности и конкурентных преимуществ; вопросы, связанные с личностными ресурсами предпринимателей в сфере экобизнеса, их ценностями и мотивами; вопросы, направленные на изучение трудностей предпринимателей в экобизнесе и возможностей их преодоления. Заключительный этап интервью был направлен на выяснение представлений респондентов о перспективах развития экологического бизнеса в России.

В исследовании приняли участие десять представителей малого и среднего бизнеса, реализующих экологическое направление, в возрасте от 38 до 62 лет, все мужчины. Респонденты проживают в Челябинске и Челябинской области и осуществляют предпринимательскую деятельность в следующих направлениях: чистые технологии производства, умные технологии мониторинга

и контроля загрязнений окружающей среды, перспективные технологии утилизации отходов, базы практических экологических услуг, технологий и знаний, моделирование и управление экосистемами и природными процессами. Интервью проводились индивидуально.

Материалы, собранные с помощью интервью, обрабатывались методом тематического анализа, который представляет собой гибкий исследовательский инструмент, позволяющий собирать богатый и подробный материал. Анализ осуществлялся в соответствии с шестью этапами, выделенными В. Брауном и В. Кларком [5].

Результаты

Восприятие бизнеса и себя в нем

Первый блок вопросов был посвящен тому, как предприниматели видят свой бизнес, свои конкурентные преимущества и как они оценивают свою успешность. Нас интересовал также вопрос о том, что побудило предпринимателей выбрать именно это направление бизнеса.

При описании своего бизнеса респонденты используют лексику, раскрывающую его социально значимую сторону, однако при этом не считают, что они занимаются чем-то выдающимся, необычным. Далее приведены примеры высказываний интервьюируемых, подтверждающие этот тезис (курсивом выделены наиболее показательные лексические единицы).

«Мы помогаем организациям внедрять всякого рода профессиональные системы и стандарты управления, и в том числе... по экологии» (предприниматель, 50 лет).

«Мы видим себя... в оборудовании, которое может *сопровождать* производственные какие-то процессы либо осуществлять прежде всего это измерение — экологический мониторинг» (предприниматель, 47 лет).

«Сейчас основная задача у нас все-таки сделать *компактный, очень надежный, достаточно точный* с допустимой долей погрешности прибор, чтобы он был массовым, то есть чтобы он не стоил 20 миллионов, как пост большой, а пусть он стоит 1,5 миллиона или там миллион, но их 20 поставить» (предприниматель, 47 лет).

«Экобетоны — это бетоны, которые: а) с одной стороны, они *экологически чистые, на основе экологически чистых материалов*, б) в них присутствует элемент *вторичной переработки*, в) *...идет утилизация бетонных отходов*» (предприниматель, 42 года).

«Полностью занимался *сортировкой, переработкой, производством гранул (ПВД, ПНД), рециклингом*» (предприниматель, 44 года).

«У меня мысль была “зеленые договора” сделать. “Зеленые договора” — это полностью услуга, то есть я на предприятии *забираю материал и возвращаю им продукцию, уже готовую*» (предприниматель, 44 года).

«Так вообще наш бизнес с самого начала спроектирован в направлении использования для производства стеклянной тары... использовать только *отходы стекольной промышленности и отходы, получаемые после сортировки мусора*» (предприниматель, 62 года).

«Короче, задумал вот это производство. Начинал с плитки. То есть *сырьем* что является? *Отходы, ТБО*» (предприниматель, 57 лет).

«Я — предприниматель, который, как венчурный инвестор, видит, что у него есть интеллектуальные, эмоциональные ресурсы, у него есть какие-то финансовые небольшие ресурсы... и который может и для себя *что-то полезное сделать, и для экономики*» (предприниматель, 46 лет).

«Я хотел бы, чтобы у меня *не было отходов...* абсолютно никаких, и *отходы превращать в доходы*. Это товары с отрицательной стоимостью — по себестоимости, мне вот так вот интересно... какие-то *природоподобные технологии*» (предприниматель, 38 лет).

Как видно, часть предпринимателей рассказывает о себе в единственном числе («я»), другие — во множественном («мы»). Можно предположить, что у ряда предпринимателей в сфере экобизнеса выражен индивидуальный лидерский потенциал, они привыкли рассчитывать только на свои силы. Однако их коллеги воспринимают себя частью чего-то большего (команды, бизнеса, общества) и в большей степени готовы рассчитывать на поддержку извне.

Еще один характерный для высказываний факт: сами предприниматели не считают себя успешными бизнесменами. Они либо мягко уходят от обсуждения этого вопроса, либо прямо говорят об этом:

«Успеха нет пока» (предприниматель, 62 года);

«Успех я пока не вижу» (предприниматель, 42 года).

Восприятие конкурентов и своих конкурентных преимуществ

Анализ высказываний по вопросу рыночной конкуренции показывает, что опрошенные

предприниматели довольно спокойно относятся к ней. Они либо не видят конкурентов вообще, либо рассматривают их как партнеров. При этом предприниматели в сфере экобизнеса видят свои конкурентные преимущества в применении новых технологий, которые заметно снижают стоимость продукта и придают ему дополнительные полезные свойства.

«На сегодняшний день найти тех, кто реально разбирается в системах, кто реально может проводить эти изменения... *как днем с огнем...*» (предприниматель, 50 лет).

«Рынок настолько, на мой взгляд, разряжен в тех, кто умеет решать подобного рода задачи, что мы друг другу, скорее, как бы *помощники*, которые так или иначе способствуют все большему *просвещению... заказчиков*» (предприниматель, 47 лет).

«Есть решения, но они, я думаю, надуманные и очень громоздкие. <...> Нужны *компактные, недорогие, надежные приборы*» (предприниматель, 47 лет).

«По использованию отходов пластика, дерева, бумаги — это все (технологии переработки) уже существует, а вот по использованию стекла — *практически нет*. <...> Мы планируем переработать 100 % и дальше развивать в этом направлении: другие изделия, не только стеклотару» (предприниматель, 62 года).

«Смотрите, во-первых, мы рассчитываем, что эти отходы, сырье будут *дешевле*. Дальше, они будут формироваться близко, то есть они сами дешевые, но у них в цене большая транспортная составляющая» (предприниматель, 62 года).

Мотивы занятия экобизнесом

В качестве причин выбора бизнеса в сфере экотехнологий предприниматели называют разные факторы: забота о природе, небезразличие к будущему (дети, внуки), интерес к технологиям, случайная встреча с «идейным» представителем этого бизнеса и др.

«Ну, во-первых, есть *люди*, которые меня подвигли к этому (*называет имя*). Он *этой темой живет*, мы с ним общаемся, и он в нее верит, *этой верой он и меня*, наверное, как-то *заразил*» (предприниматель, 42 года).

«А просто, скажем так, *технический директор* наш, который вот является соучредителем, он работал на... стеклотарном заводе, который использует эту технологию» (предприниматель, 62 года).

«Помимо внешних... у меня движка давно такая

идет, я и говорю, что *мои внуки*, когда выйдут в поле, в чистое, и там будут расти деревья, две штуки, они скажут: “Это *благодаря нашему прапрадеду* вот эти деревья сохранились”» (предприниматель, 44 года).

«А здесь *природа*, здесь экология, здесь *беззащитное*, здесь ситуация в регионе действительно критическая» (предприниматель, 57 лет).

«Те компании, которые хотят сегодня развиваться и хотят сегодня себя позиционировать как компании, которых беспокоит... *будущее* в той или иной степени, они, наверное... сами для себя должны *делать какие-то выводы*. Вот мы для себя сделали вывод: *мы знаем и понимаем этот рынок, и мы выводим на рынок... понятие эcobетона*» (предприниматель, 57 лет).

«Но экологический бизнес растет где-то на 15–70 % в год, а вот этот вот бизнес, классический, он падает где-то на 10–15 % в год. И к *драйверам экономики будущего* относятся технологии, которые сегодня так или иначе связаны со снижением энергозатрат, материалозатрат, связаны с новыми знаниями, новыми технологиями. И это все вписывается в понятие “экобизнес”, “зеленый бизнес”» (предприниматель, 47 лет).

«Я не сразу к этому пришел, долго шел, мыслями, и связать свою жизнь хотелось с чем-то, *что нравится*, и что можно как бы *на пользу общества...*» (предприниматель, 38 лет).

Ценности бизнеса и личные ценности предпринимателей

Следующий блок вопросов был связан с личными ценностями предпринимателей в этой сфере — что их мотивирует заниматься этим бизнесом, — а также с тем, как они вос-принимают ценность своего предприятия. Одним из фактов, обнаруженных в ходе интервью, является наблюдение о совпадении личных ценностей у респондентов: семья, дети, честность, безопасность, интересная задача (работа), развитие, общественная польза. При этом деньги (богатство, статус) не называются в числе главных ценностей ни одним респондентом.

«Мне просто важно, чтобы *дети* себя слышали, понимали и боролись за *умение быть собой*, или чтобы у них были цели... Вопрос в том, осознают ли они, чем они живут и насколько это делает их *целостными, счастливыми*» (предприниматель, 50 лет).

«Просто *быть честным* с вами или... с сотрудниками, с... заказчиками, или со своими

детьми и с супругой. И вот как бы все. То есть это как бы лучший способ *быть ответственным*» (предприниматель, 50 лет).

«Ну, во-первых, *честность*, я думаю, какие-то близкие отношения, *семья*, может быть. Ну, семья в первую очередь, да. Потом — *честность*» (предприниматель, 38 лет).

«Для меня ценность еще все-таки является, это такое вот не принятое, но я очень трепетно отношусь к... своей *чести*. Я отношусь очень трепетно к тому, чтобы *не быть подлецом...* меня конечно беспокоит *доброе имя мое*» (предприниматель, 47 лет).

«К сожалению, наш психотип таков, что мы привыкли... работать, что-то делать, чего-то *добиваться* или там еще что-то. Даже если вдруг мы дико разбогатеем, ну, сколько, ну, не знаю, две недели поспрадуем, а дальше что? <...> Всегда нужна какая-то *задача, чтоб решать*» (предприниматель, 57 лет).

«Три самые важные вещи — это здоровье *моих близких, безопасность* в любом виде и *успешность*» (предприниматель, 42 года).

«Ну, *семья*, ну, цель, она, конечно, такая глобальная, *улучшить экологию...* ну, вообще *в развитии*» (предприниматель, 44 года).

«В первую очередь это все-таки *семья* — *безопасность, обеспеченность*, ценности семейные, те *отношения*, которые есть в семье... *Дети*, на первом месте, ценности — конечно же дети» (предприниматель, 47 лет).

«Ну, лично для меня, одну треть как минимум мы находимся на работе, и для меня важно, чтобы *работа...* была *тоже положительными эмоциями*» (предприниматель, 62 года).

«Я шутил тут, вроде: “*На работу, как на праздник*”. Оно ведь, без шуток, так и есть» (предприниматель, 57 лет).

«Мне нравится сам процесс — процесс строительства, *процесс создания, процесс узнавания нового*, новых направлений, новых технологий, *их решение* и в конце концов *достижение победы* в такой вот деятельности» (предприниматель, 57 лет).

«Мы работаем, чтобы *вдохнуть вторую жизнь в отходы*, превращаем их в доходы. Мы объединяем усилия и *создаем решения для сохранения природы и улучшения экологии*. Это — *цель развития*» (предприниматель, 57 лет).

«Это просто потому, что *жизнь, мне интересно вот это*» (предприниматель, 57 лет).

«Понимаешь, мне не нужны проекты, я делаю всерьез и на совесть... я делаю всегда все для себя» (предприниматель, 57 лет).

«Я люблю *докапываться до сути...* я не люблю быть *марионеткой...* Поэтому мне важно *находиться в ладу с собой*, мне важно знать, что я делаю, важно разобраться, важно понимать свою *полезность...* мне хочется быть *полезным*» (предприниматель, 38 лет).

«Я все-таки *хочу реализоваться*, у меня ощущение, что я использую свой потенциал на сегодняшний день на 10 % от имеющегося» (предприниматель, 47 лет).

В этом смысле показательны высказывания, демонстрирующие личностную самоидентификацию (идентичность) предпринимателей:

«Я — *семьянин, многодетный папа*» (предприниматель, 50 лет).

«Основная *профессия* у меня... системотехник, радиоинженер, ну, то есть тоже, скажем, *творческая*, поэтому мне нравится вот такое направление моей производственной деятельности» (предприниматель, 62 года).

«Я *человек*, кстати, *труда*, я *созидатель*, я не хвалюсь, я по жизни вот так пошел... ну, не работать я просто не могу» (предприниматель, 57 лет).

«Я сам *изобретатель*, помимо всего прочего, то есть и патенты свои есть, и мыслю соответственно... ну, по жизни, может, везет — встречаются люди такие же, которые работают за идею практически» (предприниматель, 57 лет).

«Я — *производственник*, я не *политик...* Я *работаю на правильное направление*» (предприниматель, 57 лет).

«Я — *интегратор*, я понимаю, что происходящее и то, что нам рассказывают, не совсем достоверно. У меня есть логика... аналитический склад, я *просто умею думать*» (предприниматель, 46 лет).

Трудности предпринимателей в экобизнесе

В следующем блоке вопросов респондентов просили рассказать, что самое трудное в их бизнесе и как можно эти трудности преодолеть. Многие проблемы, по мнению респондентов, касаются отсутствия общности интересов и взаимодействия бизнеса, администрации (власти), науки (технологий) и общественности.

«Есть некоторые вопросы в нашей социальной среде, которые могут решаться только на каком-то уровне или *при наличии всякого рода связей*, например административного, бизнес-

характера и общественного сознания... Бизнес-среда Челябинска, с точки зрения крупнейших промышленных предприятий, которые и влияют в основном на экологию нашего региона, и административная как бы связка здесь менее всего... они единодушны в том, чтобы делать минимум усилий в решении этих экологических задач, потому что они *не видят здесь прямой коммерциализации*, то есть у них нет как бы выгоды» (предприниматель, 50 лет).

«В “Газпроме” бесконечно там какие-то сертификации, неизвестно какие требования, то есть *техника не успевает за капризами чиновников*. Они один сертификат объявят, мы только начинаем готовить документацию, а уже упраздняют его. Понимаете?» (предприниматель, 47 лет).

«*Нет идеи у государства*, и нет поддержки государственной» (предприниматель, 38 лет).

«Проблема в другом — у нас долгое время... мы просто, как бы это объяснить, *мы не могли найти общий язык с потенциальными заказчиками*, потенциальным потребителем, он сам не знал, что ему надо, понимаете?» (предприниматель, 47 лет).

«Тут, я думаю, *нормальный конструктивный диалог с людьми, которые что-то делают или хотели бы что-то делать*. Потому что, к сожалению, я вижу, что очень часто кто-то там функционирует “для галочки”» (предприниматель, 50 лет).

Часть предпринимателей считает, что на экологические продукты в регионе нет реального заказа, запросы носят формальный характер, ни администрация, ни бизнес не видят необходимости действительно что-то менять в этом вопросе.

«*Нет у меня реальных заказчиков по экологии на сегодняшний день, нету!*» (предприниматель, 50 лет).

«Мы сейчас находимся в ситуации, когда *заказчика фактически нет*» (предприниматель, 47 лет).

В качестве одной из проблем, почему предприниматели «не идут» в «зеленый» бизнес, респонденты называют ограничивающее «экологическое» законодательство, регулирующее его, либо, наоборот, отсутствие регулирующих законов в отдельных аспектах этой экономической ниши.

«Большинство людей очень далеки от этого и не понимают, что это можно рассматривать как бизнес. Не видят там ниш для бизнеса, они боятся, что *это очень зарегулировано*, а это действительно зарегулировано, потому что мы

там сразу оказываемся в зоне действия всего экологического законодательства» (предприниматель, 47 лет).

«В бетонах есть у нас, так сказать, *российское законодательство, или нормативная база...* а есть нормативная база европейская. И мы знаем, что глобально европейцы... более продвинутые, чем мы, у них есть узаконенные какие-то моменты, связанные с экологией в бетонном производстве. *У нас этого нет ничего*, даже в зачаточном варианте, и соответственно *никаких льгот, к сожалению, у нас нет*» (предприниматель, 42 года).

«*Законодательство сдерживает*. Ну, вот в нашей промышленности абсолютно четко, здесь это просто прописная история. Когда берем европейскую модель — у них есть *налог на экологию*, например, я сейчас даже не про вторичную переработку» (предприниматель, 42 года).

«*Вот эти законы, они просто удушили, лишили экономику крови, лишили экономику денег, лишили свободы воли, свободы слова, предприниматели загнаны на самом деле в какие-то мелочные, не нужные никому процедуры*. Эти процедуры просто уничтожают время, ликвидируют наши стратегические преимущества, и умные люди вынуждены заниматься всякой ерундой, вместо того чтобы заниматься своим любимым делом. Есть подачки копеечные, которые никак не изменят ситуацию» (предприниматель, 46 лет).

Многие предприниматели разделяют мнение о том, что решаться проблемы должны «сверху», с помощью создания специальных законов и структур.

«А просто частное желание, оно никогда ни у кого не появится само, потому что, *если нужно решать социальную проблему, у государства должны быть линии*» (предприниматель, 42 года).

«Нужен комплексный такой государственный подход, потому что государство тоже должно идти навстречу. Ну, то есть это *как инфраструктурный проект надо рассматривать*, то есть это долгие и большие деньги» (предприниматель, 44 года).

«Мне можно помочь, а *самое главное — не мешать*. А вот тем, кто еще колеблется, вот там, им что нужно? Дай *снижение налогов, ставку НДС*» (предприниматель, 58 лет).

«Первое — *налоги*, если так — помощь, подзаконные акты. Вот это вот все оттуда — с головы. То есть воля сверху. Будет *воля сверху*, чтобы не трогали» (предприниматель, 58 лет).

От государства (власти) респонденты ожидают

системных устойчивых решений, связанных с изменением законодательства, налоговыми льготами и финансовой поддержкой.

«Тут нужен комплексный подход, и, соответственно, привлекать к этому какие-то предприятия, которые будут заинтересованы в этом. Может быть, привлекать *Фонд развития промышленности* тот же, чтобы какая-то... система была поддержки этих предприятий. То есть можно было бы, ну там, на покупку какого-то целевого оборудования программы, исключительно... для экобизнеса, переработки; выделять какие-то... или очень *дешевые кредиты*, или выделять деньги, просто первоначальные этапы *субсидировать*, может быть, *выделять землю под строительство* этих предприятий, и опять же в *долгосрочную аренду*... с правом выкупа, то есть с минимальной стоимостью аренды и т. д.» (предприниматель, 44 года).

«И, соответственно, те *компании, которые занимаются утилизацией бетонных отходов, они этот налог не платят*. Это очень простой механизм... Вот, с точки зрения законодательства, если бы у нас появился какой-то там... снижение налоговой нагрузки при участии в экологических каких-то проектах или реализации тех или иных условий, например...» (предприниматель, 42 года).

«Вот здесь вот как раз и должна быть *государственная поддержка* в части реализации... Как она называется правильно-то? Ну, банки когда под процент... Да, может, государство что-то в виде гранта дать?.. Те же самые 250 тысяч для малого бизнеса — они актуальны, и к 250-ти под залог того же имущества дать *беспроцентный заем*, ну... на десять лет на перспективное развитие или на пять лет (предприниматель, 58 лет).

«Вот самое главное, чтобы развивать вот эти новые производства, нужно, чтобы у нас в России была *система льготного или проектного финансирования вот таких проектов*. Потому что это направление, которое нужно вообще, это как социальное направление, которое нужно всем» (предприниматель, 58 лет).

По мнению большинства респондентов, необходим конструктивный диалог, взаимодействие разных сторон (бизнес, власть, наука и т. д.), чтобы обеспечить развитие экобизнеса в регионе и стране:

«Ну, мы начнем это продвигать путем *контактов* с руководством промышленных предприятий, иначе, *если ни с кем не мириться, это просто не пойдет*» (предприниматель, 47 лет).

Кроме того, выход видится в развитии экотехнологий и их коммерциализации, а также в международном сотрудничестве:

«*Все же в технологии упирается. Мы сегодня поставили политику на первое место, мы не поставили на первое место экономику. Надо быть прагматичным, надо все-таки исходить из экономических эффектов, ну, и, соответственно, экономика должна быть на первом месте*» (предприниматель, 46 лет).

«*Это будет в дальнейшем, то есть мы будем оказывать на экологию наименьшее воздействие, используя какие-то знания полученные, политехнологичные... Та же самая тема с цифровизацией. Чтобы сохранять ресурсы, надо просто очень четко настраивать процессы*» (предприниматель, 47 лет).

«*Может быть, вообще с опорой на международное сотрудничество, на взаимодействие... То есть у нас есть ресурс, у Европы есть логистика, есть технологии... Создание ценностей вместе, получение сырья... Намного экономически эффективнее не сырье транспортировать, а транспортировать готовые высокотехнологичные продукты, оставляя всю добавленную стоимость здесь*» (предприниматель, 44 года).

Перспективы развития экобизнеса в регионе и стране

Последний блок вопросов касался того, насколько перспективным считают респонденты экобизнес в нашей стране и с чем связывают его развитие. Результаты опроса показывают, что все без исключения предприниматели уверены в огромном потенциале развития «зеленого» бизнеса в России.

«*Это общемировой тренд, и мы от этого никуда не денемся. В рамках страны, вы знаете, я думаю, что в какой-то мере скоро станет перспективно... То есть я думаю, что в скором времени в этом бизнесе откроется большое количество новых возможностей*» (предприниматель, 50 лет).

«*Мировая тенденция идет к порошковой металлургии частично, губчатое железо, прочее восстановление. Ну и железо вытесняют пластики. То есть если долю рынка мирового посмотреть в пластиковом объеме, то это вот как раз-таки она скакнула раз в пятнадцать, наверное, если брать 90-е годы или двухтысячные, то есть отрезок в десять лет. То есть скачок такой колоссальный был*» (предприниматель, 44 года).

«*Я думаю, это не тупиковый вариант, потому что мусора становится все больше и больше. И у таких ситуаций всегда есть точка невозврата, так называемая, ну, можно по-другому ее назвать, при которой, даже если никто не хочет это делать, но придется перерабатывать, потому что дальше будет деградация и гибель*» (предприниматель, 47 лет).

«*Здесь даже это не обсуждается, сейчас уже такие деньги ввалили во все это, огромнейшие деньги были вложены в это — в переработку, в комплексы. Это пошло... В России сейчас вот это, что стало раскручиваться, то есть, скорее всего говорильня, она сделала свое дело, потому что люди уже начали. Не я же только собираю эти пакетики, но и многие другие это делают*» (предприниматель, 57 лет).

«*Сто процентов [у экобизнеса] есть будущее. Я вообще-то [обычно] не говорю так: “Сто процентов”... А тут, я думаю, сто процентов*» (предприниматель, 38 лет).

«*У нас... безвыходная ситуация. Понимаете? Либо мы одумаемся и что-то начнем делать, либо... сами себя закопаем. Поэтому это внушает оптимизм*» (предприниматель, 50 лет).

Схематично результаты качественного исследования представлены в таблице.

Выводы

Таким образом, результаты интервью позволяют сформулировать ряд выводов.

Предприниматели в сфере экобизнеса хорошо понимают не только его коммерческую составляющую, но и социальное значение, которое он оказывает. При этом они не «выпячивают» свою значимость, не считают, что они занимаются чем-то выдающимся, не считают себя успешными. Собственники «зеленых» предприятий довольно спокойно относятся к конкуренции в своем секторе: они либо не видят конкурентов, либо рассматривают их как партнеров. В качестве своих конкурентных преимуществ они в первую очередь рассматривают новые технологии, которые им удалось внедрить.

Выявлены довольно разнообразные причины занятия бизнесом в сфере экотехнологий: забота о природе, небезразличие к будущему (дети, внуки), интерес к технологиям, желание принести пользу обществу или же просто обстоятельства, люди, с которыми респонденты встретились.

Идентифицирован ценностный профиль предпринимателей в этой сфере. На первое место в си-

Обсуждаемый тезис	Мнение	Примеры
Восприятие бизнеса и себя в нем	Социально значимый бизнес. Адекватная самооценка бизнеса (не завышенная). Не считают себя успешными	«Мы <i>помогаем</i> организациям внедрять всякого рода профессиональные системы и стандарты управления, в том числе... по экологии». «Полностью занимался сортировкой, переработкой, производство гранул (ПВД, ПНД), рециклингом». «Я хотел бы, чтобы у меня <i>не было отходов</i> ... абсолютно никаких, и отходы превращать в доходы. Это товары с отрицательной стоимостью — по себестоимости, мне вот так вот интересно... какие-то <i>природоподобные технологии</i> ». «Успеха нет пока»
Восприятие конкурентов и своих конкурентных преимуществ	Спокойное отношение к конкуренции. Конкурентов либо нет, либо они воспринимаются как партнеры. Основное конкурентное преимущество — новые технологии	«Рынок настолько, на мой взгляд, разряжен в тех, кто умеет решать подобного рода задачи, что мы друг другу, скорее, как бы <i>помощники</i> , которые так или иначе способствуют все большему <i>просвещению... заказчиков</i> »
Мотивы занятия экобизнесом	Забота о природе. Небезразличие к будущему (дети, внуки). Интерес к технологиям Встреча с «особенным человеком»	«Помимо внешних у меня движка давно такая идет, я и говорю, что <i>мои внуки</i> , когда выйдут в поле, в чистое, и там будут расти деревья, две штуки, они скажут: “ <i>Это благодаря нашему прапрадеду</i> вот эти деревья сохранились”». «А здесь <i>природа</i> , здесь экология, здесь <i>беззащитное</i> , здесь <i>ситуация в регионе действительно критическая</i> »
Ценности бизнеса и личные ценности предпринимателей.	Семья, дети. Честность (честь). Безопасность Интересная задача. Развитие. Общественная польза	«Просто быть честным с вами или... с сотрудниками, с... заказчиками, или со своими детьми и с супругой. И вот как бы все. То есть это как бы лучший способ быть ответственным». «Ну, во-первых, честность, я думаю, какие-то близкие отношения, семья, может быть. Ну, семья в первую очередь, да. Потом — честность». «Для меня ценность еще все-таки является, это такое вот не принятое, но я очень трепетно отношусь к... своей чести. Я отношусь очень трепетно к тому, чтобы не быть подлецом... меня конечно беспокоит доброе имя мое»
Трудности предпринимателей в экобизнесе	Отсутствие общности интересов и взаимодействия бизнеса, администрации (власти), науки (технологий) и ответственности. Отсутствие реального запроса на экопродукты в регионе. Несовершенство экологического законодательства	«Есть некоторые вопросы в нашей социальной среде, которые могут решаться только на каком-то уровне, или <i>при наличии всякого рода связей</i> , например, административного, бизнес-характера и общественного сознания». «Проблема в другом — у нас долгое время мы просто, как бы это объяснить, <i>не могли найти общий язык с потенциальными заказчиками, потенциальным потребителем</i> ». «Тут, я думаю, <i>нормальный конструктивный диалог с людьми, которые что-то делают</i> или хотели бы что-то делать. Потому что, к сожалению, я вижу, очень часто, что кто-то там функционирует “для галочки”» « <i>Законодательство сдерживает...</i> »
Перспективы развития экобизнеса в регионе и стране	Безусловная уверенность в огромном потенциале развития «зеленого» бизнеса	«Это общемировой тренд, и <i>мы от этого никуда не денемся</i> . В рамках страны... я думаю, что в какой-то мере <i>скоро станет перспективно</i> ». «Здесь <i>это даже не обсуждается</i> , сейчас уже такие деньги ввалили во все это, <i>огромнейшие деньги были вложены</i> в это — в переработку, в комплексы. Это пошло...» «Сто процентов [у экобизнеса] есть будущее. Я вообще-то [обычно] не говорю слова так: “Сто процентов”... А тут, я думаю, сто процентов»

стеме ценностей они ставят семью (детей), далее следуют честность (честное имя), безопасность (для близких, для общества в целом) и независимость, интересная задача (работа), развитие, общественная польза. При этом деньги (богатство, статус) не названы в числе главных ценностей ни одним респондентом.

Выявлены основные проблемы, которые сдерживают развитие экобизнеса в России, по мнению предпринимателей. Одной из важных проблем, тормозящих развитие «зеленого» предпринимательства в России, респонденты называют несовершенное законодательство в этой сфере. Тем не менее абсолютно все опрошенные предприниматели уверены в огромном потенциале развития «зеленого» бизнеса в России и его неизбежном развитии.

Главная же проблема заключается в отсутствии общности интересов и взаимодействия бизне-

са, администрации (власти), науки (технологий) и общественности. Соответственно решение многих проблем видится в выстраивании конструктивного диалога и взаимодействия между ними. Предлагается сконцентрировать усилия на реализации политики в области внедрения инноваций, создании необходимых инструментов и институтов. В качестве примера можно привести создание федерального агрегатора знаний в области экотехнологий, основными функциями которого станут внедрение экономически эффективных «зеленых» технологий, экологическое просвещение и распространение прикладных эконанятий (в том числе маркетинговая функция), а также развитие культуры ответственного поведения и управления. Появление подобных организаций доказало свою экономическую эффективность¹.

¹ «Идеи экоактивизма возводятся в ранг новой религии»: как это поможет Челябинску? URL: <https://chel.dk.ru/news/237150657> (дата обращения: 13.08.2021).

Список литературы

1. Ершова Т. В. Экологическое предпринимательство: основные направления и этапы развития исследований // Вестник СПбГУ. Сер. Менеджмент. 2016. Вып. 1. С. 66–90.
2. Ефремов Н. А., Ефремова М. П. Мировой опыт применения «зеленых» технологий // *Oeconomia et Jus*. 2021. № 1. С. 21–30. URL: <http://oecomia-et-jus.ru/single/2021/1/3> (дата обращения: 13.08.2021).
3. Чернов А. Ю. Методологическое введение в проблему качественных методов // Психология : журн. Высш. шк. экономики 2007. Т. 2, вып. 1. С. 118–129. URL: <http://mhp-journal.ru> (дата обращения: 13.08.2021).
4. Bansal P., Roth K. Why companies go green: A model of ecological responsiveness // *Academy of Management Journal*. 2000. Vol. 43, no. 4. Pp. 717–736.
5. Braun V., Clarke V. Using thematic analysis in psychology // *Qualitative Research in Psychology*. 2006. Vol. 3 (2). Pp. 77–101.
6. Cassells S., Lewis K. SMEs and Environmental Responsibility: Do Actions Reflect Attitudes? // *Corporate Social Responsibility and Environmental Management*. 2011. Vol. 18, no. 3. Pp. 186–199.
7. Ploum L. Exploring the relation between individual moral antecedents and entrepreneurial opportunity recognition for sustainable development // *Journal of Cleaner Production*. 2018. Vol. 172. Pp. 1582–1591.
8. Giorgi A. Beyond the qualitative paradigm: A framework for introducing diversity within qualitative sociology // *Journal of Community and Applied Social Studies*. 1999. No. 4. Pp. 225–238.
9. Handrito R. P., Slabbinck H., Vanderstraeten J. Being pro-environmentally oriented SMEs: Understanding the entrepreneur's explicit and implicit power motives // *Business Strategy and the Environment*. 2021. URL: <https://onlinelibrary.wiley.com/doi/abs/10.1002/bse.2741> (дата обращения: 13.08.2021).
10. Hemingway C. A., Maclagan P. W. Managers' personal values as drivers of corporate social responsibility // *Journal of Business Ethics*. 2004. Vol. 50, no. 1. Pp. 33–44.
11. Irkhin B. D. Who Benefits from Environmental Identity? Studying Environmental Identity and Mental Wellbeing in Russia // *Psychology in Russia: State of the Art*. 2020. Vol. 13. Pp. 66–78.
12. Ivanova L. Yu. The Environmental Culture in the Russian society as a Condition for Building Eco-Consciousness and Behavior of the Younger Generation // *Economic and Social Changes-Facts Trends Forecast*. 2019. Vol. 12, no. 1. Pp. 189–201.
13. Markowitz E. M. Profiling the «pro-environmental individual»: A personality perspective // *Journal of Personality*. 2012. Vol. 80. Pp. 81–111.
14. Soutter A. R. B., Bates T. C., Möttus R. Big Five and HEXACO Personality Traits, Proenvironmental Attitudes, and Behaviors: A Meta-Analysis // *Perspectives on Psychological Science*. 2020. Vol. 15. № 4.

15. Uskova T. V. On the Issue of Econome Ecologization // Academic Journal of Poyang Lake. 2016. No. 3 (42). Pp. 109–112.

Сведения об авторах

Забелина Екатерина Вячеславовна — кандидат психологических наук, доцент кафедры специальной и клинической психологии Института образования и практической психологии Челябинского государственного университета, Челябинск, Россия. katya_k@mail.ru

Константинов Денис Александрович — предприниматель, руководитель «НТИ-ЭкоНет», Челябинск, Россия. kda-1@mail.ru

Корнеева Анна Андреевна — старший преподаватель кафедры общей и профессиональной педагогики Института образования и практической психологии Челябинского государственного университета, Челябинск, Россия. korneeva_112@mail.ru

Bulletin of Chelyabinsk State University.

2021. № 10 (456). *Economic Sciences. Iss. 74. Pp. 95–105.*

AN INSIDE LOOK AT THE DEVELOPMENT OF ENVIRONMENTAL BUSINESS IN RUSSIA: THE RESULTS OF THE QUALITATIVE STUDY

E. V. Zabelina

Chelyabinsk State University, Chelyabinsk, Russia, katya_k@mail.ru

D. A. Konstantinov

Head of NTI-EcoNet, Chelyabinsk, Russia, kda-1@mail.ru

A. Korneeva

Chelyabinsk State University, Chelyabinsk, Russia, korneeva_112@mail.ru

The article is devoted to the analysis of the entrepreneurs' representations in the field of eco-business about the reasons for choosing this direction of business as the main one, about their personal resources and the difficulties they face in this activity, about the prospects for the development of environmental business in Russia. To conduct the research, a semi-structured interview program was developed. Various reasons for doing business in the field of eco-technologies have been identified: care for nature, concern for the future, interest in technologies, desire to benefit society, and others. The value profile of the entrepreneurs in this business has been identified: they put family (children) in the first place in their value system, followed by honesty (an honest name), safety (for loved ones and for society), independence, interesting tasks, development, social benefit. The main obstacle to the development of eco-business is the lack of constructive interaction between entrepreneurs, administration, science and the public.

Keywords: *environmental business, eco-technologies, resources, values, motivation, entrepreneurship.*

References

1. Ershova T. V. (2016) *Vestnik SPbGU. Serija 8. Menedzhment*. Vol. 1, pp. 66–90 [in Russ.].
2. Efremov N. A., Efremova M. P. (2021) *Oeconomia et Jus*, no. 1, pp. 21–30. Available at: <http://oecomia-et-jus.ru/single/2021/1/3>, accessed 13.08.2021 [in Russ.].
3. Chernov A. Ju. (2007) *Metodologija i istorija psihologii*, no. 1, pp. 118–129 [in Russ.].
4. Bansal P. (2000) *Academy of Management J.*, vol. 43, no. 4, pp. 717–736.
5. Braun V., Clarke V. (2006) *Qualitative Research in Psychology*, no. 3 (2), pp. 77–101.
6. Cassells S. (2011) *Corporate Social Responsibility and Environmental Management*, vol. 18, no. 3, pp. 186–199.
7. Ploum L. (2018) *J. of Cleaner Production*, vol. 172, pp. 1582–1591.
8. Giorgi A. (1999) *J. of Community and Applied Social Studies*, no. 4, pp. 225–238.

9. Handrito R. P. (2021) *Business Strategy and the Environment*. Available at: <https://onlinelibrary.wiley.com/doi/abs/10.1002/bse.2741>, accessed 13.08.2021.
10. Hemingway C. A. (2004) *J. of Business Ethics*, vol. 50, no. 1, pp. 33–44.
11. Irkhin B. D. (2020) *Psychology in Russia: State of the Art*, vol. 13, pp. 66–78.
12. Ivanova L. Yu. (2019) *Economic and Social Changes-Facts Trends Forecast*, vol. 12, no. 1, pp. 189–201.
13. Markowitz E. M. (2012) *J. of Personality*, vol. 80, pp. 81–111.
14. Soutter A. R. B. (2020) *Perspectives on Psychological Science*, vol. 15, no. 4.
15. Uskova T. V. (2016) *Academic Journal of Poyang Lake*, no. 3, (42), pp. 109–112.

ЭМПИРИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ КОНКРЕТНЫХ ФОРМ И ГОТОВНОСТИ К ОПОРТУНИЗМУ РАБОТНИКОВ РОССИЙСКИХ ПРЕДПРИЯТИЙ

Д. А. Плетнев, Е. В. Козлова

Челябинский государственный университет, Челябинск, Россия

Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта № 20-010-00653

Эффективность современных компаний существенно ограничена малой степенью вовлеченности работников, проявлениями их оппортунизма по отношению к работодателю. Выявление, количественная оценка и понимание внутреннего строения феномена оппортунизма в компаниях — важная задача как для науки, так и для практики корпоративного менеджмента. Цель статьи — представить результаты анализа проявления различных форм оппортунизма и уровня готовности к оппортунизму, оцененные по итогам опроса работников российских предприятий. В исследовании использовались данные опроса 298 работников российских предприятий, проведенного осенью 2020 г., а также авторская методология оценки степени проявления конкретных форм активного и пассивного оппортунизма, количественной оценки уровня готовности к оппортунизму. Представлены результаты для различных групп работников по возрасту, месту жительства, положению в компании, а также организационно-правовой форме и форме собственности. Выявлены наиболее значимые различия в проявлении оппортунизма у указанных групп.

Ключевые слова: *оппортунизм, пассивный оппортунизм, активный оппортунизм, методология экономических измерений, российские корпорации.*

Современные работники склонны к оппортунизму. Это показывают и результаты эмпирических исследований, и интерес к этой проблеме ученых-теоретиков, да и личные наблюдения приведут нас к тому же выводу. Там, где возможен выбор — поступить, преследуя личные интересы или интересы компании, при том что санкций за любой выбор не последует, — среднестатистический работник будет склонен выбрать первый вариант. Можно долго рассуждать о причинах и возможных способах минимизации отрицательных последствий оппортунистического поведения, но нельзя игнорировать тот факт, что оппортунизм является явлением со сложной структурой и распределением: он неоднороден по своим формам и по-разному проявляется у различных групп работников в зависимости от самых разных классификационных признаков.

Одной из ключевых особенностей термина «оппортунизм» является отсутствие единого подхода к его определению [5]. Широкая практика использования данного термина не только в экономике, но и в политологии, социологии, психологии, медицине и других науках приводит к многозначности его трактовки в настоящее время. В экономике данный термин ввел в научный оборот О. Уильямсон, который под оппортунизмом пред-

ложил понимать «преследование личных интересов с использованием коварства» [14]. При этом Уильямсон указывает на ключевую характеристику оппортунизма — скрытый характер такого поведения, что существенно усложняет его обнаружение и измерение. К. Ватн и Дж. Хейд предложили выделить активную и пассивную формы оппортунизма [13]. Позднее в работах, посвященных исследованию оппортунизма, к активным формам стали относить ложь, воровство, нарушение взятых обязательств, искажение информации, в том числе преувеличение сложностей, а также извлечение личной выгоды при возникновении непредвиденных обстоятельств [8, 10, 12–14]. Пассивные же формы оппортунизма в основном проявляются в умолчании, сокрытии информации, а также недостаточных усилиях при выполнении условий соглашения [8–10].

Исследование Е. В. Попова и Е. В. Ерш частного случая оппортунизма при взаимодействии экономических агентов, возникающего в трудовых отношениях [7], позволило выявить основные формы оппортунизма на производственных предприятиях. При этом авторы рассматривают оппортунизм в трудовых отношениях как преднамеренное действие, нарушающее условия соглашения и наносящее ущерб другой стороне

[11]. Проведенные исследования трудового оппортунизма на российских предприятиях позволили выявить его отрицательное влияние на эффективность работы компании и предложить различные методики его оценки [1–3, 6, 7].

Цель статьи — представить результаты анализа проявления различных форм оппортунизма и уровня готовности к оппортунизму, оцененные по итогам опроса работников российских предприятий

Анализ проведен по нескольким факторам отдельно, что позволило оценить распределение форм оппортунизма в разных группах, выявить его особенности. В частности, анализировались следующие группы факторов:

- возраст;
- место жительства;
- положение в компании;
- организационно-правовая форма и форма собственности на предприятии.

Исследование основано на результатах опроса 300 человек в возрасте от 18 до 65 лет, проживающих в различных регионах

России. Участники опроса в равной степени представлены мужчинами (50 %) и женщинами (50 %), работниками (50 %) и руководителями различных уровней (50 %) российских предприятий различных форм собственности (рис. 1). Рассматриваемая выборка респондентов разнообразна по анализируемым факторам, что дает возможность оценить их влияние на формы оппортунизма и готовность к его проявлению.

При проведении опроса участникам были предложены гипотетические ситуации, возникающие на рабочем месте, и возможные варианты поведения. Каждый из предложенных вариантов соответствовал одной из форм оппортунизма или добросовестному поведению (табл. 1). Всего рассматривалось шесть различных ситуаций и пять возможных вариантов поведения в каждой, где четыре соответствовали различным формам активного и пассивного оппортунизма и один — его отсутствию. Анализ выбранных вариантов поведения позволял сделать вывод о приверженности респондента к конкретной форме оппортунизма или добросовестному поведению [4].

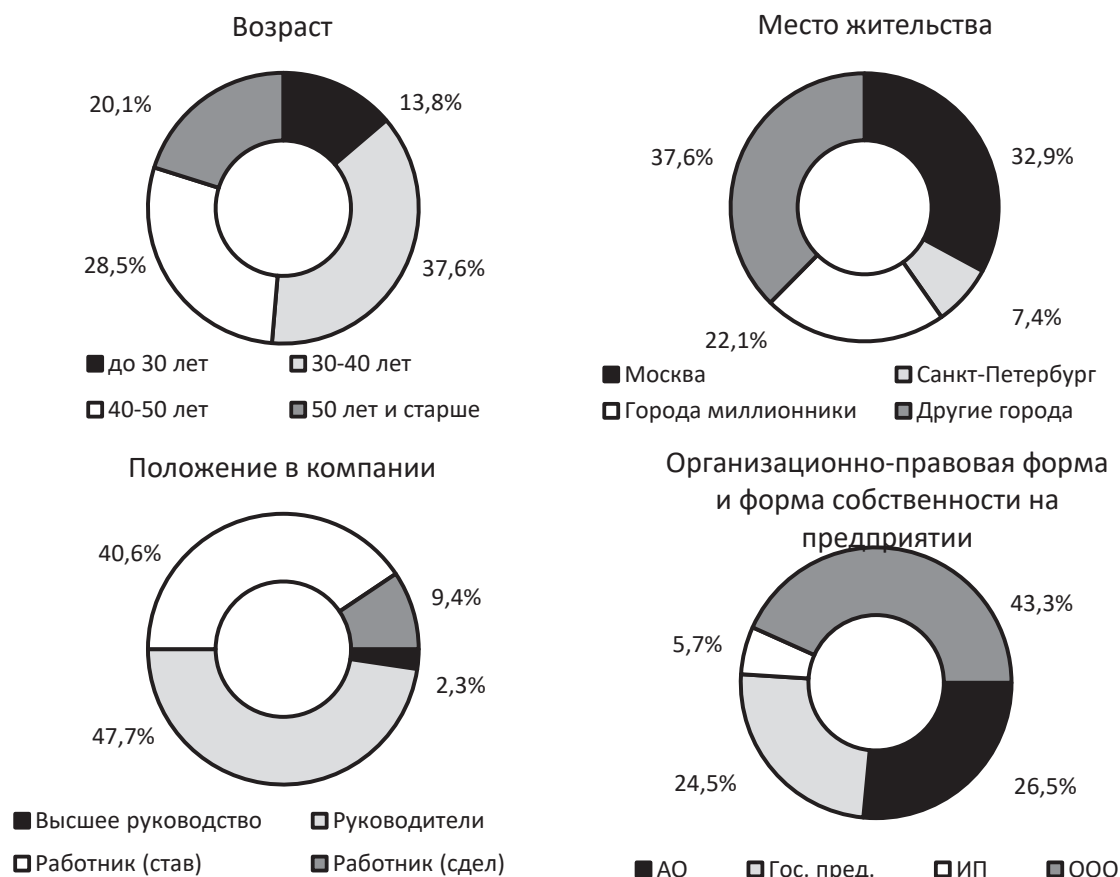

Рис. 1. Структура участников опроса

Таблица 1

Формы оппортунизма

Форма	Обозначение
<i>Активные (С)</i>	
Ложь или искажение фактов	С1
Нарушение договоренностей	С2
Преувеличение сложностей	С3
Использование непредвиденных событий для извлечения выгоды	С4
<i>Пассивные (О)</i>	
Соккрытие информации	О1
Небрежность	О2
<i>Добросовестное поведение (Н)</i>	

Оценка степени проявления конкретных форм оппортунизма осуществлялась на основе подсчета доли ответов, соответствующих этой форме, в общем количестве ответов на гипотетические ситуации. Склонность респондентов к той или иной модели поведения оценивалась по преобладающим ответам среди всех ответов (рис. 2) или среди респондентов, выбравших оппортунистические варианты поведения (рис. 3).

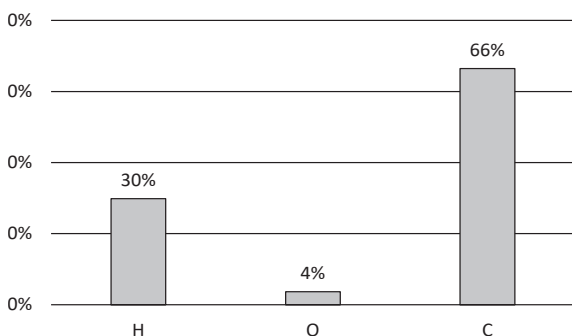

Рис. 2. Склонность респондентов к поведенческому оппортунизму

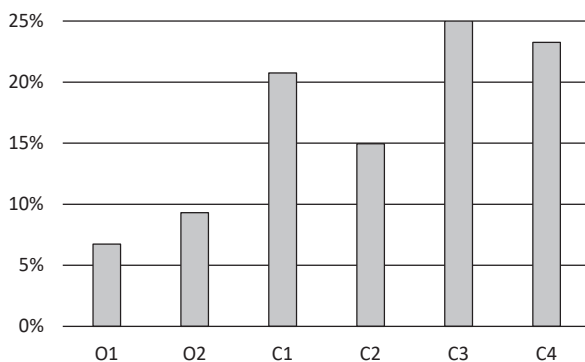

Рис. 3. Распределение форм оппортунизма

Распределение ответов респондентов показало, что большинство опрошенных склонны к проявлению оппортунизма в большей степени, чем к добросовестному поведению (рис. 2). При этом оппортунизм в активных формах проявляется значительно чаще, чем в пассивных.

Наиболее распространенными формами поведенческого оппортунизма являются преувеличение сложностей (25 %), использование непредвиденных событий для извлечения личной выгоды (23 %), а также ложь или искажение фактов (21 %) (рис. 3).

Для оценки готовности к оппортунизму сотрудников предприятий использована авторская методика [4], предполагающая определение доли вопросов, в которых респондент выбрал оппортунистические варианты поведения. Готовность к оппортунизму оценивалась по шкале от 0 до 1, где 1 — полная готовность респондента проявить оппортунизм, 0 — ее отсутствие. Оценка долей конкретной формы оппортунизма или добросовестного поведения в каждой группе респондентов проведена путем определения доли ответов каждой формы в общем объеме всех ответов респондентов группы.

Проанализируем распределение готовности и форм оппортунизма по возрастным группам (рис. 4). Склонность к пассивному оппортунизму в форме сокрытия информации и небрежности в большей степени проявляется в возрастной группе до 30 лет. Доля выбора вариантов ответов, характеризующих оппортунизм в форме сокрытия информации, незначительно отличается в различных возрастных группах, в то время как небрежность в меньшей степени проявляют респонденты в возрасте 40–50 лет. Возрастная группа от 30 до 40 лет проявляет активный оппортунизм чаще, чем респонденты остальных возрастных групп. Существенная разница в долях отмечается в формах оппортунизма «нарушение договоренностей» и «преувеличение сложностей», которые в большей степени характеризуют работников в возрасте до 40 лет. Варианты ответов, предполагающих добросовестное поведение, респонденты в возрасте старше 40 лет выбирают чаще своих более молодых коллег. Наибольшую готовность к оппортунизму демонстрируют респонденты в возрастных группах до 30 и 30–40 лет.

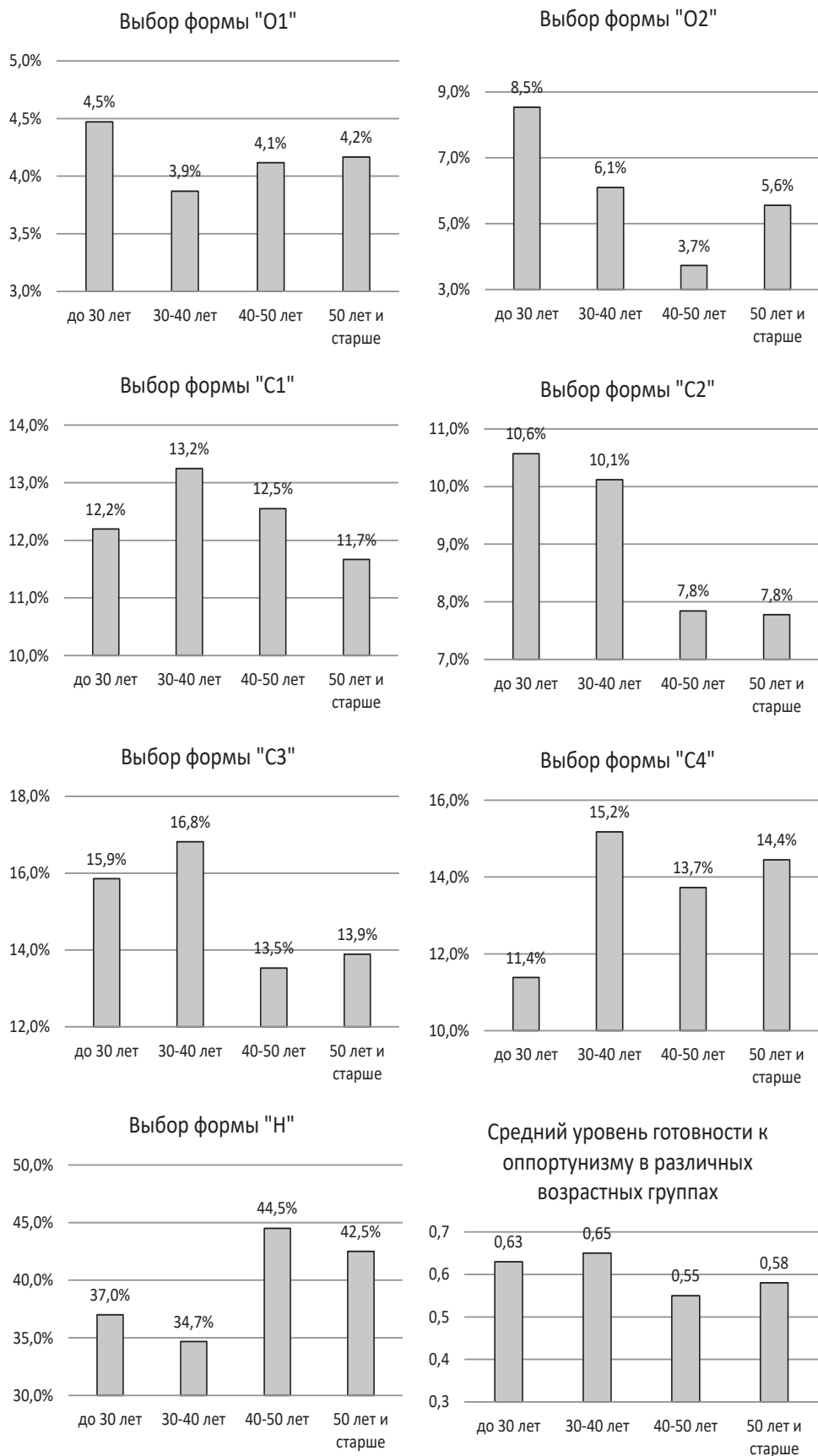

Рис. 4. Распределение форм оппортунизма и средний уровень готовности к оппортунизму по возрастным группам

Рассмотрим распределение форм оппортунизма по месту жительства (рис. 5). Респонденты были разделены на четыре группы: проживающие в Москве, Санкт-Петербурге, в городах-миллионниках (за исключением Москвы и Санкт-Петербурга), других городах РФ. К проявлению оппортунизма в форме «небрежность» и «ложь и искажение фактов» более склонны жители Санкт-Петербурга. Жители Москвы продемонстрировали наименьшую по сравнению с жителями других городов склонность к оппор-

тунизму в активных формах «ложь и искажение фактов» и «использование непредвиденных событий для извлечения выгоды». Респонденты из городов-миллионников в большей степени склонны к преувеличению сложностей и использованию непредвиденных событий для извлечения личной выгоды по сравнению с жителями остальных городов. В целом средняя готовность к оппортунизму несущественно отличается в зависимости от места проживания респондента.

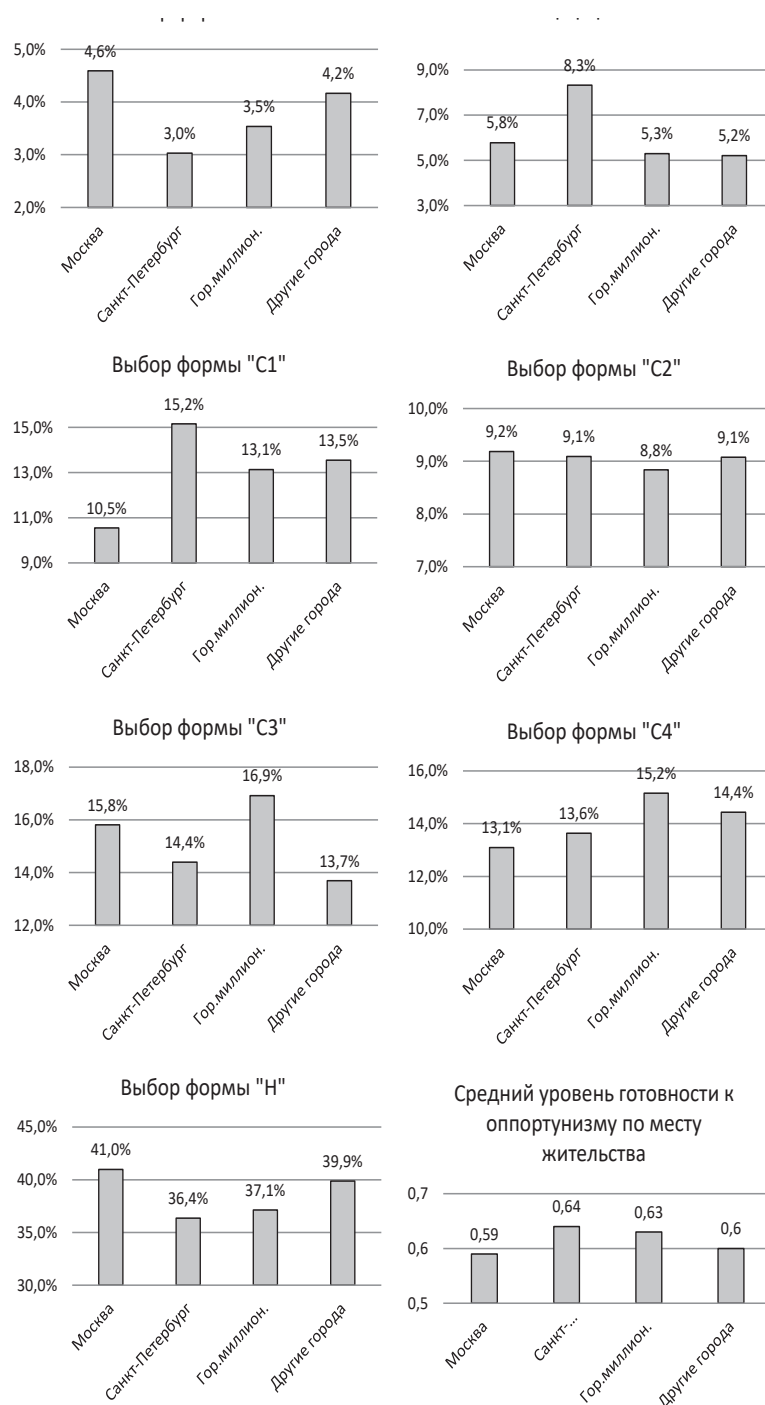

Рис. 5. Распределение форм оппортунизма и средний уровень готовности к оппортунизму по месту жительства

Распределение сотрудников компаний по положению в компании включает четыре группы: высшее руководство, руководители других уровней, рядовой сотрудник на ставке, работник со сдельной оплатой труда (рис. 6). Среди всех рассматриваемых форм оппортунизма группа высшего руководства значительно опережает остальные группы только по одной из них — форме пассивного оппортунизма «сокрытие информации». При этом данная форма оппортунизма почти не свойственна работникам со сдельной оплатой труда и в равной степени характеризует

работников с фиксированной заработной платой и руководителей более низких уровней. К оппортунизму в форме «небрежность» склонны работники, чья заработная плата фиксирована и не зависит от результатов проделанной работы. Работники со сдельной оплатой труда чаще остальных готовы использовать непредвиденные события для извлечения выгоды и преувеличивать возникающие сложности. Проведенный анализ показал, что работники демонстрируют более высокий уровень готовности к оппортунизму, чем руководители всех уровней.

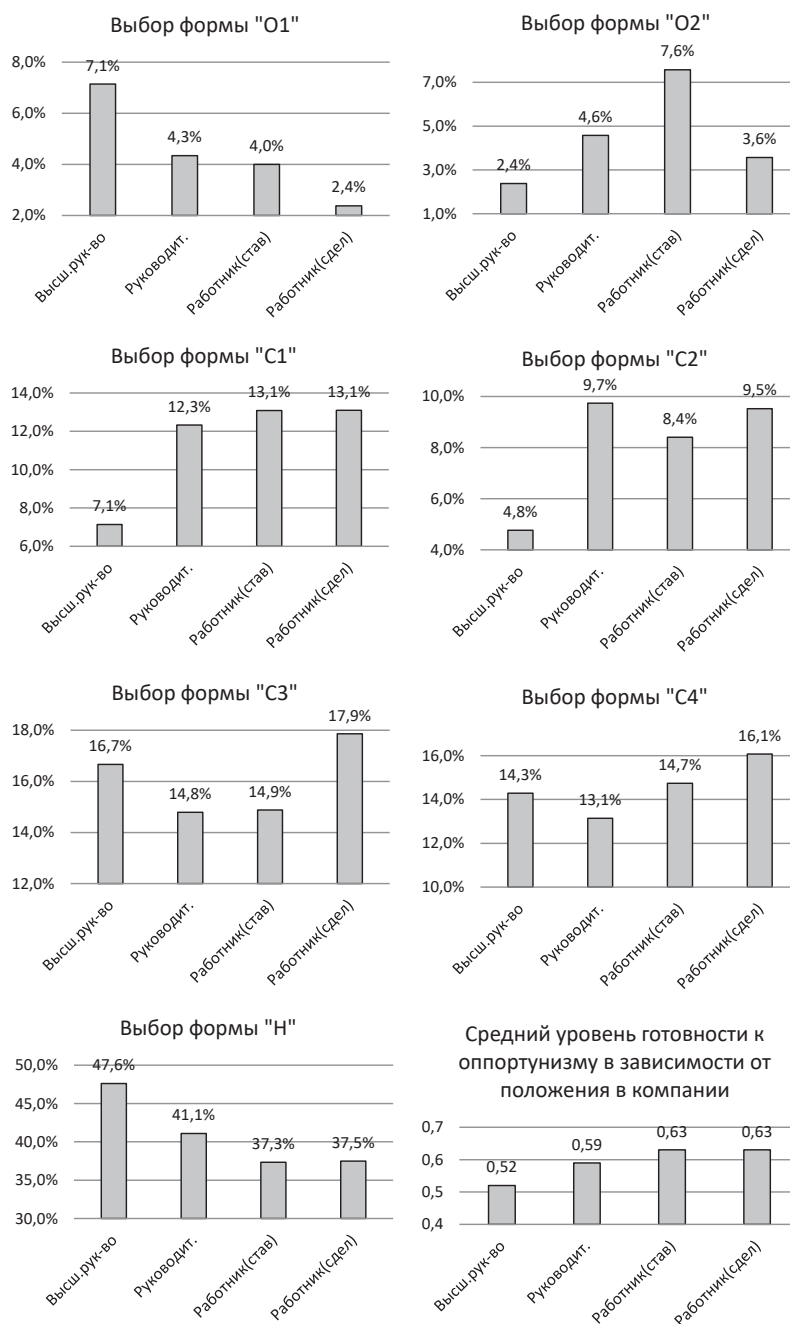

Рис. 6. Распределение форм оппортунизма и средний уровень готовности к оппортунизму в зависимости от положения в компании

Сотрудники государственных предприятий в большей степени склонны к оппортунизму в формах «сокрытие информации» и «нарушение договоренностей», чем организаций других форм собственности. При этом они чаще остальных проявляют добросовестное поведение. Работники акционерных обществ больше остальных демонстрируют готовность к активному оппортунизму

в форме «использование непредвиденных событий для извлечения выгоды», индивидуальных предпринимателей — «ложь и искажение фактов», а работники обществ с ограниченной ответственностью — «преувеличение сложностей». В целом наиболее высокий уровень готовности к оппортунизму демонстрируют сотрудники индивидуальных предпринимателей (рис. 7).

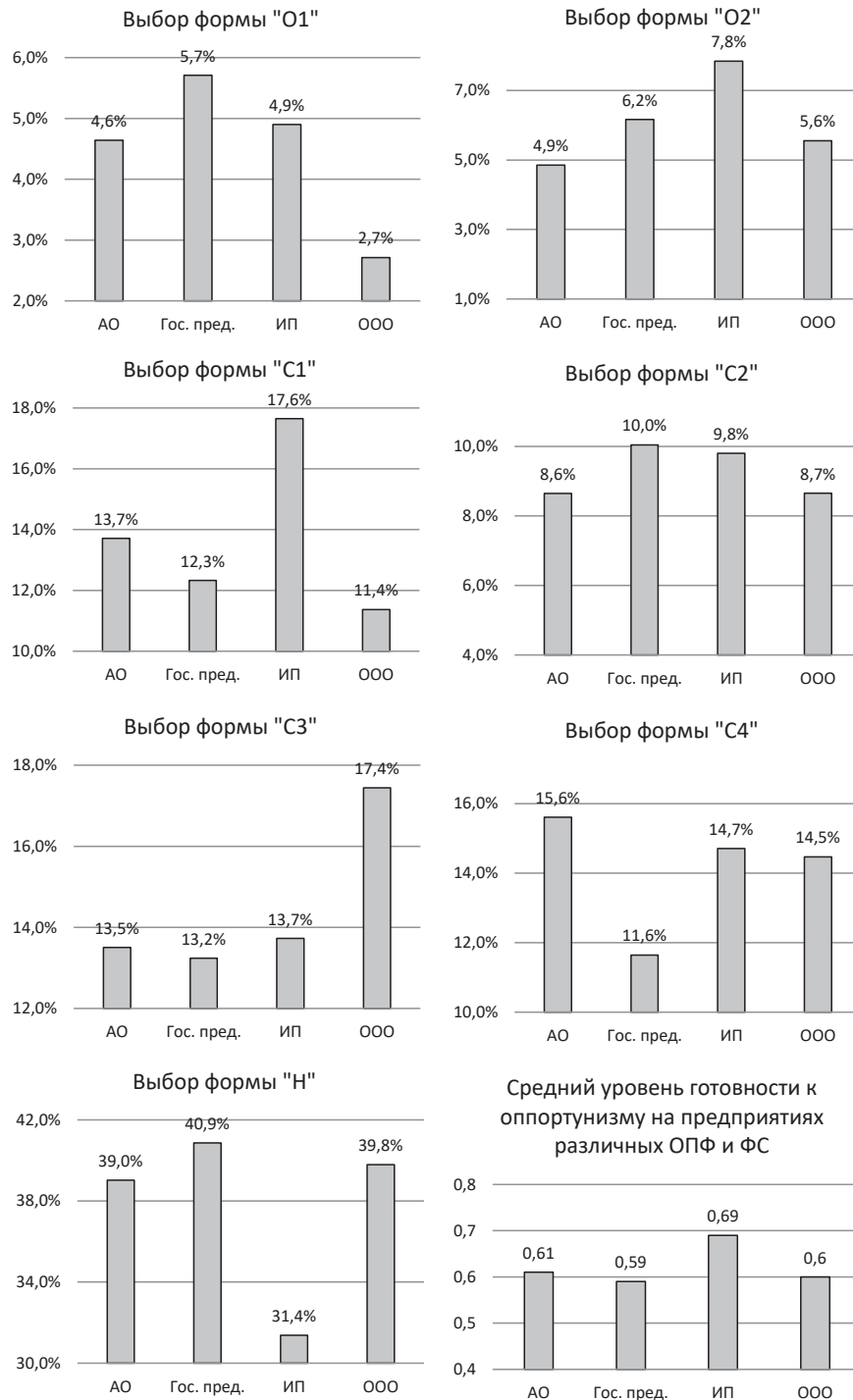

Рис. 7. Распределение форм оппортунизма и средний уровень готовности к оппортунизму в зависимости от организационно-правовой формы и формы собственности на предприятии

Проанализируем полученные результаты. В целом работники российских предприятий склонны к моделям поведения, в которых проявляется активный оппортунизм; более чем в два раза реже они ориентируются на добросовестное поведение и крайне редко — на пассивные формы оппортунизма (небрежность или сокрытие информации). Среди конкретных форм оппортунизма чаще всего выбираются преувеличение сложностей, использование непредвиденных обстоятельств для извлечения выгод и ложь / искажение фактов. Реже всего работники ориентируются, как ни странно, на сокрытие информации, то есть «недоговорение».

Анализ возрастной структуры выборки показал, что имеет место дифференциация работников по уровню готовности к оппортунизму: молодые работники (до 40 лет) в большей степени оппортунистичны, чем их старшие коллеги. При этом наиболее значимые отличия у молодых работников наблюдаются в частоте выбора таких вариантов, как небрежность (форма пассивного оппортунизма), нарушение договоренностей и преувеличение сложностей (формы активного оппортунизма). Такая форма, как извлечение выгод из непредвиденных обстоятельств, напротив, почти не выбирается молодыми (до 30 лет) работниками, но зато популярна во всех более старших группах.

Фактор места жительства также существенно влияет на предпочтения работников в выборе той или иной формы оппортунизма. При этом, как отмечалось выше, средний уровень готовности к оппортунизму в разных городах почти не отличается (отклонения менее 10 %). Реже всего добросовестное поведение выбирали (как ни странно) работники из Санкт-Петербурга, а чаще всего — из Москвы. При этом москвичи чаще других склонны к пассивному оппортунизму в форме сокрытия информации, петербуржцы — к небрежности и лжи / искажению фактов, жители других крупных городов — к преувеличению сложностей, а жители городов с численностью менее миллиона человек — к использованию непредвиденных обстоятельств для извлечения выгоды.

Фактор положения в компании влияет на уровень готовности к оппортунизму: чем выше занимаемое место, тем менее склонны работники к оппортунизму и чаще выбирают добросовестный вариант поведения. Возможно, именно по этой причине таким работникам и удается продвигаться вверх по карьерной лестнице. Или же, напротив, степень их оппортунизма снижается по мере

роста ответственности и вовлеченности в процессы принятия решений. Однако следует отметить, что именно представители топ-менеджмента чаще других выбирали варианты поведения, соответствующие такой форме пассивного оппортунизма, как сокрытие информации, а руководители более низкого ранга предпочитали активный оппортунизм в форме нарушения договоренностей (что можно отнести к неожиданным результатам). Работники, получающие вознаграждение за отработанное время («на ставках»), чаще других склонялись к проявлению пассивного оппортунизма в форме небрежности, а работники со сдельной оплатой — к активному оппортунизму в форме преувеличения сложности.

Фактор организационно-правовой формы и формы собственности тоже можно признать значимым с точки зрения наблюдаемых различий как в уровне, так и частоте проявления конкретных форм оппортунизма. Более других склонны к оппортунизму работники и руководители ИП, а для госпредприятий, акционерных обществ и обществ с ограниченной ответственностью уровень оппортунизма и частота выбора добросовестных вариантов поведения примерно одинаковы. При этом работники госпредприятий чаще других выбирали форму пассивного оппортунизма «сокрытие информации», работники акционерных компаний — активный оппортунизм в форме «преувеличение сложностей для извлечения выгоды», а работники обществ с ограниченной ответственностью — активный оппортунизм в форме «преувеличение сложностей». В этих случаях распределение четко показало на наличие «излюбленных» форм проявления оппортунизма у разных категорий работников.

Таким образом, исследование позволило выявить различие в уровне и конкретных формах проявления оппортунизма, что может использоваться как для развития научных представлений об оппортунизме и особенностях его актуализации в компаниях, так и для совершенствования политики в области управления персоналом с целью снижения оппортунизма и повышения вовлеченности в дела компании. Выводы о большей склонности к оппортунизму молодых работников, работников на исполнительских должностях и руководителей / сотрудников ИП в целом вписываются в обычную логику HR-специалистов, в то время как некоторые результаты исследования, а именно более высокий уровень оппортунизма у жителей

Санкт-Петербурга, склонность к нарушению договоренностей у линейных руководителей, готовность к извлечению выгод из неподвижных обстоятельств у работников старшего поколения, можно считать необычными и заслуживающими отдельного рассмотрения в по-

следующих публикациях. Полученные результаты важны также как некий базовый ориентир для последующих исследований, как основа для сравнения их результатов с новыми результатами, полученными для разных стран, групп компаний и временных промежутков.

Список литературы

1. Бархатов В. И., Плетнев Д. А. Особенности проявления оппортунизма в российских машиностроительных корпорациях // Организатор производства. 2013. № 2 (57). С. 15–20.
2. Белкин В. Н., Белкина Н. А., Антонова О. А. Отчуждение труда работников российских предприятий // Вестник Челябинского государственного университета. 2015. № 1 (356). С. 80–88.
3. Красиков О., Рошина И. Оппортунизм и трудовой оппортунизм работников: общие и специфические черты, причины проявления // Вестник Томского государственного университета. Экономика. 2018. № 42. С. 119–128.
4. Плетнев Д. А., Козлова Е. В. К вопросу оценки отчуждения и поведенческого оппортунизма работников предприятий и корпораций // Научно-технические ведомости СПбГПУ. Экономические науки. 2020. Т. 13, № 3. С. 141–157.
5. Плетнев Д. А., Козлова Е. В. Оппортунизм как ключевое понятие институциональной экономики // Вестник Челябинского государственного университета. 2020. № 6 (440). С. 28–37.
6. Плетнев Д. А., Козлова Е. В. Особенности проявления оппортунизма в российских корпорациях // Вестник Челябинского государственного университета. 2010. № 27 (208). С. 74–80.
7. Попов Е. В., Симонова В. Л. Эффекты снижения уровня оппортунизма в системе принципал-агент // Журнал экономической теории. 2006. № 1. С. 27–50.
8. Anderson E. Transaction costs as determinants of opportunism in integrated and independent sales forces // Journal of Economic Behavior and Organization. 1988. No. 9 (3). P. 247–264.
9. Jap S., Anderson E. Safeguarding interorganizational performance and continuity under ex post opportunism // Management Science. 2003. No. 49 (12). P. 1684–1701.
10. Lee D.-J. Developing international strategic alliances between exporters and importers: The case of Australian exporters // International Journal of Research in Marketing. 1998. No. 15 (4). P. 335–48.
11. Popov E., Ersh E. Institutions for Decreasing of Employee Opportunism // Montenegrin Journal of Economics. 2016. Vol. 12 (2). P. 131–146.
12. Rokkan A. I., Heide J. B., Wathne K. H. Specific investments in marketing relationships: expropriation and bonding effects // Journal of Marketing Research. 2003. No. 40 (2). P. 210–224.
13. Wathne K., Heide J. Opportunism in interfirm relationships: forms, outcomes, and solutions // Journal of Marketing. 2000. No. 64. P. 36–51.
14. Williamson O. E. Markets and hierarchies: Analysis and antitrust implications. New York : Free Press, 1975. 286 p.

Сведения об авторах

Плетнев Дмитрий Александрович — кандидат экономических наук, доцент, доцент кафедры экономики отраслей и рынков Челябинского государственного университета, Челябинск, Россия. pletnev@csu.ru

Козлова Елена Викторовна — старший преподаватель кафедры экономики отраслей и рынков Челябинского государственного университета, Челябинск, Россия. kozlova@csu.ru

Bulletin of Chelyabinsk State University.

2021. № 10 (456). *Economic Sciences. Iss. 74. Pp. 106–115.*

EMPIRICAL STUDY OF PARTICULAR FORMS OF OPPORTUNISM AND OPPORTUNISM READINESS OF RUSSIAN ENTERPRISES EMPLOYEES

D. A. Pletnev

Chelyabinsk State University, Chelyabinsk, Russia. pletnev@csu.ru

E. V. Kozlova

Chelyabinsk State University, Chelyabinsk, Russia. kozlova@csu.ru

Modern companies' efficiency is significantly limited by the low degree of employee involvement and their opportunism to the employer. Identifying, quantifying, and understanding the internal structure of the opportunism phenomenon in companies is an important task both for science and for the practice of corporate management. The article aims to present the results of the particular opportunism forms and opportunism readiness analysis, based on a survey of Russian enterprises employees'. The study used data from a survey of 298 Russian enterprises employees conducted in the fall of 2020. It is based on the author's methodology for assessing the specific forms of active and passive opportunism and a quantitative assessment of the level of opportunism readiness. The results are presented for various groups of employees by age, place of residence, position in the company, and organizational and legal form and form of ownership. We revealed the most significant differences in the manifestation of opportunism among these groups.

Keywords: *opportunism, passive opportunism, active opportunism, methodology of economic measurements, Russian corporations.*

References

1. Barkhatov V. I., Pletnev D. A. (2013) *Organizator proizvodstva*, no. 2 (57), pp. 15–20 [in Russ.].
2. Belkin V. N., Belkina N. A., Antonova O. A. (2015) *Vestnik Chelyabinskogo gosudarstvennogo universiteta*, no. 1 (356), pp. 80–88 [in Russ.].
3. Krasikov O., Roshchina I. (2018) *Tomsk State University Journal of Economics*, no. 42, pp. 119–128 [in Russ.].
4. Pletnev D. A., Kozlova E. V. (2020) *Nauchno-tekhnicheskiye vedomosti SPbGPU*, vol. 13, no. 3, pp. 141–157 [in Russ.].
5. Pletnev D. A., Kozlova E. V. (2020) *Vestnik Chelyabinskogo gosudarstvennogo universiteta*, no. 6 (440), pp. 28–37 [in Russ.].
6. Pletnev D. A., Kozlova E. V. (2010) *Vestnik Chelyabinskogo gosudarstvennogo universiteta*, no. 27 (208), pp. 74–80 [in Russ.].
7. Popov E. V., Simonova V. L. (2006) *Zhurnal ekonomicheskoy teorii*, no. 1, pp. 27–50 [in Russ.].
8. Anderson E. (1988) *Journal of Economic Behavior and Organization*, no. 9 (3), pp. 247–264.
9. Jap S., Anderson E. (2003) *Management Science*, no. 49 (12), pp. 1684–1701.
10. Lee D.-J. (1998) *International Journal of Research in Marketing*, no. 15 (4), pp. 335–48.
11. Popov E., Ersh E. (2016) *Montenegrin Journal of Economics*, vol. 12 (2), pp. 131–146.
12. Rokkan A. I., Heide J. B., Wathne K. H. (2003) *Journal of Marketing Research*, no. 40 (2), pp. 210–224.
13. Wathne K., Heide J. (2000) *Journal of Marketing*, no. 64, pp. 36–51.
14. Williamson O. E. (1975) *Markets and hierarchies*. New York, Free Press.

АКТУАЛЬНЫЕ АСПЕКТЫ ЦИФРОВИЗАЦИИ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ СУБЪЕКТОВ ПРЕДПРИНИМАТЕЛЬСТВА В РОССИИ

Ю. П. Соболева¹, А. Т. Лиленко²

¹ Среднерусский институт управления — филиал РАНХиГС, Орел, Россия; Финансовый университет при Правительстве РФ, Орел, Россия

² Финансовый университет при Правительстве РФ, Орел, Россия

Цифровизация в настоящее время затронула все сферы общественной и экономической жизни. Предпринимательство, как наиболее гибкий сегмент экономики, стремится в кратчайшее время освоить цифровые технологии, так как это создает предпосылки ускоренного развития и получения конкурентных преимуществ. В этой связи актуальным становится оценка влияния процессов цифровизации на деятельность предпринимательских структур. Целью настоящего исследования является выявление актуальных направлений реализации процесса цифровизации в деятельности современных субъектов предпринимательства. Для достижения поставленной цели в работе использованы описательный, аналитический, статистический методы исследования. В результате сделаны выводы о том, что процесс цифровизации деятельности субъектов предпринимательства затрагивает все бизнес-процессы субъекта предпринимательства. Практическая значимость результатов состоит в разработке механизма цифровизации субъектов предпринимательства.

Ключевые слова: цифровизация, предпринимательство, цифровые технологии, государственная поддержка.

Современная ситуация диктует новые правила ведения предпринимательства. Глобальная пандемия, охватившая все сферы и все отрасли, привела к необходимости выведения бизнеса на качественно новый, инновационный путь развития. В этой связи актуальным становится обращение к информационным технологиям, применение которых обеспечит предпринимательским структурам прежде всего выживаемость и развитие. Несмотря на имевшее в 2020 г. место ухудшение основных экономических показателей, многие компании доказали способность гибко приспосабливаться к условиям внешней среды. Это позволило им не только поддержать собственный бизнес, персонал, но и удовлетворять спрос потребителей на качественные товары (услуги). Расширенные возможности реализации потенциала объясняются доступом субъектов хозяйствования к мобильным коммуникациям, интернет-технологиям и т. п.

Цифровая экономика как отрасль знаний и вид практической деятельности появилась сравнительно недавно — в 1995 г. Автором термина «цифровая экономика» считается Николас Негропonte. Это понятие включает в себя ускоренное развитие экономики в условиях преобладающего влияния научных институтов, которые разрабатывают ин-

новационные технологии с целью внедрения их в экономическую жизнь общества.

Цифровизация предполагает разработку виртуальной реальности, включающей в себя виртуальные деньги, карты, платформы малого и среднего предпринимательства (МСП), различные линейки связи и т. д. Следует отметить, что единообразие в трактовке данного термина к настоящему времени не достигнуто. В этой связи выделим характерные черты цифровой экономики:

- 1) активное и всеобъемлющее внедрение и развитие цифровых технологий в деятельность субъектов хозяйствования [8];
- 2) автоматизация деятельности компаний [4];
- 3) использование средств электронной коммерции [2];
- 4) использование цифровых средств обработки данных [9];
- 5) активное использование персонального компьютера для переноса идей, новшеств в цифровое пространство [5]
- 6) использование данных в цифровом формате в качестве ключевого ресурса [11].

Перечисленные особенности цифровой экономики характеризуют классический подход к ее рассмотрению. Исследователи выделяют также расширенный подход, согласно которо-

му цифровизация рассматривается как экономическая деятельность с использованием цифровых технологий. Компании США характеризуют процесс цифровизации, используя термин «API-экономика» (Application Programming Interface) или же «экономика систематизации программирования приложений — модифицированный обмен бизнес-компетенциями, включающий интегрирования, направленные на развитие бизнеса и рынка» [10]. В большинстве случаев исследователи под API-экономикой понимают систематизированный набор бизнес-каналов, осуществляющий прямой доступ к быстрому модифицированному обмену данными, обязательному при цифровой экономике. Основой данного вида экономики является сквозное применение IT-технологий, включающих интернет-вещи, интернет-карты, онлайн-покупки, онлайн-продажи, онлайн-карты, онлайн-деньги, технологии удаленного доступа.

Профессор Санкт-Петербургского государственного экономического университета С. А. Дятлов отмечает, что цифровая экономика — это абсолютно новая модель, обусловленная электронным развитием гиперконкурентной среды, включающая в себя новый тип воспроизводства, различные экономические циклы [3].

Исходя изложенного, считаем целесообразным определить цифровую экономику как систему, порождающую новый вид взаимоотношений разных секторов экономики, основывающихся на внедрении цифровых, нейросетевых технологий, создающую иные возможности для предпринимателей и покупателей, основывающую их взаимодействие на цифровых схемах.

В условиях активной цифровизации экономики происходит ряд различных изменений в деятельности субъектов малого и среднего предпринимательства. В XXI в. малый и средний бизнес как никогда нуждается в поддержке со стороны государства, поскольку цифровые нововведения оказывают большое воздействие на деятельность субъектов бизнеса, изменяют привычную среду предпринимательства.

Малый и средний бизнес играет огромную роль в развитии экономики страны, поскольку именно он создает новые рабочие места, реализуя предложение труда на рынке, и производит большую часть благ. В настоящее время особенно актуальна тема формирования и развития института цифрового предпринимательства в России. В этой связи важным аспектом анализа является выявление современных преимуществ субъектов пред-

принимательства, которые способствуют развитию и внедрению цифровых новшеств (рис. 1).

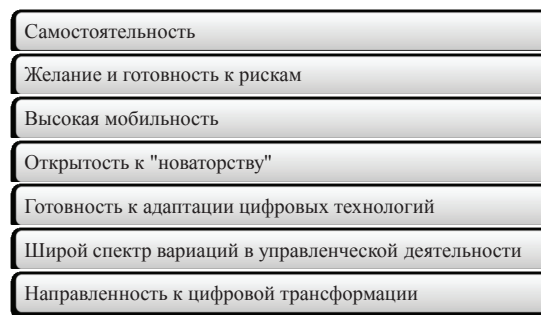

Рис. 1. Преимущества малых и средних предпринимательств

Источник: составлено авторами на материалах сайта АО «Федеральная корпорация по развитию малого и среднего предпринимательства» (<https://corpmsp.ru/>)

Малый и средний бизнес — это сфера деятельности, направленная на систематическое получение прибыли и производство различных продовольствий. Несмотря на все риски, с которыми сталкиваются предприниматели, они всегда готовы адаптироваться к цифровым новшествам, которые в будущем помогут им значительно сократить административные издержки. Перечисленные преимущества предоставляют предпринимателю гарантию своевременной реакции на изменяющуюся конъюнктуру рынка. Главным стимулом к этому является ответственность за свои ошибки — капиталом и благополучным будущим. Согласно цифровым нововведениям, предприниматели должны реализовывать свои идеи с помощью различных технологий, направленных на увеличение продуктивности организации (улучшение качества производимого товара за счет различного внедрения инноваций), однако все нововведения должны быть общедоступны и адаптированы под средний слой населения.

Рассматривая более подробно цифровую экономику, необходимо отметить, что данный тип экономики включает в себя активное использование всех предпринимательских структур для производства товаров и услуг, а также инновации, позволяющие реконструировать отрасли и бизнес-программы. Ядром этого новаторства является индустрия информации, которая позволяет узнавать, разрабатывать, изменять и реализовывать в жизни инновационные продукты. В свою очередь каждый предприниматель заинтересован во внедрении новых технологических процессов,

созданных для ускоренного развития производства и значительного сокращения издержек.

Цифровая экономка включает в себя различные направления развития цифровой среды, ключевых институтов, интегрирует поддержку развития уже существующих условий возникновения эффективных сквозных цифровых платформ малого и среднего предпринимательства и организацию новейших. Основные сквозные цифровые технологии представлены на рис. 2.

Цифровизация экономики предполагает тесное взаимодействие государства, науки и бизнеса с целью создания высокотехнологичных предприятий, развивающих «сквозные» цифровые технологии. С 2019 г. началась новая ступень развития экономики, а именно изменились правила ведения бизнеса, обоснованные цифровизацией. «Цифровые потребители» самостоятельно управляют рынком, задавая ему конкретные критерии деятельности и создавая экономические барьеры для входа в отрасль. Основные рычаги современного трансформационного этапа цифровизации предпринимательства представлены на рис. 3

Практическое применение представленных на рис. 3 технологий вынуждает бизнес к адаптации существующей бизнес-модели и ИТ-инфраструктуры к новой реальности. Это мотивирует предпринимателя увеличивать число партнеров, взаимодействовать с новыми технологиями, заниматься их адаптацией, не забывая ценности компании. Цифровая экономика порождает огромное количество преимуществ не только для субъектов МСП, но и для потребителей. Она заключается в обязанности учитывать желания

обеих сторон. Предприниматель заинтересован в реализации своего товара на онлайн-рынке, что гораздо выгоднее, чем продажа на месте торговли, а покупатель, со своей стороны, интересуется простотой приобретения товара. Взаимодействие между двумя сторонами рынка основывается на диктатуре одной из них. Потребитель оказывает огромное влияние на специализацию производства продуктов компании, что отражается в наличии спроса, а производитель оказывает психологическое влияние на своего клиента через интернет-сети, рекламируя товар с целью ускорения его продвижения. Это размывает границу взаимодействия сторон рынка, образуя единое экономическое пространство.

Важнейшими в области цифровизации предпринимательства являются инновации в сфере нейротехнологий. Neurable — компания, занимающаяся разработкой интерфейса, позволяющего людям управлять программным обеспечением, используя только мозговую активность. Основное направление — создание робота, выполняющего различные человеческие функции с использованием программы, деятельность которой схожа с мозговой. Субъекты предпринимательства могут использовать его для удаленного управления и подсчета различных данных. Neuralink — компания, занимающаяся созданием симбиотической связи между искусственным интеллектом и человеческим мозгом: повышение работоспособности человека, экономия его энергии и замена сложных действий с целью извлечения необходимой информации на более простые требует применения искусственного интеллекта. Данная технология

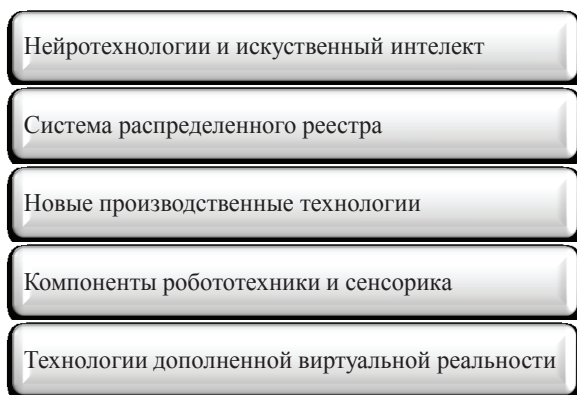

Рис. 2. Сквозные цифровые технологии

Источник: составлено авторами на материалах Программы «Цифровая экономика Российской Федерации» (<http://static.government.ru/media/files/9gFM4FHj4PsB79I5v7yLVuPgu4bvR7M0.pdf>)

Рис. 3. Основные рычаги современного трансформационного этапа развития предпринимательства

Источник: составлено авторами на материалах программы «Цифровая экономика Российской Федерации» (<http://static.government.ru/media/files/9gFM4FHj4PsB79I5v7yLVuPgu4bvR7M0.pdf>).

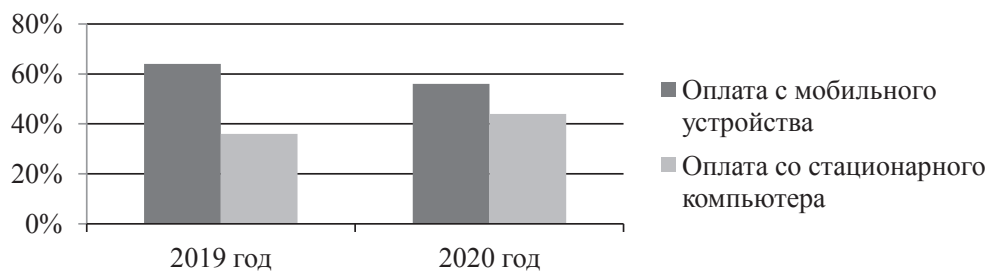

Рис. 4. Доля онлайн-платежей с различных устройств

Источник: составлено авторами по материалам газеты «Известия» (<https://iz.ru/1105674/natalia-ilina-mariia-kolobova-anna-ustinova/raskhodnoe-mesto-chislo-onlain-platezhei-v-2020-godu-vyroslo-na-40>).

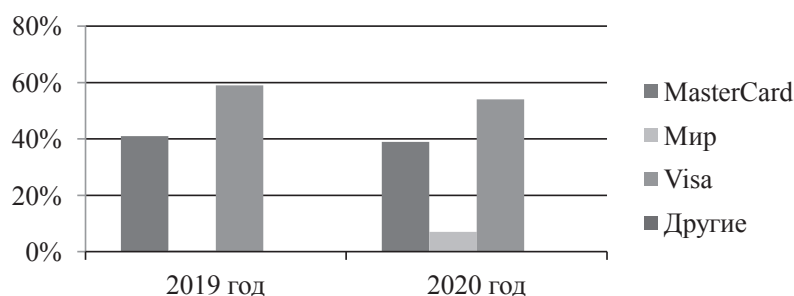

Рис. 5. Онлайн платежи с использованием банковских карт различных платежных систем

Источник: составлено авторами на материалах газеты «Известия» (<https://iz.ru/1105674/natalia-ilina-mariia-kolobova-anna-ustinova/raskhodnoe-mesto-chislo-onlain-platezhei-v-2020-godu-vyroslo-na-40>).

позволяет субъектам предпринимательства повышать эффективность и результативность операционной деятельности, оптимизировать численность работников [1].

Важным аспектом цифровизации предпринимательства является использование технологий виртуализации. В современных условиях деятельность финансового сектора характеризуется использованием биткоинов и онлайн-оплаты покупок. Нововведения затронули банки России и их филиалы. Востребованным стало открытие онлайн-банков. Финансовые учреждения заинтересованы в создании электронных карт, кошельков, портфелей для осуществления оплаты цифровыми деньгами. В свою очередь субъекты предпринимательства заинтересованы в виртуальной реализации своего товара, поскольку это многократно сокращает издержки. В настоящее время отмечается стремительный рост дистанционной формы занятости, или фриланса, появляются новые бизнес-проекты, направленные на создание интернет-сайтов и курирование лидеров онлайн-магазинов (к примеру, Wildberries и OZON). Реализуя инновационный путь развития, организации внедряют оперативную и доступную оплату путем создания виртуального кошелька с копиями и реквизитами карт, находящихся в теле-

фоне или часах (например, Apple Pay, Google Pay). Данная функция вызвала огромный рост числа людей, заинтересованных в ее использовании (рис. 4) [6].

Рисунок 4 демонстрирует увеличение использования оплаты с мобильных устройств с 36 % в 2019 г. до 44 % в 2020 г.

Ведущими лидерами на рынке использования онлайн-оплаты картой являются системы «MasterCard», «Мир» и «Visa» (рис. 5) [6]. Рисунок 5 показывает стремительный рост национальной российской платежной системы «Мир». В 2019 г. ее доля на рынке составляла 0,5 %, а в 2020 г. увеличилась до 7 %. Однако если учитывать, что данная платежная система появилась только 15 декабря 2015 г., то можно сделать вывод, что она достаточно быстро набрала популярность.

Еще одним шагом к цифровизации производственного предпринимательства является разработка станочного оборудования с числовым программным управлением. Станочное оборудование, обладающее высокой производительностью, — будущее промышленности. Данная инновация позволяет субъектам предпринимательства реализовывать технологии 3D-печати, используя необходимое сочетание скорости и точности обработки элемента. Высоковостребованное

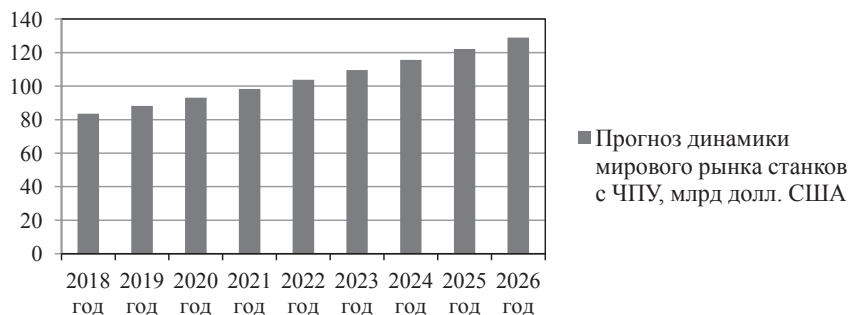

Рис. 6. Динамика мирового рынка станков с ЧПУ, млрд долл. США

Источник: составлено авторами на материалах АНО «Международный независимый институт анализа инвестиционной политики» (АНО МНИАП) (<http://xn--80aplem.xn--plai/analytics/Mirovoj-rynok-standocno-oborudovania-s-cislovym-programmny-m-upravleniem/>).

числовое программное управление, позволяющее задавать конкретное количество производимого товара, время его производства, выбор сырья, из которого будет производиться продукт, обеспечивает наибольшее приближение к человеческой деятельности. Технологии 3D-печати позволяют создавать продукцию в различных сферах — от медицинских товаров до одежды. Из-за огромного количества числовых программ, встроенных в станочное оборудование, один станок с ЧПУ (Computer numeric control) может конкурировать с целыми металлообрабатывающими центрами, производя более качественные продукты, избегая всевозможных рисков, в том числе сводя до минимума выпуск бракованной продукции (рис. 6) [7].

производительности может заменить минимум три станка без ЧПУ. Востребованность данного аппарата со стороны субъектов малого и среднего предпринимательства с каждым годом возрастает, о чем свидетельствуют данные на рис. 6. В 2018 г. мировой рынок станков с ЧПУ составлял 83 млрд долл. США. К 2020 г. значение данного показателя возросло до 93,12 млрд долл. С учетом представленного прогноза к 2026 г. объем данного рынка составит 128,86 млрд долл. США.

На рис. 7 представлен авторский подход к процедуре цифровизации деятельности субъектов предпринимательства.

Цифровизация всех бизнес-процессов субъектов предпринимательства является необратимым процессом и обеспечивает хозяйствующим субъектам снижение затрат, расширение сфер деятельности, выход на новые рынки сбыта. Современные информационно-коммуникационные технологии — это важнейший лифт для перехода к цифровой экономике. В свою очередь, немаловажной является интеграция современных инноваций в повседневную работу и бизнес-процессы. Однако в условиях недостатка у субъектов предпринимательства финансовых ресурсов на региональном уровне должна быть создана эффективная инфраструктура поддержки цифровизации. Актуальным является оказание консультативной, правовой, кадровой и финансовой помощи в реализации данного процесса. В то же время субъекты предпринимательства следует рассматривать как источник инноваций, предоставляющий возможность апробировать новшества с целью их дальнейшего тиражирования. Ввиду этого важно поддерживать в сфере предпринимательства молодых предпринимателей, предоставлять им возможности для развития.

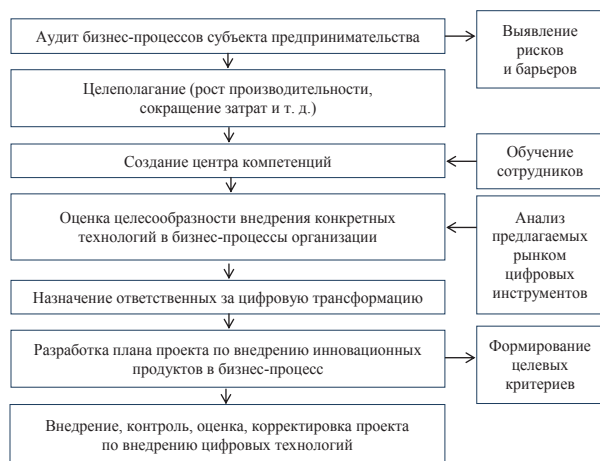

Рис. 7. Механизм цифровизации бизнес-процессов субъектов предпринимательства

Источник: составлено авторами.

Использование данной технологии является «золотой ячейкой рынка». Несмотря на высокую среднюю цену (945 тыс. руб.), станок по своей

Список литературы

1. 8 инновационных стартапов в сфере нейротехнологий // АНО Международный независимый институт анализа инвестиционной политики (АНО МНИАП). URL: <http://xn--80aplem.xn--plai/analytics/8-innovacionnyh-startapov-v-sfere-nejrotehnologij/> (дата обращения 18.09.2021).
2. Василенко Н. В. Цифровая экономика: концепции и реальность // Инновационные кластеры в цифровой экономике: теория и практика : тр. науч.-практ. конф. с междунар. участием / под ред. д-ра экон. наук, проф. А. В. Бабкина. СПб. : Изд-во Политехн. ун-та, 2017. 592 с.
3. Дятлов С. А. Цифровая экономика: новые методологические проблемы исследования // Современные технологии: актуальные вопросы, достижения и инновации : сб. ст. IX Междунар. науч.-практ. конф. 2017. С. 84–88. URL: <https://elibrary.ru/item.asp?id=30013003> (дата обращения: 18.09.2021).
4. Евтянова Д. В., Тиранова М. В. Цифровая экономика как механизм эффективной экологической и экономической политики // Науковедение. 2017. Т. 9, № 6. С. 71.
5. Иванов В. В., Малинецкий Г. Г. Цифровая экономика: мифы, реальность, перспектива : монография. М. : РАН, 2017. URL: <https://kc.hse.ru/wp-content/uploads/2018/05/10-ivanov-28129.pdf> (дата обращения: 18.09.2021).
6. Ильина Н., Колобова М., Устинова А. Расходное место: число онлайн-платежей в 2020 году выросло на 40 % // Ежедневная общественно-политическая и деловая газета «Известия». URL: <https://iz.ru/1105674/natalia-ilina-mariia-kolobova-anna-ustinova/raskhodnoe-mesto-chislo-onlain-platezhei-v-2020-godu-vyroslo-na-40> (дата обращения: 18.09.2021).
7. Мировой рынок станочного оборудования с числовым программным управлением // АНО «Международный независимый институт анализа инвестиционной политики» (АНО МНИАП). URL: <http://xn--80aplem.xn--plai/analytics/Mirovoj-rynok-stanocnogo-oborudovania-s-cislovy-programmnyim-upravleniem/> (дата обращения: 18.09.2021).
8. Указ Президента РФ от 09.05.2017 г. № 203 «О Стратегии развития информационного общества в Российской Федерации на 2017–2030 годы». URL: <http://www.kremlin.ru/acts/bank/41919> (дата обращения: 18.09.2021).
9. Стратегии развития информационного общества в Российской Федерации на 2017–2030 годы. URL: <http://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/71570570/> (дата обращения: 18.09.2021).
10. Ван Т. С. Ю., Макларти М. API-экономика для всех: как преобразить нецифровой бизнес // Harvard Business Review Россия = Гарвард Бизнес Ревью Россия. 2021. URL: <https://hbr-russia.ru/innovatsii/tehnologii/867115> (дата обращения: 18.09.2021).

Сведения об авторах

Соболева Юлия Павловна — кандидат экономических наук, доцент Среднерусского института управления — филиала РАНХиГС, Орел, Россия; Орловский филиал Финансового университета при Правительстве РФ, Орел, Россия, soboleva-yp@mail.ru.

Лиленко Анна Тудоровна — студентка Орловского филиала Финансового университета при Правительстве РФ, Орел, Россия, efftaan@gmail.com.

Bulletin of Chelyabinsk State University.

2021. № 10 (456). *Economic Sciences. Iss. 74. Pp. 116–122.*

CURRENT ASPECTS OF DIGITALIZATION OF THE ACTIVITIES OF BUSINESS ENTITIES IN RUSSIA

Y. P. Soboleva

Central Russian Institute of management-branch of Ranepa, Financial University under the government of the Russian Federation, Orel, Russia. soboleva-yp@mail.ru

A. T. Lilenko

Financial University under the government of the Russian Federation Orel, Russia. efftaan@gmail.com

Digitalization has now affected all spheres of public and economic life. Entrepreneurship, as the most flexible segment of the economy, is making attempts to develop digital technologies as soon as possible, as this creates prerequisites for accelerated development and obtaining competitive advantages. In this regard, the assessment of the impact of digitalization processes on the activities of business structures becomes relevant. The purpose of this study is to identify the current directions of the implementation of the digitalization process in the activities of modern business entities. To achieve this goal, descriptive, analytical, and statistical research methods are used in the work. As a result of this study, it was concluded that the process of digitalization of the activities of business entities affects all business processes of the business entity. The practical significance of the results lies in the development of a mechanism for digitalization of business entities.

Keywords: *digitalization, entrepreneurship, digital technologies, state support.*

References

1. ANO International Independent Institute for Investment Policy Analysis (ANO MNIAP). Available at: <http://xn--80aplem.xn--plai/analytics/8-innovacionnyh-startapov-v-sfere-nejrotehnologij/>, accessed 09.18.2021 [in Russ].
2. Vasilenko N. V. (2017) *Tsifrovaya ekonomika: kontseptsii i real'nost'* [Digital Economy: Concepts and Reality]. SPb., Publishing house of Polytechnic University. 592 p. [in Russ].
3. Dyatlov S. A. *Tsifrovaya ekonomika: novyye metodologicheskiye problemy issledovaniya* [Digital economy: new methodological problems of research]. Fvailable at: <https://elibrary.ru/item.asp?id=30013003>, accessed 18.09.2021 [in Russ].
4. Evtyanova D. V., Tiranova M. V. (2017) *Science*, vol. 9, no. 6 [in Russ].
5. Ivanov V. V., Malinetskiy G. G. (2017) *Tsifrovaya ekonomika: mify, real'nost', perspektivy: monografiya*. [Digital economy: myths, reality, perspective: monograph.] Moscow: RAS, available at: <https://kc.hse.ru/wp-content/uploads/2018/05/10-ivanov-28129.pdf> (accessed 18.09.2021). [in Russ].
6. Ilyina N., Kolobova M., Ustinova A. (2020). Daily socio-political and business newspaper *Izvestia*. Available at: <https://iz.ru/1105674/natalia-ilina-mariia-kolobova-anna-ustinova/raskhodnoe-mesto-chislo-onlain-platezhei-v-2020-godu-vyroslo-na-40>, accessed 18.09.2021 [in Russ].
7. *Mirovoy rynek stankov s CHPU* [The world market of numerically controlled machine tools]. Fvailable at: <http://xn--80aplem.xn--plai/analytics/Mirovoj-rynok-stanocnogo-oborudovania-s-cislovyim-programmnym-upravleniem/>, accessed 18.09.2021 [in Russ].
8. *O Strategii razvitiya informatsionnogo obshchestva v Rossiyskoy Federatsii na 2017-2030 gody: Ukaz Prezidenta Rossiyskoy Federatsii*. [On the Strategy for the Development of the Information Society in the Russian Federation for 2017-2030: Decree of the President of the Russian Federation], no. 203. Available at: <http://www.kremlin.ru/acts/bank/41919>, accessed 18.09.2021 [in Russ].
9. *O Strategii razvitiya informatsionnogo obshchestva v Rossiyskoy Federatsii na 2017–2030 gody*. [Strategies for the development of the information society in the Russian Federation for 2017–2030]. Available at: <http://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/71570570/>, accessed 09.18.2021 [in Russ].
10. Wang T. X. Yu, McLarty M. *Harvard Business Review Russia Network Edition*. Available at: <https://hbr-russia.ru/innovatsii/tekhnologii/867115>, accessed 09.18.2021 [in Russ].
11. Abdrakhmanova G. I., Vishnevsky K. O., Gokhberg L. M. (2019) *Chto takoye tsifrovaya ekonomika? Tendentsii, kompetentsii, izmereniya: otchety. do XX apr. vnutr. nauchnyy. konf. po problemam razvitiya ekonomiki i obshchestva Dom Vysshey shkoly ekonomiki* [What is the digital economy? Trends, competencies, measurement: reports. to XX Apr. int. scientific. conf. on the problems of development of the economy and society House of the Higher School of Economics], 82 p. [in Russ].

ОСОБЕННОСТИ РЕГУЛИРОВАНИЯ ОЦЕНОЧНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ В РОССИИ И ЗА РУБЕЖОМ

К. А. Санникова, Е. К. Торосян

Национальный исследовательский университет ИТМО, Санкт-Петербург, Россия

Оценочная деятельность лежит в основе нынешних усилий по повышению эффективности использования и развития объектов оценки в целях экономического роста и сокращения нерациональных управленческих решений. Качество оценки зависит от множества факторов. В частности, речь идет о регулировании данного процесса государством и/или другими институтами в данной области. В статье представлены основные механизмы регулирования, обзор действующих нормативно-правовых актов и стандартов оценочной деятельности на территории России и зарубежных стран, их сравнение, а также оценка развития оценочной деятельности в РФ и за рубежом путем опроса экспертов, на основе выбранных авторами критериев. Анализ может использоваться в последующих исследованиях и при совершенствовании оценочной деятельности в РФ.

Ключевые слова: *оценочная деятельность, международные стандарты оценки, федеральные стандарты оценки, саморегулируемые организации оценщиков, оценочные услуги.*

В современных реалиях оценка стоимости бизнеса — широко распространенное направление, востребованное в разных отраслях и странах. По мере развития экономических отношений возникает все больше вопросов: какие факторы являются ключевыми при оценке стоимости в современных условиях; какое конкретное влияние оказывает тот или иной фактор [15]. По итогам анализа зарубежных и отечественных источников (I. Miciula, M. Kadlubel, P. Stepien [4], К. А. Санникова, Е. К. Торосян [15] и др.) выявлено, что качество предоставляемых в области оценочной деятельности услуг зависит в том числе и от принятых в той или иной стране механизмов регулирования данно-

го процесса. Сравнительному анализу в данной области посвящено множество работ молодых ученых (Ж. А. Ефимова [7], Т. Г. Касьяненко, К. А. Бакалова, Д. П. Сергеева [8], А. М. Киселева [9], Е. А. Кузьмина [10], С. Н. Марков [12], А. А. Михалев [14] и др.).

Развитие оценочной деятельности в той или иной стране во многом коррелирует с развитием механизмов регулирования данного процесса, которые теоретики подразделяют на две условные группы — используемые в условиях государственного регулирования и применяемые в условиях саморегулирования (рис. 1) [8, с. 648].

Лицензирование — общеизвестная и распространенная форма государственного регулиро-

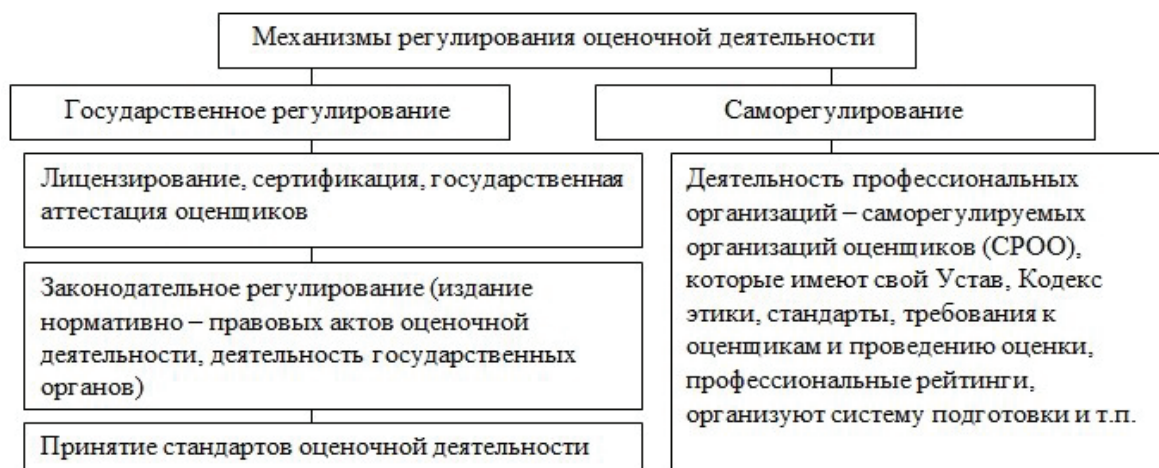

Рис. 1. Механизмы регулирования оценочной деятельности

Источник: составлено авторами на основании [8, с. 648–649].

вания профессиональной деятельности лиц, которые занимаются предоставлением массовых социально — значимых услуг населению. По мнению экспертов, несмотря на повсеместное распространение и значимость профессии «оценщик», ее нельзя отнести к массовой, поэтому в ряде стран лицензирование по данному направлению не предусмотрено [8, с. 649].

В России с 1 января 2008 г. лицензирование оценщиков было полностью отменено. Система до сих пор имеет место на территории некоторых стран — в США [12, с. 42], Японии (лицензированные оценщики должны пройти экспертизу по оценке недвижимости и необходимую подготовку; лицензирование осуществляется Министерством земельных ресурсов, инфраструктуры, транспорта и туризма), Китае (заявителю необходимо иметь высшее образование, сдать экзамен и иметь утвержденный уровень практического опыта), Австрии (существуют две группы оценщиков — аккредитованные судебные эксперты и сертифицированные оценщики недвижимости — MRICS и REV, которые имеют лицензию на проведение судебных оценок, а также активно работают в нерегулируемом сегменте частной оценки) и др.

Наиболее пристальное внимание оценочной деятельности именно со стороны государства уделяется в Германии и США.

Во-первых, для осуществления оценочной деятельности в Германии необходимо зарегистрироваться в Торгово-промышленной палате ФРГ. Во-вторых, помимо принятия и применения международных и европейских стандартов оценки на территории страны действуют законы об оценочной деятельности (Bewertungsgesetz), об оценке кредитной стоимости (Pfandbriefgesetz), порядок оценки (Wertermittlungsverordnung), федеральное постановление об оценке в Германии (Immobilienerwertermittlungsverordnung), положение об определении стоимости ипотечного кредитования (Beleihungswertermittlungsverordnung), а также Строительный кодекс (Baugesetzbuch), который в первую очередь регулирует оценку земель. В-третьих, совместная работа органов власти и независимых оценщиков позволяет ежегодно формировать отчеты, в которых отражены результаты анализа рынков, основанные на мониторинге всех цен сделок и которые являются одним из самых эффективных способов регулирования рынка [14].

Немецкой системе соответствуют системы других европейских стран. Например, Австрии, где

определение рыночной стоимости и общие рамки оценки заложены в законе об оценке имущества (Liegenschaftsbewertungsgesetz). По сравнению с Bewertungsgesetz они представлены в более сжатом формате, но Австрией приняты дополнительные технические положения, которые содержатся в стандартах ÖNORM B 1802-1 (основные понятия и определения), ÖNORM B 1802-2 (оценка дисконтированного денежного потока), ÖNORM B 1802-3 (оценка остаточной стоимости и др.). Оценка кредитной стоимости недвижимости регулируется австрийским законом об ипотеке (Hypothekengesetz).

Соединенные Штаты Америки характеризуются наличием многоуровневой системы регулирования, которая отличается значительным количеством профессиональных (государственных и автономных) институтов:

- подкомитета по оценке, в который входят представители федеральных агентств и специалисты ассоциаций оценщиков;
- комитетов по оценке — государственных органов на уровне штатов США;
- Фонда оценки США (TAF), который включает в себя четыре совета (по оценочной практике, по стандартам оценки, по квалификации оценщиков, консультативный);
- профессиональных ассоциаций (например Appraisal Institute).

Кроме того, на территории США действуют федеральный закон об оценочной деятельности, нормативно-правовые акты отдельных штатов, требования объединений оценщиков и др. Они регулируют ответственность оценщиков и процедуру оценки в целом [9]. Работу оценщиков по всей стране (и не только) также облегчает тот факт, что более 20 специализированных компаний создают базы данных с информацией о компаниях [10].

Китайское общество оценщиков, являющееся крупнейшей СРОО 1990-х гг., подконтрольно Министерству финансов Китая. Государственными органами издаются нормативно-правовые акты, регулирующие оценочную деятельность [7]. В 1991 г. издано Положение об оценке государственной собственности; в 2016 г. высшее законодательное собрание Китая приняло закон об оценке активов — первый закон, регулирующий отрасль оценки активов в стране с момента его появления три десятилетия назад.

Итальянские специалисты, принадлежащие к профессиональным институтам страны, осу-

ществляют процедуру оценки в соответствии с правилами, которые утверждаются государственными органами и оценщиками недвижимости на основании конституционного закона Италии. Важность профессии оценщика признана Банком Италии в 2006 г.: руководство национального надзорного органа объявило об обязательной оценке ипотечного залогового имущества по рыночной стоимости независимым оценщиком («перито»). Суд назначает оценщика для проведения необходимой юридической экспертизы и проведения оценки, при этом экзамены или курсы не предусмотрены, то есть официальная проверка знаний не осуществляется. Наибольшую роль играют советы (Национальный совет геодезистов — CNGGL) и ассоциации оценщиков (GEOVAL). Оценка базируется на европейских стандартах (TEGoVA) и принципах оценки имущества (разработанные Ассоциацией банкиров Италии). Итальянские стандарты законодательно не утверждены и носят рекомендательный характер [7].

Оценочная деятельность в Испании осуществляется под строгим надзором Банка Испании, который регулирует и контролирует финансовые учреждения и оценочные управляющие компании страны. Государственными органами разработаны стандарты оценки недвижимости (Приказ ECO 805/2003), закон об ипотечном рынке (RD 685/82, модифицированный (RD716/2009), Кодекс этических принципов для членов Испанской ассоциации анализа стоимости (RD 775/1997) [3]. Оценщики утверждаются судами после пятилетней практики.

Государственное регулирование оценки стоимости в Великобритании как таковое отсутствует в силу того, что правительство делегировало полномочия в данной области Королевскому институту оценщиков RICS, который стал основным автономным органом регулирования оценочной деятельности в Великобритании [7]. Глобальные стандарты «Красной книги» RICS предъявляют высокие требования к проведению оценки и оценщикам. Для осуществления профессиональной деятельности на территории Великобритании необходимо иметь членство в RICS, которое предполагает профессиональную подготовку, сдачу экзамена, наличие диплома заведения, аккредитованного RICS, либо четырехлетний опыт работы и др.

Наиболее «лояльными» странами в области оценочной деятельности, с точки зрения регулирования, являются:

– Швейцария (закон в данной области отсутствует, получение лицензий не является критерием допуска к осуществлению деятельности, обязанность вступления в СРОО или ассоциации законодательно не закреплена);

– Австралия (отсутствуют требования к отчетам, членство в Австралийском институте оценки обязательно не для всех, немногочисленные требования к кандидатам в целом (в зависимости от грейда оценщика), лицензирование не требуется);

– Норвегия (было предпринято несколько попыток ввести законодательство о государственном лицензировании оценщиков, однако правительство еще не сочло этот вопрос достаточно важным, чтобы придать ему необходимый приоритет; отсутствуют нормативные формальные требования к отчетам; регулирование осуществляется на добровольной основе Норвежской ассоциацией оценщиков и национальными стандартами);

– Чехия (вопрос о методологии оценки частично решен Законом об оценке имущества № 151/1997 Coll., однако он не содержит многих определений и является достаточно устаревшим) и др.

Наличие согласованного на мировом уровне набора стандартов, позволяющих экспертам во всем мире подходить к вопросам оценки единообразно и согласованно, необходимо для получения наиболее качественных результатов оценки, развития международного сотрудничества и т. п. В мире, где бизнес и инвестиции не ограничены национальными границами, стандарты, признанные на международном уровне, дают определенную уверенность в информации, на которую топ-менеджмент, инвесторы и другие заинтересованные лица полагаются при принятии решений. Качественные улучшения международных стандартов оценки приносят пользу рынкам капитала, способствуют росту сильных экономик по всему миру и ведут к повышению доверия инвесторов и пользователей оценочных услуг. Стандарты (как видно из рис. 1) могут приниматься как органами государственной власти (например, федеральные стандарты оценки РФ утверждены приказами Минэкономразвития РФ), так и на уровне независимых, некоммерческих организаций (как это происходит зачастую за рубежом).

Возглавляют иерархию стандартов Международные стандарты оценки (МСО, англ. International Value Standards — IVS), являющиеся фундаментальной частью глобальной финансовой системы, так как содержат общепризнанные концепции и принципы (более ста стран используют

IVS при проведении оценки). Международные стандарты оценки включают в себя общие стандарты (задание на оценку, соблюдение требований, отчетность, виды стоимостей, подходы и методы оценки) и стандарты оценки конкретных активов (нематериальные активы, нефинансовые обязательства, основные средства, финансовые инструменты, бизнес-интересы, недвижимое имущество, девелоперская недвижимость) [13].

Вслед за выпуском IVS в первой редакции (1985 г.) были разработаны Единые стандарты профессиональной оценочной деятельности (Uniform Standards of Professional Appraisal Practice — USPAP). Стандарты 1–10 устанавливают требования к процессу и разработке отчетности об оценке недвижимости, бизнеса и нематериальных активов, к составлению отчетов об оценке, аттестации оценщиков [5]. USPAP и IVS преследуют одни и те же цели. Между Фондом оценки США (TAF) и Международным советом по стандартам оценки (IVSC) на протяжении длительного периода существует сотрудничество («Мэдисонское соглашение», «Меморандум о взаимопонимании», «Мост от USPAP к IVS»).

Наряду с USPAP в 1980-х гг. Европейской группой ассоциаций оценщиков (The European Group of Valuers Associations, TEGoVA) были разработаны Европейские стандарты оценки (European Valuation Standards — EVS; также их называют «Голубой книгой») в целях удовлетворения потребностей оценщиков по всей Европе. Помимо шести основных стандартов (рыночная стоимость, основы оценки, квалифицированный оценщик, процесс оценки, отчет об оценке, оценка и энергоэффективность) EVS содержит руководящие указания, которые представляют подробный анализ и объяснение специфичных вопросов и подходов [2]. В 2020 г. эксперты TEGoVA впервые разработали Европейские стандарты оценки бизнеса, структурно документ содержит четыре стандарта и три руководства [1].

Помимо «Голубой книги» EVS в мировой оценочной практике существуют глобальные стандарты «Красной книги» (RICS Valuation — Global Standards), которые представляют собой набор обязательных правил, руководящих принципов, которым должны следовать при оценке активов зарегистрированные оценщики Королевского института дипломированных оценщиков Великобритании (Royal Institute of Chartered Surveyors — RICS), который был основан в 1868 г. и является одной из самых авторитетных в мире

организаций в области операций с недвижимостью [6].

Федеральные стандарты оценки, принимаемые на территории РФ с 2015 г., разработаны с учетом международных стандартов оценки.

Возрождение и современный этап развития оценки в России как важного процесса в целях экономического развития приходится на 1990-е гг., которые ознаменованы приватизацией государственного имущества. Однако оценщики почти не принимали участия в данном процессе, поэтому оцениваемые объекты были приватизированы по крайне низкой стоимости, которая не отражала всех особенностей объектов оценки (оценка предприятий была произведена по балансовой стоимости активов).

Новые реалии рыночной экономики бесспорно и закономерно отразили необходимость внедрения и развития такого показателя, как рыночная стоимость. В связи с этим 27 ноября 1996 г. было подписано Постановление № 11 «Об утверждении квалификационной характеристики по должности “Оценщик (эксперт по оценке имущества)”», в 1997 г. разработана первая концепция развития оценочной деятельности на территории РФ (отражающая основные цели и задачи развития оценки стоимости имущества), 29 июля 1998 г. принят Закон № ФЗ-135 «Об оценочной деятельности в РФ», а в 2001 г. Постановлением № 519 были утверждены «Стандарты оценки, обязательные к применению субъектами оценочной деятельности». Фактически за десять лет был заложен прочный фундамент системы оценки имущества в РФ.

Механизм координации оценочной деятельности в России радикально изменился во второй половине 2000-х гг. От жесткого государственного регулирования (например, лицензирование деятельности оценщиков до 2008 г., за которое отвечало Министерство имущественных отношений) оценочная деятельность перешла на саморегулирование путем появления СРОО (оценщики в обязательном порядке должны вступать в состав одного из СРОО), Национального совета по оценочной деятельности (НСОД, который впоследствии реорганизован в СРОО). Данные меры позволили запустить процесс формирования фундамента для развития цивилизованной бизнес-среды и дальнейшего утверждения принципов свободной рыночной экономики.

На 18 марта 2021 г. в России было зарегистрировано 14 саморегулируемых организаций оценщиков, информация о которых приведена в табл. 1.

Таблица 1

Информация о СРОО Российской Федерации (на 18 марта 2021 года)

Наименование	Год основания	Количество действительных членов	Членов всего
Некоммерческое партнерство «Саморегулируемая межрегиональная ассоциация специалистов-оценщиков»	2007	1084	3458
Некоммерческое партнерство «Саморегулируемая организация Ассоциации российских магистров оценки»	2007	600	2098
Ассоциация «Русское общество оценщиков» (бывшее СРО «Российское общество оценщиков»)	1993	3262	10495
Саморегулируемая организация оценщиков «Союз» (бывшее СРО «Сибирь»)	2006	345	1048
Некоммерческое партнерство «Межрегиональный союз оценщиков»	2005	367	1496
Некоммерческое партнерство «Саморегулируемая организация “Национальная коллегия специалистов оценщиков”»	2005	731 (март 2020 г.)	2105
Межрегиональная саморегулируемая некоммерческая организация — некоммерческое партнерство «Общество профессиональных экспертов и оценщиков»	1997	437	1621
Союз саморегулируемых организаций оценщиков (Союз СОО, бывший НСОД)	2019	Данные отсутствуют	
Некоммерческое партнерство «Саморегулируемая организация оценщиков “Сообщество профессионалов оценки”»	2007	326	731
Некоммерческое партнерство «Саморегулируемая организация оценщиков “Экспертный совет”»	2010	1303	2865
Некоммерческое партнерство саморегулируемая организация «Деловой союз оценщиков»	2010	476	1152
Саморегулируемая организация «Региональная ассоциация оценщиков»	2011	518	863
Некоммерческое партнерство «Саморегулируемая организация “Свободный оценочный департамент”»	2012	461	1079
Союз «Федерация специалистов-оценщиков» — Союз специалистов-оценщиков «Федерация специалистов-оценщиков»	2015	599	888
Итого (без учета Союза СОО)		10 509	29 899

Источник: составлено авторами на основании мониторинга официальных сайтов СРОО.

Из единого государственного реестра СРОО были исключены ассоциация «Кадастр оценщика» (2019 г.), Южно-Сибирская организация профессиональных оценщиков и экспертов (2018 г.), Некоммерческое партнерство «Международная палата оценщиков» (2018 г.).

В ходе поиска оценочных компаний в России было найдено 4267 адресов. Несмотря на сложившуюся кризисную ситуацию, рейтинг оценочных компаний, составленный агентством RAEX по итогам 2019 г., свидетельствуют о выходе рынка оценки из стагнации. Эксперты утверждают, что при изменчивости рынка, которая вызвана кризисом, спрос на услуги оценщиков растет. На рис. 2

отражены крупнейшие игроки рынка оценочных услуг и их выручка за 2018–2019 гг.

В рейтинге направлений традиционно на протяжении многих лет лидируют два: 1) оценка недвижимого имущества; 2) оценка бизнеса и ценных бумаг, а именно оценка для целей приватизации, купли-продажи, сделок M&A и аренды, а также управления непрофильными активами. Выручка участников этих направлений составила 2,6 млрд руб. и 1,9 млрд руб. соответственно (42 и 33 % общей выручки рейтинга). Основными факторами спроса на рынке оценочных услуг в 2019 г. являлись меняющиеся требования законодательства, потребность в оптимизации налогообложения,

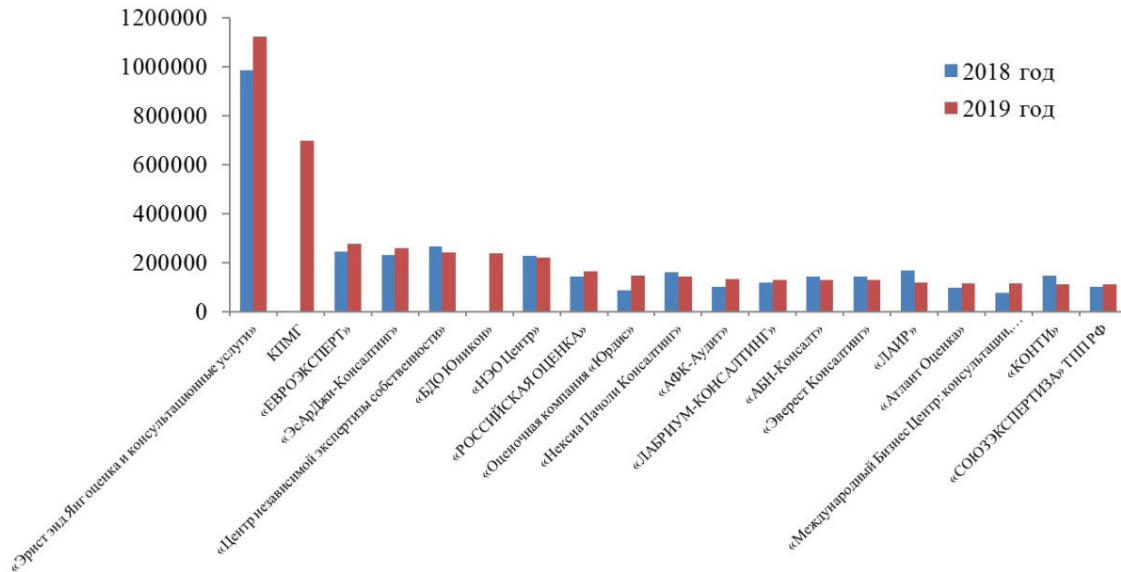

Рис. 2. Выручка от оценочной деятельности в 2018–2019 годах. двадцати крупнейших лидеров российского рынка, тыс. руб.

Источник: составлено авторами на основе анализа рейтингов RAEX¹.

определение стоимостного эквивалента сделок купли-продажи и аренды имущества, а также разрешение спорных ситуаций, в том числе в судебном порядке. Среди тенденций эксперты выделяют сохранение спроса на сопровождение сделок между структурами, оценку сложных активов и прав требований, банкротство. Отмечается спрос на оценку дефолтных кредитов и портфельных активов, обусловленный санацией и реструктуризацией крупных банков.

Сбалансированное сочетание государственных и негосударственных форм контроля оценочной деятельности в России позволяет говорить о появлении системы, которая способна обеспечить защиту интересов и самих оценщиков, и потребителей оценочных услуг, и других стейкхолдеров. Несмотря на это, оценочная деятельность в России характеризуется следующими основными негативными тенденциями:

1) ценовая дискриминация на услуги (в частности, речь идет о закупках в рамках госконтрактов, следствием чего является демпинг или крайне высокие цены);

2) недостаточно высокий уровень оценщиков в силу устаревших, не отвечающих запросам рынка программ профподготовки, не проработанному профстандарту «Специалист оценочной деятельности», что сказывается на качестве отчетов об оценке объектов (за 2017–2019 гг. Банком России в СРОО направлены 443 первичных жалобы по 827 отчетам, всего выявлено 3748 нарушений

Закона № Ф3-135, ФСО и МСО, что свидетельствует о необходимости более жесткого контроля);

3) отсутствие современных систем информационно-аналитического сопровождения процесса оценки, что ограничивает применение не только общепринятых подходов и методов, но и более современных;

4) декларативный характер имущественной ответственности оценщиков и СРОО;

5) негативное отношение в обществе к оценочной деятельности вследствие недоверия к процессу и получаемым результатам (это связано с отсутствием подтверждения или обоснования использованной в оценке информации и нарушениями в части корректировок);

6) уровень развития нормативно-правовой базы оценочной деятельности (за последние пять лет не вышло ни одного нового нормативно-методического документа, который способствовал бы улучшению качества и надежности выполняемых оценок или получению более глубоких или содержательных знаний для выполнения ТЗ).

При анализе положений федеральных стандартов оценки, их сопоставлении с международными стандартами оценки были выявлены следующие узкие места:

1) неоднозначность и противоречивость терминологии:

1.1) относительно определения стоимости в зависимости от вида и даты оценки: под «стоимостью объекта» согласно ФСО № 1 понимается

«наиболее вероятная расчетная величина, определенная на дату оценки в соответствии с выбранным видом стоимости». Исходя из этого, все виды стоимости (рыночная, кадастровая, ликвидационная, инвестиционная) коррелируют с конкретной датой оценки, то есть при изменении даты изменится и стоимость (вне зависимости от ее вида). На практике лишь рыночная стоимость определяется на дату оценки. Кадастровая, ликвидационная, инвестиционная стоимости не предъявляют требования к конкретной дате (по крайней мере, исходя из положений ФСО);

1.2) МСО отдельно выделяет такие виды стоимости, как «справедливая стоимость» (популярна в МСФО, вследствие чего при оценке в России возникают конфликты и приходится принимать массу допущений), «синергетическая стоимость» и другие разновидности;

1.3) отсутствие многих важных понятий, например «агрегация», «вынужденная продажа», «транзакционные издержки», «проблемные и незавершенные объекты», к которым, например, относится недостроенная телебашня в Екатеринбурге, которая подвергается периодической оценке, поиску рыночной стоимости, но, по сути, она отсутствует;

1.4) согласно ФСО № 7, «определение стоимости... с использованием метода прямой капитализации выполняется путем деления соответствующего рыночного годового дохода от объекта на общую ставку капитализации». Не уточнено, какой тип годового дохода капитализируется, что может привести к ошибкам в расчетах. В МСО четко указано, что в расчет принимается стабилизированный чистый операционный доход;

2) крайне ограниченное представление подходов и методов в ФСО по сравнению с положениями МСО, где детально описаны обстоятельства применения и отказа от того или иного подхода, условия применения значительных весов, входящие в расчет показатели, специфические случаи и т. д. Стандарты не запрещают применения не описанных в них методов оценки. Однако применение на практике современных методов (метод средних значений (Mittelwertverfahren), оценка экономической добавленной стоимости (EVA), метод реальных опционов Блэка — Шоулза) далеко от российских реалий в силу слабой развитости фондовых рынков, информационной закрытости и других причин;

3) ограниченность оценки стоимости бизнеса. Согласно ФСО № 8, при осуществлении сто-

имостной оценки бизнеса под объектом понимается «совокупность составляющих имущество лица вещей, в частности имущество того или иного вида (а именно движимое и недвижимое, в том числе предприятие)», а ст. 132 Гражданского кодекса РФ констатирует, что предприятие является «имущественным комплексом, используемым для осуществления предпринимательской деятельности». Соответственно, исходя из данных законодательных актов, оценка стоимости бизнеса в первую очередь затрагивает оценку стоимости имущества организации. Такой подход не отражает полностью суть оценки, затрагивает лишь малую часть процесса оценочной деятельности и не представляет объективной практической значимости результата полученной оценки стоимости;

4) устаревание положений в силу их редкого обновления или вообще отсутствия изменений (например, ФСО № 8 «Оценка бизнеса» был утвержден 1 июня 2015 г., обновлению не подлежал по состоянию на 17 марта 2021 г.);

5) оценочная деятельность (далеко не только в России) характеризуется наличием ряда допущений. Исходя из этого, становится очевидна еще одна существенная проблема — наличие субъективности получаемых результатов, которые базируются далеко не только на объективных факторах деятельности (данные финансовой отчетности, банковские ставки и т. д.), но и зависят от подхода, места и времени проведения оценки, профессиональных суждений оценщика и различных ограничений.

Большинство экспертов в области оценочной деятельности (В. Шихирин, О. Колосова, А. Вусов¹) едины во мнении, что ФСО носят рамочный характер, их необходимо максимально приблизить к МСО, так как российские стандарты не отражают законодательного многообразия, с которым сталкивается оценщик в реальной практике. Сегодня многих положений в ФСО либо просто нет, либо они противоречат МСО, хотя декларируется их соответствие Закону № ФЗ-135. Ключевым отличием российских и зарубежных стандартов является глубина и детализация описаний и расчетов при проведении оценки. Многие положения российских стандартов требуют конкретики. Процедура оценки на практике намного глубже и шире, чем положения ФСО, поэтому избежать преднамеренных суждений и выводов достаточно трудно [20].

¹ Зарубежные и российские стандарты оценки: сходства и различия. URL: http://sroroo.ru/press_center/news/1953163/ (дата обращения: 17.03.2021).

Другие практики (Х. А. Мамаджанов [11]) имеют достаточно радикальную точку зрения на ФСО: «Лучший вариант: отказ от ФСО и принятие МСО как обязательных к применению при осуществлении оценочной деятельности в России».

С учетом характеристики оценочной деятельности в Российской Федерации представляется целесообразным провести сравнение данного процесса в РФ и зарубежных странах. Авторами был составлен список критериев, характеризующих оценочную деятельность. Эксперты (восемь человек, включая авторов) расставили баллы (от 1 до 5 с шагом 0,5) в разрезе каждой страны и критерия, основываясь на своем профессиональном суждении, опыте и исторических данных развития оценки. Результаты представлены в табл. 2.

Проведенный анализ свидетельствует о том, что наибольшее развитие оценочная деятельность получила в США: в стране предъявляются доста-

точно высокие требования к профессии, к самой процедуре оценки, строго соблюдаются стандарты, осуществляется лицензирование оценщиков.

Практически наравне с США на пьедестале лидеров располагаются Великобритания, где оценочная деятельность появилась одной из первых (государственное регулирование как таковое отсутствует, так как данная функция была делегирована Королевскому институту дипломированных оценщиков, но, несмотря на это, институт саморегулирования является одним из самых эффективных), и Германия, которая отличается высокой степенью регулирования рынка за счет разнообразия законодательной базы (кодексы, законы, постановления и т. д.), соблюдения стандартов IVS, TEGoVA и положений оценочных компаний.

Несмотря на отстающее развитие регулирования и стандартизации оценочной отрасли в России (наблюдается снижение квалифициро-

Таблица 2

Сравнение оценочной деятельности в РФ и зарубежных странах по выбранным критериям (результаты опроса, март 2021 года)*

Критерий	Страна**						
	РФ	США	ФРГ	УК	КНР	Австрия	Италия
Опыт оценочной деятельности (количество лет)	4,5	4,9	4,7	5,0	4,6	4,5	4,3
Уровень развития государственного регулирования или института саморегулирования***	4,3	4,9	4,8	5,0	3,8	3,7	3,2
Законодательное регулирование оценочной деятельности (законы, постановления и т. д.)	4,2	4,5	4,6	3,1	3,8	4,0	2,2
Соблюдение международных стандартов оценки (IVS/RICS/TEGoVA/USPAP)	3,9	4,9	4,6	5,0	3,5	3,7	3,2
Уровень квалификационных требований к профессии «оценщик»	4,4	5,0	4,7	4,9	4,7	3,4	1,5
Уровень требований к отчету и процедуре оценки	4,3	5,0	4,5	4,9	4,1	3,5	2,7
Количество квалифицированных оценщиков	3,4	4,9	4,7	4,8	3,6	3,2	2,3
Соблюдение порядка в области оценочной деятельности (отсутствие нарушений)	3,4	4,8	4,7	4,9	3,2	4,4	2,6
Применение оценщиками новых, современных, отличных от общепринятых методов оценки	3,2	4,8	4,2	4,5	2,7	2,5	2,0
Итого (средний балл)	4,0	4,9	4,6	4,7	3,8	3,7	2,7

* Указаны средние баллы, полученные по результатам опроса экспертов.

** Страны выбраны, исходя из доступности, актуальности, информативности данных об оценочной деятельности.

*** Государственное регулирование и саморегулирование принимаются как альтернативы, так как говорить о предпочтительности того или иного механизма нецелесообразно, потому как каждая страна, в зависимости от уровня развития рыночной экономики, определенной специфики на ее территории, вправе сама выбрать наиболее рациональную для себя форму регулирования.

Источник: составлено авторами на основании опроса.

ванных оценщиков, рост числа нарушений и жалоб в данной отрасли, противоречие ФСО и МСО и др.), последние пять лет отличаются определенными достижениями: утверждены стандарты оценки (ФСО № 1–13), постепенно вносятся изменения в Закон № ФЗ-135, обозначены планы дальнейшего развития оценки в России (в апреле 2019 г. Советом по оценочной деятельности Минэкономразвития представлена Концепция развития оценочной деятельности в РФ), что позволяет говорить об определенном уровне развития оценочной деятельности на территории РФ.

Синергия государственного регулирования и саморегулирования наблюдается в Китае: Министерство финансов и Китайское общество оценщиков совместными усилиями разрабатывают и принимают систему стандартов оценки. Деятельность каждой категории оценщиков регулируется отдельно. Существенным недостатком является то, что регулируется оценка далеко не всех активов, законодательные акты редко обновляются, выявлены нарушения в области оценки.

Австрийское законодательство не регламентирует деятельность оценщиков в специальном законе, однако правила вытекают из различных отраслей права. Сдача экзамена для осуществления оценочной деятельности не предусмотрена, но данный факт не касается работы аккредитованного судебного эксперта.

Наиболее «темным» рынком оценочной деятельности характеризуется Италия. Контроль со стороны государственных органов здесь отсутствует, в стране практически нет законодательных положений относительно проведения про-

цедуры оценки, квалификационных требований (оценщиков утверждает суд без экзаменов, но иногда (в зависимости от объекта оценки) предъявляются требования к членству или наличию ученой степени) и т. д., соответственно встает острый вопрос о качестве оценочных услуг.

Исследование отечественных источников показало, что по уровню регулирования оценочной деятельности последнее место занимают такие страны, как Таиланд, Швеция и Норвегия, в которых национальные стандарты законодательно не закреплены и носят рекомендательный характер. Немного лучше ситуация в Австралии (разработаны руководства, стандарты практики оценки, действуют комитеты, советы, однако отсутствуют как таковые требования к отчетам об оценке), Чехии (законодательство, регулирующее оценку недвижимости, отсутствует, но разработаны стандарты оценки отдельных активов: недвижимости, земли, ценных бумаг, сырьевых ресурсов и др.), Сингапуре (действует Сингапурский институт экспертов и оценщиков), Молдове (действие закона об оценке; государство выступает не только регулятором, но и прямым участником, осуществляющим оценку) и Финляндии (развивается институт саморегулирования (организации SKAY, KA, AKA), но нет высоких профессиональных требований к оценщикам и специальных нормативных актов, регулирующих ответственность оценщика).

Таким образом, на развитие оценочной деятельности в той или иной стране оказывает влияние множество факторов, что необходимо учитывать при проведении процедуры оценки.

Список литературы

1. European Valuation Business Standards. 1st edition. The European Group of Valuers Associations TEGoVA. 2020. 211 p.
2. European Valuation Standards. 9th edition. The European Group of Valuers Associations TEGoVA. 2020. 399 p.
3. Herreros De Tejada S. Valuations in Spain // *Appraisal Buzz*. 2017.
4. Miciula I., Kadlubel M., Stepien P. Modern Methods of Business Valuation-Case Study and New Concepts // *Sustainability*. 2020.
5. Reeder S. What Is USPAP and Why Is It Important to Hire a USPAP-Compliant Appraiser? // *International Society of Appraisers*. 2017.
6. RICS Valuation — Global Standards // Effective from 31 January 2020. The Royal Institution of Chartered Surveyors (RICS). 2019. 118 p.
7. Ефимова Ж. А. Сравнительный анализ осуществления оценочной деятельности в России и за рубежом // *Бенефициар*. 2019. № 41. С. 6–9.
8. Касьяненко Т. Г., Бакалова К. А., Сергеева Д. П. Сравнительное исследование уровня развития оценочной деятельности в России и за рубежом // *Российское предпринимательство*. 2016. Т. 17, № 5. С. 645–660.

9. Киселева А. М. Государственное регулирование оценочной деятельности в России и за рубежом: сравнительная характеристика // E-Scio. 2020.

10. Кузьмина Е. А. Зарубежный опыт оценки бизнеса и возможности его применения в российских условиях // StudNet : студен. науч.-образоват. журн. 2019. № 4. С. 6–11.

11. Мамаджанов Х. А. Нужны ли российской оценке международные стандарты оценки, или Как нам реорганизовать работу оценщиков, чтобы результаты их оценки были достоверными и безупречными? // Российский оценщик. 2020. № 1–2 (145–146). С. 18–31.

12. Марков С. Н. Теоретические аспекты оценочной деятельности в США: система профессиональных институтов и требования к оценщикам // Алтайский вестник Финансового университета. 2016. № 1. С. 40–43.

13. Международные стандарты оценки / пер. с англ. под. ред. И. Л. Артеменкова, С. А. Табаковой. М. : Рос. о-во оценщиков, 2020. 193 с.

14. Михалев А. А. Особенности оценки бизнеса в зарубежных странах // StudNet : студен. науч.-образоват. журн. 2019. № 4. С. 88–91.

15. Санникова К. А., Торосян Е. К. Инвестиционная деятельность как ключевой фактор оценки стоимости компании // Вестник Челябинского государственного университета. 2020. № 6 (440). Экономические науки. Вып. 69. С. 86–93.

Сведения об авторах

Санникова Ксения Александровна — студентка магистратуры факультета технологического менеджмента и инноваций (программа «Инвестиции в технологическом секторе») Национального исследовательского университета ИТМО, Санкт-Петербург, Россия. sannikova.ka@mail.ru

Торосян Елена Константиновна — кандидат экономических наук, ординарный доцент факультета технологического менеджмента и инноваций Национального исследовательского университета ИТМО, Санкт-Петербург, Россия. etorosyan@mail.ru

Bulletin of Chelyabinsk State University.

2021. № 10 (456). Economic Sciences. Iss. 74. Pp. 123–133.

REGULATION OF VALUATION ACTIVITIES IN RUSSIA AND ABROAD

K. A. Sannikova

ITMO National Research University, St. Petersburg, Russia. sannikova.ka@mail.ru

E. K. Torosyan

ITMO National Research University, St. Petersburg, Russia. etorosyan@mail.ru

Evaluation activities are at the heart of current efforts to improve the efficiency of the use and development of evaluation facilities in order to achieve economic growth and reduce irrational management decisions. The quality of the assessment depends on many factors, in particular, the regulation of this process by the state and / or other institutions in this area. The article presents the main regulatory mechanisms, an overview of the current regulatory acts and standards of evaluation activities in Russia and foreign countries, their comparison, as well as an assessment of the development of evaluation activities in the Russian Federation and abroad by interviewing experts based on the criteria selected by the authors. The analysis can be used in subsequent studies as a comparison and in improving the evaluation activities in the Russian Federation.

Keywords: *evaluation activity, international evaluation standards, federal evaluation standards, self-regulatory organizations of appraisers, evaluation services.*

References

1. European Valuation Business Standards (2020). 1st edition. 211 p.
2. European Valuation Standards (2020). 9th edition. 399 p.
3. Herreros De Tejada S. (2017) Appraisal Buzz.
4. Miciula I., Kadlubel M., Stepien P. (2020) Sustainability.
5. Reeder S. (2017) International Society of Appraisers.
6. RICS Valuation — Global Standards (2019). 118 p.
7. Yefimova Zh. A. (2019) *Benefitsiar*, no. 41, pp. 6–9 [in Russ.].
8. Kas'yanenko T. G., Bakalova K. A., Sergeyeva D. P. (2016) *Rossiyskoye predprinimatel'stvo*, vol. 17, no. 5, pp. 645–660 [in Russ.].
9. Kiseleva A. M. (2020) Gosudarstvennoye regulirovaniye otsenochnoy deyatel'nosti v Rossii i zarubezhom: sravnitel'naya kharakteristika [State regulation of appraisal activities in Russia and abroad: comparative characteristics] [in Russ.].
10. Kuz'mina Ye. A. (2019) Zarubezhnyy opyt otsenki biznesa i vozmozhnosti yego primeneniya v rossiyskikh usloviyakh [Foreign experience of business valuation and the possibility of its application in Russian conditions] [in Russ.].
11. Mamadzhanov Kh. A. (2020) *Rossiyskiy otsenshchik*, no. 1–2 (145–146), pp. 18–31 [in Russ.].
12. Markov S. N. (2016) *Altayskiy vestnik Finansovogo universiteta*, no.1, pp. 40–43. [in Russ.].
13. Self-Regulatory All-Russian Public Organization «Russian Society of Appraisers» (2020). *Mezhdunarodnyye standarty otsenki* [International valuation standards]. Moscow, Self-Regulatory All-Russian Public Organization «Russian Society of Appraisers». 193 p. [in Russ.].
14. Mikhalev A. A. (2019) *Osobennosti otsenki biznesa v zarubezhnykh stranakh* [Features of business valuation in foreign countries] [in Russ.].
15. Sannikova K. A., Torosyan Ye. K. (2020) *Vestnik Chelyabinskogo gosudarstvennogo universiteta*, no. 6 (440), pp. 86–93 [in Russ.].

НЕСТАНДАРТНЫЕ ФОРМЫ ЗАНЯТОСТИ НАСЕЛЕНИЯ МОНОГОРОДА В КОНТЕКСТЕ ПРЕКАРИЗАЦИИ ТРУДА

О. А. Антонова², Е. А. Колесник¹, Е. В. Масленникова¹, М. И. Нурмухаметова¹

¹ Челябинский государственный университет, Челябинск, Россия

² Челябинский филиал Института экономики УрО РАН, Челябинск, Россия

Статья подготовлена при финансовой поддержке Фонда перспективных научных исследований
ФГБОУ ВО «ЧелГУ» (2021)

Статья подготовлена в соответствии с планом НИР ФГБУН «Институт экономики УрО РАН» на 2021–2023 гг.

Цель статьи — выявление наиболее востребованных экономически активным населением моногорода форм нестандартной занятости в условиях растущей прекаризации занятости, которая понимается авторами как объективно обусловленный процесс трансформации социально-трудовых отношений, сопровождающийся смещением форм занятости от стандартных к нестандартным. Распространение нестандартных форм занятости связано с процессами цифровизации, предоставления дополнительных возможностей по трудоустройству как для безработных граждан, так и для имеющих работу, но готовых совмещать ее с иными формами занятости. Вместе с тем отсутствуют исследования по востребованности и готовности экономически активным населением работать и занимать подобные рабочие места, а также о рекомендациях по использованию нестандартных форм в реализации государственной политики занятости в моногородах. На основе социологического опроса населения г. Верхнего Уфалея Челябинской области были выявлены наиболее востребованные формы нестандартной занятости и даны рекомендации центрам занятости населения (ЦЗН) по оказанию содействия в их освоении безработными жителями города. Для достижения поставленной цели были использованы как общенаучные методы (анализ, синтез, дедукция), так и специальные (социологический опрос, статистическая обработка результатов).

Ключевые слова: прекаризация труда, прекаризация занятости, моногород, нестандартные формы занятости, рынок труда, риски нестандартной занятости.

Актуальность и степень изученности проблемы

В современных условиях в связи с развитием цифровых технологий все более распространены становятся нестандартные формы занятости. Под такими формами понимают любые формы занятости, которые имеют отличие от стандартной по одному или нескольким критериям.

Как правило, такими критериями выступают:

- наличие гибкого режима труда и отдыха (свободный график, неполная рабочая неделя и т. д.);
- нестандартные условия труда (надомный труд, дистанционная занятость и т. д.);
- временный и заемный труд;
- самозанятость и т. д.

В современном обществе действует объективная тенденция размывания стандартной занятости и постепенного ее дополнения различными формами нестандартной занятости. В. Н. Бобков, Ю. Г. Одегов, А. П. Гарнов в своем исследовании отмечают, что «в настоящее время проблемы соче-

тания стандартной и нестандартной занятости особенно актуальны для моногородов. Особенности занятости в условиях моногородов состоят в ограниченных возможностях смены рабочего места с сохранением стандартной занятости, повышенном оттоке населения, вынужденного трудоустраиваться в других регионах и т. д.» [5].

Кроме того, размывание границ между стандартной и нестандартной занятостью обусловлено объективными изменениями характера и содержания труда, а также тем, что нестандартная занятость имеет массу положительных эффектов и выгод как для работника, так и для работодателя. Однако существует и негативная сторона, связанная с низкой социальной защищенностью и частыми нарушениями трудовых гарантий и прав работников, что обусловлено в том числе отсутствием эффективных институтов регулирования неформальных социально-трудовых отношений. Все это привело к распространению такого явления, как прекариат.

Прекариат как проявление деформации структуры занятости в постиндустриальной экономике [21] представляет научный интерес как для отечественных, так и для зарубежных ученых с конца XX столетия. Подразумевая под прекаризацией занятости населения ее возрастающую гибкость и предпочтение нестандартных форм, можно констатировать, что прекаризация ведет к трансформации и неизбежному кризису трудовых отношений, который охватывает весь мир. М. Кастельс, анализируя эти противоречивые и масштабные явления, еще в 1980-е гг. пришел к выводу о том, что в мире складывается новая форма капитализма, более жесткая в своих целях, но более гибкая в средствах [10].

По мнению ряда отечественных ученых (В. Н. Бобкова [5, 6, 8], О. И. Шкаратан, В. В. Карачаровского, Е. Н. Гасюковой [21], Ж. Т. Тощенко [18], Р. И. Капелюшников [9] и др.), отечественная прекаризация соответствует общемировым тенденциям. Хотя в зависимости от применяемой методики получаемые оценки разнятся, общая схожесть европейских и российских тенденций не подлежит сомнению.

В рамках исследования Европейской комиссии по прекаризации занятости был сформулирован набор характеристик, отражающих особенности прекаризации в различных европейских странах, где как ее главное проявление рассматривается соотношение стандартной и нестандартных форм занятости, а также степень их устойчивости [3].

К числу выводов о сопоставимости тенденций прекаризации в европейских странах и России следует отнести снижение устойчивости положения работников вследствие принятия на себя части рисков, связанных с организацией трудовой деятельности, что оборачивается негативными последствиями на индивидуальном, организационном и общественном уровнях [3, 8, 15]. Причем масштаб распространения неустойчивой занятости, характеризующейся выводом работников за пределы законодательного поля, понижением уровня их социальной защиты и отсутствием долгосрочных трудовых отношений, рекомендуется рассматривать для измерения тенденций прекаризации [7, 15].

Более того, нередко прекаризация занятости рассматривается в контексте понятия «неустойчивая занятость» и по сути отождествляется с ней [2], становясь порой ее синонимом [13]. При этом, как правило, основной акцент делается на дестандартизации и формировании нестабильных трудо-

вых отношений, оказывающих негативное воздействие на качество трудовой жизни работников [11].

По мнению В. Н. Бобкова, Ю. Г. Одегова, А. П. Гарнова, нестандартная занятость, как еще одно безусловное проявление прекаризации, «не требует заключения бессрочных трудовых договоров с полной рабочей неделей, определенных графиков работы или рабочего места, которое указывается работодателем, предоставления работодателем работнику инструментов, материалов и механизмов и др. признаков, характеризующих так называемые стандартные трудовые отношения» [5]. Она может быть формальной (организации) и неформальной (физические лица), полностью или частично официальной (легальной) и теневой (нелегальной) [5]. К формам нестандартной занятости относят: самозанятость, фриланс, гибкую и частичную занятость, заемный труд, аутсорсинг и аутстаффинг, дистанционный труд, краунфандинг, краудсорсинг и др. И если в научном сообществе сложилось устойчивое понимание сущности перечисленных форм занятости, то среди населения не все они понимаются однозначно, что требует проведения соответствующего исследования.

Большим разнообразием обладают подходы отечественных и зарубежных ученых к исследованию сущности процесса прекаризации занятости, ее причин и возможных последствий. Можно согласиться с мнением В. И. Беляева и О. В. Кузнецовой о том, что явление прекаризации занятости настолько «ново, многообразно и слабо изучено, что даже дискуссию по поводу его содержания и структуры еще нельзя назвать сколько-нибудь оживленной и глубокой. В литературе можно обнаружить только ее начальные признаки» [4].

В то же время отдельного внимания заслуживает трактовка понятия прекаризации, развиваемая в трудах Ж. Т. Тощенко. Он рассматривает данный процесс как своеобразную реакцию общества на изменения внешней среды, вынуждающие людей приспосабливаться к нестабильности современных условий хозяйствования, укореняя в массовом сознании представления о жизни «одним днем» [18]. Данный подход приобретает особую актуальность в связи с развитием цифровой экономики и искусственного интеллекта, способствующих сокращению количества рабочих мест, а также пандемией коронавируса COVID-19, обусловивших рост безработицы, сокращение сектора стандартной занятости. Следствием явилась

прекаризация труда и выбор нестандартных форм занятости у трудоспособных граждан как единственно возможный источник заработка.

Таким образом, процессы прекаризации объективны, тесно связаны с распространением и развитием нестандартных форм занятости. Поэтому исследование востребованности данных форм занятости населением моногородов, а также возможностей применения их в реализации региональной политики занятости необходимо осуществлять в контексте прекаризации труда, чтобы в отсутствие эффективных механизмов регулирования нестандартных социально-трудовых отношений использовать их сильные стороны для решения проблем занятости и минимизировать негативные.

Цель, задачи и гипотеза

В этой связи актуальной становится необходимость исследования предпочтительности выбора форм занятости среди наемных работников в современных условиях и оценка социальных рисков, присущих каждой из них. Целесообразным представляется проведение данного исследования в моногородах, где в силу монопрофильности местной экономики высока уязвимость рынка труда от внешних факторов [7] и процесс прекаризации труда носит более выраженный характер. Поэтому цель данной статьи — выявление наиболее востребованных экономически активным населением моногорода форм нестандартной занятости в условиях растущей прекаризации труда.

Кроме того, можно предположить, что деятельность ЦЗН, выступающих государственными агентами на рынке труда, не способствует в полной мере решению проблемы безработицы в моногороде. Поэтому к числу задач данного исследования, помимо выявления известных и предпочтительных для населения моногорода форм нестандартной занятости, оценки свойственных им социальных рисков, следует отнести исследование возможностей ЦЗН по дополнению стандартной занятости нестандартными формами, которые расширят возможности трудоустройства у экономически активного населения, в том числе через содействие в обучении фрилансу, самозанятости и прочим нестандартным формам.

Рабочая гипотеза данного исследования сводится к затруднению развития нестандартных форм занятости населения в моногороде в процессе прекаризации труда по причине отсутствия понима-

ния экономически активным населением сущности отдельных форм и недостаточного содействия в их осуществлении со стороны государственных агентов рынка труда (ЦЗН).

Методология

Исследование форм нестандартной занятости в моногороде основано на авторском понимании процесса прекаризации занятости экономически активного населения. Применительно к моногороду под прекаризацией занятости нами понимается процесс трансформации социально-трудовых отношений, сопровождающийся смещением форм занятости от стандартных к нестандартным и неустойчивым, что одновременно расширяет ограниченные в моногороде возможности трудоустройства и повышает социальные риски для экономически активного населения.

Методологической основой исследования стала реализация последовательных этапов, включающих глубокое изучение теории вопроса прекаризации труда и применения нестандартных форм занятости экономически активным населением в условиях моногорода, существующих эмпирических данных. Результаты теоретического анализа легли в основу разработки методики социологического исследования.

Для изучения понимания сущности нестандартной занятости, ее возможных форм и выявления отношения жителей моногорода к возможности ее осуществления авторами был проведен социологический опрос жителей г. Верхний Уфалей, обратившихся в ЦЗН с целью трудоустройства. Опрос экономически активного населения, относящегося к разным категориям, проведен на базе случайной выборки, анонимно.

На этапе разработки методики социологического исследования была дана интерпретация и операционализация основных понятий. Под востребованностью населением конкретных форм нестандартной занятости понимается потребность, необходимость работы в данных формах занятости. Готовность населения моногородов работать на рабочих местах с нестандартными формами занятости — это согласие, желание работать на рабочих местах с нестандартными формами занятости, а также желание и возможность обучаться такой профессии.

Среди включенных в опрос форм нестандартной занятости респондентам были предложены для оценки и выбора предпочтительности: самозанятость, занятость с гибким графиком, дис-

танционная занятость, фриланс, надомный труд, вахтово-экспедиционная деятельность, временная занятость, совместительство и краудсорсинг (под которым в соответствии с трактовкой Л. В. Лapidуса и Ю. М. Поляковой [12] подразумевается занятость на виртуальных площадках в сети Интернет с целью получения прибыли).

В исследовании были использованы как общенаучные методы (анализ, синтез, дедукция), так и специальные (социологический опрос и статистическая обработка его результатов). Получены результаты, позволяющие оценить востребованность различных форм нестандартной занятости в моногороде и оценить готовность ЦЗН к оказанию содействия в их реализации.

Обоснование выбора объекта исследования

Челябинская область входит в число семи регионов РФ, где доля населения, проживающего в моногородах, превышает 25 %, в то время как средний показатель по стране равен 9 % [5, с. 527].

В качестве объекта проводимого нами исследования был выбран один из 16 моногородов Челябинской области — г. Верхний Уфалей, где острота проблемы занятости превышает среднестатистические значения по региону.

Доля зарегистрированных безработных среди экономически активного населения в декабре 2020 г. составляла в Верхуфалейском городском округе 5,5 % при напряженности на рынке труда 3,8 человека на одну вакансию (аналогичный показатель для Челябинской области — 3,49 % за тот же период наблюдений) [14]. Причем высокие цифры, отражающие безработицу в исследуемом городе, характерны и для доковидного периода. На начало 2020 г. уровень зареги-

стрированной безработицы в Верхуфалейском городском округе составил 3,3 % при 1,21 % по Челябинской области [Там же]. Кроме того, данный негативный тренд сопровождался высокой напряженностью на рынке труда. Максимальное соотношение соискателей из числа зарегистрированных безработных, претендующих на одно предложение о работе, в августе 2020 г. составило 5,7 человека на одну вакансию. При этом максимальное значение показателя напряженности на рынке труда по Челябинской области в июле 2020 г. составило 3,1.

Динамику изменения зарегистрированной безработицы в Верхнем Уфалее и Челябинске за 2020 г. можно проследить на рис. 1. Очевидно, что ее пик пришелся на летние месяцы и составил в июле 9,1 %. При этом аналогичное значение по области составило 4,89 %.

Данные рис. 1 свидетельствуют о сохранении тенденций в отдельно взятом моногороде, характерных для рынка труда региона в целом. Но глубина проявления этих негативных тенденций в моногороде выражена значительно сильнее.

Результаты исследования

Для решения обозначенной выше проблемы в апреле 2021 г. в Верхнем Уфалее посредством анкетирования был проведен социологический опрос. В нем принял участие 121 человек, что составило 20 % от числа обратившихся в ЦЗН Верхнего Уфалая в течение месяца. В числе респондентов были 52 женщины, 68 мужчин, один респондент не указал свой пол. Из общего числа участвовавших в опросе высшее образование имеют 12 человек, незаконченное высшее — 10, неполное среднее — 14, среднее — 49, среднее

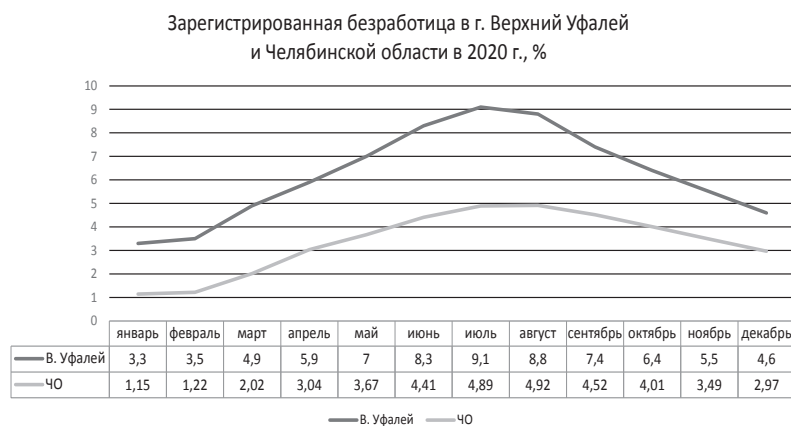

Рис. 1. Динамика безработицы в Верхнем Уфалее и Челябинске, зарегистрированной за 2020 год

Источник: составлено авторами на основе опроса жителей г. Верхний Уфалей.

специальное — 36. Все респонденты были разделены на пять возрастных групп: 18–25 лет (8 человек), 26–35 лет (38 человек), 36–45 лет (53 человека), 46–55 лет (12 человек) и 56–65 лет (6 человек). Четверо опрошенных не указали свой возраст. Как видно из приведенных выше данных, преобладающий возраст респондентов — 36–45 лет.

Из общего числа респондентов под нестандартной занятостью 33,1 % опрошенных понимают дистанционную занятость, 30,6 % — занятость с гибким графиком, 29,8 % — самозанятость, 6,6 % — фриланс. Другие формы нестандартной занятости, которые было предложено назвать респондентам в открытом вопросе анкеты, названы не были, что свидетельствует о недостатке информации у населения по данному вопросу и соответственно отсутствию сформированных навыков для их осуществления.

Из всей выборки наиболее привлекательными формами нестандартной занятости были названы: работа с гибким графиком рабочего времени (38,8 %) и надомный труд (33,9 %). За ними следуют временная занятость, совместительство (13,2 %), фриланс (4,1 %), вахтово-экспедиционная деятельность (1,7 %) и краудсорсинг (0,8 %), что подтверждает вывод о низкой привлекательности тех форм нестандартной занятости, которые предполагают наличие специальных навыков и знаний.

На вопрос о готовности повышать уровень квалификации самостоятельно для освоения нестандартных форм занятости респонденты ответили неоднозначно. Так, 50 % сказали, что готовы, но только за счет средств работодателя, однако 39,7 % ответили, что не готовы ни при каких условиях. Также присутствуют те, кто могут оплатить обучение частично (12,4 %) либо полностью (6,6 %). Данное противоречие ярко прослеживается в разрезе половозрастной принадлежности. Так, женщины не готовы повышать уровень квалификации ни при каких условиях (40,4 %) либо только за счет средств работодателя (36,5 %). Женщины готовы оплачивать обучение частично только в 21,2 % случаев, полностью — в 3,8 %. Одинаковое распределение ответов среди мужчин свидетельствует о том, что они в равной мере готовы повышать квалификацию для освоения нестандартных форм занятости за счет средств работодателя (41,2 %) или не готовы ни при каких условиях (41,2 %), также одинаковое количество ответивших мужчин готовы и могут оплачивать обучение полностью (8,8 %) либо частично (8,8 %).

Большинство респондентов согласны, что их знаний и умений недостаточно для работы в условиях нестандартной занятости, и они готовы восполнять их отсутствием различными способами, что свидетельствует о заинтересованности в развитии нестандартных форм занятости.

Кроме того, заинтересованность в нестандартной занятости у опрошенных связана с возможностью не переезжать в другой город для поиска постоянной работы (32,2 %), возможностью самостоятельно планировать рабочее время (29,8 %), высоким заработком (18,2 %), интересной работой (14,9 %) и возможностью профессионального роста (5 %).

Женщины и мужчины заинтересованы в нестандартной занятости из-за возможности самостоятельно планировать рабочее время (мужчины — 34,6 %, женщины — 32,4 %), не переезжать в другой город для поиска постоянной работы (женщины — 23,1 %, мужчины — 29,4 %) и профессионального роста (женщины — 9,6 %, мужчины — 2,9 %). Возможность получить интересную работу больше интересует женщин (19,2 %), чем мужчин (10,3 %), а высокий заработок — больше мужчин (22,1 %), чем женщин (13,5 %).

Меньше половины опрошенных не готовы совмещать официальную занятость с дистанционной (37,2 %). Однако 24,8 % респондентов готовы совмещать их непродолжительное время (до шести месяцев), 24 % готовы в качестве подработки, 14 % готовы на постоянной основе. В результате 62,8 % респондентов в той или иной степени готовы совмещать официальную занятость с дистанционной для увеличения своего дохода.

Женщины (34,6 %) и мужчины (38,2 %) единогласны в том, что не готовы совмещать официальную занятость с дистанционной. Однако 26,9 % женщин все же готовы совмещать их в качестве разовой подработки, 25 % — непродолжительное время, 13,5 % — на постоянной основе; 23,5 % опрошенных мужчин ответили, что готовы совмещать официальную занятость с дистанционной непродолжительное время, 20,6 % готовы разово, 16,2 % — на постоянной основе.

В разрезе возрастной структуры ситуация не выглядит столь однозначно. Так, не готовы совмещать официальную занятость с дистанционной 37,5 % респондентов в возрасте от 18 до 25 лет, 26,3 % — от 26 до 35 лет, 43,4 % — от 36 до 45 лет, 50 % — от 46 до 55 лет, 33,3 % — от 56 до 65 лет. Готовы совмещать непродолжительное время (до шести месяцев) 37,5 % респондентов в возрасте от

18 до 25 лет, 31,6 % — от 26 до 35 лет, 20,8 % — от 36 до 45 лет, 33,3 % — от 46 до 55 лет. Согласны совмещать официальную занятость с дистанционной в качестве разовой подработки 23,7 % опрошенных в возрасте от 26 до 35 лет, 22,6 % — от 36 до 45 лет, 16,7 % — от 46 до 55 лет, 50 % — от 56 до 65 лет. Согласны совмещать на постоянной основе 37,5 % опрошенных в возрасте от 18 до 25 лет, 21,1 % — от 26 до 35 лет, 11,3 % — от 36 до 45 лет, 16,7 % — от 56 до 65 лет. Налицо повышенный интерес к комбинированию стандартной и нестандартной занятости у представителей молодых возрастных групп (от 18 до 35 лет).

На предложение ЦЗН г. Верхнего Уфалея работать в Интернете готовы согласиться 40,5 % опрошенных. В то же время 24,8 % — скорее не согласятся, 18,2 % — не согласятся, 16,5 % — точно согласятся. Таким образом, большинство респондентов склонны отказаться от предложенной работы в Интернете (59,5 %). Причем ответы мужчин и женщин не сильно разнятся. Скорее согласятся на предложение работать в Интернете 45,2 % женщин и 35,3 % мужчин, скорее не согласятся 26,9 % женщин и 26 % мужчин; 15,4 % опрошенных женщин и 17,6 % мужчин точно согласятся, 12,5 % женщин и 21,1 % мужчин точно не согласятся.

На рис. 2 прослеживается ожидаемая возрастная закономерность: у людей более молодого возраста работа в Интернете не вызывает боязни и отторжения. Хотя ответ «согласюсь» — популярный во всех возрастных группах.

Большой разброс ответов на вопрос о готовности работать в сети Интернет, если бы такая форма занятости была предложена ЦЗН, обусловлен различиями и в образовании. Большинство респондентов

с высшим образованием ответило утвердительно (50 % — «скорее согласюсь», 16,7 % — «согласюсь»). Опрошенные с незаконченным высшим образованием в 60 % случаев скорее согласятся, в 10 % точно согласятся; 40,8 % респондентов со средним образованием ответили, что скорее согласятся, 12,2 % — точно согласятся. Большинство опрошенных с самым низким (неполным средним) образованием дали отрицательный ответ. Среди них утвердительно ответили 21,4 % респондентов (скорее согласятся 14,3 %, согласятся 7,1 %). То есть более образованные респонденты, обратившиеся в ЦЗН, подтверждают высокую заинтересованность в нестандартной занятости и готовы принять такое предложение о трудоустройстве.

На вопрос «Какие стороны нестандартной занятости могут негативно повлиять на Ваше желание работать по этой форме?» были даны следующие ответы: нестабильность доходов (47,1 %), неопределенные социальные гарантии (46,3 %), сложность защиты трудовых прав (40,5 %), сложность в официальном оформлении трудоустройства (30,6 %) и неопределенность (0,8 %). Так как ответ на данный вопрос предполагал возможность выбора двух ответов, общая их сумма превышает 100 %. Все они являются прекаризационными рисками, которые негативно воспринимают респонденты как возможные последствия нестандартной занятости. На рис. 3 представлены гендерные различия респондентов в оценке рисков нестандартной занятости.

Как наглядно показывает рис. 3, для женщин превалируют нестабильность доходов (50 %) и, с незначительным отставанием, сложность в защите трудовых прав (42,3 %), а также неопределенность социальных гарантий (44,2 %).

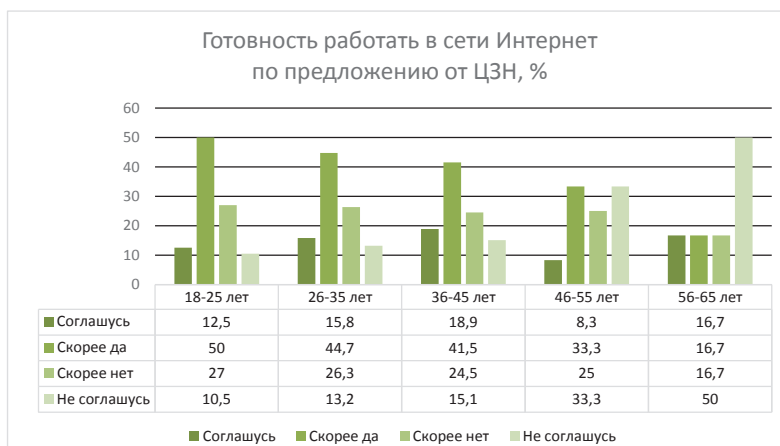

Рис. 2. Распределение ответов респондентов на вопрос о готовности работать в сети Интернет по возрасту, %

Источник: составлено авторами на основе опроса жителей г. Верхний Уфалей.

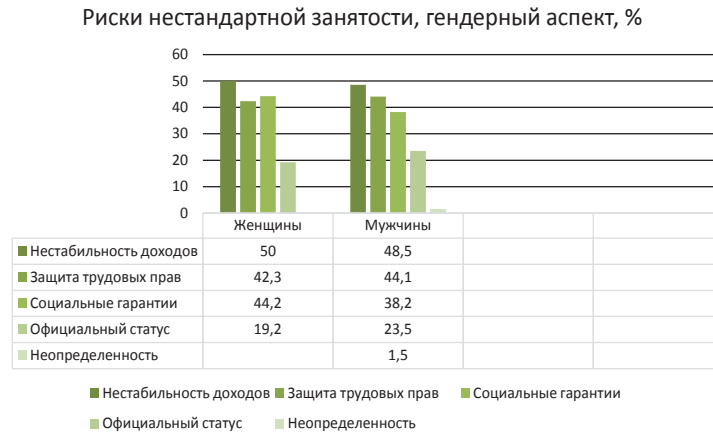

Рис. 3. Распределение ответов респондентов на вопрос о социальных рисках в нестандартной занятости по гендерному признаку, %

Источник: составлено авторами на основе опроса жителей г. Верхний Уфалей.

Мужчины же выделили нестабильность доходов (48,5 %), неопределенные социальные гарантии (38,2 %), сложность защиты трудовых прав (44,1 %) и сложность в официальном оформлении трудового статуса (23,5 %).

На рис. 4 представлено распределение ответов респондентов на вопрос о социальных рисках в нестандартной занятости по возрастному признаку.

На рисунке отражено распределение ответов представителей пяти возрастных групп (респондентам можно было выбрать несколько вариантов ответов). Нестабильность доходов является наиболее настораживающим риском нестандартной занятости у всех возрастных групп (от 18 до 25 лет — 62,5 %, от 26 до 35 лет — 39,5 %, от 36 до 45 лет — 47,2 %, от 46 до 55 лет — 58,3 %, от 56 до 65 лет — 66,7 %). Неопределенность социальных гарантий также волнует ответивших (от

18 до 25 лет — 62,5 %, от 26 до 35 лет — 44,7 %, от 36 до 45 лет — 43,4 %, от 46 до 55 лет — 41,7 %, от 56 до 65 лет — 16,7 %). Еще один значимый риск — сложность защиты трудовых прав (от

18 до 25 лет — 50 %, от 26 до 35 лет — 39,5 %, от 36 до 45 лет — 37,7 %, от 46 до 55 лет — 66,7 %, от 56 до 65 лет — 33,3 %). Наименее пугающим риском является сложность с официальным оформлением трудоустройства (от 18 до 25 лет — 12,5 %, от 26 до 35 лет — 34,2 %, от 36 до 45 лет — 22,6 %, от 46 до 55 лет — 8,3 %, от 56 до 65 лет — 0 %). Респонденты в возрасте от 56 до 65 лет ответили, что, помимо прочего, они опасаются неопределенности.

На рис. 5 представлено распределение ответов респондентов на вопрос о социальных рисках в нестандартной занятости по уровню образования.

По данным рис. 5 прослеживаются различия в отношении социальных рисков, которые явля-

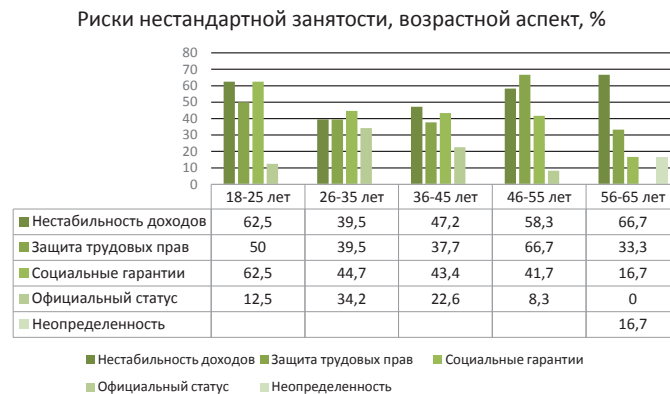

Рис. 4. Распределение ответов респондентов на вопрос о социальных рисках в нестандартной занятости по возрастному признаку, %

Источник: составлено авторами на основе опроса жителей г. Верхний Уфалей.

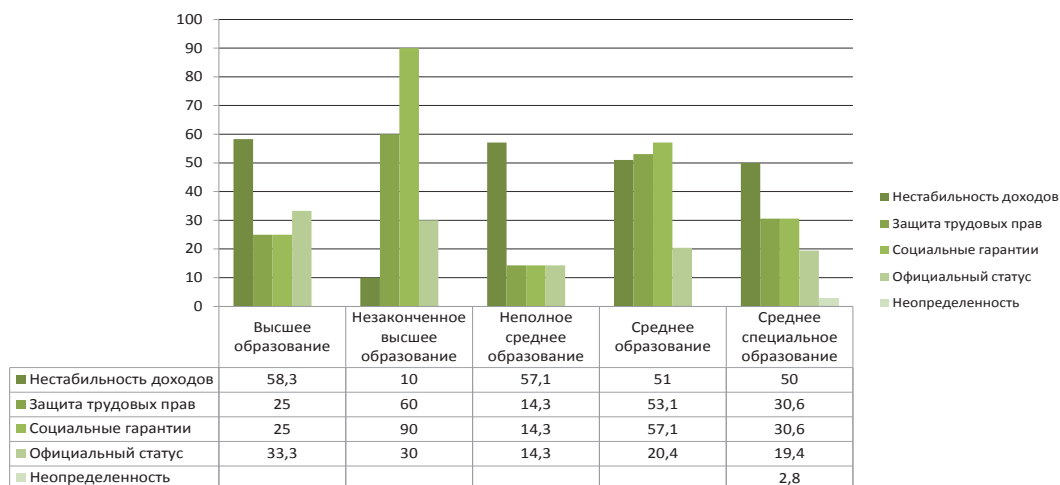

Рис. 5. Распределение ответов респондентов на вопрос о социальных рисках в нестандартной занятости по уровню образования, %

Источник: составлено авторами на основе опроса жителей г. Верхний Уфалей

ются значимыми для респондентов, в зависимости от их уровня образования. В ответе на этот вопрос допускался выбор нескольких рисков. Респонденты с высшим образованием наиболее обеспокоены нестабильностью доходов (58,3 %), а затем уже сложностью в официальном оформлении статуса трудоустроенного (33,3 %), неопределенностью социальных гарантий (25 %) и сложностью защиты трудовых прав (25 %). Респонденты с незаконченным высшим образованием обеспокоены в первую очередь неопределенностью социальных гарантий (90 %) и сложностью защиты трудовых прав (60 %). Респонденты с неполным средним образованием выделили нестабильность доходов (57,1 %). Опрошенные со средним образованием выделяют неопределенные социальные гарантии (57,1 %), сложность защиты трудовых прав (53,1 %), нестабильность доходов (51 %). Респондентов со средним специальным образованием волнует нестабильность доходов (50 %), а затем уже неопределенные социальные гарантии (30,6 %), сложность защиты трудовых прав (30,6 %). Всего один респондент выбрал неопределенность.

Таким образом, результаты социологического опроса показали, что респонденты слабо информированы о содержании форм нестандартной занятости. Как следствие опрошенным было сложно дать ответ на вопрос, какие из предложенных форм нестандартной занятости являются для них привлекательными. Тем не менее потенциальный интерес к нестандартной занятости присущ большинству опрошенных, несмотря на то, что неформальная занятость обладает целым рядом прекаризационных рисков: нестабиль-

ность доходов, неопределенность социальных гарантий, уязвимость трудовых прав и сложность подтверждения официального статуса занятого. Большая часть опрошенных подтвердила свою готовность пройти обучение, правда, преимущественно не за свой счет. Показательными являются ответы респондентов — жителей моногорода, обратившихся в ЦЗН по поводу трудоустройства. Они свидетельствуют о необходимости дополнения привычных видов деятельности ЦЗН новыми, адекватными вызовам современности, способствующими как стандартной, так и нестандартной занятости населения. На ограниченном рынке труда моногорода оказание ЦЗН услуг по информированию о содержании форм нестандартной занятости и обучению навыкам и компетенциям фрилансинга, краудсорсинга, краудфандинга и др. могли бы расширить возможности нетрудоустроенных граждан по поиску работы.

Выводы

В ходе исследования были получены следующие результаты, которые имеют теоретическую и практическую значимость.

Выявлены наиболее востребованные экономически активным населением моногородов формы нестандартной занятости. К таким относятся: работа с гибким графиком рабочего времени, надомный труд, временная занятость, совместительство, а наименее привлекательными являются формы нестандартной занятости, предполагающие наличие специальных навыков и знаний.

Востребованность нестандартных форм занятости, экономически активным населением, исследована в контексте прекаризационных рисков.

Дано авторское определение понятия «прекаризация занятости в моногороде», выявлены прекаризационные риски, характерные для нестандартной занятости, исследовано их восприятие разными группами экономически активного населения моногорода, дифференцированными по половозрастным и образовательным признакам.

В исследовании обоснована необходимость дополнения зарекомендовавших себя форм ра-

боты ЦЗН новыми, ориентированными на приобретение безработными гражданами навыков и компетенций в сфере нестандартной занятости. В частности — услугами по информированию и обучению азам фрилансинга, краудсорсинга и др. Этими мероприятиями целесообразно дополнить и соответствующие целевые программы, направленные на решение вопросов занятости в моногородах муниципалитетах.

Список литературы

1. Alberti G., Bessa I., Hardy K., Trappmann V., Umney C. In, *Against and Beyond Precarity: Work in Insecure Times // Work, Employment and Society*. Vol. 32, iss. 3, 2018. Pp. 447–457.
2. Bobek A., Pembroke S., Wickham J. *Living with Uncertainty: The Social Implications of Precarious Work*. Dublin : FEPS-TASC, 2018.
3. McKay S. et al. *Study on Precarious Work and Social Rights*. London : Working Lives Research Institute, London Metropolitan University, 2012.
4. Беляев В. И., Кузнецова О. В. Неформальная занятость как источник формирования прекариата в России: методология исследования и оценка потенциала // *Вестник Томского государственного университета. Экономика*. 2020. № 52. С. 308–324.
5. Бобков В. Н., Одегов Ю. Г., Гарнов А. П. Регулирование неустойчивой занятости в моногородах // *Экономика региона*. 2020. Т. 16, № 2. С. 522–534.
6. Бобков В. Н. 20 лет капиталистических трансформаций в России. Влияние на уровень и качество жизни // *Мир России*. 2012. № 2. С. 3–26.
7. Гарнов А. П., Одегов Ю. Г. Эффективность мер государственного регулирования занятости населения в моногородах // *Научные исследования и разработки. Экономика фирмы*. 2018. Т. 7, № 4. С. 31.
8. Бобков В. Н., Вередюк О. В., Колосова Р. П., Разумова Т. О. *Занятость и социальная прекаризация в России: введение в анализ : монография*. М. : ТЕИС, 2014.
9. Капелюшников Р. И. Неформальная занятость в России: что говорят альтернативные определения? URL: https://www.hse.ru/data/2012/07/05/1254171141/WP3_2012_04_ff.pdf (дата обращения: 10.04.2021).
10. Кастельс М. *Информационная эпоха: экономика, общество и культура / пер. с англ. под науч. ред. О. И. Шкаратана*. М. : ГУ ВШЭ, 2000.
11. Колот А. М. Трансформация института занятости как составляющая глобальных изменений в социально-трудовой сфере: феномен прекаризации // *Уровень жизни населения регионов России*. 2013. № 11. С. 93–101.
12. Лapidус Л. В., Полякова Ю. М. Гигномика как новая социально-экономическая модель: развитие фрилансинга и краудсорсинга // *Вестник Института экономики Российской академии наук*. 2018. № 6. С. 73–89.
13. *Неустойчивая занятость в Российской Федерации: теория и методология выявления, оценивание и вектор сокращения / гл. науч. ред. В. Н. Бобков*. М. : КНОРУС, 2018.
14. Официальный сайт Центра занятости населения г. Верхний Уфалей. URL: <http://vhu.szn74.ru/htmlpages/Show/rinoktruda/Ekspresinformaciya/2020god> (дата обращения: 10.04.2021).
15. Попов А. В., Соловьева Т. С., Прекаризация занятости: анализ научного дискурса о сущности и векторах измерения // *Социологические исследования*. 2020. № 9. С. 103–113.
16. Стэндинг Г. *Прекариат: новый опасный класс*. М. : Маргинем Пресс, 2014.
17. Тощенко Ж. Т. Прекариат — новый социальный класс // *Социологические исследования*. 2015. № 6. С. 3–13.
18. Тощенко Ж. Т. *Прекариат: от протокласса к новому классу*. М. : Наука, 2018. С. 81.
19. Тощенко Ж. Т. Прекариатная занятость — феномен современной экономики // *Социологические исследования*. 2020. № 8. С. 3–13.

20. Федорова А. Э., Каташинских В. С., Дворжакова З. Прекаризация трудовых отношений как фактор социального загрязнения // Экономика региона. 2016. Т. 12, вып. 3. С. 802–814.

21. Шкаратан О. И., Карачаровский В. В., Гасюкова Е. Н. Прекариат: теория и эмпирический анализ (на материалах опросов в России, 1994–2013 гг.) // Социологические исследования. 2015. № 12. С. 99–110.

Сведения об авторах

Антонова Ольга Анатольевна — кандидат экономических наук, доцент, доцент кафедры государственного и муниципального управления Челябинского государственного университета, старший научный сотрудник Челябинского филиала Института экономики УрО РАН, Челябинск, Россия. oobilan@rambler.ru

Колесник Елена Анатольевна — кандидат экономических наук, доцент, доцент кафедры государственного и муниципального управления Челябинского государственного университета, Челябинск, Россия. elena.kolesnik.007@yandex.ru

Масленникова Елена Васильевна — кандидат экономических наук, доцент, доцент кафедры государственного и муниципального управления Челябинского государственного университета, Челябинск, Россия. evm26@mail.ru

Нурмухаметова Мария Ильдаровна — магистрант факультета управления Челябинского государственного университета, Челябинск, Россия. m_nurmukhametova@mail.ru

Bulletin of Chelyabinsk State University.

2021. № 10 (456). *Economic Sciences. Iss. 74. Pp. 134–144.*

NON-STANDARD FORMS OF EMPLOYMENT OF THE POPULATION OF A SINGLE-INDUSTRY CITY IN THE CONTEXT OF LABOR PRECARIZATION

O. A. Antonova

Chelyabinsk branch of the Institute of Economics of UB RAS, Chelyabinsk, Russia. oobilan@rambler.ru

E. A. Kolesnik

Chelyabinsk State University, Chelyabinsk, Russia. elena.kolesnik.007@yandex.ru

E. V. Maslennikova

Chelyabinsk State University, Chelyabinsk, Russia. evm26@mail.ru

M. I. Nurmukhametova

Chelyabinsk State University, Chelyabinsk, Russia. m_nurmukhametova@mail.ru

The purpose of the article is to identify the most popular forms of non-standard employment among the economically active population of a single-industry city in the conditions of growing precarization of employment, which is understood by the authors as an objectively conditioned process of transformation of social and labor relations, accompanied by a shift of employment forms from standard to non-standard. The spread of non-standard forms of employment is associated with the processes of digitalization, providing additional employment opportunities for both unemployed citizens and those who have a job, but are ready to combine it with other forms of employment. At the same time, there are no studies on the demand and readiness of the economically active population to work and take such jobs, as well as recommendations on the use of non-standard forms in the implementation of the state employment policy in single-industry towns. On the basis of a sociological survey of the population of the city of Verkhny Ufaley, Chelyabinsk region, the most popular ones were identified.

Keywords: *precarization of labor, single-industry town, non-standard employment, labor market, risks of non-standard employment.*

References

1. Alberti G., Bessa I., Hardy K., Trappmann V., Umney C. (2018) In, Against and Beyond Precarity *Work, Employment and Society*. Vol. 32, iss. 3, pp. 447–457.
2. Bobek A., Pembroke S., Wickham J. (2018) *Living with Uncertainty: The Social Implications of Precarious Work*. Dublin, FEPS-TASC.

3. McKay S. (2012) Study on Precarious Work and Social Rights. London, Working Lives Research Institute, London Metropolitan University.
4. Belyaev V. I., Kuznecova O. V. (2020) *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Ekonomika*, no. 52, pp. 308–324 [in Russ.].
5. Bobkov V. N., Odegov Yu. G., Garnov A. P. (2020) *Ekonomika regiona*, vol. 16, no. 2, pp. 522–534 [in Russ.].
6. Bobkov V. N. (2012) *Mir Rossii*. no. 2, pp. 3–26 [in Russ.].
7. Garnov A. P., Odegov Yu. G. (2018) *Nauchnye issledovaniya i razrabotki. Ekonomika firmy*, vol. 7, no. 4, p. 31 [in Russ.].
8. Bobkov V. N., Veredyuk O. V., Kolosova R. P., Razumova T. O. (2014) Zanyatost' i social'naya prekarizaciya v Rossii: vvedenie v analiz. Moscow, TEIS [in Russ.].
9. Kapelyushnikov R. I. Neformal'naya zanyatost' v Rossii: chto govoryat al'ternativnye opredeleniya? [Informal employment in Russia: what do alternative definitions say?]. Available at: https://www.hse.ru/data/2012/07/05/1254171141/WP3_2012_04_ff.pdf, accessed 10.04.2021 [in Russ.].
10. Kastel's M. (2020) Informacionnaya epoha: ekonomika, obshchestvo i kul'tura [Information Age: Economy, Society and Culture]. Moscow, GU VSHE [in Russ.].
11. Kolot A. M. (2013) *Uroven' zhizni naseleniya regionov Rossii*, no. 11, pp. 93–101 [in Russ.].
12. Lapidus L. V., Polyakova Yu. M. (2018) *Vestnik Instituta ekonomiki Rossijskoj akademii nauk*, no. 6, pp. 73–89. [In Russ.].
13. (2018) Neustojchivaya zanyatost' v Rossijskoj Federacii: teoriya i metodologiya vyyavleniya, ocenivanie i vektor sokrashcheniya. [Precarious employment in the Russian Federation: theory and methodology of identification, assessment and vector of reduction]. Moscow, KNORUS [in Russ.].
14. Oficial'nyj sajt Centra zanyatosti naseleniya g. Verhnij Ufalej [Official site of the Employment Center of the city of Verkhniy Ufaley]. Available at: <http://vhu.szn74.ru/htmlpages/Show/rinoktruda/Ekspresinformaciya/2020god>, accessed 10.04.2021 [in Russ.].
15. Popov A. V., Solov'eva T. S. (2020) *Sociologicheskie issledovaniya*, no. 9, pp. 103–113 [in Russ.].
16. Standing G. (2014) Prekariat: novyj opasnyj klass [Precaria: New Dangerous Class]. Moscow, Marginem Press [in Russ.].
17. Toshchenko Zh. T. (2015) *Sociologicheskie issledovaniya*, no. 6, pp. 3–13 [in Russ.].
18. Toshchenko Zh. T. (2018) Prekariat: ot protoklassa k novomu klassu [Precaria: from protoclass to a new class]. Moscow, Nauka, p. 81 [in Russ.].
19. Toshchenko Zh. T. (2020) *Sociologicheskie issledovaniya*, no. 8, pp. 3–13 [in Russ.].
20. Fedorova A. E., Katashinskih V. S., Dvorzhakova Z. (2016) *Ekonomika regiona*, vol. 12, iss. 3, pp. 802–814 [in Russ.].
21. Shkaratan O. I., Karacharovskij V. V., Gasyukova E. N. (2015) *Sociologicheskie issledovaniya*, no. 12, pp. 99–110 [in Russ.].

РАЗВИТИЕ ИННОВАЦИОННЫХ ИНСТРУМЕНТОВ НАЛОГОВОГО АДМИНИСТРИРОВАНИЯ В РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

Ж. М. Корзоватых, Н. Г. Морозова

Государственный университет управления, Москва, Россия

Исследуются действующая в России система налогового администрирования и ее инновационные инструменты, активно разрабатываемые и внедряемые в условиях стремительного развития цифровых технологий и трансформации контрольно-надзорной деятельности государства. Внедрение цифровых технологий в налогообложение способствует росту эффективности и прозрачности налоговой системы, возникновению новых механизмов налогового администрирования, созданию интеллектуальных моделей оценки налоговых рисков, направлений и способов реализации налоговой политики. Научная ценность статьи заключается в определении направлений дальнейшего развития инновационных инструментов налогового администрирования, разрабатываемых на базе передовых IT-технологий, направленных на повышение эффективности деятельности налоговых органов и качества обслуживания экономических субъектов в контексте цифрового взаимодействия государства в лице налоговых органов и налогоплательщиков.

Ключевые слова: *налоговое администрирование, налоговый контроль, налогообложение, цифровые технологии.*

Введение

В сферах государственного управления, промышленности, банковской деятельности и пр. ежедневно генерируется и аккумулируется огромное количество информации и данных. Появившиеся новые возможности технологических и цифровых инноваций непосредственно влияют на многие сферы деятельности экономики. При этом ключевым преимуществом цифровизации экономики являются возможности автоматического управления экономической системой, способствующие значительному росту эффективности управления хозяйственной деятельностью на макро-, мезо- и микроуровнях.

В сложившихся условиях возникает необходимость обеспечения соответствующей благоприятной среды, разработки и применения новых подходов к государственному управлению и регулированию, в том числе в области налогов и налогообложения, где в целях оптимизации налоговых доходов повышается эффективность налогового администрирования и контроля, а также борьбы с уклонением от уплаты налогов. Федеральная налоговая служба Российской Федерации (ФНС РФ) в соответствии с выделенными целями внедряет в свою работу новейшие инструменты налогового администрирования, параллельно оптимизирующие работу налоговых органов.

Тенденции последних лет демонстрируют снижение зависимости доходов бюджета РФ от нефте-

газовых поступлений и доминирование налоговых доходов, что вынуждает ФНС РФ на фоне общей экономической нестабильности, справедливо избегая увеличения налоговых ставок, строить работу с акцентом на ужесточение налогового администрирования, направленное в частности на выявление недобросовестных налогоплательщиков, нелегальных схем уклонения от налогов и вывода бизнеса из «серых» неконтролируемых зон с увеличением доли прозрачного бизнеса.

Термин «налоговое администрирование» широко применяется на практике наряду с такими понятиями, как «администрирование налоговой системы», «администрирование в налоговой сфере», однако возникают затруднения в трактовании экономического содержания этого понятия. Единое мнение среди экономистов в понимании значения термина «налоговое администрирование» отсутствует. Как отмечает А. В. Угрюмова, «термин “налоговое администрирование” применяется бессистемно, отсутствует единое понимание его содержания» [24]. В нормативно-правовых актах РФ, включая подзаконные акты, трактовка понятия «налоговое администрирование» отсутствует.

В 1997 г. в работе М. Т. Оспанова это понятие впервые упоминается «как система управления налогами» [15]. Схожая позиция представлена в трудах И. А. Перонко, где налоговое администрирование рассматривается как научный и практический процесс, представляющий систе-

му управления государством налоговыми отношениями [17].

В экономической литературе встречаются мнения современных экономистов и экспертов со своей спецификой, конкретикой и детализацией содержательной части термина «налоговое администрирование» (см. таблицу).

Таким образом, обобщив представленные мнения специалистов и экспертов, можно заключить, что под налоговым администрированием в широком смысле следует понимать комплексное государственное управление налоговой системой с соблюдением паритета ин-

тересов налогоплательщиков и налоговых органов в целях повышения эффективности функционирования налогового механизма; в узком смысле — деятельность фискальных органов по реализации налоговой политики, осуществлению налогового контроля и обеспечению соблюдения налогового законодательства всеми субъектами экономики.

Методы и материалы

Методологической основой исследования явились труды российских ученых, посвященные проблемам налогового администрирования в контексте цифрового взаимодействия государства

Научные категории понятия «налоговое администрирование» в хронологическом порядке

Российские экономисты	Трактовка понятия «налоговое администрирование»
Л. И. Гончаренко (2010) [4]	«...элемент налоговой системы, базирующейся на налоговом законодательстве, организационной деятельности по реализации налоговой политики и функционировании налоговых органов, и налоговом контроле»
М. С. Мишенина, Л. В. Максимова (2012) [12]	«...совокупность процедур, обеспечивающих государственное управление в сфере налогообложения с целью обеспечения исполнения налогового законодательства»
Э. Г. Шурдумова, Д. М. Канкулов (2012) [25]	«...организационная система, помогающая реализовать налоговую политику государства»
М. В. Владыка (2015) [3]	«...урегулированная нормой права деятельность государственного уполномоченного органа налоговой сферы, направленная на реализацию эффективной налоговой политики»
О. С. Ось (2016) [21]	«...механизм управления в налоговой сфере, заключающийся в повседневной деятельности налоговых органов или как комплекс мер, направленных на полную и своевременную уплату всех налогов в максимальном объеме при минимальных издержках»
Д. А. Мешкова (2016) [11]	«...процедурные и процессуальные аспекты взаимодействия фискальных органов с обязанными лицами»
А. Е. Иванов (2017) [6]	«...комплекс мер, направленных на полную и своевременную уплату всех налогов в максимальном объеме при минимальных издержках»
Д. Г. Черник, Ю. Д. Шмелев (2019) [14]	«...прогнозирование на основе расчетов поступлений доходов; контроль за правильностью исчисления, полнотой и своевременностью уплаты денежных средств в бюджет; анализ экономической ситуации в ее динамике...»

Источник: составлено авторами на основе данных проведенного исследования.

в лице налоговых органов и налогоплательщиков, обеспечивающего эффективность деятельности налоговых органов и качество обслуживания экономических субъектов.

В исследовании были использованы: статистический анализ, метод научных абстракций, контент-анализ мнений российских экспертов и экономистов, научных публикаций по вопросам налогового администрирования и контроля в современных условиях. В качестве основного методологического принципа исследования применено дифференцированное рассмотрение резуль-

татов анализа практики использования программ автоматизированных учетных систем в деятельности налоговых органов.

В качестве информационной базы использованы статистические данные, опубликованные ФНС РФ отчеты, официально публикуемые Правительством РФ и Министерством финансов РФ данные, официально публикуемые данные и публичная информация ФНС и других государственных органов, мнения экспертов и специалистов в публикациях периодических и информационных изданий.

В статье изучены изменения и тенденции в области налогового администрирования относительно развития инструментов налогового администрирования и изменения их эффективности. Анализ мнений экспертов и специалистов в области налогового администрирования позволил рассматривать понятие «налоговое администрирование» в широком смысле, как комплексное государственное управление налоговой системой с соблюдением паритета интересов налогоплательщиков и налоговых органов, и, в узком смысле, как деятельность фискальных органов по реализации налоговой политики. Исследованы статистические данные эффективности деятельности налоговых органов, применяющих различные формы, методы, инструменты и приемы проведения налогового контроля. Правильное сочетание данных факторов позволяет с минимальными затратами достигнуть максимального результата при проведении контроля.

Для обоснования авторских положений использовались данные Федеральной службы государственной статистики РФ, Федеральной налоговой службы РФ и других институциональных регуляторов.

Результаты исследования

Анализ действующей практики по налоговому администрированию за последние годы позволяет сделать вывод о трех основных направлениях развития: 1) пополнение бюджета; 2) обеспечение эффективного и качественного взаимодействия налогоплательщиков и налоговых органов; 3) сочетание интересов налогоплательщиков и налоговых органов.

Последние наблюдаемые изменения в налоговой политике России также отражают общие тенденции цифровизации и все большего внедрения технологий и автоматизации налогообложения в соответствии с современными возможностями, требованиями и принятой программой цифровизации, тем самым реализуя все три направления развития налогового администрирования. Внедрение цифровых технологий в налогообложение способствует росту эффективности и прозрачности налоговой системы, возникновению новых механизмов налогового администрирования, передачи данных, трансформации состава и структуры налогов, направлений и способов реализации налоговой политики [16]. Расширяющиеся возможности налоговых органов по доступу к данным различных источников позволяют существенно повысить собираемость на-

логов и эффективность налогового контроля, что способствует в итоге реализации экономической политики государства на макро-, мезо- и микроуровнях [8].

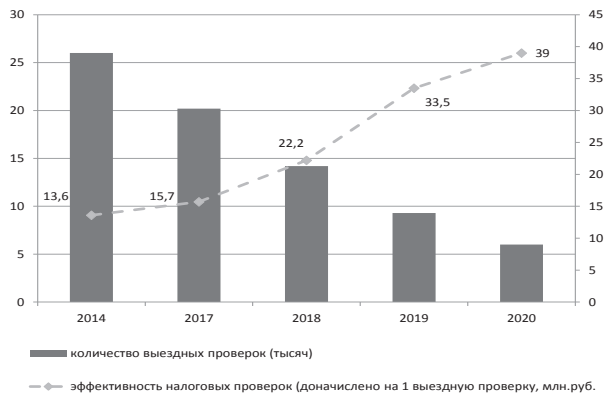
Наблюдаемая трансформация ФНС РФ в цифровую сервисную компанию, способную обеспечить администрирование с высоким уровнем надежности и эффективности и высочайших стандартов оказываемых услуг, способствовала возникновению новых инструментов и новых задач налоговой политики, оказывающих влияние на развитие и качество налогового администрирования как в национальных, так и в международных масштабах [7].

Центральное место в налоговом администрировании занимает налоговый контроль, позволяющий осуществлять своевременное исполнение налогоплательщиками своих налоговых обязательств, что является важнейшим условием рационального функционирования налоговой системы [14]. Актуальность повышения качества налогового контроля в настоящее время возрастает в связи с необходимостью увеличения доходной части бюджета государства. Ключевым условием проведения успешного налогового контроля является эффективность налоговых проверок.

Эффективность контрольной деятельности налоговых органов предполагает достижение наилучших результатов с использованием наименьшего объема ресурсов. На показатель эффективности влияют выбор форм, методов, инструментов и приемов проведения налогового контроля. Правильное сочетание данных факторов позволяет с минимальными затратами достигнуть максимального результата при проведении контроля.

Очевидно, прослеживаемая тенденция сокращения числа выездных налоговых проверок с параллельным ростом их эффективности демонстрируется ФНС последние годы (в 2018 г. — снижение на 30 %, в 2019 г. — на 34,1 %, в 2000 г. — снижение на треть), составив в абсолютном выражении 6000 проверок в год. Возрастает результативность выездной проверки: по данным 2019 г. — 33,5 млн руб. доначислений на одну проверку. В 2018 г. налогоплательщиками добровольно уплачено в бюджет дополнительно 80 млрд руб. В 2020 г. контрольные мероприятия позволили аккумулировать в бюджет дополнительно порядка 300 млрд руб. (см. рисунок).

Оценка эффективности деятельности ИФНС как органов, осуществляющих налоговый контроль, должна исходить из достигнутых результатов их работы с учетом стоящих перед ними функций.

Развитие инструментов риск-анализа при проведении выездных налоговых проверок

Источник: составлено авторами на основе данных ФНС¹.

В рамках совершенствования налогового администрирования была разработана система планирования выездных налоговых проверок, направленная на выявление, предупреждение и пресечение нарушений налогового законодательства, и, что так же важно, которая побуждала бы налогоплательщиков к добровольному отказу от уклонения от уплаты налогов.

Основной документ, используемый налоговыми органами в аналитической работе, — Концепция системы планирования выездных налоговых проверок, утвержденная Приказом ФНС России от 30 мая 2007 г. № ММ-3-06/333@, содержащая перечень 12 критериев налоговых рисков, по которым осуществляется отбор налогоплательщиков [18]. Указанный перечень является открытым, то есть налоговые органы руководствуются и другими критериями для отбора объектов выездных налоговых проверок, однако в концепции представлены основные зоны рисков.

Проведение самостоятельной систематической оценки рисков в соответствии с Концепцией системы планирования выездных налоговых проверок является необходимой и позволяет экономическим субъектам самостоятельно оценить налоговые риски и предупредить их возникновение, предприняв адекватные меры по сохранению экономической безопасности.

Применение концепции должно обеспечить эффективность использования и распределения ресурсов государства в лице налоговых органов

с целью достижения максимальной результативности выездных проверок при минимальных затратах на их проведение [22].

Активно развиваемые ФНС электронные системы контроля, налоговые сервисы и приложения оптимизируют взаимоотношения налогоплательщиков и налоговых органов и являются базисом для перспективного внедрения адаптивной цифровой платформы. Применяемая концепция внедрения современных технологий в налоговое администрирование сокращает непроизводственные издержки бизнеса, повышает комфортность условий уплаты налогов и эффективность противодействия уклонению от уплаты налогов [23].

В перспективе создаваемый таким образом IT-сервис предполагает предоставление онлайн-доступа налоговым органам к внутренним цифровым системам налогоплательщиков и возможности контроля своевременности и правильности исчисления и уплаты налогов.

В 2020 г. ФНС завершён перевод всех налогоплательщиков на администрирование в общефедеральную базу автоматизированной информационной системы ФНС России (АИС «Налог-3»), позволяющую автоматизировать большинство процессов, накапливать массивы данных по всем налогоплательщикам, движениям товарно-денежных потоков, ценам, взаимосвязям физических и юридических лиц и пр. Возрастающие возможности программного комплекса дополняются новыми функциями и модернизирующимися подсистемами, автоматически соотносящими данные налогоплательщиков в целях администрирования всех категорий налогоплательщиков: физических лиц, включая индивидуальных предпринимателей (ИП), и юридических, в том числе крупнейших [1].

Применение АИС «Налог-3» положительно сказалось на оперативности инспекторов и росте производительности их труда, скорости и эффективности принимаемых решений, обеспечении актуальной полной и достоверной информацией о действующем налоговом законодательстве, достоверности предоставляемых данных, оперативности и качестве систем учета и отслеживания соблюдения налогового законодательства и учета налогоплательщиков, сокращении бумажного документооборота, четкости отражения сумм налоговых поступлений и других обязательных платежей, анализе и прогнозе динамики налоговых поступлений. В АИС «Налог-3», предоставля-

¹ Публичная декларация целей и задач ФНС РФ 2020. URL: https://www.nalog.ru/html/sites/www.new.nalog.ru/docs/about_fts/pd2020_0520.pdf (дата обращения: 27.04.2021).

ющей широкие возможности, осуществляется, по некоторым оценкам, порядка 95 % работы ИФНС.

Система «Налог-3» включает в себя множество подсистем. Наибольший интерес представляет подсистема «Контроль НДС», выявляющая и пресекающая схемы уклонения от уплаты НДС посредством отбора налоговых деклараций с расхождениями и налоговыми разрывами (автоматизированная система контроля (АСК) «НДС-2») и контролирующая движение денежных средств по счетам (АСК «НДС-3») [26].

Подсистема предпрроверочного анализа, широко используемая налоговыми органами, позволяет осуществлять отбор налогоплательщиков для углубленного анализа и возможного включения в план для проведения выездных проверок на основании порядка ста выработанных критериев риска.

Подсистема анализа банковских документов (АБД) содержит сведения о счетах налогоплательщиков и позволяет пресекать применение многих схем уклонения от налогов, отслеживая движение товарно-денежных потоков.

Система «Налог-3» постоянно дорабатывается и модернизируется. Так, внедрение синхронизации с базами данных ЗАГСов позволит выявлять взаимозависимые организации и ИП. Уже в текущем 2021 г. ФНС планирует совершенствование платформы по взаимодействию с банками и разработку новой версии АИС «Налог-4», создание системы передачи административных данных в заинтересованные органы и ведомства государства [18].

Представленные возможности продвинутой аналитики, развитие инструментов риск-анализа, а также дистанционного автоматизированного контроля и мониторинга ФНС, точно выявляющих объект дополнительного налогового контроля, позволили сократить административную нагрузку и эффективно использовать риск-ориентированный подход в выборе объектов выездных налоговых проверок, в частности налогоплательщиков, уклоняющихся от налогообложения с применением агрессивных схем.

По оценкам ФНС, именно фактор налогового администрирования способствовал перманентному росту налоговых доходов консолидированного бюджета, обеспечиваемому вовлечением как новых субъектов экономики, так и хозяйственных операций в легальный оборот [13].

По итогам 2018 г. отмечен максимальный прирост (4 трлн руб., или 23 %) налоговых поступлений в консолидированный бюджет РФ. Возросла

доля поступлений по результатам согласительных процедур по итогам 2019 г. на 36–40 %. Проводится работа по обеспечению поступлений в счет погашения задолженности и привлечению к административной ответственности, позволившая аккумулировать за 2019 г. порядка 100 млн руб. За 2020 г. эффективность аналитических инструментов и систем контроля налогового администрирования не позволила в экономически сложный период пандемии коронавируса снизиться налоговым поступлениям в бюджет, что в итоге выразилось в аккумулировании 17,2 трлн руб. в консолидированном бюджете РФ, то есть демонстрировался прирост на 2,6 % относительно 2019 г., без учета НДС. За 2020 г. поступления по НДС составили 4,27 трлн руб. (прирост в 0,9 % относительно 2019 г.), по налогу на прибыль организаций — 4,02 трлн руб. (прирост в 0,9 %), по налогу на доходы физических лиц — 4,25 трлн руб. (прирост в 7,5 %). При этом следует отметить, что темп прироста налога превысил темп прироста заработной платы [5]. За первый квартал 2021 г. налоговые поступления в консолидированный бюджет РФ составили 58,4 млрд руб., что превысило аналогичный показатель 2020 г. на 7,7 %.

Развитие IT-технологий налогового администрирования способствовало существенному сокращению выездных налоговых проверок. Применение инновационных инструментов контроля сменило направление контрольной работы с проверок налогоплательщиков на формирование прозрачной налоговой среды в различных отраслях экономики [20].

Налоговый мониторинг, как одна из инновационных форм налогового контроля в формате онлайн-взаимодействия крупнейших налогоплательщиков с налоговыми органами посредством удаленного доступа к бухгалтерской и налоговой отчетности налогоплательщика, позволяет своевременно выявлять налоговые риски и быстро урегулировать спорные налоговые позиции. Налоговый мониторинг применяют с 1 января 2021 г. 209 компаний крупнейших налогоплательщиков, рост числа которых прогнозируется к 2022 г. до порядка 3,9 тыс., к 2024 г. — до 7,8 тыс.

Применение современной контрольно-кассовой техники (ККТ) с возможностями онлайн-передачи налоговым органам сведений о расчетах в розничной торговле позволяет существенно повысить эффективность налогового контроля в сфере наличного денежного оборота субъектов малого

и среднего бизнеса, а также способствует повышению собираемости налоговых платежей в бюджеты субъектов РФ и муниципальных образований. На февраль 2021 г. в налоговых органах России зарегистрировано около 3,4 млн онлайн-касс, передающих информацию о расчетах в электронном виде. С ужесточением законодательства за 2021 г. прогнозируется существенный рост числа зарегистрированных ККТ.

В рамках развития автоматизации налогового администрирования можно отметить также следующие направления:

– размещение информации о налогоплательщиках в свободном доступе (позволяет компаниям получать полную качественную информацию о контрагентах в режиме онлайн, а в случае возникновения спорных ситуаций использовать в качестве доказательной базы обоснования должной осмотрительности);

– реализация специального налогового режима «Налог на профессиональный доход» на базе цифровой платформы в мобильном приложении «Мой налог» (направлена на легализацию доходов лиц, не зарегистрированных в качестве ИП, но на постоянной основе получающих доходы) [10]. География применения эксперимента по данному налогу постоянно расширяется: в 2019 г. режим применялся на территории четырех субъектов РФ, с января 2020 г. — еще в 19 субъектах РФ, с июля 2020 г. — на территории всех субъектов РФ. На начало 2021 г. по всей России зарегистрировано более 1,8 млн плательщиков налога на профессиональный доход, суммарный доход которых составил порядка 200 млрд. руб. При этом, согласно прогнозам, их число к 2024 г. предположительно достигнет как минимум 2,5 млн человек;

– функционирование Единого реестра субъектов малого и среднего предпринимательства (МСП), электронно присваивающего статус субъекта МСП. На начало второго квартала 2021 г. в едином реестре числилось свыше 5,7 млн субъектов МСП, в том числе 5 547 563 микропредприятия, 215 372 малых предприятия и 17 680 средних предприятий;

– реализация на сайте ФНС личных кабинетов налогоплательщиков. «Личный кабинет физического лица» позволяет осуществлять мониторинг задолженности по налогам и сборам, сдавать налоговые декларации, отслеживать результаты проверки. «Личный кабинет юридического лица» позволяет получать актуальную информацию о начисленных и уплаченных налогах, задолжен-

ностях и переплатах по ним, получать выписки по расчетам с бюджетом, направлять запросы и отслеживать решения по ним. Планируется объединение личных кабинетов с данными онлайн-касс в целях реализации функционала отражения сведений о покупках и подачи заявлений о налоговых вычетах в один клик;

– сервис «Прозрачный бизнес», позволяющий получить комплексную информацию о налогоплательщике, оценить его деятельность, налоговую нагрузку, выявить недостоверные сведения, оценить риски, оптимизировать налоги. Если в 2019 г. данным сервисом воспользовались только порядка 4 млн налогоплательщиков, то в 2020 г. — уже свыше 37 млн. Однако сервис недостаточно оперативно отражает информацию, сведения размещаются с задержкой;

– дополнительные сервисы в виде выбора налоговых режимов и применения налогового калькулятора, рассчитывающие налоговую нагрузку, формирующие платежные документы, позволяющие проверить корректность заполнения первичных документов и произвести расчет налоговых платежей [9].

Принцип, применяемый в налоговом режиме для самозанятых, когда учет и расчет налогов ведут налоговые органы посредством полностью дистанционного взаимодействия через приложение, в перспективе планируется поэтапно внедрять в другие системы налогообложения. Так, отменяемая для организаций с 2021 г. отчетность по земельному и транспортному налогам позволит сократить административную нагрузку на бизнес и, исключив необходимость ежегодной камеральной проверки 1 млн налоговых деклараций, сэкономят ресурсы налоговых органов. Для сверки налоговых платежей ИФНС предусмотрено направление сообщений налогоплательщикам с указанием исчисленной суммы налогов.

Заключение

Наблюдаемые изменения в налоговом администрировании и цифровизации его инструментов вскрыли ряд проблем:

– технические сбои электронных сервисов, вследствие которых возникает ответственность и последующие санкции в связи с нарушениями сроков предоставления отчетности в электронном виде, ответственность за нарушение способов и формата предоставления отчетности;

– правовой статус технических посредников передачи электронных данных и отчетности (IT-служб и их сотрудников);

– открытость, доступность и степень защищенности конфиденциальных цифровых данных;

– повышение налоговой нагрузки в связи с изменением налоговых баз и пересмотром ставок по некоторым налогам;

– несвоевременное отражение информации и сведений в сервисах.

Получаемые налоговыми органами данные из различных источников посредством применения информационно-коммуникационных технологий используются для налогового регулирования прямо или косвенно, то есть для обеспечения собираемости налоговых платежей, налогового контроля, корректировки и реализации экономической политики государства и регионов. Федеральная налоговая служба РФ продолжает работу над сокращением документооборота, упрощением налоговой отчетности, налогового администрирования и взаимодействий с налогоплательщиками (упрощение процедур регистрации налогоплательщиков; заявительный порядок получения льгот; представление документов в один налоговый орган; отмена деклараций и введение сообщений о начисленной сумме; расширенный формат подачи документов в электронном виде и получение данных о налогоплательщике в рамках взаимодействия между системами и пр.).

Анализ применяемых инновационных инструментов налогового администрирования в практической деятельности налоговых органов демонстрирует активное развитие и непрерывное совершенствование электронных сервисов, существенно повышающих эффективность налогового администрирования и способствующих росту уровня налоговой грамотности и культуры, а также самосознания налогоплательщика.

В качестве конечной цели преобразований налогового администрирования ФНС РФ, несомненно, можно выделить неотвратимость санкций за нарушение налогового законодательства и формирование понятной налоговой среды с уклоном на стимулирование добросовестности и «прозрачности» налогоплательщиков, ориентиром на повышение комфортности условий налогового администрирования и снижения издержек для добросовестного бизнеса.

С целью реализации курса на повышение эффективности налогового администрирования

с соблюдением фискальных и экономических интересов необходим баланс распорядительных фискальных мер и поощрительных стимулирующих мероприятий с одновременным ужесточением контроля, в частности, субъектов, применяющих агрессивные схемы уклонения от налогообложения.

Таким образом, дальнейшее развитие инструментов налогового администрирования для поддержания стабильного роста эффективности деятельности налоговых органов необходимо осуществлять в следующих направлениях:

1) разработка единого организационно-правового механизма налогового администрирования, включающего инновационные инструменты, активно разрабатываемые и внедряемые в условиях стремительного развития цифровых технологий и трансформации контрольно-надзорной деятельности государства;

2) вовлечение налогоплательщиков в процессы добровольного исполнения налоговых обязательств и отказа от использования агрессивных схем уклонения от налогообложения;

3) сохранение курса на сокращение отчетности и упрощение процедур налогового администрирования как для налогоплательщиков, так и для налоговых органов посредством совершенствования применяемых автоматизированных систем;

4) повышение квалификации налоговых инспекторов с целью развития необходимых компетенций для эффективного применения возможностей информационно-коммуникационных технологий, направленных на оценку налоговых рисков, выявление новых схем уклонения от исполнения налоговых обязательств [6].

В свою очередь налогоплательщики должны предпринять должную осмотрительность с учетом тенденций развития новейших инструментов налогового администрирования и в дальнейшей работе:

1) своевременно предупреждать и исключать налоговые риски, связанные с изменениями в налоговом администрировании;

2) отслеживать новые тенденции и направления налоговой реконструкции;

3) подготовиться к введению АИС «Налог-4» (более тщательно подходить к выбору контрагентов, отказаться от «серых» зарплат, схем НДС и пр.);

4) не допускать выездных налоговых проверок и уметь правильно действовать при налоговых проверках;

5) понимать и применять принципы проверки контрагентов;

6) уметь аргументированно защищаться от обвинений в неуплате налогов, своевременно корректировать учетную политику в целях налогового учета;

7) грамотно и своевременно учитывать доходы и особенно расходы, в частности связанные с пандемией коронавируса;

8) вести безрисковое планирование налога на прибыль и пр.

Инновационные инструменты налогового администрирования и средства контроля над налогоплательщиками позволяют повышать собираемость налогов и обеспечивать исполнения налоговых обязательств даже при спаде экономи-

ческой активности. Цифровая реальность обязывает налогоплательщиков добросовестно и с высокой степенью ответственности выполнять обязанности по исчислению и уплате налогов, повышая налоговую дисциплину. Понимание революционных процессов, происходящих в налогообложении, особенно актуально для минимизации налоговых рисков налогоплательщиков. Федеральная налоговая служба России создает условия, в которых налогоплательщику выгодно добросовестно вести деятельность, зарабатывая репутацию, обеспечивающую возможности налаживания деловых связей с добросовестными контрагентами, и честно взаимодействовать с государством.

Список литературы

1. Автоматизированная информационная система ФНС России (АИС «Налог-3»). URL: https://www.nalog.ru/rn77/about_fts/gos_inf/4045827/ (дата обращения: 12.03.2021).
2. Александров И. М. Налоги и налогообложение М. : Дашков и Ко, 2017. 317 с.
3. Владыка М. В., Тарасова В. Ф., Сапрыкина Т. В. Налоги и налогообложение : учебник / под общ. ред. В. Ф. Тарасова. М. : КноРус, 2015. 488 с.
4. Гончаренко Л. И. К вопросу о понятийном аппарате налогового администрирования // Налоги и налогообложение. 2010. № 2. С. 22–29.
5. Даниил Егоров подвел итоги работы за 2020 год и озвучил план работы ФНС на 2021 год. URL: <https://www.glavbukh.ru/news/34615-daniil-egorov-podvel-itogi-raboty-za-2020-god-i-ozvuchil-plan-raboty-fns-na-2021-god> (дата обращения: 12.03.2021).
6. Иванов А. Е., Иванов С. А. Налогообложение некоммерческих организаций. М. : КноРус, 2017. 288 с.
7. Карп М. В., Рогуленко Т. М. Цифровая экономика — драйвер формирования налоговой стратегии РФ и способов ее реализации: монография / под общ. ред. М. В. Карп, Т. М. Рогуленко. М. : РусАйнс, 2020. 142 с.
8. Кирова Е. А., Морозова Н. Г., Безверхий А. С. Трансформация налоговой системы России в условиях становления цифровой экономики // Вестник университета. 2019. № 7. С. 118–125.
9. Корзоватых Ж. М., Агеева О. А., Тенденции развития системы учета в условиях применения инновационных цифровых технологий // Сборник научных трудов по материалам III Международного научного форума «Шаг в будущее: искусственный интеллект и цифровая экономика: Smart Nations: экономика цифрового равенства». М., 2020. С. 279–286.
10. Мамонова И. В., Алеников А. С., Цифровизация процессов в сфере налогообложения как инструмент повышения качества функционирования налоговой системы России // Вестник академии знаний. 2019. № 5 (34). С. 312–315.
11. Мешкова Д. А. Налогообложение организаций в Российской Федерации : учеб. для бакалавров М. : Дашков и Ко, 2016. 160 с.
12. Мишенина М. С., Максимова Л. В. Налоговая безопасность и налоговое администрирование в системе мер обеспечения экономической безопасности // Академический вестник. 2012. № 2 (20). С. 239–241.
13. Морозова Н. Г. Актуальные проблемы налогообложения в условиях цифровой экономики // Актуальные проблемы бухгалтерского учета, анализа, контроля и налогообложения в условиях цифровизации экономики. М. : Издат. дом ГУУ, 2019. С. 349–354.
14. Налоги и налогообложение : учеб. и практикум для акад. бакалавриата / под ред. Д. Г. Черника, Ю. Д. Шмелева. 4-е изд., перераб. и доп. М. : Юрайт, 2019. 450 с.
15. Оспанов М. Т. Налоговая реформа и гармонизация налоговых отношений. СПб. : Изд-во СПбГУ-ЭФ, 1997.

16. Орлова Е. А., Морозова Н. Г. Трансформация бухгалтерского и налогового учета и отчетности в условиях цифровизации экономики // Сборник научных трудов по материалам III Международного научного форума «Шаг в будущее: искусственный интеллект и цифровая экономика: Smart Nations: экономика цифрового равенства». М., 2020. С. 164–170.
17. Перонко И. А. Проблемы совершенствования налогообложения в Российской Федерации и пути их решения : автореф. дис. ... д-ра экон. наук. М., 2001.
18. Приказ ФНС России от 30.05.2007 г. № ММ-3-06/333@ «Об утверждении Концепции системы планирования выездных налоговых проверок». URL: <http://www.consultant.ru> (дата обращения: 12.03.2021).
19. Приказ ФНС России от 05.03.2021 г. № ЕД-7-1/173@ «Об утверждении Стратегической карты ФНС России на 2021–2023 годы». URL: <http://www.consultant.ru> (дата обращения: 26.03.2021).
20. Публичная декларация целей и задач ФНС РФ 2020. URL: https://www.nalog.ru/html/sites/www.new.nalog.ru/docs/about_fts/pd2020_0520.pdf (дата обращения: 12.03.2021).
21. Ось О. С. Комментарии к Налоговому кодексу Российской Федерации. Изд. 8-е. М. : Ось-89, 2016. 128 с.
22. Цветков В. А., Шутьков А. А., Дудин М. Н., Лясников Н. В. Совершенствование системы налогового администрирования в России // Финансы: теория и практика. 2017. Т. 21, № 6 (102). С. 34–49.
23. Рогоуленко Т. М. Цифровая экономика — драйвер развития бухгалтерского учета, аудита, контроля : монография / под общ. ред. Т. М. Рогоуленко. М. : РусАйнс, 2020. 230 с.
24. Угрюмова А. В. К вопросу о содержании понятий «налоговое администрирование» и «администрирование налога» // Вестник финансовой академии. 2008. № 4 (48). С. 150–154.
25. Шурдумова Э. Г., Канкулова Д. М. Налоговое администрирование как основа реализации налоговой политики государства // Современные тенденции в экономике и управлении: новый взгляд. 2013. № 22. С. 130–135.
26. Korzovatykh Z. M., Morozova N. G. Tax risks when applying VAT to the space industry. URL: <https://doi.org/10.1063/5.0036938> (дата обращения: 11.03.2021).

Сведения об авторах

Корзоватых Жанна Михайловна — кандидат экономических наук, доцент, доцент кафедры бухгалтерского учета, аудита и налогообложения Государственного университета управления, Москва, Россия. korzovatykh@yandex.ru

Морозова Надежда Григорьевна — кандидат экономических наук, доцент, доцент кафедры бухгалтерского учета, аудита и налогообложения Государственного университета управления, Москва, Россия. mng14@mail.ru

Bulletin of Chelyabinsk State University.

2021. № 10 (456). *Economic Sciences. Iss. 74. Pp. 145–155.*

DEVELOPMENT OF INNOVATIVE INSTRUMENTS OF TAX ADMINISTRATION IN THE RUSSIAN FEDERATION

Z. M. Korzovatykh

State University of management, Moscow, Russia. korzovatykh@yandex.ru

N. G. Morozova

State University of management, Moscow, Russia. mng14@mail.ru

In modern conditions of the rapid development of technological and digital innovations, it becomes necessary to provide an appropriate favorable environment for the development and application of new approaches to public administration and regulation, including in the field of taxes and taxation, where in order to optimize tax revenues, the efficiency and quality of tax administration increases. The scientific value of the article lies in determining the directions for the further development of innovative tax administration tools, developed on the basis of advanced IT technologies, aimed at the efficiency of tax authorities and the quality of service to economic entities in the context of digital interaction between the state, represented by tax authorities, and taxpayers.

Keyword: *tax administration, tax control, taxation, digital technologies.*

References

1. Avtomatizirovannaya informatsionnaya sistema FNS Rossii (AIS «Nalog-3»). (2019) [Automated information system of the Federal Tax Service of Russia (AIS «Tax-3»)]. Available at: https://www.nalog.ru/rn77/about_fts/gos_inf/4045827/, accessed 12.03.2021 [in Russ.].
2. Aleksandrov I. M. (2017) *Nalogi i nalogooblozheniye* [Taxes and taxation]. Moscow, Dashkov i K^o, 317 p. [in Russ.].
3. Vladyka M. V. (2015) *Nalogi i nalogooblozheniye* [Taxes and taxation]: Uchebnik. Moscow, KnoRus, 488 p [in Russ.].
4. Goncharenko L. I. (2010) *Nalogi i nalogooblozheniye*, no. 2, pp. 22–29 [in Rus].
5. Daniil Yegorov Podvel itogi raboty za 2020 god i ozvuchil plan raboty FNS na 2021 god [Summed up the results of work for 2020 and announced the work plan of the Federal Tax Service for 2021]. Available at: <https://www.glavbukh.ru/news/34615-daniil-egorov-podvel-itogi-raboty-za-2020-god-i-ozvuchil-plan-raboty-fns-na-2021-god>, accessed 12.03.2021 [in Russ.].
6. Ivanov A. Ye. (2017) *Nalogooblozheniye nekommercheskikh organizatsiy* [Taxation of non-commercial organizations]. Moscow, KnoRus, 288 p. [in Russ.].
7. Karp M. V., Rogulenko T. M. (2020) *Tsifrovaya ekonomika — drayver formirovaniya nalogovoy strategii RF i sposobov yeye realizatsii* [The digital economy is a driver of the formation of the tax strategy of the Russian Federation and methods of its implementation]. Moscow, RUSAYNS, 142 p. [in Russ.].
8. Kirova Ye. A., Morozova N. G., Bezverkhii A. S. (2019) *Vestnik universiteta*, no. 7, pp. 118–125 [in Russ.].
9. Korzovatykh Zh. M., Ageyeva O. A. (2020) *Sbornik nauchnykh trudov po materialam III Mezhdunarodnogo nauchnogo foruma «Shag v budushcheye: iskusstvennyy intellekt i tsifrovaya ekonomika: Smart Nations: ekonomika tsifrovogo ravenstva» Gosudarstvennyy universitet upravleniya*. Moscow, pp. 279–286 [in Russ.].
10. Mamonova I. V., Alenikov A. S. (2019) *Vestnik akademii znaniy*, no. 5 (34), pp. 312–315 [in Russ.].
11. Meshkova D. A. (2016) *Nalogooblozheniye organizatsiy v Rossiyskoy Federatsii* [Taxation of organizations in the Russian Federation]. Moscow, Dashkov i K^o, 160 p. [in Russ.].
12. Mishenina M. S., Maksimova L. V. (2012) *Akademicheskiiy vestnik*, no. 2 (20), pp. 239–241 [in Russ.].
13. Morozova N. G. (2019) *Aktual'nyye problemy bukhgalterskogo ucheta, analiza, kontrolya i nalogooblozheniya v usloviyakh tsifrovizatsii ekonomiki*. Moscow, Izdatel'skiy dom GUU, pp. 349–354 [in Russ.].
14. (2019) *Nalogi i nalogooblozheniye* [Taxes and taxation]. Moscow, Yurayt, 450 p. [in Russ.].
15. Ospanov M. T. (1997) *Nalogovaya reforma i garmonizatsiya nalogovykh otnosheniy* [Tax reform and harmonization of tax relations]. Sankt-Petersburg [in Russ.].
16. Orlova Ye. A., Morozova N. G. (2020) *Sbornik nauchnykh trudov po materialam III Mezhdunarodnogo nauchnogo foruma «Shag v budushcheye: iskusstvennyy intellekt i tsifrovaya ekonomika: Smart Nations: ekonomika tsifrovogo ravenstva» Gosudarstvennyy universitet upravleniya*. Moscow, pp. 164–170 [in Russ.].
17. Peronko I. A. (2001). *Problemy sovershenstvovaniya nalogooblozheniya v Rossiyskoy Federatsii i puti ikh resheniya* [Problems of improving taxation in the Russian Federation and ways to solve them. Abstract of thesis]. Moscow [in Russ.].
18. (2021) *Prikaz FNS Rossii ot 30.05.2007 no. MM-3-06/333@ “Ob utverzhdenii Kontseptsii sistemy planirovaniya vyyezdnykh nalogovykh proverok”* [Order of the Federal Tax Service of Russia dated 05/30/2007 N MM-3-06/333@ “On Approval of the Concept of the Planning System for Field Tax Audits”]. Available at: <http://www.consultant.ru>, accessed: 26.02.2021 [in Russ.].
19. (2021) *Prikaz FNS Rossii ot 05.03.2021 no. YED-7-1/173@ “Ob utverzhdenii Strategicheskoy karty FNS Rossii na 2021–2023 gody”* [Order of the Federal Tax Service of Russia dated 05.03.2021 No. EED-7-1/173@ “On approval of the Strategic Map of the Federal Tax Service of Russia for 2021–2023”]. Available at: <http://www.consultant.ru>, accessed: 26.03.2021 [in Russ.].
20. (2019) *Publichnaya deklaratsiya tseley i zadach FNS RF 2020* [Public declaration of goals and objectives of the Federal Tax Service of the Russian Federation 2020]. Available at: https://www.nalog.ru/html/sites/www.new.nalog.ru/docs/about_fts/pd2020_0520.pdf, accessed 27.02.2021 [in Russ.].
21. Os' O. S. (2016) *Kommentarii k nalogovomu kodeksu Rossiyskoy Federatsii* [Comments to the tax code of the Russian Federation]. Moscow, Os'-89, 128 p. [in Russ.].

22. Tsvetkov V. A., Shut'kov A. A., Dudin M. N., Lyasnikov N. V. (2017) *Finansy: teoriya i praktika*, vol. 21, no. 6 (102), pp. 34–49 [in Russ.].
23. Rogulenko T. M. (2020) *Tsifrovaya ekonomika — drayver razvitiya bukhgalterskogo ucheta, audita, kontrolya* [The digital economy is a driver for the development of accounting, auditing, control]. Moscow, RUSAYNS, 230 p. [in Russ.].
24. Ugryumova A. V. (2008) *Vestnik finansovoy akademii*, no. 4, pp. 150–154 [in Russ.].
25. Shurdumova E. G., Kankulova D. M. (2013) *Sovremennyye tendentsii v ekonomike i upravlenii: novyy vzglyad*, no. 22, pp. 130–135 [in Russ.].
26. Korzovatykh Z. M., Morozova N. G. (2021). AIP Conference Proceedings. Available at: <https://doi.org/10.1063/5.0036938>, accessed 11.03.2021.

МЕТОД ЦЕНТРОВ ОЦЕНКИ В УПРАВЛЕНИИ ЧЕЛОВЕЧЕСКИМИ РЕСУРСАМИ

К. К. Лукьянова, Д. И. Новикова

Донецкий национальный университет, Донецк, ДНР

Проанализирован метод центров оценки в управлении персоналом, приведены альтернативные способы создания каждого элемента оценочного центра. Проведена сравнительная характеристика альтернативных методов оценки и метода центра оценки. Представлен практический пример, иллюстрирующий использование центров оценки в реальных условиях организации. Авторами разработаны альтернативные элементы метода центров оценки для принятия решения о том, каким процедурам необходимо следовать, а также даны рекомендации по использованию данных об аттестованном сотруднике. Особое внимание уделяется методологии работ центров оценки.

Ключевые слова: *центр оценки, управление человеческими ресурсами, методы, оценка персонала.*

За последние несколько десятилетий стала заметной тенденция использования организациями центров оценки. Метод центров оценки используется для более широкого круга целей, чем в прошлом. Технологические достижения в области оценки и развития внедряются различными способами. Кроме того, изменения в работе организаций потребовали изменений в способах управления и контроля над человеческими ресурсами.

Метод центра оценки — это процедура, используемая менеджментом человеческих ресурсов (HRM) для оценки и развития персонала с точки зрения атрибутов или способностей, имеющих отношение к эффективности организации [9]. Несмотря на то что все центры оценки имеют общие черты, процесс можно адаптировать различными способами для достижения разных целей.

Цель данной статьи состоит в разработке альтернативных элементов метода центров оценки для принятия решения о том, каким процедурам необходимо следовать, чтобы грамотно организовать управление человеческими ресурсами на предприятии.

Отдельные теоретические положения относительно сущности метода центров оценки нашли отражение в работах таких зарубежных и отечественных исследователей, как Т. Ю. Базаров, С. В. Гуцыкова, Я. Н. Зубова, А. И. Исаенко и др.

Важной особенностью метода оценочного центра является использование имитационных упражнений для наблюдения за конкретным поведением участников. Эти упражнения, также называемые симуляциями, могут включать, например,

ситуации, требующие от участников подготовки письменного отчета после анализа проблемы, составления устного ответа по электронной почте и презентации входящих сообщений или разговора с клиентом о проблеме.

В дополнение к индивидуальным упражнениям групповые упражнения часто используются, если групповое взаимодействие является частью целевой работы. Такие упражнения могут включать ситуацию, когда несколько участников наблюдают за обсуждением организационной проблемы, следуют поведению, отображаемому в упражнениях, и проводят независимую оценку (мнение о том, что они видели).

Эти оценки в основном интегрированы. Результатом интеграции обычно являются сильные стороны оценки и благосостояние или принятие деловых решений. Однако чтобы понять сущность использования центров оценки в современных организациях, а также эволюцию метода центров оценки с течением времени, необходимо понимать меняющийся характер работы, сотрудников и организаций [13].

Во-первых, рынок труда значительно растет. Во-вторых, меняется структура рынка труда. В-третьих, в сфере труда произошли заметные изменения в неявных трудовых договорах. Необходимо проанализировать, что все эти изменения означают для управления человеческими ресурсами.

Увеличение кадрового резерва в сочетании с изменяющимся характером и содержанием договора между работником и работодателем оказывает дополнительное давление на HRM в плане разви-

тия инструментов, которые помогут организациям набирать, отбирать, обучать и удерживать самых талантливых специалистов. Из-за растущего разнообразия в составе рабочей силы и важности соблюдения различных законов о найме необходимо, чтобы эти инструменты были признаны соискателями и сотрудниками справедливыми, то есть свободными от различных форм предвзятости [3].

Организации должны быть в состоянии измерить атрибуты, необходимые для достижения успеха на определенных должностях. К таким атрибутам относятся адаптивность, аккультуризация, готовность и мотивация к обучению, а также другие групповые навыки. Изменение характера самих рабочих мест создает дополнительные трудности, которые сложно определить, измерить и развить.

Наконец, глобализация технологических достижений, сделавшая возможным удаленный бизнес, привела к созданию бизнес-структур, требующих инструментов для управления человеческими ресурсами, которые также являются удаленными, портативными, гибкими и безопасными.

В целом изменения в организационной среде изменили потребности в различных инструментах управления человеческими ресурсами и отношение соискателей и сотрудников к таким инструментам. Организациям необходимо уделять много внимания разработке, проверке и администрированию практик управления человеческими ресурсами, используя лучшие инструменты для достижения своих целей [12].

Метод центра оценки предлагает всеобъемлющий и гибкий инструмент для оценки и развития кандидатов и сотрудников в современной рабочей среде [2]. Центры оценки имеют много сильных сторон:

- они могут измерять сложные атрибуты;
- являются справедливыми по мнению участников;
- предсказывают состояние деловой среды.

Кроме того, последние технологические инновации были включены в метод центра оценки, чтобы позволить этому методу адаптироваться к глобализации и компьютеризации. Такие достижения включают компьютерное моделирование, передачу данных центра оценивания через Интернет, программное обеспечение для выставления оценок в письменной форме, тон голоса и другие релевантные атрибуты, а также другие средства автоматизации оценки [11].

Вот как работает один центр оценки. В понедельник утром 12 участников, или «оценщиков» (например, супервайзеры рассматриваются для повышения до высшего руководства), 6 «оценивающих» (например, линейные менеджеры третьего уровня, персонал отдела кадров) и администратор приезжают в центр, находящийся вдали от организации. До этого времени оценивающие были обучены критериям оценивания, а оценщики проинформированы о программе. В центре оценки администратор вводит информацию и просматривает расписание. В течение дня участники принимают участие в серии имитационных упражнений и наблюдаются экспертами [6]. В то время как шесть сотрудников участвуют в групповом обсуждении решения проблем, остальные шесть индивидуально анализируют тематическое исследование одной организационной проблемы и подготавливают письменный отчет. Затем каждый участник проводит сеанс проверки эффективности с «проблемным» сотрудником (ролевым игроком), представляет идеи по улучшению операций и анализирует материалы, которые накопились во входящих ящиках (электронная почта, голосовая почта, рабочая корзина на столе). Менеджеры (моделируемые оценщики) переходят от упражнения к упражнению с ноутбуками, подключенными через беспроводную сеть. В упражнениях они наблюдают и составляют заметки. После каждого упражнения они делают отчет, в котором резюмируются типы принятия решений в межличностном общении, за которыми им было поручено наблюдать. Об этом сообщает администратор центра оценки. Ротация экспертов такова, что за каждым участником наблюдают по крайней мере трое [1].

В конце дня оцениваемые уходят домой, в то время как эксперты проводят вечер и, возможно, следующий день, обсуждая свои наблюдения, и оценивают управленческий потенциал каждого объекта оценки. Каждый подробно обсуждается. Оценщики по очереди сообщают о наблюдаемом ими поведении, имеющем отношение к параметрам производительности. После того как все отчеты представлены, оценщики вводят свои оценки оцениваемого по каждому параметру эффективности, используя пятибалльную шкалу (электронную таблицу, созданную для иллюстрации оценщиков). С помощью таблицы обсуждаются различия в рейтингах до тех пор, пока оценщики не достигнут согласия. Затем составляются индивидуальные рейтинги вероятности успеха

в качестве менеджера более высокого уровня (то есть общий оценочный рейтинг по всем измерениям). Во многих программах оценщики затем обсуждают потребности оцениваемого в развитии и вносят предложения о том, что можно сделать для повышения эффективности работы.

На следующей неделе каждый оцениваемый получает устный и письменный отчет о том, насколько хорошо он или она справились. Детальность и специфика обратной связи зависят от причины использования центра оценки. Если центр будет использоваться для принятия кадровых решений, отчеты также могут быть представлены руководителям более высокого уровня, которые будут принимать такие решения. Когда центр оценки используется для диагностики потребностей в развитии, оцениваемый и его непосредственный руководитель могут получать обратную связь для планирования последующих действий [8].

Необходимо отметить, что это всего лишь один пример конкретного центра оценки.

Еще одна процедура, получившая более широкое распространение, — статистическая интеграция рейтингов. Например, некоторые организации вычисляют среднее значение оценок отдельных оценщиков для получения окончательных оценочных параметров; другие используют формулу для объединения окончательных оценочных параметров в общий прогноз успеха.

Метод центра оценки аналогичен некоторым процедурам оценки, но существенно отличается от других [15]. Для принятия кадровых решений существуют такие методы, как индивидуальная оценка, при которой практикующий специалист по оценке поочередно оценивает важные для работы характеристики отдельных лиц, чтобы сделать выводы о потенциале. Как правило, необходимо сделать целостное суждение о соответствии кандидата должности.

Для развития сотрудников используются такие методы, как обратная связь с несколькими источниками, которая включает в себя сбор опросов от нескольких оценщиков (например, руководителей, коллег, подчиненных) об эффективности оцениваемого. Обычно отчет обратной связи возвращается оцениваемому сотруднику. Как и центры аттестации, эти методы служат множеству целей, с обучением использованием психологических техник на работе.

Альтернативные методы оценки персонала включают использование форм личного анамне-

за, тестов способностей, проективных тестов, интервью, тесты честности и т. д. У каждого из этих методов есть свои сильные стороны, и многие из них оказались эффективными в прогнозировании управленческого успеха.

Ниже в таблице представлены сравнения некоторых характеристик центров оценки и других методов оценки [5].

Особенностью метода оценочного центра является то, как различные индивидуальные процедуры оценки используются в сочетании друг с другом [10].

Центр оценки может включать несколько различных типов методов оценки (например, тесты, имитационные упражнения, собеседования), более одного имитационного упражнения, представляющего важные элементы целевой работы, наблюдение за сложным поведением, относящимся к управленческим компетенциям, наличие нескольких обученных оценщиков (часто включая менеджеров более высокого уровня), а также систематический процесс объединения наблюдений и интеграции оценок.

Результатом работы центра оценки является оценка нескольких управленческих компетенций и, во многих случаях, общая оценка потенциала для достижения успеха на целевых должностях.

Имитационные упражнения — одна из отличительных черт метода оценочного центра. Моделирование дает возможность наблюдать за поведением кандидатов, когда они взаимодействуют с другими людьми, решают проблемы и действуют в соответствии со своими установками. Эти упражнения не обязательно должны быть образцами реальной работы [4].

Образец работы — это подробная копия одного из сегментов реальной рабочей ситуации. Упражнение в центре оценки для менеджеров может быть образцом работы (например: реальной проблемой, стоящей перед организацией), но это не обязательно должно быть полной копией элемента задания. Вместо этого может быть только частичное моделирование задания.

Наиболее важной характеристикой индивидуальных упражнений-симуляторов является то, что они вызывают явное поведение, имеющее отношение к делу [7].

Центры оценки могут представить ценную информацию для большого количества функций (например, ведение организационной структуры предприятия), которые выполняются любой си-

Сравнение характеристик альтернативной оценки. Методы и центры оценки

Альтернативные методы оценки (использование форм личного анамнеза, тестов способностей, проективных тестов, интервью, тесты честности и т. д.)	Метод центра оценки
<i>Индивидуальная оценка</i>	
Составлено целостное суждение; оценка проводится одним человеком; одновременно оценивается один человек	Конкретные суждения могут быть объединены в общую оценку; оценка проводится несколькими людьми; одновременно оценивается несколько человек
<i>Обратная связь</i>	
Оценщики не проходят обучение; обратная связь в основном записывается; используется несколько оценщиков, например: подчиненные, клиенты и т. д.	Оценщики проходят обширный курс обучения; обратная связь часто устная и письменная; используется несколько оценщиков, но обычно от высшего руководства, отдела кадров или извне организации
<i>Поведенческое интервью</i>	
Самостоятельно подготовленные отчеты о прошлом поведении; могут быть подделаны	Наблюдение за текущим поведением; трудно подделать: кандидат должен демонстрировать реальное поведение
<i>Ситуационное интервью</i>	
Самостоятельно подготовленный отчет о будущем поведении	Наблюдение за реальным текущим поведением
<i>Тесты когнитивных способностей</i>	
Назначаются абстрактные проблемы; возможности, вытекающие из ответов на вопросы; может вызвать неблагоприятное воздействие	Определенные, конкретные проблемы, связанные с работой; требуется демонстрация открытого поведения; вызвано незначительное неблагоприятное воздействие
<i>Анкета личности</i>	
Легко подделать; самоописание; измеряются стабильные черты; низкая валидность лица	Трудно подделать; описан наблюдателями; может измерять как стабильные черты, так и развиваемые навыки; участники отзываются положительно

Источник: составлено авторами.

стеймой HRM в организации [14]. Эти функции призваны гарантировать, что организация набирает, отбирает, обучает, оценивает и удерживает персонал таким образом, чтобы поддерживать цели организации.

Центры оценки объективны и не предвзяты по отношению к людям из расовых, гендерных и возрастных групп и, таким образом, полезны в продвижении целей организаций, имеющих дело с управлением человеческими ресурсами, меняющим персонал.

Приведем краткий пример, показывающий, как центры оценки использовались в реальных условиях организации по этапам [3].

1. *Подбор.* Любая организация должна привлекать постоянный поток талантливых и мотивированных людей, готовых занять все должности в ор-

ганизации. Источник нового персонала может располагаться вне организации (в виде соискателей) или внутри организации (в виде акций и трансфертов). Так, Diamond Star Motors, совместное предприятие Chrysler и Mitsubishi использовали метод центра оценки, чтобы показать соискателям, что они испытают в японской системе управления. Также были использованы результаты оценочного центра для принятия решения о выборе. В лабораториях Лоуренса Ливермора центр оценки использовался, чтобы показать инженерам и ученым, что влечет за собой управление, и дать им возможность открыть для себя некоторые из сильных управленческих сторон. Этот опыт помог привлечь некоторых сотрудников на руководящие должности.

2. *Отбор.* Организации должны решить, кого выбрать, а кого нет. Выбор процедуры принятия

соискателя на должность должен помочь организации идентифицировать людей, которые могут добиться успеха на работе. Но организации не должны допускать дискриминации.

Например, центры оценки использовались для проверки и отбора пилотов (Damitz, Manzey, Kleinmann & Severin, 2003), инструкторов по программе обучения производителей автомобилей (Franks, Ferguson, Rolls & Henderson, 1999) и полицейских (Coulton & Feild, 1995).

3. *Наём.* Часто есть несколько возможных должностей, на которые могут быть назначены новые сотрудники. В идеале, назначение приводит к тому, что требования к должности хорошо соответствуют сильным сторонам человека. Так, в программе набора стажеров по менеджменту Sears использовали оценочный центр не только для отбора кандидатов, но также и для замещения сотрудников на наиболее подходящих должностях. Например, люди, обладающие навыками устного общения, были назначены на работу, требующую частых коммуникаций с клиентами. Тогда как люди, испытывающие трудности в планировании, были переданы менеджерам с хорошими навыками планирования.

4. *Развитие.* Обучение и развитие — это процесс передачи соответствующего знания, навыка, способности и других характеристик, необходимых человеку для эффективного функционирования организации. Центры оценки использовались для диагностики недостатков сотрудников и обучения навыкам в отдельных областях.

5. *Оценка производительности.* Организациям необходимы процедуры для оценки профессиональных навыков сотрудников. В большинстве организаций непосредственный руководитель ежегодно проводит аттестацию. В остальных случаях оценочные центры были использованы для подтверждения компетентности отдельных лиц для выполнения требуемых технических заданий. В этих ситуациях упражнения часто являются образцами работы.

6. *Организационное развитие.* Под организационным развитием понимается набор процедур, улучшающих эффективность отдела или всей организации. Развитие организации отличается от развития менеджмента, в котором цель заключается в улучшении индивидуальных навыков. Многие организации используют крупномасштабные сложные организационные симуляции как средство содействия организационному развитию.

Например, есть центр оценки, разработанный для крупного городского поставщика услуг, который использовался для отбора наиболее подходящих кандидатов на должности.

7. *Планирование отбора персонала.* Эффективные организации прогнозируют будущий спрос на определенные навыки и определяют предложение этих навыков в своей текущей рабочей силе. Так, подразделение Kodak обнаружило, что оценочный центр выявил общий недостаток среди своих менеджеров первого и второго уровня в навыках управленческого контроля (то есть применение методов для определения того, был ли рабочий процесс или проект завершен своевременно и сделан качественно).

8. *Продвижение.* Возложить на себя новый, более высокий уровень ответственности — важное решение для сотрудника и для персонала, которым он или она будет руководить. К примеру, AT & T и многие компании Bell использовали центры оценки для определения потенциала сотрудников в достижении успеха на руководящих должностях.

9. *Сокращение.* Когда организация должна сократить количество своих сотрудников по экономическим причинам или из-за изменений в ее структуре, она сталкивается с трудными решениями относительно того, кого уволить, а кого оставить.

Так, подразделение безопасности Хоффмана использовало центр оценки для моделирования должностных требований реорганизованного отдела. Каждому сотруднику была предоставлена возможность продемонстрировать свои способности в новой должности. Участники сообщили, что, по их мнению, оценочный центр дает хороший шанс продемонстрировать соответствующие навыки [1].

Итак, эти краткие примеры демонстрируют широкое разнообразие применений метода оценочного центра. Однако это не означает, что все центры оценивания похожи или что существует только одна модель центра оценки. Как раз наоборот. Модель оценочного центра зависит от цели, которой он будет служить и от типа климата, который организация хочет создать.

Чтобы быть устойчивыми, центры оценки должны соответствовать культуре и среде организации. Подход организации к управлению человеческими ресурсами и реакция участников являются важными факторами при адаптации метода центров оценки.

Организации сильно различаются по типу систем управления человеческими ресурсами, которые они используют [14]. Некоторые из них жесткие и механистические; другие, наоборот, гибкие и гуманные. Процесс оценки является одним из проявлений разной ориентации сотрудников в организации; они будут отличаться от организации к организации, в зависимости от характера организации, требований контекста и образа, который организация желает создать [5].

Центр оценки достаточно гибкий, для адаптирования к различным принципам управления человеческими ресурсами. Центр оценки может моделировать тип отношений, которые организация хочет развивать со своими сотрудниками. Например, в соответствии с договоренностями в ремеслах Anheuser-Busch использует образцы рабочих процедур (рабочего процесса) для оценки должностей квалифицированных рабочих, таких как механики на командном уровне и сантехники [3].

AT & T и ряд операционных компаний в телефонной отрасли следуют модели отбора, основанной на должностных заслугах, и используют центр оценки для повышения по службе до супервайзера первого уровня.

Подразделение Kodak следовало модели карьерного роста, создав ряд центров оценки, чтобы стимулировать карьерный рост технического персонала, руководителей первого уровня и руководителей отделов.

В поисках сотрудников для работы на своем сборочном предприятии, руководствуясь философией, основанной на обязательствах, Diamond Star Motors использовала центр оценки для моделирования заводских условий, требующих тесной командной работы и постоянного совершенствования рабочих навыков.

Вывод

Деятельность центра оценки обычно генерирует большой объем данных о человеке, прошедшем аттестационный центр. Эти оценочные данные бывают разных форм и могут включать заметки наблюдателя, отчеты об эффективности упражнений, оценки экспертов, оценки коллег, бумажные или компьютеризированные тесты, а также заключительные отчеты центра оценки. Этот список не является исчерпывающим, но указывает объем необходимой информации о человеке, который может быть принят на ту или иную должность.

Предлагаются следующие рекомендации по использованию этих данных:

1. Оцениваемые, являющиеся членами организации, имеют право читать любые официальные сводные письменные отчеты, касающиеся их собственных результатов и рекомендаций, которые подготовлены и представлены руководству. Кандидатам на прием в организацию следует сообщить как минимум окончательную рекомендацию и, если возможно (и по запросу заявителя), причину рекомендации.

2. Организация должна проинформировать оценивающего о том, какие записи и данные собираются, хранятся, используются и распространяются.

3. Если организация решает использовать результаты оценки в целях кроме тех, о которых было объявлено изначально и которые могут повлиять на оцениваемого, сотрудник должен быть проинформирован и дать согласие.

Каждая организация должна осознавать, что методы управления человеческими ресурсами и процедуры оценки оказывают сильное влияние на отношение и поведение соискателей и сотрудников. Если с сотрудниками обращаются рутинно и механически, они могут прилагать лишь ограниченные усилия. Но если с ними обращаются справедливо и индивидуально, они с большей вероятностью приложат дополнительные усилия в работе [9].

Для более эффективного применения метода центров оценки авторами предлагаются следующие альтернативные элементы:

- подготовка к проведению оценки персонала;
- формирование критериев оценивания;
- моделирование заданий для оценивания;
- создание плана проведения;
- обучение экспертов-наблюдателей;
- анализ результатов;
- заключение по результатам;
- итоговое собеседование с участниками;
- принятие кадровых решений исходя из полученных результатов.

Существует достаточно свидетельств того, что соискатели и сотрудники весьма положительно относятся к методу центра оценки. Были проведены исследования реакции участников на центры оценки, используемые для различных целей. Кандидаты на должности операционных управляющих рассматривают эту процедуру как справедливый процесс отбора. Кандидаты на повышение считают, что этот метод дает им

шанс продемонстрировать свой управленческий потенциал. Как успешные, так и неуспешные участники оценочного центра выказывают положительную реакцию.

Список литературы

1. Brannick M. T., Michaels C. E., Baker D. P. Construct validity of in-basket scores // *Journal of Applied Psychology*. 1989. Vol. 74. Pp. 957–963.
2. Feldman J. Beyond attribution theory: Cognitive processes in performance appraisal // *Journal of Applied Psychology*. 1981. No. 66. Pp. 127–148.
3. Garcia L. T., Erskine N., Hawn K., Casmay S. R. The effect of affirmative action on attributions about minority group members // *Journal of Personality*. 1981. No. 49. Pp. 427–437.
4. Haaland S., Christiansen N. D. Implications of trait-activation theory for evaluating the construct validity of assessment center ratings // *Personnel Psychology*. 2002. No. 55. Pp. 137–163.
5. Mitchel J. O. Assessment center validity: A longitudinal study // *Journal of Applied Psychology*. 1975. No. 60. Pp. 573–579.
6. Pinolli P.L., Anderson J.R. The role of learning from examples in the acquisition of recursive programming skills. // *Canadian Journal of Psychology*, 39, 240–272, 1985.
7. Базаров Т. Ю. Технология центров оценки персонала: процессы и результаты. М. : КНОРУС, 2011. 300 с.
8. Гуцыкова С. В. Метод экспертных оценок. Теория и практика. V/ : Litres, 2019. 419 с.
9. Зубова Я. Н. Оценка эффективности персонала : учеб. пособие. Ухта : УГТУ, 2011. 118 с.
10. Исаенко А. И. Кадры управления в корпорациях США. М. : Наука, 1988. 140 с.
11. Киселева М. Н. Оценка персонала. СПб. : Питер, 2015. 256 с.
12. Козак Н. Н. Оценка персонала и эффективности управления. Библиотека топ-менеджера. М. : Юнион, 2018. 229 с.
13. Мехтиханова Н. Н. Психологическая оценка персонала. М. : Litres, 2017. 438 с.
14. Охотский Е. В. Служебная карьера. М. : Экономика. 301 с.
15. Рыжова Н. В., Михеев Ю. Д. Центр оценки. Шаг за шагом. Навигатор по разработке и проведению. М. : Litres, 2017. 142 с.

Сведения об авторах

Лукьянова Ксения Константиновна — кандидат экономических наук, доцент кафедры управления персоналом и экономики труда Донецкого национального университета, Донецк, ДНР. k.lukianova@donnu.ru

Новикова Дарина Игоревна — студентка второго курса экономического факультета Донецкого национального университета, Донецк, ДНР. rinastren666@mail.ru

Bulletin of Chelyabinsk State University.

2021. № 10 (456). *Economic Sciences. Iss. 74. Pp. 156–163*

ASSESSMENT CENTERS METHOD IN HUMAN RESOURCES MANAGEMENT

K. K. Lukyanova

Donetsk National University, Donetsk, DPR. k.lukyanova@donnu.ru

D. I. Novikova

Donetsk National University, Donetsk, DPR. rinastren666@mail.ru

Over the past few decades, there has been a noticeable trend in the use of assessment centres by organizations. Evaluation centres are used for a wider range of purposes than in the past. Technological advances in assessment and development are being incorporated into this method in a variety of ways. In addition, changes in the way organizations operate required changes in the way people manage and control human resources. The article provides alternative ways of creating each element of the assessment center and deciding which procedures to follow. Particular attention is paid to the methodology of work of the assessment centers and the presentation of specific examples.

Keywords: *assessment center, human resource management, methods, personnel assessment*

References

1. Brannick M. T., Michaels C. E., Baker D. P. (1989) *Journal of Applied Psychology*, no. 74, pp. 957–963.
2. Feldman J. (1981) *Journal of Applied Psychology*, no. 66, pp. 127–148.
3. Garcia L. T., Erskine N., Hawn K., Casmay S.R. (1981) *Journal of Personality*, no. 49, pp. 427–437.
4. Haaland S., Christiansen N. D. (2002) *Personnel Psychology*, no. 55, pp. 137–163.
5. Mitchel J. O. (1975) *Journal of Applied Psychology*, no. 60, pp. 573–579.
6. Pinolli P. L., Anderson J. R. (1985) *Canadian Journal of Psychology*, no. 39, pp. 240–272.
7. Bazarov T. Yu. (2011) *Technology of personnel assessment centers: processes and results*. Moscow, KnoRus. 300 p. [in Russ.].
8. Gutsykova S. V. (2019) *Method of expert assessments. Theory and practice*. Moscow, Liters. 419 p. [in Russ.].
9. Zubova Ya. N. (2011) *Assessment of the effectiveness of personnel: a tutorial*. Ukhta, USTU. 118 p. [in Russ.].
10. Isaenko A. I. (1988) *Management personnel in US corporations*. Moscow, Nauka, 140 p. [in Russ.].
11. Kiseleva M. N. (2015) *Assessment of personnel*. Sankt-Petersburg, Piter. 256 p. [in Russ.].
12. Kozak N. N. (2018) *Assessment of personnel and management efficiency*. Top manager's library. Moscow, Union. 229 p. [in Russ.].
13. Mekhtikhanova N. N. (2017) *Psychological assessment of personnel*. Moscow, Litres, 438 p. [in Russ.].
14. Okhotskiy E. V. *Service career*. Moscow, Economics. 301 p. [in Russ.].
15. Ryzhova N. V., Mikheev Yu. D. (2017) *Evaluation Center. Step by step*. Navigator for development and implementation. Moscow, Liters. 142 p. [in Russ.].

ВОЗМОЖНОСТИ МЕТОДИК ОЦЕНКИ ВЕРОЯТНОСТИ БАНКРОТСТВА В РОССИЙСКОЙ ПРАКТИКЕ

Э. А. Аксенова, Е. С. Силова

Челябинский государственный университет, Челябинск, Россия

Институт банкротства является важным институтом финансового менеджмента, который регулирует эффективность компаний в экономике и используется многими заинтересованными лицами (собственниками, инвесторами, аналитиками и др.) для анализа состояния и перспектив развития организации. Существует достаточно большое количество методик анализа вероятности банкротства. В работе проведен сравнительный анализ методик анализа банкротства зарубежных и отечественных авторов, а также на примере конкретной организации — ООО «Западно-Сибирская сервисная компания» — произведены расчеты по этим методикам. Выявлены достоинства и недостатки основных применяемых для анализа вероятности банкротства методик, оценена их применимость для российских компаний. Важным элементом новизны также является критический анализ большого количества методик анализа вероятности банкротства и оценка возможности их применения в российской практике.

Ключевые слова: банкротство, методика анализа банкротства, модель анализа банкротства.

В современной экономической литературе существует достаточно много исследований проблемы оценки и анализа вероятности банкротства и уровня платежеспособности и финансовой устойчивости предприятия. А. Н. Афанасьева и Н. Ф. Ефимова анализируют применение моделей оценки степени банкротства предприятий [1]. Современные особенности применения подобных моделей к российским предприятиям выявляет Т. М. Жукова [5]. Проблемы правового регулирования банкротства и анализом преднамеренного и фиктивного банкротства занимаются А. И. Бурыкина, О. С. Лазарева и др. [3, 7, 8, 12, 14, 15]. О. Е. Бехтина, проводя сравнительный анализ различных методик оценки вероятности банкротства, приходит к выводу, что нет единой совершенной методики, подходящей всем предприятиям [2].

Действующие нормативные документы, а также зарубежная и отечественная экономическая литература содержат различные модели и методы к выявлению признаков банкротства. Модели вероятности банкротства — это инструменты прогнозирования рисков, которые позволяют снизить степень неопределенности знаний о рисках исследуемого объекта [9]. На основе изучения различных моделей И. И. Лямкин и О. И. Шершнева разработали алгоритм действий, направленных на предотвращение банкротства компании, включающий мониторинг рисков банкротства с использованием моделей оценки вероятности банкротства,

построенных на основе как мультипликативного дискриминантного анализа, так и регрессионного логистического анализа, выявление проблемных зон, разработку и осуществление необходимых мероприятий [9]. А. А. Мочалина подчеркивает необходимость выявления признаков банкротства на самых ранних стадиях и предлагает для этого перечень мероприятий [10]. А. А. Садыкова уделяет особое внимание проблеме изучения рисков при диагностике банкротства [13].

Наиболее известной моделью прогнозирования несостоятельности предприятий является Z-счет Альтмана [8]. К достоинствам данной модели можно отнести то, что переменные в ней отражают различные аспекты деятельности предприятия, возможно динамическое прогнозирование изменений финансовой устойчивости. Недостатком является тот факт, что модель применима только в отношении акционерных обществ, чьи акции обращаются на рынке ценных бумаг. Даже если определить курсовую стоимость акции как отношение суммы дивиденда к среднему уровню среднего процента, оценка будет иметь большую погрешность.

Модель Фулмера применяется для разного рода фирм, в том числе финансово устойчивых [4]. Точность прогнозов по модели Фулмера составляет более 80 %, что говорит о их значительной надежности. Также в модели задействовано большое количество факторов, что, с другой стороны, несколько затрудняет расчеты. Эффективность

данной модели прогнозирования банкротства проявляется в том, что она позволяет оценивать финансовое состояние предприятия в полном объеме вне зависимости от масштабов. С точки зрения внешних участников рынка, сложность возникает в этой модели на этапе сбора информации: не всегда можно найти необходимые показатели в открытом доступе. В связи с чем результаты могут получаться недостоверными.

Модель Таффлера была разработана в Великобритании в конце 1970-х гг. по результатам использования модели Альтмана на большом количестве статических данных британских предприятий. В качестве дополнительных факторов использовались показатели соотношения прибыли от реализации и краткосрочных обязательств; соотношение краткосрочных обязательств и активов, отношение выручки к активам. Пограничным значением для оценки финансового состояния является величина $Z > 0,3$. Достоинствами модели являются простота расчета, возможность применения для внешнего диагностического анализа. К недостаткам можно отнести то факт, что модель направлена больше на компании, которые активно торгуют акциями на фондовом рынке. Модель не учитывает условия российской экономики. Точность расчетов зависит от исходной информации организации.

Модель Лиса использует набор показателей финансового состояния, в том числе показатели ликвидности, рентабельности и финансовой устойчивости. Данные показатели зависят от величины активов, соответственно модель базируется на предпосылке о зависимости ликвидности компании от ее активов.

Одной из отечественных моделей прогнозирования банкротства является модель О. П. Зайцевой [6]. Тестирование по исследуемой выборке субъектов хозяйствования показало, что она позволяет довольно быстро провести экспресс-анализ финансового состояния производственных предприятий и достаточно точно оценить степень вероятности их банкротства. Преимуществами модели Зайцевой являются простота ее использования в российских условиях и легкость интерпретации. Среди минусов можно отметить только необходимость привлечения сведений о коэффициенте загрузки за прошлые периоды.

Применение иностранных методик к российским предприятиям вызывает ряд трудностей. Так, пятифакторная модель прогнозирования банкротства Альтмана подходит лишь ограниченно-

му кругу компаний, так как большинство российских компаний не обращают свои акции на фондовом рынке, что и является главной трудностью модели. Таким образом, данная модель не является универсальной, а в случае с анализируемым нами предприятием и вовсе не подходит для финансового анализа.

Еще одной весьма популярной моделью зарубежных авторов является модель Таффлера. За рубежом данная модель получила распространение благодаря высокой точности результатов. Но в условиях российской экономики она ненадежна. Эта модель, аналогично модели Альтмана, имеет ограниченную область применения, так как наиболее эффективна для предприятий, которые котируют свои акции на фондовом рынке. Однако ее использование и для остальных организаций вполне реально. Точность расчетов зависит всецело от достоверности информации, представленной самой организацией.

Модели прогнозирования банкротства Лиса и Спрингейта имеют схожие показатели для расчета, и в них прослеживается несколько аналогичный подход к вычислению итогового значения показателя вероятности банкротства. Отметим, что в условиях применения моделей для российских компаний результаты могут быть не совсем корректны и излишне завышены, так как большее значение в данных моделях уделяется прибыли от продаж, которая учитывается без сумм налогообложения. Таким образом, согласно данным моделям, чем больше уровень продаж у предприятия, тем больше у него шансов избежать кризисных ситуаций и сохранить свою финансовую устойчивость.

Зарубежные модели прогнозирования банкротства следует использовать с большой осторожностью для российских организаций. Это обусловлено различными подходами к оценке инфляционных факторов, различиями в законодательной, информационной базе, а также необходимостью учета применения санкций к российским компаниям.

Зарубежные модели не учитывают отраслевую специфику и риски, так как они были созданы как универсальные. Однако практика финансового менеджмента показывает, что средние значения рентабельности, ликвидности и платежеспособности серьезно зависят от отрасли, и это необходимо учитывать.

Российские экономисты постарались адаптировать модели к российским экономическим реалиям.

Отечественная модель Зайцевой универсальна для применения в российских условиях, так как имеет большое преимущество — она учитывает особенности национальной экономики. Модель представлена комплексом показателей, которые определяют степень устойчивости предприятия в совокупности, а также степень влияния каждого из них. Анализируя деятельность ООО «Западно-Сибирская сервисная компания» (ЗССК) и опираясь на детальные расчеты, можно установить высокую степень вероятности несостоятельности, а также сделать вывод, отчего такая ситуация могла наступить. Вероятность банкротства ЗССК обусловлена превышающим ростом заемного капитала над собственным, а также уменьшением деловой активности предприятия.

Модель прогнозирования Сайфуллина — Кадыкова отличается простотой и понятностью расчета для любой отрасли. Нельзя не отметить, что преимуществом является ее адаптация к условиям страны. Точность модели достаточно высока, что делает ее универсальной для экспресс-оценки российских компаний.

В таблице ниже представлены основные показатели (факторы), используемые в рассматриваемых методиках для оценки вероятности банкротства.

В моделях, разработанных отечественными специалистами для оценки риска банкротства, стоит обращать внимание на следующее:

- в моделях учтены факторы, которые рассчитываются по исходным данным, содержащимся в российской бухгалтерской отчетности;
- некоторые модели применимы для организаций определенных отраслей (модель Г. В. Давыдовой и А. Ю. Беликова — для торго-

вых предприятий, модель Г. В. Савицкой — для сельскохозяйственных предприятий).

Таким образом, можно сделать вывод, что разработанные российскими учеными модели более адаптированы к особенностям ведения бизнеса в нашей стране, следовательно, они значительно выигрывают по сравнению с зарубежными моделями. Но стоит отметить, что для точного прогнозирования необходим комплексный подход, который будет учитывать не только официальную отчетность предприятия, а также результаты детального внутреннего управленческого анализа.

Для оценки вероятности наступления банкротства по рассмотренным моделям было выбрано ООО «ЗССК», зарегистрированное 1 ноября 2007 г. Численность работников ЗССК — 20 человек. Уставный капитал — 45 022 500 руб. Основной вид деятельности — строительство жилых и нежилых зданий.

Динамика рассчитанных показателей вероятности банкротства ЗССК за период 2016–2020 гг. по модели Фулмера представлена на рис. 1.

Анализируя динамику показателя вероятности несостоятельности ЗССК по модели Фулмера, можно заметить, что тенденция изменения его значения имеет отрицательный характер — в течение всего анализируемого периода оно уменьшается. Произошло уменьшение с 7,192 в 2016 г. до –0,448 в 2020 г., тогда как нормативным значением является 0. Если значение показателя меньше нуля, вероятность банкротства велика. Большое влияние на ухудшение значения оказали два показателя. Первый — нераспределенная прибыль, которая за период 2016–2018 гг. стала уменьшаться, а в 2019 г. и вовсе стала отрицательной. Вторым

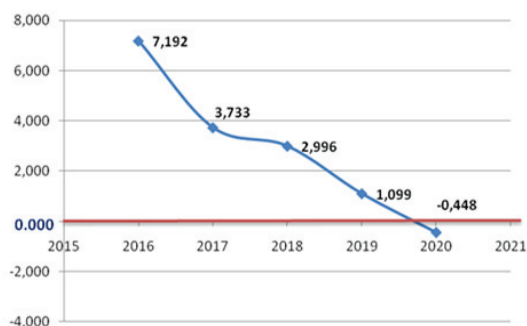

Рис. 1. Динамика показателя вероятности банкротства ООО «Западно-Сибирская сервисная компания» за период 2016–2020 годов по модели Фулмера

Источник: рассчитано и составлено авторами на основе данных финансовой отчетности ЗССК.

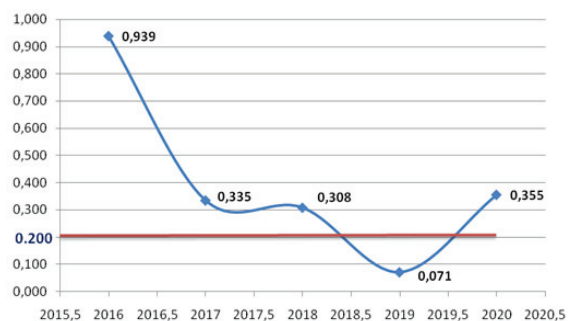

Рис. 2. Динамика показателя вероятности наступления банкротства ООО «Западно-Сибирская сервисная компания» за период 2016–2020 годов по модели Таффлера

Источник: рассчитано и составлено авторами на основе данных финансовой отчетности ЗССК.

Факторы вероятности банкротства

Модель	Факторы, используемые в модели	Уравнение
Пятифакторная модель Альтмана	X_1 — собственный оборотный капитал / сумма активов; X_2 — нераспределенная прибыль / сумма активов; X_3 — прибыль до налогообложения / сумма активов; X_4 — рыночная стоимость собственного капитала / заемный капитал; X_5 — выручка / сумма активов	$Z = 1,2X_1 + 1,4X_2 + 3,3X_3 + 0,6X_4 + 1,0X_5$
Модель Фулмера	X_1 — нераспределенная прибыль прошлых лет / сумма активов; X_2 — выручка / сумма активов; X_3 — прибыль до налогообложения / собственный капитал; X_4 — денежный поток / обязательства (краткосрочные + долгосрочные); X_5 — долгосрочные обязательства / сумма активов; X_6 — краткосрочные обязательства / сумма активов; X_7 — log (материальные активы); X_8 — оборотный капитал / обязательства; X_9 — log [(прибыль до налогообложения / проценты к уплате) + 1]	$H = 5,528X_1 + 0,212X_2 + 0,073X_3 + 1,270X_4 - 0,120X_5 + 2,335X_6 + 0,575X_7 + 1,083X_8 + 0,894X_9 - 6,075$
Модель Таффлера	X_1 — прибыль от реализации / краткосрочные обязательства; X_2 — оборотные активы / сумма обязательств; X_3 — краткосрочные обязательства / сумма активов; X_4 — выручка / сумма активов	$Z = 0,53X_1 + 0,13X_2 + 0,18X_3 + 0,16X_4$
Модель Лиса	X_1 — оборотный капитал / сумма активов; X_2 — прибыль от реализации / сумма активов; X_3 — нераспределенная прибыль / сумма активов; X_4 — собственный капитал / заемный капитал	$Z = 0,063X_1 + 0,092X_2 + 0,057X_3 + 0,001X_4$
Модель Зайцевой	X_1 — коэффициент убыточности предприятия, характеризующийся отношением чистого убытка к собственному капиталу; X_2 — коэффициент соотношения кредиторской и дебиторской задолженности; X_3 — показатель соотношения краткосрочных обязательств и наиболее ликвидных активов, этот коэффициент является обратной величиной показателя абсолютной ликвидности; X_4 — убыточность реализации продукции, характеризующийся отношением чистого убытка к объему реализации этой продукции; X_5 — коэффициент финансового левериджа (финансового риска) — отношение заемного капитала (долгосрочные и краткосрочные обязательства) к собственным источникам финансирования; X_6 — коэффициент загрузки активов как величина, обратная коэффициенту оборачиваемости активов, — отношение общей величины активов предприятия (валюты баланса) к выручке	$K = 0,25X_1 + 0,1X_2 + 0,2X_3 + 0,25X_4 + 0,1X_5 + 0,1X_6$
Модель Сайфуллина — Кадыкова	X_1 — коэффициент обеспеченности собственными средствами; X_2 — коэффициент текущей ликвидности; X_3 — коэффициент оборачиваемости активов; X_4 — рентабельность продаж; X_5 — рентабельность собственного капитала	$R = 2X_1 + 0,1X_2 + 0,08X_3 + 0,45X_4 + X_5$

Источник: составлено авторами на основе сопоставления различных методик.

компонентом, который отрицательно повлиял на динамику показателя, является денежный поток, который, аналогично нераспределенной прибыли, в 2016–2018 гг. уменьшался, а в 2019 г. стал отрицательным. Подобное значение денежного потока говорит о том, что организация тратит больше, чем зарабатывает. Такие изменения в данных финансовой отчетности привели к ухудшению состояния организации. Отрицательная динамика показателя ЗССК по модели Фулмера свидетельствует о большой вероятности банкротства организации.

Анализ рассчитанных показателей вероятности несостоятельности ЗССК по модели Таффлера за период 2016–2020 гг. представлен на рис. 2.

Как видно на рис. 2, показатель вероятности банкротства ЗССК, рассчитанный по модели Таффлера, имеет нестабильную динамику. С 2016 по 2017 г. происходит резкое падение значения с 0,939 до 0,335. С 2017 по 2019 г. наблюдается падение до 0,071, что ниже нормативного значения — 0,2. В 2020 г. происходит скачок показателя в положительную сторону, и значение становится равно 0,335. Прослеживается нестабильное изменение двух составляющих показателя. Подобным нестабильным образом меняется третий коэффициент, который определяется как отношение краткосрочных обязательств к сумме активов. Коэффициент к 2020 г. увеличился за счет роста краткосрочных обязательств и уменьшения суммы активов. Увеличение краткосрочных обязательств свидетельствует о том, что возможны дополнительные финансовые затраты на урегулирование отношений с кредиторами. Также повлияло на итоговое значение показателя изменение прибыли от реализации. Ее тенденция нестабильна. С 2016 по 2018 г. происходит ее постепенное уменьшение, в 2019 г. она становится отрицательной. К 2020 г. значение остается отрицательным, но наблюдается изменение в положительную сторону. Таким образом, сопоставляя два этих показателя, мы можем предположить, что прибыль изменяется в положительную сторону за счет увеличения краткосрочных обязательств. Если в 2019 г. организации приходилось платить по долгам за счет прибыли, то в 2020 г. организация может расплачиваться по долгам частично средствами краткосрочных обязательств. Итоговые значения сложно интерпретировать с полной уверенностью, ввиду того что модель не учитывает особенности российской экономики.

Динамика показателя вероятности банкротства по модели Таффлера за большую часть анализируемого периода имеет отрицательную тенденцию, что говорит о прослеживающемся ухудшении финансового состояния ЗССК. Проанализировать тенденцию показателя вероятности банкротства предприятия по модели Лиса за период 2016–2020 гг. возможно по рис. 3.

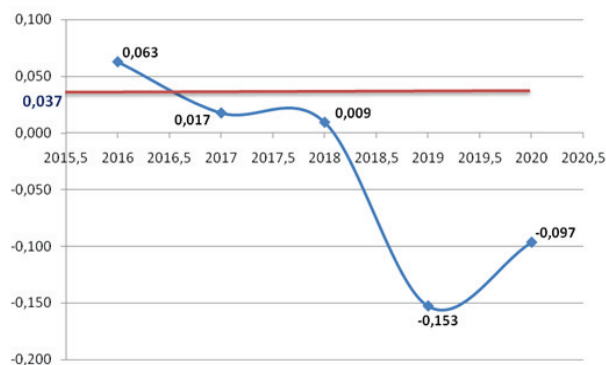

Рис. 3. Динамика показателя вероятности банкротства ООО «Западно-Сибирская сервисная компания» за период 2016–2020 годов по модели Лиса

Источник: рассчитано и составлено авторами на основе данных финансовой отчетности ООО «Западно-Сибирская сервисная компания».

Показатель вероятности несостоятельности ЗССК по модели Лиса на начало анализируемого периода имеет значение 0,063, что выше нормативного — 0,037, и свидетельствует о нормальном состоянии организации. К 2017 г. значение показателя уменьшается до 0,017, что ниже нормативного значения. К 2019 г. показатель становится отрицательным, сигнализируя о критическом состоянии предприятия. В 2020 г. происходит незначительное улучшение показателя за счет положительной тенденции — росту прибыли от реализации и нераспределенной прибыли. Однако стоит учесть, что модель показывает завышенную оценку, так как на итоговый показатель оказывает влияние прибыль без учета финансовой деятельности и налогового режима. С 2017 г. показатель, рассчитанный по данной модели, имеет неудовлетворительные значения, свидетельствующие о неэффективной работе организации — велика вероятность несостоятельного положения предприятия.

На рис. 4 отражена динамика показателя вероятности банкротства ЗССК, определенная по модели Спрингейта за период 2016–2020 гг.

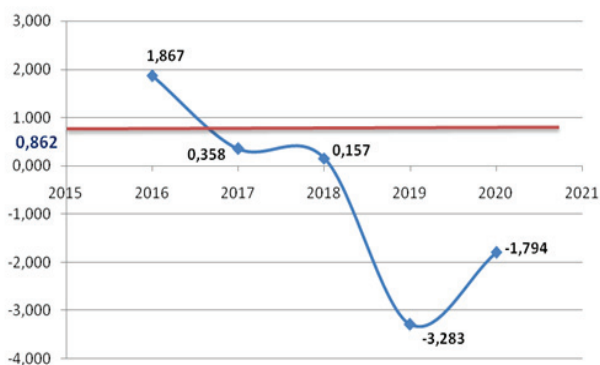

Рис. 4. Динамика показателя вероятности банкротства ООО «Западно-Сибирская сервисная компания» за период 2016–2020 годов по модели Спрингейта

Источник: рассчитано и составлено авторами на основе данных финансовой отчетности ЗССК.

По модели Спрингейта тенденция показателя вероятности несостоятельности организации аналогична двум вышерассмотренным зарубежным моделям (Фулмера и Лиса). В 2016 г. значение свидетельствует о низкой вероятности банкротства. Начиная с 2017 г. значения прогрессивно отклоняются от нормативного, в 2020 г. прослеживается небольшое улучшение показателя. Нельзя не отметить, что такое изменение происходит в большей степени из-за нестабильного изменения прибыли, а между переменными имеется высокая зависимость. Также на итоговый неудовлетворительный результат в большей степени повлияло уменьшение оборотного капитала, значение которого к 2020 г. составило –132 963. Это позволяет сделать вывод о том, что текущие активы предприятия меньше текущих обязательств.

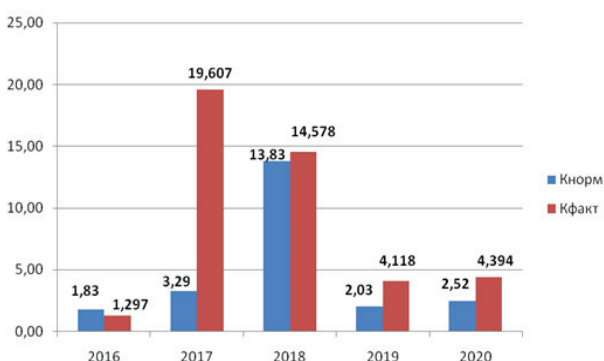

Рис. 5. Динамика показателя вероятности банкротства ООО «Западно-Сибирская сервисная компания» за период 2016–2020 годов по модели Зайцевой

Источник: рассчитано и составлено авторами на основе данных финансовой отчетности ЗССК.

Примечательно, что модель Спрингейта не имеет отраслевой и региональной дифференциации. Несмотря на недостатки этой модели, можно установить высокую вероятность банкротства ЗССК в течение анализируемого периода.

Изменения состояния ЗССК за период 2016–2020 гг. также можно проанализировать по динамике показателя отечественной модели прогнозирования банкротства Зайцевой (рис. 5).

В модели прогнозирования Зайцевой фактическое значение показателя сравнивается с нормативным, которое варьируется в зависимости от некоторых данных организации и рассчитывается с помощью нормативных значений частных коэффициентов, установленных экспертным путем. На рис. 5 видно, что рассчитанное значение показателя в анализируемом 2016 г. меньше нормативного, что является результатом малой вероятности банкротства. В 2017 г. произошло самое большое отклонение фактического значения от нормативного за весь анализируемый промежуток времени, что отразило ухудшение эффективности работы организации. В 2018–2020 гг. отрицательная тенденция сохранилась, но в чуть меньших масштабах. По модели прогнозирования Зайцевой можно установить заметное ухудшение большинства коэффициентов, которые в конечном итоге повлияли на значение показателя вероятности банкротства. Собственный капитал предприятия уменьшается, ввиду чего возрастает привлеченный капитал, что является тревожным сигналом, означающим отсутствие у предприятия собственных средств и полную зависимость от внешних источников финансирования. У предприятия за анализируемый период значительно выросла кредиторская

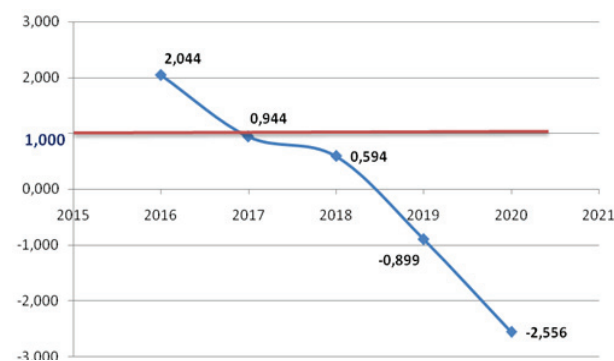

Рис. 6. Динамика показателя вероятности банкротства ООО «Западно-Сибирская сервисная компания» за период 2016–2020 годов по модели Сайфуллина — Кадыкова

Источник: рассчитано и составлено авторами на основе данных финансовой отчетности ЗССК.

задолженность, что отражает высокую зависимость организации от заемных средств, а также ухудшение финансового положения. Тенденцию к росту можно также отметить у дебиторской задолженности, что в случае анализируемого предприятия означает кризис неплатежеспособности контрагентов. По данной модели можно предположить, что предприятие на 2020 г. находится в сложном состоянии — на грани банкротства. Отметим, что модель Зайцевой учитывает условия российской экономики, поэтому более надежна в использовании.

Изменения динамики показателя вероятности несостоятельности ЗССК за период 2016–2020 гг., определенной по модели Сайфуллина — Кадыкова, показаны на рис. 6.

По модели Сайфуллина — Кадыкова нормативным значением показателя является 1. За 2016–2020 гг. значение показателя соответствовало нормативному только в 2016 г. и составило 2,044. С 2017 г. показатель стал меньше 1, все больше отклоняясь от нормативного значения, что сигнализирует о вероятности банкротства. В модели Сайфуллина — Кадыкова заметно ухудшился первый коэффициент показателя — коэффициент обеспеченности собственными средствами, что происходит за счет уменьшения оборотных активов и собственного капитала. Сокращение фактических объемов денежных ресурсов означает снижение платежеспособности предприятия и отсутствие возможности рассчитываться по финансовым обязательствам. По данной модели можно установить высокую вероятность банкротства предприятия к 2020 г. Отметим, что данная

модель служит для экспресс-оценки организаций различных масштабов.

Таким образом, методики, апробированные на ЗССК, полностью подтверждают свою надежность. Можно также сделать следующие выводы о возможностях применения каждой из рассмотренных методик. Модель Фулмера позволила выделить два основных фактора ухудшения финансового состояния — уменьшение нераспределенной прибыли и денежного потока. Модель Таффлера характеризуется нестабильными показателями рассчитываемых коэффициентов. В целом недостаток модели заключается в том, что она не учитывает российскую специфику. Модель Лиса фиксирует ухудшение финансового состояния компании, хотя и характеризуется несколько завышенными оценками итогового показателя. В модели Спрингейта отслеживается влияние уменьшения оборотного капитала, но модель не имеет отраслевой и региональной дифференциации. Модель Зайцевой позволила зафиксировать снижение собственного капитала и увеличение кредиторской и дебиторской задолженности, а также ухудшение прочих финансовых показателей.

Таким образом, для исследования финансового состояния и оценки вероятности банкротства целесообразно использовать страновые модели, отражающие специфику финансового учета, а также отраслевые риски. Также важно применять несколько методик, что позволит комплексно подойти к вопросу оценки финансового состояния предприятия.

Список литературы

1. Афанасьева А. Н., Ефимова Н. Ф. Применение моделей оценки степени банкротства предприятий // Синергия наук. 2017. № 8. С. 129–139.
2. Бехтина О. Е. Современные проблемы прогнозирования банкротства предприятий // Вестник Волжского университета им. В. Н. Татищева. 2017. Т. 1, № 1. С. 75–81.
3. Бурыкина А. И. Некоторые вопросы правового регулирования банкротства юридических лиц // Огарев-Online. 2018. № 13 (78). С. 78–80.
4. Дильман Ю. В., Ястребова Н. В. Диагностика банкротства как метод прогнозирования угрозы банкротства // NovaInfo.ru. 2016. Т. 2, № 44. С. 116–120.
5. Жукова Т. М., Кондратьева К. С. Современные особенности применения экономических моделей диагностики вероятности наступления банкротства юридических лиц // Вестник Пермского университета. Сер. Юридические науки. 2017. № 1. С. 197–205.
6. Зайцева О. П. Антикризисный менеджмент в российской фирме // Сибирская финансовая школа. 1998. № 11–12 (28–29). С. 66–73.
7. Лазарева О. С., Нелюбов Н. Г. Банкротство юридических лиц. Фиктивное и преднамеренное банкротство // Аллея науки. 2018. Т. 1, № 6 (22). С. 376–382.

8. Логинова Е. А. Применение методики оценки вероятности банкротства и разработка стратегии предупреждения банкротства современных предприятий // Тенденции развития науки и образования. 2018. № 39-2. С. 50–53.
9. Лямкин И. И., Шершнева О. И. Снижение риска банкротства на основе использования моделей оценки вероятности банкротства предприятий в российской экономике // Вестник Алтайской академии экономики и права. 2019. № 6-1. С. 80–84.
10. Мочалина А. А. Выявление признаков банкротства предприятия на ранних этапах и методы, используемые при диагностике вероятности банкротства // Инновационная наука. 2016. № 4-1. С. 216–219.
11. Никонова Н. В., Гамулинская Н. В. Реалистичность методов оценки диагностики вероятности банкротства // Успехи современной науки. 2019. Т. 3, № 1. С. 104–106.
12. Романова О. В., Зыкова К. Е. Понятие банкротства, его виды и критерии оценки степени вероятности наступления банкротства // Экономика, инновации и предпринимательство : сб. науч. тр. Уфа, 2016. С. 94–101.
13. Сыдыкова А. А. Банкротство предприятий. Программа для оценки риска банкротства предприятия // Актуальные вопросы современной науки: теория и практика научных исследований : сб. науч. тр. всерос. науч.-практ. конф. 2017. С. 439–442.
14. Ушанова А. М. Понятие банкротства. Диагностика банкротства // Конкурентоспособность в глобальном мире: экономика, наука, технологии. 2017. № 12 (59). С. 109–111.
15. Ярускин И. С. Банкротство. Определение вероятности банкротства организации // Учет, анализ и аудит: реалии и перспективы развития : сб. тр. II Всерос. науч.-практ. конф. 2018. С. 396–401.

Сведения об авторах

Аксенова Эльмира Алексеевна — студентка направления «Экономика» Института экономики отраслей, бизнеса и администрирования Челябинского государственного университета, Челябинск, Россия, aksenelmira78@gmail.com

Силова Елена Сергеевна — кандидат экономических наук, доцент, доцент кафедры экономики отраслей и рынков Челябинского государственного университета, Челябинск, Россия, metod@csu.ru

Bulletin of Chelyabinsk State University.

2021. № 10 (456). *Economic Sciences. Iss. 74. Pp. 164–172.*

USE OF DIFFERENT METHODS FOR ANALYSIS OF BANKRUPTCY PROBABILITY USING THE EXAMPLE OF «ZSSK LLC»

E. A. Aksenova

Chelyabinsk State University, Chelyabinsk, Russia, aksenelmira78@gmail.com

E. S. Silova

Chelyabinsk State University, Chelyabinsk, Russia, metod@csu.ru

The Bankruptcy Institute is an important financial management institution that regulates the efficiency of companies in the economy and is used by many interested parties (owners, investors, analysts and others) to analyze the state and prospects of the organization. There are quite a number of methods for analyzing the likelihood of bankruptcy. In the presented work, a comparative analysis of methods for analyzing the bankruptcy of foreign and domestic authors was carried out, and calculations were made on these methods using the example of a specific company LLC West Siberian Service Company. The work revealed the advantages and disadvantages of the main methods used to analyze the likelihood of bankruptcy, assessed their applicability to Russian companies.

Keywords: *bankruptcy, methods of bankruptcy analysis, models of bankruptcy analysis.*

References

1. Afanas'eva A. N., Efimova N. F. (2017) *Sinergiya Nauk*, no. 8, pp. 129–139 [in Russ.].
2. Bekhtina O. E. (2017) *Vestnik Volzhskogo universiteta im. V. N. Tatishcheva*, vol. 1, no. 1, pp. 75–81 [in Russ.].
3. Burykina A. I. (2018) *Zhurnal Ogaryov-Online*, no. 13 (78), pp. 78–80 [in Russ.].
4. Dil'man Yu. V., Yastrebova N. V. (2016) *NovaInfo.Ru*, vol. 2, no. 44, pp. 116–120 [in Russ.].
5. Zhukova T. M., Kondrat'eva K. S. (2017) *Vestnik Permskogo universiteta: Yuridicheskie nauki*, no. 1, pp. 197–205 [In Russ.].
6. Zajceva O. P. (1998) Antikrizisnyj menedzhment v rossijskoj firme Aval'. Sibirskaya finansovaya shkola [in Russ.].
7. Lazareva O. S., Nelyubov N. G. (2018) *Alleya nauki*, vol. 1, no. 6 (22), pp. 376–382 [in Russ.].
8. Loginova E. A. (2018) *Tendencii razvitiya nauki i obrazovaniya*, no. 39-2, pp. 50–53 [in Russ.].
9. Lyamkin I. I., Shershneva O. I. (2019) *Vestnik Altajskoj akademii ekonomiki i prava*, no. 6-1, pp. 80–84 [in Russ.].
10. Mochalina A. A. (2016) *Innovacionnaya nauka*, no. 4-1, pp. 216–219 [in Russ.].
11. Nikonova N. V., Gamulinskaya N. V. (2019) *Uspekhi sovremennoj nauki*, vol. 3, no. 1, pp. 104–106 [in Russ.].
12. Romanova O. V., Zyкова K. E. (2016) *Ekonomika, innovacii i predprinimatel'stvo*. sbornik nauchnyh trudov. Ufa, pp. 94–101 [in Russ.].
13. Sydykova A. A. (2017) Aktual'nye voprosy sovremennoj nauki: teoriya i praktika nauchnyh issledovanij. Sbornik nauchnyh trudov vserossijskoj nauchno-prakticheskoy konferencii. Pp. 439–442 [in Russ.].
14. Ushanova A. M. (2017) *Konkurentosposobnost' v global'nom mire: ekonomika, nauka, tekhnologii*, no. 12 (59), pp. 109–111 [in Russ.].
15. Yaruskin I. S. (2018) Uchet, analiz i audit: realii i perspektivy razvitiya. Sbornik trudov II Vserossijskoj nauchno-prakticheskoy konferencii. Pp. 396–401 [in Russ.].

ОБЗОРЫ И ДИСКУССИИ

REVIEWS AND DISCUSSIONS

Вестник Челябинского государственного университета.
2021. № 10 (456). Экономические науки. Вып. 74. С. 173–178.

УДК 331.5+332.1
ББК 65.04+65-212.1

DOI 10.47475/1994-2796-2021-11018

НОВЫЕ ТЕНДЕНЦИИ ФОРМИРОВАНИЯ КАДРОВОЙ ПОТРЕБНОСТИ ПРОМЫШЛЕННОГО РЕГИОНА (НА ПРИМЕРЕ ЧЕЛЯБИНСКОЙ ОБЛАСТИ)

Е. А. Неживенко, С. А. Головихин

Челябинский государственный университет, Челябинск, Россия

В статье описываются современные тенденции формирования кадровой потребности промышленного региона. Отмечается тенденция сокращения объема спроса организаций региона на рабочую силу. Раскрываются изменения структуры кадровой потребности по видам экономической деятельности. Описывается тенденция неравномерности распределения потребности в различных категориях кадров и неравномерности территориального распределения кадровой потребности.

Ключевые слова: *промышленный регион, кадровая потребность, управление, прогноз, тенденция.*

Региональное развитие обеспечивается опорой на представление о долгосрочных перспективах и учете тех изменений, которые происходят как в структуре регионального производства, так и в объеме и структуре потребных для него ресурсов. Бесспорным является то, что такое представление возможно сформировать исключительно на базе надежных научных знаний, их постоянной актуализации, своевременного выявления тенденций и на их основе переоценке процесса развития экономики региона, а также установлении реальной связи между учеными и органами власти и управления регионом.

Научный интерес к проблематике кадрового обеспечения экономики в настоящее время все возрастает. Актуальные аспекты формирования кадрового потенциала региона, анализа, оценки и прогнозирования региональной потребности в кадрах, сбалансированности процессов воспроизводства кадров представлены в работах таких исследователей, как Е. М. Зайко [3], И. Д. Колмакова, Е. М. Колмакова [4], Т. А. Костенькова, Н. С. Трубицына [5], И. В. Лаврентьева, С. Р. Абрамкина, В. Н. Белкин [6], И. В. Филимоненко, З. А. Васильева, П. М. Вчерашний [10], Е. А. Якимова, Е. Н. Андрищенко [11].

Существенные изменения в структуре регионального производства, вызванные сменой поколений техники и технологий, цифровизацией, воз-

никновением новых отраслей и производств, расширением и увеличением масштабов сферы услуг, изменением логистики, географии производства и потребления, продолжающиеся в настоящее время, повлекли за собой значимые изменения потребности в материальных и трудовых ресурсах. При этом можно с уверенностью утверждать, что наиболее ощутимые изменения характерны для кадровой потребности региона в работниках с различным уровнем и профилем образования. Это выдвигает на первый план проблемы управления кадровой потребностью и кадровой обеспеченностью региона как для удовлетворения новых запросов региональных производителей, так и во избежание негативных социально-экономических последствий, связанных с невостребованностью кадров тех или иных категорий и усугублением негативных проявлений структурной безработицы.

Проблемы управления кадровой потребностью и кадровой обеспеченностью, в свою очередь, не могут быть решены без выявления тенденций формирования такой потребности в конкретном регионе. Определение данных тенденций служит решению следующих научных и практических задач:

- 1) проведение научных оценок текущего и перспективного состояния кадрового потенциала региона;
- 2) раскрытие причин появления и повышения устойчивости проявления определенных явле-

ний в сфере формирования кадровой потребности в регионе;

3) прогнозирование кадровой потребности региона, долгосрочных и среднесрочных трендов в развитии кадровой потребности;

4) совершенствование научно-информационного обеспечения стратегий и программ регионального развития экономики и социума;

5) разработка целевых установок устойчивого развития кадрового потенциала региона.

В настоящей статье представлены результаты научного исследования, направленного на выявление современных тенденций формирования кадровой потребности промышленного региона, выполненного на примере Челябинской области. Данное исследование базировалось на следующих положениях:

1) обеспечение комплексности формирования исходных данных, необходимых для выявления тенденций кадровой потребности. Комплекс таких данных включает, во-первых, входные данные из источников официальной статистики, во-вторых, уточняющую информацию (результаты опросов работодателей, экспертов, молодежи, используемые для настройки параметров прогнозных моделей), в-третьих, сценарные условия (программы развития региона, прогнозы развития Российской Федерации);

2) обоснование выбора необходимого и достаточного периода времени для выявления актуальных тенденций формирования кадровой потребности региона;

3) прогнозирование кадровой потребности в соответствии с принципом вариантности развития региона, определяемого темпами использования факторов ускорения социально-экономических процессов (инвестиционных, инновационно-технологических, структурных, процессов институциональных преобразований) [2, 7, 9].

Прежде всего следует отметить, что кадровая потребность Челябинской области формируется в условиях устойчивого сокращения численности трудовых ресурсов региона, происходящего в результате демографического спада (рис. 1) и уменьшения численности трудоспособного населения в трудоспособном возрасте (на 7,5 %) и количества иностранных трудовых мигрантов (на 42,7 %) [1]. Такая тенденция складывается на фоне увеличения численности работающих граждан, находящихся за пределами трудоспособного возраста (на 24,1 %), который на 99,6 % обеспечен ростом числа работающих пенсионеров старше трудоспо-

собного возраста, что не восполняет уменьшение трудовых ресурсов Челябинской области (рис. 2).

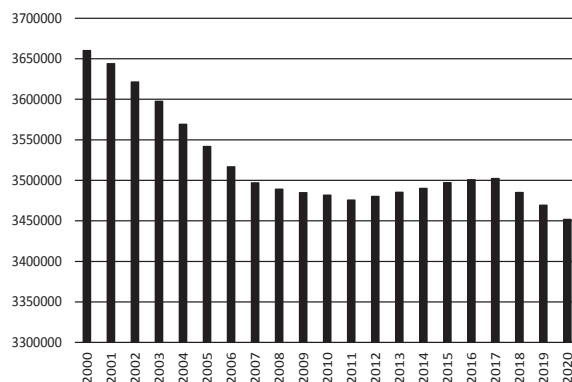

Рис. 1. Численность постоянного населения Челябинской области в 2000–2020 годах (чел.)

Источник: составлено авторами по данным [1].

Рис. 2. Динамика изменения численности трудовых ресурсов, трудоспособного населения и иностранных мигрантов Челябинской области

Источник: составлено авторами по данным [1].

Указанные тенденции сохранятся, о чем свидетельствуют прогнозы как на среднесрочную, так и на долгосрочную перспективу. Так, в базовом варианте прогноза численность трудовых ресурсов сократится с 2 016 738 человек в 2020 г. до 1 946 562 человек в 2026 г., что составит 96,5 % от уровня 2020 г. В этом же варианте прогноза в долгосрочном периоде численность трудовых ресурсов уменьшится до 1 854 727 человек в 2037 г. и составит 92,0 % по отношению к 2020 г. Трудоспособное население в трудоспособном возрасте в соответствии с базовым прогнозом сократится в среднесрочном периоде на 5,1 % к 2026 г. по сравнению с 2020 г. и к концу 2037 г. уменьшится еще на 6,4 % [8].

Явной тенденцией формирования кадровой потребности в регионе, которая наблюдается в те-

чение последних двух десятилетий, является сокращение объема спроса организаций региона на рабочую силу. В результате среднесписочная численность работников организаций в целом по региону сократилась на 18,26 % — с 1 277 871 человека в 2002 г. до 1 044 492 человек в 2020 г.

Поскольку в статистическом учете среднесписочная численность работников организаций не включает субъекты малого предпринимательства и индивидуальных предпринимателей, сокращение данного показателя в долгосрочном периоде очевидно отражает тенденцию перемещения занятых из крупного бизнеса в малый и средний бизнес.

Другой тенденцией, проявляющейся все более ярко, является изменение структуры кадровой потребности по видам экономической деятельности, что отражается в увеличении доли занятых в производственной сфере (с 51 % в 2002 г. до 61 % в 2020 г.) при сокращении доли занятых в сфере материального производства (с 49 до 39 % за тот же период).

При этом установлено, что среднесписочная численность работников организаций уменьшилась в производственной сфере, формирующей более половины валового регионального продукта Челябинской области, в том числе:

- в сельском хозяйстве (–68,5 %);
- электроэнергетике (–54,61 %);
- добыче полезных ископаемых (–35,06 %);
- строительстве (–31,97 %);
- обрабатывающих производствах (–30,03 %).

Кроме этого существенно сократилась среднесписочная численность работников организаций, осуществляющих деятельность в непроизводственной сфере по следующим направлениям:

- операции с недвижимым имуществом (–64,63 %);
- культура и спорт (–55,54 %);
- научная и техническая деятельность, образование (–49,91 %);
- гостиничная деятельность и общественное питание (–29,98 %);
- здравоохранение и социальные услуги (–25,43 %).

Указанное сокращение среднесписочной численности частично компенсировалось ее ростом в следующих сферах экономической деятельности:

- государственное управление, военная безопасность, социальное обеспечение (рост в 1,17 раза);
- финансы и страхование (+54,05 %);
- торговля (+22,96 %) [1].

Такие изменения вызваны объективными процессами развития и смены поколений техники и технологий, цифровизацией производственных процессов, повышением уровня производительности труда, снижением материало- и энергоемкости производства.

Следует выделить также складывающуюся в настоящее время и ожидаемую в среднесрочной и долгосрочной перспективе тенденцию неравномерности распределения потребности на различные по уровню образования категории кадров и разнонаправленности формирования такой потребности. Характеристика данной тенденции представлена нами на примере изменения показателя дополнительной кадровой потребности в трех вариантах прогноза. Глобальный тренд очевиден. Это рост дополнительной кадровой потребности в кадрах с высшим образованием (со степенью бакалавра) (рис. 3), специальностями среднего профессионального образования (рис. 4) и сокращение такой потребности в кадрах с рабочими профессиями (рис. 5).

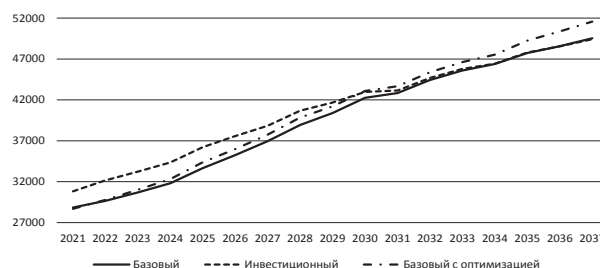

Рис. 3. Прогноз дополнительной кадровой потребности Челябинской области в бакалаврах (всего) до 2037 года, чел.

Источник: построено авторами в информационной системе прогнозирования и планирования кадровой обеспеченности Челябинской области (<http://prognoz74.chirpo.ru>).

Причем дополнительная потребность в кадрах со степенью бакалавра существенно превышает такую потребность в кадрах со специальностями среднего профессионального образования. Кроме того, дополнительная потребность в бакалаврах в прогнозном периоде постоянно растет, в отличие от стабилизации такой потребности с 2030 г. для кадров со специальностями среднего профессионального образования.

Прогнозные данные о кадровой потребности региона получены на основе экономико-математи-

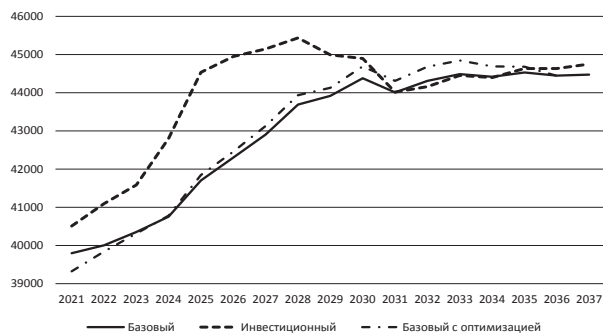

Рис. 4. Прогноз дополнительной кадровой потребности Челябинской области в лицах со специальностями среднего профессионального образования (всего) до 2037 года, чел.

Источник: построено авторами в Информационной системе прогнозирования и планирования кадровой обеспеченности Челябинской области (<http://prognoz74.chirpo.ru>).

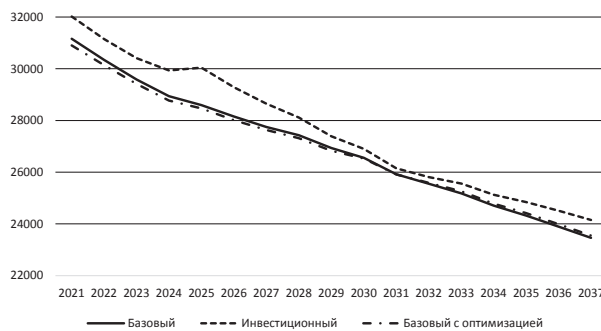

Рис. 5. Прогноз дополнительной кадровой потребности Челябинской области в лицах с профессиями среднего профессионального образования (всего) до 2037 года, чел.

Источник: построено авторами в Информационной системе прогнозирования и планирования кадровой обеспеченности Челябинской области (<http://prognoz74.chirpo.ru>).

ческого моделирования в рамках трех сценариев: базового, инвестиционного и базового с оптимизацией. Факторами моделей явились показатели, отражающие состояние экономики, демографии, рынка труда, образования, баланса трудовых ресурсов региона. Моделируемые варианты прогнозного развития кадровой потребности по этим сценариям различались предполагаемой скоростью задействия факторов социально-экономического развития Челябинской области. При этом базовый вариант прогноза строился на основе гипотезы о сохранении сложившихся в регионе тенденций и внешних условий социально-экономического развития, не предполагающих кардинальных изменений. Базовый сценарий имеет в своей основе инерционное развитие экономики и ее традиционных отраслей промышленности, инфраструктуры при сохранении существующей структуры энергобаланса. Прогноз по инвестиционному, наиболее оптимистическому сценарию строился на основе гипотезы о появлении специфических изменений в кадровой потребности в будущем под влиянием усиления инвестиционных факторов социально-экономического развития Челябинской области и превращения инноваций в главный фактор роста экономики. Промежуточным между базовым и инвестиционным выступает умеренно оптимистический базовый сценарий с оптимизацией без ограничений. Такой сценарий предполагает формирование кадровой потребности Челябинской области в условиях опережающего развития экономики за счет

осуществления самых крупных и важных инвестиционных проектов в главенствующих для региона видах экономической деятельности, а также в условиях роста населения за счет положительного миграционного потока и развития человеческого капитала в результате улучшения демографической ситуации и положительных изменений в социальной сфере региона. Такой сценарий прогноза дает представление о кадровой потребности, формируемой возможностями развития области по наиболее перспективным траекториям экономического роста.

Еще одной заметной тенденцией формирования кадровой потребности региона является неравномерность ее территориального распределения. В Челябинской области большая часть региональной потребности в кадрах (34,89 %) сконцентрирована в Челябинском городском округе (19,4 % от кадровой потребности области в 2020 г.), Магнитогорском городском округе (6,7 %), Миасском городском округе (2,34 %), Саткинском муниципальном районе (1,94 %), Копейском городском округе (1,38 %), Ашинском муниципальном районе (1,29 %), Южноуральском городском округе (1,15 %), Троицком городском округе (0,69 %). Остальные 65,11% кадровой потребности распределены между 30 муниципальными образованиями региона [1]. Среднесрочный и долгосрочный прогноз кадровой потребности показал, что в перспективе лишь два муниципальных образования из перечисленных выше отличаются растущей потреб-

ностью в кадрах. Это Челябинский и Копейский городские округа. В остальных муниципальных образованиях прогнозируется снижение кадровой потребности как в среднесрочном, так и в долгосрочном периоде.

Выявление обозначенных тенденций имеет высокую значимость не только для развития теоретических знаний, но и для совершенствования управления кадровым потенциалом в регионе. На основе информации о сформировавшихся и развивающихся тенденциях формирования кадровой потребности региона возможна разработка следующих управленческих решений:

- корректировка «Стратегии социально-экономического развития Челябинской области»;
- формирование государственных программ, разрабатываемых и реализуемых Министерством экономического развития Челябинской области;

- разработка и реализация мер по поддержке занятости в регионе;

- формирование контрольных цифр приема за счет бюджета Челябинской области;

- обеспечение соответствия объема и структуры подготовки кадров потребностям региональной экономики.

Расширение и углубление научных представлений о современных особенностях и факторах формирования кадровой потребности региона лежит в плоскости изучения спроса на кадры различных специальностей и направлений подготовки, а также в разрезе отраслей и видов экономической деятельности, что указывает на последующие направления исследований взаимосвязанных процессов развития региональной экономики и изменения ее структуры с процессами формирования кадрового потенциала региона.

Список литературы

1. Головихин С. А., Неживенко Е. А., Башарина О. В. Аналитический отчет о результатах прогнозирования потребности Челябинской области в кадрах на среднесрочную и долгосрочную перспективу. Челябинск : ЧИРПО, 2019. URL: http://chirpo.ru/site/files/7%20-%20files/2020/%D0%90%D0%BD%D0%B0%D0%BB%D0%B8%D1%82%D0%B8%D1%87%D0%B5%D1%81%D0%BA%D0%B8%D0%B9_%D0%BE%D1%82%D1%87%D0%B5%D1%82_2019.pdf (дата обращения: 18.08.2020).
2. Гуртов В. А., Питухин Е. А. Прогнозирование потребности экономики в квалифицированных кадрах: обзор подходов и практик применения // Университетское управление: практика и анализ. 2017. Т. 21, № 4. С. 130–161.
3. Зайко Е. М. Прогнозирование потребностей региона в профессиональном кадровом обеспечении // Вестник ЮУрГУ. Сер. Образование. Педагогические науки. 2018. Т. 10, № 1. С. 42–46.
4. Колмакова И. Д., Колмакова Е. М. Направления изменений социально-трудовой сферы в информационной экономике // Научный ежегодник Центра анализа и прогнозирования. 2020. № 1 (4). С. 76–80.
5. Костенькова Т. А., Трубицына Н. С. Управление кадровым потенциалом промышленного комплекса региона в условиях инновационного развития // Лидерство и менеджмент. 2019. Т. 6, № 4. С. 469–478.
6. Лаврентьева И. В., Абрамкина С. Р., Белкин В. Н. Проблематика сбалансированности процессов воспроизводства рабочей силы в контексте реаллокации рабочих мест // Социум и власть. 2018. № 6 (74). С. 46–54.
7. Мокроносов А. Г., Вершинин А. А., Прудников Д. М. Прогнозирование обеспечения региональной экономики квалифицированными кадрами // Известия УрГЭУ. 2012. № 6 (44). С. 108–113.
8. Неживенко Е. А., Головихин С. А., Неживенко Г. В. Прогнозирование потребности промышленного региона в кадрах // Фундаментальные исследования. 2019. № 9. С. 49–53.
9. Некрасова Л. В., Шахова С. С. Прогнозирование кадровых потребностей экономики как элемент управления региональной системой профессионального образования // Современные векторы развития образования: актуальные проблемы и перспективные решения : сб. науч. тр. XI Междунар. науч.-практ. конф. Ч. 1. М. : Изд-во Моск. пед. гос. ун-та, 2019. С. 707–710.
10. Филимоненко И. В., Васильева З. А., Вчерашний П. М. Актуализация концептуальной модели прогнозирования кадровой потребности региона с учетом приоритетов экономического развития // Азимут научных исследований: экономика и управление. 2017. Т. 6, № 4 (21). С. 248–254.
11. Якимова Е. А., Андрющенко А. Н. Разработка комплексной методики оценки и прогнозирования потребностей бизнеса и региона в профессиональных кадрах // Экономика труда. 2017. Т. 4, № 4. С. 323–342.

Сведения об авторах

Неживенко Елена Алексеевна — доктор экономических наук, доцент, профессор кафедры экономической теории и регионального развития Челябинского государственного университета, Челябинск, Россия. mrgrk@list.ru

Головихин Сергей Александрович — доктор экономических наук, доцент, декан факультета управления Челябинского государственного университета, Челябинск, Россия. decanatupr@csu.ru

Bulletin of Chelyabinsk State University.

2021. № 10 (456). *Economic Sciences. Iss. 74. Pp. 173–178.*

NEW TRENDS IN THE FORMATION OF HUMAN RESOURCES INDUSTRIAL REGION NEEDS (ON THE EXAMPLE OF THE CHELYABINSK REGION)

E. A. Nezhivenko, S. A. Golovikhin

Chelyabinsk State University, Chelyabinsk, Russia. decanatupr@csu.ru

The article describes the current trends in the formation of personnel needs in an industrial region on the example of the Chelyabinsk region. There is a tendency towards a decrease in the volume of demand of organizations in the region for labor. The article reveals changes in the structure of personnel requirements by type of economic activity. The tendency of uneven distribution of needs in various categories of personnel and uneven territorial distribution of personnel needs is described. Modern trends in the additional staffing needs of the Chelyabinsk region are extrapolated for the period up to 2037 for bachelors, persons with specialties and professions of secondary vocational education. Such forecasts are presented in three versions — basic, investment and basic with optimization. Variants of the developed management decisions are revealed based on information about the formed trends in personnel needs in the region.

Keywords: *industrial region, staffing needs, management, forecast, trend.*

References

1. Golovikhin S.A., Nezhivenko E.A., Basharina O.V. (2019) *Analiticheskiy otchet o rezul'tatakh prognozirovaniya potrebnosti Chelyabinskoy oblasti v kadrakh na srednesrochnuyu i dolgosrochnuyu perspektivu* [Analytical report on the results of forecasting the needs of the Chelyabinsk region in personnel for the medium and long-term prospects]. Chelyabinsk. Available at: http://chirpo.ru/site/files/7%20-%20files/2020/%D0%90%D0%BD%D0%B0%D0%BB%D0%B8%D1%82%D0%B8%D1%87%D0%B5%D1%81%D0%BA%D0%B8%D0%B9_%D0%BE%D1%82%D1%87%D0%B5%D1%82_2019.pdf, accessed 18.08.2020. [In Russ.].
2. Gurtov V. A., Pitukhin Ye. A. (2017) *Universitetskoye upravleniye: praktika i analiz*, vol. 21, no. 4, pp. 130–161 [in Russ.].
3. Zayko Ye. M. (2018) *Vestnik YUUrGU. Seriya "Obrazovaniye. Pedagogicheskiye nauki"*, vol. 10, no. 1, pp. 42–46 [in Russ.].
4. Kolmakova I. D., Kolmakova Ye. M. (2020) *Nauchnyy yezhegodnik Tsentra analiza i prognozirovaniya*, no. 1 (4), pp. 76–80 [in Russ.].
5. Kosten'kova T. A., Trubitsyna N. S. (2019) *Liderstvo i menedzhment*, vol. 6, no. 4, pp. 469–478 [in Russ.].
6. Lavrent'yeva I. V., Abramkina S. R., Belkin V. N. (2018) *Sotsium i vlast'*, no. 6 (74), pp. 46–54 [in Russ.].
7. Mокроносов А. Г., Вершинин А. А., Прудников Д. М. (2012) *Izvestiya UrGEU*, no. 6 (44), pp. 108–113 [in Russ.].
8. Nezhivenko E. A., Golovikhin S. A., Nezhivenko G. V. (2019) *Fundamental'nyye issledovaniya*, no. 9, pp. 49–53 [in Russ.].
9. Nekrasova L. V., Shakhova S. S. (2019) *Sovremennyye vektory razvitiya obrazovaniya: aktual'nyye problemy i perspektivnyye resheniya: sbornik nauchnykh trudov XI Mezhdunarodnoy nauchno-prakticheskoy konferentsii*, no. 1, pp. 707–710. [In Russ.].
10. Filimonenko I. V., Vasil'yeva Z. A., Vcherashniy P. M. (2017) *Azimut nauchnykh issledovaniy: ekonomika i upravleniye*, vol. 6, no. 4(21), pp. 248–254 [in Russ.].
11. Yakimova Ye. A., Andryushchenko A. N. (2017) *Ekonomika truda*, vol. 4, no. 4, pp. 323–342 [in Russ.].

О ДЕКАРБОНИЗАЦИИ

Д. А. Плетнев¹, С. В. Мурашкин²

¹Челябинский государственный университет, Челябинск, Россия

²ГидМаркет, Москва, Россия

Дан обзор европейского опыта климатического регулирования в контексте гипотезы, что это регулирование есть способ монетизировать благое начинание — борьбу за экологичное производство. Показаны особенности, пробелы и возможные последствия действия климатических норм Европейского союза на изменения в экономике российского региона на примере Челябинской области.

Ключевые слова: декарбонизация, углеродное регулирование, СВАМ, Челябинская область.

Экономика в современном обществе, поступательнодвигающемся в сторону от капитализма к чему-то новому и неизведанному (кому интересны детали, читайте работы Т. Пикетти [1] или А. В. Бузгалина [2]), выступает арендой для превращения всех ростков нового в старые и известные машины для зарабатывания денег со всеми вытекающими последствиями [3]. Экономика совместного доступа? Пожалуйста, встречайте новые коммерческие гиганты — Airbnb, ЯндексGo и тому подобные сервисы, монетизирующие потребность и возможность людей делиться вещами [4]. Блокчейн как система доверенных транзакций? Получите биткоин и еще сотни спекулятивных финансовых инструментов, способных привлечь миллиарды долларов и увести их в неизвестном направлении. Интеллектуальная собственность как защита творцов? Получите разнообразные общества защиты авторских прав, взимающих плату с каждого кафе, где звучит музыка. Научный диалог, глобальные исследовательские связи посредством сетей? Получите Clarivate Analytics, за ваши же деньги они покажут вам, почему вы ничтожны в масштабах мировой науки, и научат, как стать менее ничтожными. Камеры на дорогах, эвакуаторы из способа обеспечения комфорта и безопасности на дорогах превратились в форму присвоения дохода автомобилистом без какой-либо связи со своими изначальными целями.

Так и с экологической повесткой — благое дело сокращения выбросов постепенно превращается в обычный финансовый проект, направленный на перераспределение финансовых потоков от периферии мировой экономики к ее центру, источнику новых климатических норм. Уже работает система торговли выбросами (точнее, квотами на них)

в Европе, на подходе — система платы за генерируемый углекислый газ. Причем, по логике разработчиков, если опустить высокопарный слог о защите климата и «зеленой экономике», компании «периферийных» стран платят Евросоюзу за то, чтобы иметь возможность продавать свой товар в Евросоюзе.

Но начнем с высокопарного слога. Евросоюз последовательно реализует политику, направленную на то, чтобы к 2050 г. Европа стала «Climate-neutral continent», то есть чистый выброс парниковых газов от стран ЕС должен стать нулевым. Для этого в 2019 г. была принята «The European Green Deal» как «экологическая» часть стратегии развития ЕС на 2019–2024 гг. Во исполнение этого приоритета стратегического развития был разработан первый «European Climate Law» — европейский климатический закон. В основном он связан с инициативами по декарбонизации собственно европейской экономики, однако во избежание «несознательного» поведения партнеров ЕС из других стран и компаний в самом ЕС в этот закон включен и раздел по трансграничному углеродному регулированию (Carbon Border Adjustment Mechanism, СВАМ) [5, 6]. Смысл его в следующем: некоторые компании могут свои высокоуглеродные производства просто перенести за пределы ЕС и получать ценовые конкурентные преимущества перед «добросовестными» в отношении климата компаниями. Во избежание этого постепенно внедряется система сначала мониторинга, а после — и платы в бюджет ЕС за получаемый в процессе производства углекислый газ. Идеология СВАМ предполагает постепенное движение к учету и оплате всего генерируемого углекислого газа, однако в обозримой перспективе (2023–2026 гг.) речь идет только о прямой эмиссии

в высокоуглеродные производства (сталь, алюминий, трубы, электроэнергия, цемент и удобрения).

Принятый в ЕС климатический закон вызвал широкий резонанс в профессиональном сообществе [7], СМИ [8, 9] и профильных министерствах (см. [10, 11]), однако следует отметить следующее:

1. Не предложено методики оценки объемов выбросов. Размер платы будет устанавливаться для каждого вида продукции в зависимости от «углеродного следа», однако он зависит не только от вида продукции, но и от конкретных технологий, что может усложнить точный расчет. Вполне вероятно, что этой деятельностью будут заниматься сертифицированные ЕС аудиторские компании, и сама оценка будет довольно-таки субъективной.

2. Непонятен круг товаров, к которым будет применяться эта система. Дискуссия по этому поводу продолжается, в том числе и в самом ЕС, и на более глобальных площадках по регулированию климата. По этой причине оценить долгосрочный эффект для российской экономики от действия этой системы сколь-нибудь точно невозможно. Единственный способ реальной оценки — из уже очерченного круга товаров и прогнозной цены углекислого газа.

3. От покупки сертификатов будут освобождены компании стран, присоединившихся к системе торговли выбросами (СТВ) Евросоюза (Норвегия, Исландия и Лихтенштейн), а также страны, в которых действует признанная ЕС аналогичная система (в части отраслевого охвата, ежегодного сокращения количества квот, методологии распределения квот и системы санкций — например, как в Швейцарии). В России подобная система находится в начальной стадии формирования, однако возможность внедрить ее (и освободить экспортеров от необходимости покупки сертификатов) остается.

4. В законе ЕС оговаривается, что при расчете требуемого количества сертификатов импортеры смогут учесть плату за выбросы парниковых газов в стране происхождения товара. Импортер должен представить достаточную информацию, заверенную компетентным независимым лицом, о том, что заявленные выбросы облагаются углеродным налогом в стране происхождения товара, а также доказательство того, что такой налог был уплачен и не подлежит экспортной скидке или иной компенсации, связанной с экспортом. Если в России к 2023 г. будет запущен подобный механизм, российские компании смогут минимизировать или полностью избавиться от необходимости покуп-

ки сертификатов. В настоящее время действуют 24 национальных и субнациональных рынка, где происходит торговля квотами на выбросы CO₂. Еще около 20 таких торговых площадок находятся в стадии разработки. В 2021 г. уже запущены три новых рынка — в Китае, Великобритании и Новой Зеландии.

Замечательное изобретение — схема торговли квотами на выбросы ЕС (EU ETS) — предусматривает распределение и торговлю квотами на выбросы парниковых газов на всей территории Европейского союза с лимитами, устанавливаемыми каждым государством — членом ЕС. Затем разрешения распределяются на каждую установку, охваченную схемой. В начале 2021 г. Европарламент одобрил закон об углеродном налоге, который де-факто является пошлиной для импортных товаров в ЕС. Он же еще позволяет бесплатно выдавать квоты на выбросы CO₂ для европейских компаний.

Цены на углеродные квоты в СТВ ЕС определяются балансом спроса и предложения, который, в свою очередь, в существенной мере зависит от законодательных и политических решений и событий в странах, объединенных в СТВ ЕС. Так, вследствие выдачи правительствами стран, входящих в СТВ ЕС, избыточного количества квот на выбросы в период с 2008 по 2013 г. цена на них упала с 33 до 6 долл. США за тонну CO₂-эквивалента, а в период реформирования СТВ ЕС в 2013–2015 гг. немного восстановилась и составила 8,6 долл. США за тонну.

Механизм бесплатного распределения квот до сих пор продолжает применяться в странах, входящих в СТВ ЕС, для предотвращения так называемой утечки выбросов, то есть ситуаций, когда компании перемещают свои производственные мощности в страны с менее жесткими ограничениями по выбросам, в результате чего общемировой объем выбросов не меняется или даже растет. Также в рамках СТВ ЕС бесплатные квоты могут предоставляться в целях поощрения игроков, значительно сокративших свои выбросы. Объем бесплатных квот составил около 43 % от общего объема квот на выбросы в СТВ ЕС в 2013–2020 гг.

Чтобы сделать легальным проект по сокращению, используется набор действующих стандартов, разработанных организациями, в том числе из Великобритании, Швейцарии и США.

Этими стандартами могут пользоваться независимые аудиторские компании, верифицирующие представленную корпорациями отчетность.

Список компаний достаточно подвижен, в него входят все лидеры мирового аудиторского рынка. Например, группа «Интер РАО» пользуется услугами компании Deloitte. Да и в целом вся эта законотворческая деятельность — благо для консалтинговых компаний [14–17]. Открывается перспектива: объяснить что к чему, разработать методику оценки парниковых газов, внедрить методику, проконтролировать, усовершенствовать... Perpetuum mobile генерации денежного потока.

Предполагается, что цена СВАМ-сертификата будет привязана к средней за прошлую неделю цену единицы сокращения выбросов на европейском углеродном рынке (EU ETS), что сейчас составляет около € 50–55 за тонну сокращений CO₂-эквивалента. При этом цена устанавливается в результате торгов, и за последнее время она увеличилась с 23 до 65 евро, а к 2030 г. прогнозируется на уровне 130 евро за тонну. В отличие от обычных единиц сокращения сертификатами невозможно будет торговать, доходы от них будут поступать в общий бюджет Евросоюза.

С 2023 г. сертификаты будут необходимы экспортерам стали, алюминия, труб, электроэнергии, цемента и удобрений. Постепенно список будет расширяться вплоть до 100 % охвата всех ввозимых в ЕС благ.

Более того, по заявлениям властей ЕС, в перспективе СВАМ будет охватывать как прямые выбросы — те, что выделяются и потребляются непосредственно в процессе производства, включая выбросы от производства тепла и холода, — так и косвенные, например потребленное электричество. При этом для продуктов, относящихся к категории «complex goods» (товары, требующие включения в процесс производства других простых товаров), добавляется углеродный след потребленных сырья и материалов.

Будет создан специальный орган (СВАМ Authority), который будет регулировать механизм взимания углеродных платежей, выпуская серти-

фикаты. Импортёры товаров в Евросоюз должны будут покупать сертификат, соответствующий цене за выбросы парниковых газов, которую надо было бы заплатить, если бы данные товары производились в соответствии с законодательным регулированием ЕС платы за выбросы парниковых газов в атмосферу. Импорт товаров станет возможным только декларантам, авторизованным СВАМ-органом и соответствующим определенным требованиям. К примеру, требованию о том, чтобы декларант не нарушал таможенное и налоговое законодательство в течение пяти лет до подачи заявления на авторизацию. Для того чтобы импортировать в ЕС товары, подпадающие под действие СВАМ, импортёры должны до 31 мая каждого года декларировать количество импортируемых в предыдущем году товаров и связанных с ними выбросов

Потенциально эти процессы могут повлиять и на экономику Челябинской области. Под мониторинг с настоящего времени и под необходимость покупки сертификатов с 2023 г. попадают крупнейшие экспортеры стали и труб из Челябинской области в ЕС — ММК, «Мечел», ЧТПЗ, а также другие экспортеры обозначенных групп товаров. Далее это может стать актуальным для всех компаний-экспортеров (в том числе и потому, что системы, подобные СВАМ, могут быть внедрены и в других странах).

Однако крупных потерь не предвидится. Прямых потерь бюджета не будет, сами компании понесут потери, которые можно оценить в 79,6 млн долл. ежегодно (к 2030 г., если структура и объемы экспорта сохранятся) (см. таблицу). Нужно учитывать, что совокупный экспорт из Челябинской области в страны ЕС сегодня составляет менее 10 % от совокупного экспорта и имеет тенденцию к снижению.

Кроме того, если российский законодатель решит ввести «углеродный налог» на выбросы отечественных компаний для соответствия требо-

Группа товаров	Оценка потерь российских компаний по отрасли в 2030 г., млн долл. (BCG)		Доля в российском экспорте в ЕС по группе компаний из Челябинской области (в среднем, по данным 2019–2021 гг.)	Прогноз ожидаемых потерь компаний Челябинской области в 2030 г., млн долл.
	Оптимистическая	Пессимистическая		
Сталь и трубы	1920	3544	0,028693639	78,39102
Алюминий	364	728	2,60657E-05	0,014232
Удобрения	1030	1685	0,000897757	1,218705

ваниям ЕС, то сопоставимая сумма может поступить в консолидированный бюджет РФ и в том числе может быть направлена в региональный бюджет.

Еще 20 лет назад на лекциях по экономике мы уверенно рассказывали, что есть «неэкономические блага» — леса, вода и воздух. И сегодня уже свыклись с мыслью о платности

питьевой воды и не удивимся, если во все леса вход будет платным, по лицензиям. И вот — финальный штрих — предприятия будут платить за воздух. Ну а после — недалек тот час, когда за него будем платить и мы, обычные граждане. Был бы механизм. Подождать осталось недолго.

Список литературы

1. Пикетти Т. Капитал в XXI веке. М. : Ад Маргинем Пресс, 2015.
2. Бузгалин А. В. Поздний капитализм и его пределы: диалектика производительных сил и производственных отношений (к 200-летию со дня рождения Карла Маркса) // Вопросы политической экономии. 2018. № 2. С. 10–38.
3. Плетнев Д. А. Эволюция корпорации и ее среды: попытка неколичественного прогноза // Вестник Тамбовского университета. Сер. Гуманитарные науки. 2012. № 12 (116). С. 46–57.
4. Pletnev D., Nikolaeva E., Silova E. Key trends of sharing economy in russia // E3S Web of Conferences. 8. Vol. 210, 2020. Ст. 13014 URL: <https://doi.org/10.1051/e3sconf/202021013014> (дата обращения: 21.07.2021).
5. Европейская зеленая сделка: Комиссия предлагает трансформацию экономики и общества ЕС для удовлетворения климатических амбиций // Сайт Еврокомиссии. URL: https://ec.europa.eu/commission/presscorner/detail/en/ip_21_3541 (дата обращения: 21.07.2021).
6. Европейская зеленая сделка // Сайт Еврокомиссии. URL: https://ec.europa.eu/info/strategy/priorities-2019-2024/european-green-deal_en (дата обращения: 21.07.2021).
7. Торговля квотами на выбросы CO₂ — заплатить или декарбонизироваться? // Национальная ассоциация нефтегазового сервиса : сайт. URL: <https://nangs.org/news/ecology/torgovlya-kvotami-navybrosy-so2-zaplatity-ili-dekarbonizirovatysya> (дата обращения: 21.07.2021).
8. Выброс ребром // Коммерсант : сайт. URL: <https://www.kommersant.ru/doc/4900332> (дата обращения: 21.07.2021).
9. Эксперты изменили оценку потерь для России от углеродного налога ЕС. Дополнительные издержки за десять лет могут достичь €34 млрд // РБК : сайт. <https://www.rbc.ru/economics/06/08/2021/610beca39a79474b026be65fРБК>. URL: <https://www.rbc.ru/economics/06/08/2021/610beca39a79474b026be65f> (дата обращения: 21.07.2021).
10. Энергетический бюллетень аналитического центра при Правительстве РФ. URL: https://ac.gov.ru/uploads/2-Publications/energo/2021/%D0%B1%D1%8E%D0%BB%D0%BB%D0%B5%D1%82%D0%B5%D0%BD%D1%8C_%E2%84%96_98.pdf (дата обращения: 21.07.2021).
11. Решетников заявил о возможном ущербе торговле России с ЕС из-за углеродного сбора // Ведомости : сайт. URL: <https://www.vedomosti.ru/business/news/2021/07/24/879432-reshetnikov-zayavil-o-vozmozhnom-uscherbe-torgovle-rossii-s-es-iz-za-uglerodnogo-sbora> (дата обращения: 21.07.2021).
12. Методы распределения квот на выбросы парниковых газов. URL: https://icapcarbonaction.com/?option=com_attach&task=download&id=632 (дата обращения: 21.07.2021).
13. Кавешников Н. Создание системы торговли выбросами парниковых газов ЕС: кто определил дизайн. URL: [https://mgimo.ru/upload/iblock/d5b/%D0%A1%D0%BE%D0%B7%D0%B4%D0%B0%D0%BD%D0%B8%D0%B5%20%D0%A1%D0%A2%D0%92%20\(%D0%A1%D0%BE%D0%B2%D1%80%20%D0%95%D0%B2%D1%80%D0%BE%D0%BF%D0%B0\).pdf](https://mgimo.ru/upload/iblock/d5b/%D0%A1%D0%BE%D0%B7%D0%B4%D0%B0%D0%BD%D0%B8%D0%B5%20%D0%A1%D0%A2%D0%92%20(%D0%A1%D0%BE%D0%B2%D1%80%20%D0%95%D0%B2%D1%80%D0%BE%D0%BF%D0%B0).pdf) (дата обращения: 21.07.2021).
14. Углеродный налог в ЕС // Deloitte : сайт. URL: <https://www2.deloitte.com/content/dam/Deloitte/ru/Documents/tax/lt-in-focus/russian/2021/20-07-2021.pdf> (дата обращения: 21.07.2021).
15. Механизм трансграничного углеродного регулирования (СВАМ) // Ernst & Young (EY) : сайт. URL: https://www.ey.com/ru_ru/tax/tax-alert/2021/07/ey-mehanizm-transgranichnogo-uglerodnog-o-regulirovaniya-20-july-2021-tax-rus (дата обращения: 21.07.2021).
16. Схема торговли квотами на выбросы ЕС. Сократите выбросы парникового газа // Lloyd's Register : сайт. URL: <https://www.lr.org/ru-ru/eu-ets3/> (дата обращения: 21.07.2021).

17. Заплати углеродный налог и дыши спокойно! // АКРА : сайт. URL: <https://www.acra-ratings.ru/research/1736/> (дата обращения: 21.07.2021).

Сведения об авторах

Плетнев Дмитрий Александрович — кандидат экономических наук, доцент, доцент кафедры экономики отраслей и рынков Челябинского государственного университета, Челябинск, Россия. pletnev@csu.ru

Мурашкин Сергей Владимирович — директор маркетингового агентства ГидМаркет, Москва, Россия. director@gidmark.ru

Bulletin of Chelyabinsk State University.
2021. № 10 (456). *Economic Sciences.* Iss. 74. Pp. 179–184.

ABOUT DECARBONIZATION

D. A. Pletnev

Chelyabinsk State University, Chelyabinsk, Russia. pletnev@csu.ru

S.V. Murashkin

GidMarket, Moscow, Russia. director@gidmark.ru

The article provides an overview of the European experience in climate regulation in the context of the hypothesis that this regulation is a way to monetize a good undertaking: the struggle for environmentally friendly production. The features, gaps and possible consequences of the EU climate regulations on changes in the economy of the Russian region are shown on the example of the Chelyabinsk region.

Keywords: *Decarbonization, carbon regulation, CBAM, Chelyabinsk region.*

References

1. Piketti T. (2015) *Kapital v XXI veke* [Capital in the XXI century]. Moscow, Ad Marginem Press [in Russ.].
2. Buzgalin A. V. (2018) *Voprosy politicheskoy ekonomii*, no. 2, pp. 10–38 [in Russ.].
3. Pletnev D. A. (2012) *Vestnik Tambovskogo universiteta. Ser. Gumanitarnyye nauki*, no. 12 (116), pp. 46–57 [in Russ.].
4. Pletnev D., Nikolaeva E., Silova E. (2020) *E3S Web of Conferences*. 8. Vol. 210 [in Russ.].
5. Sayt Yevrokomissii [Website of the European Commission]. Available at: https://ec.europa.eu/commission/presscorner/detail/en/ip_21_3541, accessed: 21.07.2021 [in Russ.].
6. Yevropeyskaya zelenaya sdelka [European Green Deal]. Available at: https://ec.europa.eu/info/strategy/priorities-2019-2024/european-green-deal_en, accessed: 21.07.2021 [in Russ.].
7. Natsional'naya assotsiatsiya neftegazovogo servisa [National Association of Oil and Gas Service]. Available at: <https://nangs.org/news/ecology/torgovlya-kvotami-navybrosoy-so2-zaplatity-ili-dekarbonizirovatysya>, accessed: 21.07.2021 [in Russ.].
8. Kommersant. Available at: <https://www.kommersant.ru/doc/4900332>, accessed: 21.07.2021. [in Russ.].
9. RBK. Available at: <https://www.rbc.ru/economics/06/08/2021/610beca39a79474b026be65f>, accessed: 21.07.2021 [in Russ.].
10. Energeticheskiy byulleten' analiticheskogo tsentra pri Pravitel'stve RF [Energy Bulletin of the Analytical Center under the Government of the Russian Federation]. Available at: https://ac.gov.ru/uploads/2-Publications/energo/2021/%D0%B1%D1%8E%D0%BB%D0%BB%D0%B5%D1%82%D0%B5%D0%BD%D1%8C_%E2%84%96_98.pdf, accessed: 21.07.2021 [in Russ.].
11. Vedomosti. Available at: <https://www.vedomosti.ru/business/news/2021/07/24/879432-reshetnikov-zayavil-o-vozmozhnom-uscherbe-torgovle-rossii-s-es-iz-za-uglerodnogo-sbora>, accessed: 21.07.2021 [in Russ.].
12. Metody raspredeleniya kvot na vybrosoy parnikovykh gazov [Methods of allocation of quotas for greenhouse gas emissions]. Available at: https://icapcarbonaction.com/en/?option=com_attach&task=download&id=632, accessed: 21.07.2021 [in Russ.].

13. Kaveshnikov N. Sozdaniye sistemy trgovli vybrosami parnikovyykh gazov YES: kto opredelil dizayn [Creation of the EU Greenhouse Gas Emissions Trading System: Who Determined the Design]. Available at: [https://mgimo.ru/upload/iblock/d5b/%D0%A1%D0%BE%D0%B7%D0%B4%D0%B0%D0%BD%D0%B8%D0%B5%20%D0%A1%D0%A2%D0%92%20\(%D0%A1%D0%BE%D0%B2%D1%80%20%D0%95%D0%B2%D1%80%D0%BE%D0%BF%D0%B0\).pdf](https://mgimo.ru/upload/iblock/d5b/%D0%A1%D0%BE%D0%B7%D0%B4%D0%B0%D0%BD%D0%B8%D0%B5%20%D0%A1%D0%A2%D0%92%20(%D0%A1%D0%BE%D0%B2%D1%80%20%D0%95%D0%B2%D1%80%D0%BE%D0%BF%D0%B0).pdf), accessed: 21.07.2021 [in Russ.].
14. Deloitte. Available at: <https://www2.deloitte.com/content/dam/Deloitte/ru/Documents/tax/It-in-focus/russian/2021/20-07-2021.pdf>, accessed: 21.07.2021.
15. Ernst & Young (EY). Available at: https://www.ey.com/ru_ru/tax/tax-alert/2021/07/ey-mehanizm-transgranichnogo-uglerodnogo-regulirovaniya-20-july-2021-tax-rus, accessed: 21.07.2021.
16. Lloyd's Register. Available at: <https://www.lr.org/ru-ru/eu-ets3/>, accessed: 21.07.2021.
17. АКРА. Available at: <https://www.acra-ratings.ru/research/1736/>, accessed: 21.07.2021.

ПРИМЕНИМОСТЬ МЕЖДУНАРОДНЫХ СТАНДАРТОВ УПРАВЛЕНИЯ РИСКАМИ В ОРГАНИЗАЦИЯХ СФЕРЫ ЗДРАВООХРАНЕНИЯ

М. В. Шмик

Казахский национальный университет им. аль-Фараби, Алматы, Казахстан

Современная ситуация с возросшим уровнем неопределенности вынуждает организации внедрять системы управления рисками, призванные снизить негативное влияние этой неопределенности, в том числе индуцированное пандемией Covid-19. В статье рассматриваются практические вопросы адаптации международных стандартов управления рисками для применения в организациях системы здравоохранения. В результате проведенного исследования определены как общие блоки рисков, так и специфические (для организаций системы здравоохранения). Установлено, что все международные стандарты управления рисками, которые рассматривались в процессе исследования, могут быть адаптированы под специфику деятельности организаций системы здравоохранения (вне зависимости от форм собственности и видов деятельности) с определенными доработками процессов, протекающих в организациях и разным уровнем соответствия стандартам.

Ключевые слова: управление рисками в здравоохранении, система управления рисками, риск-менеджмент, международные стандарты управления рисками.

Управление рисками как процесс в современном мире обсуждается уже около семидесяти лет, хотя попытки определения вариантов предпринимались еще в древних Риме и Китае. Как отдельная ветвь менеджмента данное направление стало активно развиваться после Второй мировой войны, поскольку глобальная геополитическая ситуация была весьма нестабильной и предприятия должны были просчитывать варианты действий в тех или иных ситуациях и условиях.

Основоположником риск-менеджмента считается Уэйн Снайдер, который в 1956 г. впервые дал описание профессии «риск-менеджер» [1]. А учебное пособие по управлению рисками под названием «Управление рисками и коммерческое предприятие» увидело свет в 1963 г., его авторы — Р. Мэр и Б. Хеджес [2]. При этом первый национальный стандарт по управлению рисками появился только в 1995 г., издали его Австралия и Новая Зеландия.

Позднее появились международные практики и стандарты, которые для удобства мы будем далее называть международными стандартами управления рисками: COSO ERM — собрание лучших практик управления рисками, выпущенное Комитетом спонсорских организаций комиссии Тредвея (США); FERMA — стандарт Федерации европейских ассоциаций риск-менеджеров и стандарт по управлению рисками

ISO 31000, изданный Международной организацией по стандартизации (в 2018 г. вышла вторая версия этого стандарта взамен версии 2009 г., что делает данный стандарт наиболее современным по сравнению с остальными).

Современные тренды развития общественно-экономических систем и отношений, изменяющиеся в том числе ввиду пандемии Covid-19, на наш взгляд, выводят вопросы управления рисками на новый уровень. В таких условиях организации всех типов и форм собственности оказались не готовы к кардинальному изменению многих процессов, но и высока вероятность того, что к прежним их видам организации уже не вернуться. Например, маркетинг, повышение квалификации (кратко- и среднесрочное), как и менеджмент перешли в онлайн-режим и вряд ли вернуться обратно — с учетом понесенных затрат и фактически отсутствия территориальных условностей в сети Интернет.

Данный переход также несет в себе большую неопределенность, которая выступает основой возникновения риска. Здесь актуальность приобретают вопросы кибербезопасности и сохранности данных (как данных организаций, так и персональных), защиты финансовых операций и т. д.

Организации системы здравоохранения имеют и специфические риски. В первую очередь это риски, связанные со здоровьем и жизнью пациентов (исследованию которых уделено достаточно боль-

шое внимание), правовые риски и риски, связанные с юридической ответственностью работников: по сути, медицинский работник стоит между требованиями нормативно-правовых актов и требованиями (не всегда адекватными) пациентов или их законных представителей, неисполнение которых может повлечь за собой ответственность, вплоть до уголовной. Третий вид специфических рисков — риски, связанные со здоровьем работников: например, высокий уровень смертности медицинского персонала в период пандемии.

Помимо этих блоков рисков и новых, связанных с переходом некоторых видов деятельности в дистанционный формат (о них говорилось выше) существуют и общие риски, связанные с функционированием любой организации: кадровые, юридические, финансово-экономические, природно-климатические и т. д., которые тоже имеют определенную специфику, связанную, например, с законодательством страны, в которой функционирует организация здравоохранения.

В связи со всем вышеизложенным считаем необходимым проанализировать существующие стандарты управления рисками для определения наиболее эффективного из них при применении в сфере здравоохранения.

Для рассмотрения предлагается взять международные стандарты COSO ERM (который, по сути, не является стандартом, а представляет собой собрание лучших, на взгляд его авторов, практик по управлению рисками. Но для упрощения изложения мы позволим себе называть его стандартом), FERMA и ISO 31000:2018, поскольку специализированных стандартов по управлению рисками в сфере здравоохранения не имеется, а национальные стандарты других стран использовать считаем нецелесообразным.

Практики, представленные COSO ERM [3]

В 2001 г. Комитет спонсорских организаций Комиссии Тредвея (Committee of Sponsoring Organizations of the Tredway Commission, COSO) совместно с компанией PricewaterhouseCoopers инициировал проект разработки принципов риск-менеджмента Enterprise Risk Management — Integrated Framework. COSO ERM был опубликован в 2004 г. и представляет собой концептуальные основы риск-менеджмента, помогающие предприятиям устанавливать взаимосвязи между стратегическими целями, организационной структурой и восемью основными компонентами процесса управления рисками. Стандарт дает

рекомендации в области разработки и внедрения комплексного контроля [4]. Для того чтобы организации по-новому подходили к обсуждению вопросов, связанных с управлением рисками, был подготовлен новый документ «Концептуальные основы управления рисками организации: интеграция со стратегией и управлением деятельностью» COSO 2017 г.

Стандарт COSO ERM является обязательным для организаций, акциями которых торгуют на Нью-Йоркской фондовой бирже.

Целевая аудитория данного стандарта — внутренние аудиторы организаций.

Понятие риска и неопределенности

Риск — вероятность возникновения событий, которые могут оказать влияние на достижение стратегических и бизнес-целей. Неопределенность, с одной стороны, таит в себе риск, а с другой — открывает возможности. Поэтому она может привести как к снижению, так и к увеличению стоимости.

«Концептуальные основы управления рисками организации: интеграция со стратегией и управлением деятельностью» расширяет сферу применения стандарта, благодаря следующему:

- изменена концепция стандарта (пять компонентов и двадцать принципов, согласованных с жизненным циклом организации);
- сделан акцент на интеграции функции управления рисками (учет рисков при формулировании стратегии и в ежедневной деятельности);
- риски рассматриваются на различных уровнях предприятия, начиная с конкретных процессов и заканчивая корпоративным уровнем;
- сделан акцент на культуре (учтены изменения требований и ожиданий на современных рынках);
- принята в расчет возрастающая роль технологий (это обусловлено тем, что технологии влияют на направления стратегического развития организации, контекст и подходы к управлению рисками).

Данные изменения расширяют сферу его возможного применения, но при этом стандарт по-прежнему ориентирован на сохранение и прирост стоимости компании, что не всегда вписывается в концепцию социальной ответственности. При этом стандарт не показывает четкой взаимосвязи рисков и стоимости; остаются неразрешенными вопросы подходов к количественной оценке рисков и использованию альтернативных инструментов визуализации рисков.

Все это говорит о том, что стандарт стал лучше по сравнению с предыдущей версией, но применимость его в сфере здравоохранения потребует достаточно серьезных усилий по его адаптации.

Международный стандарт FERMA [5]

Стандарты управления рисками (Risk Management Standard) — документ, разработанный коллегиально крупнейшими организациями, занимающимися управлением рисками в Великобритании: Институтом риск-менеджмента (IRM), Ассоциацией риск-менеджмента и страхования (AIRMIC), а также Национальным форумом риск-менеджмента в общественном секторе. Данный стандарт, в отличие от COSO ERM, носит добровольный характер и во многих своих положениях опирается на международные стандарты ISO.

Целевая аудитория данного стандарта — собственники и топ-менеджеры, риск-менеджеры организаций всех уровней и форм собственности.

Понятие риска и неопределенности

Риск — это комбинация вероятности события и его последствий. Понятие «неопределенность» в стандарте не встречается.

Данный стандарт, в отличие от предыдущего, расшифровывает влияние риска не только с негативной, но и с позитивной для организации стороны, что расширяет применимость результатов управления рисками, дополняя снижение влияния угроз использованием появляющихся возможностей. В стандарте выделяют четыре типа рисков: стратегические, операционные, финансовые риски и опасности. Сам стандарт находит наибольшее применение в организациях реального сектора экономики, поскольку ориентирован на организации, для которых основной вид деятельности — производство товаров. При этом стандарт делает акцент также на капитализации компании, имеет достаточно жесткую структуру описания рисков и регламентацию информации, представляемой в соответствии с уровнями управления организацией.

Международный стандарт ISO 31000:2018 [6]

Международный стандарт ISO 31000:2018 был разработан Международной организацией по стандартизации и опубликован в 2018 г. Данный стандарт носит рекомендательный характер, организации не подлежат сертификации на соответствие этому стандарту.

Целевая аудитория — собственники и топ-менеджеры, риск-менеджеры организаций всех уровней и форм собственности.

Понятие риска и неопределенности

Риск — влияние неопределенности на цели. Неопределенность — состояние, даже частичное, недостаточности информации, связанное с пониманием события или знанием о нем, его последствий или вероятности [7].

Данный стандарт, в отличие от предыдущих, ориентирован на рост ценности, а не стоимости организаций, что, несомненно, является концептуальным отличием, поскольку обеспечивает интерес социально-ориентированных организаций, для которых стоимость не является ценностью. Мы принимаем во внимание второе издание, вышедшее взамен стандарта 2009 г.

Наиболее значимые, на наш взгляд, изменения:

1) внесены изменения в принципы управления рисками, выступающими в качестве ключевого индикатора успеха процесса;

2) сделан акцент на лидерстве высшего руководства и наблюдательных органов в процессе управления рисками, а также определено требование по встраиванию системы управления рисками в систему управления организацией и все ее процессы;

3) сделан серьезный акцент на итеративности процесса управления рисками с учетом того, что опыт, знания и анализ могут являться основанием для внесения изменений в существующие процессы, их задачи и средства реализации;

4) оптимизировано содержание стандарта с креном на модель открытой системы, в виду чего обеспечивается соответствие множественности вариантов контекстов организаций и неоднородности требований и ожиданий заинтересованных сторон.

Как видно из приведенного выше обзора, каждый из стандартов имеет ряд схожестей и концептуальных различий, которые считаем необходимым проанализировать с целью определения применимости данных стандартов в организациях системы здравоохранения.

На наш взгляд, практики, представленные COSO ERM, покажут наименьшую эффективность при применении в сфере здравоохранения, поскольку, несмотря на то что в версии 2017 г. установлена взаимосвязь со стратегией и ценностями, ключевой целью управления рисками остается удержание или рост стоимости органи-

зации, а ее саму стандарт рассматривает как бизнес-структуру, что, на наш взгляд, не является лучшим решением, особенно для организаций социально-значимой сферы и направленности. Помимо этого документ достаточно объемный, и многие аспекты, приведенные в нем, не являются необходимыми для применения в большинстве организаций системы здравоохранения.

Стандарт FERMA представляет собой самый удобный для применения стандарт, поскольку более гибок к среде организации, то есть расширяет поле для возможности адаптации его под деятельность организации. При этом в нем так же есть значимые, по нашему мнению, недостатки, не способствующие его применению для наших целевых организаций:

1. Выделены четыре типа рисков. Данная классификация представляется нам слишком ограниченной, поскольку в сфере здравоохранения, с учетом ее специфики, риски по основной (лечебной) деятельности логично вывести в отдельную категорию, а прочие операционные вопросы описать согласно их функциональной принадлежности (например, правовые, эпидемиологические, финансовые риски), а также отдельной категорией целесообразно вывести коррупционные риски, поскольку в соответствии с п. 5 ст. 8 Закона Республики Казахстан от 18 ноября 2015 г. № 410-V ЗРК «О противодействии коррупции» [11], Государственные организации и субъекты квазигосударственного сектора должны осуществлять внутренний анализ коррупционных рисков и устранять их.

Помимо этого Г. В. Каралидзе в материалах, опубликованных в рамках Международной конференции «The XVI International scientific and practical Conference Trends of modern science» под заголовком «Взаимосвязь системы оценки деятельности работников и эффективности стратегического развития» [12], описывает немаловажные риски, связанные с внедрением любых систем: недоверие к системе, фальсификация данных и риски несоответствия действующему законодательству. Данные виды рисков могли бы также найти свое отражение при разработке СУР.

2. Исторически сложившийся факт, что FERMA применяется в основном на производственных предприятиях, то есть он ориентирован на них, а значит, потребует дополнительных ресурсов для адаптации к сфере услуг.

3. Этот стандарт, аналогично COSO ERM, сконцентрирован на стоимости организации, что так-

же не говорит в пользу его применения в сфере здравоохранения.

Международный стандарт ISO 31000:2018 также имеет определенные недостатки: например, не предложены какие-либо инструменты по оценке и мониторингу рисков. При этом он ориентирован на открытый тип структуры, не вводит требований по видам рисков, подразумевает интеграцию во все процессы организации, ориентирован не на стоимость компании, а на ее ценности, что несомненно говорит в пользу выбора данного стандарта как основы для внедрения системы управления рисками в организациях здравоохранения.

Выводы

Изучив три наиболее известных международных стандарта по управлению рисками, мы сделали следующие выводы:

1. Все стандарты могут быть применены в организациях системы здравоохранения (как частных, так и государственных, в том числе муниципальных) с разной степенью эффективности, что обусловлено требованиями, установленными в данных стандартах, и целями самой организации, принявшей решение о внедрении системы управления рисками на основе того или иного стандарта.

2. При внедрении системы управления рисками необходимо учитывать тот факт, что система должна быть единой в рамках организации и обеспечивать управление как общими типами рисков для всех организаций вне зависимости от формы собственности и сферы деятельности (например, кадровые, правовые, экономические, природно-климатические риски и т. д.), так и сугубо специфическими для сферы здравоохранения рисками (ответственность за жизнь и здоровье пациента, а также юридическая ответственность медицинского персонала).

3. Наиболее простым в адаптации и применении в сфере здравоохранения, на наш взгляд, оказался международный стандарт ISO 31000:2018, поскольку обладает наиболее гибкой и открытой структурой. Он по сути говорит о том, какие элементы должны быть в системе управления рисками, но не навязывает определенных инструментов. Что в свою очередь позволяет настраивать систему управления рисками под конкретную организацию, интегрировать в себя национальные требования к процессу (при их наличии) и в конечном итоге может привести к большей эффективности системы за счет ее гибкости.

Список литературы

1. Кошелевский И. С. История развития практики и исследований в области управления рисками // Молодой ученый. 2014. № 20 (79). С. 307–310.
2. Рубцов А. Е. Риски транспортного предприятия : учеб. пособие. СПб., 2013.
3. COSO ERM — концептуальные основы управления рисками организаций. URL: <https://www2.deloitte.com/content/dam/Deloitte/ru/Documents/risk/russian/rules-of-game-changing.pdf> (дата обращения: 20.06.2021).
4. Моисеева А. В. Обзор международных и национальных стандартов в области управления рисками // Молодой ученый. 2017. № 10 (144). С. 261–264.
5. Стандарты управления рисками (Федерация европейских ассоциаций риск-менеджеров). URL: <http://www.ferma.eu/wp-content/uploads/2011/11/a-risk-management-standard-russian-version.pdf> (дата обращения: 20.06.2021).
6. Международный стандарт ISO 31000:2018 «Управление рисками — Руководство». URL: [https://pqm-online.com/assets/files/pubs/translations/std/iso-31000-2018-\(rus\).pdf](https://pqm-online.com/assets/files/pubs/translations/std/iso-31000-2018-(rus).pdf) (дата обращения: 20.06.2021).
7. Международный стандарт ISO 9000:2015 «Системы менеджмента качества — Основные положения и словарь». URL: <https://docs.cntd.ru/document/1200124393> (дата обращения: 20.06.2021).
8. Серебрякова Т. Ю., Гордеева О. Г., Куртаева О. Ю. Учетно-аналитические источники идентификации экономических рисков // Учет. Анализ. Аудит. 2018. № 5. С. 24–32.
9. Бурькин И. М., Алеева Г. Н., Хафизьянова Р. Х. Управление рисками в системе здравоохранения как основа безопасности оказания медицинской помощи // Медицинские науки. 2014. № 1. С. 53–54.
10. Завражский А. В. Особенности классификации рисков медицинских организаций // Теоретическая и прикладная экономика. 2017. № 3. С. 90–105.
11. Закон Республики Казахстан от 18 ноября 2015 года № 410-V ЗРК «О противодействии коррупции». URL: <https://adilet.zan.kz/rus/docs/Z1500000410> (дата обращения: 20.06.2021).
12. Каралидзе Г. В. Взаимосвязь системы оценки деятельности работников и эффективности стратегического развития // Тенденции развития современной науки : материалы XVI Междунар. науч.-практ. конф. 2020.

Сведения об авторе

Шмик Максим Владимирович — докторант программы «Доктор делового администрирования (DBA) в здравоохранении» Казахского национального университета им. аль-Фараби, Республика Казахстан, Алматы. maks_shmik@mail.ru

Bulletin of Chelyabinsk State University.

2021. № 10 (456). *Economic Sciences. Iss. 74. Pp. 185–190.*

ANALYSIS OF THE APPLICABILITY OF INTERNATIONAL STANDARDS OF RISK MANAGEMENT IN HEALTHCARE ORGANIZATIONS

M. V. Shmik

Kazakh National University named after Al-Farabi, Almaty, Kazakhstan. maks_shmik@mail.ru

Due to the fact that the current situation with an increased level of uncertainty is forcing organizations to implement risk management systems designed to reduce the negative impact of this uncertainty, including those induced by the Covid-19 pandemic. The article discusses the practical issues of adapting international risk management standards for use in health care organizations. As a result of the study, both general blocks of risks and those specific to health care organizations were identified. It was found that all international risk management standards that were considered in the research process can be adapted to the specifics of the activities of healthcare organizations (regardless of ownership and types of activities) with certain modifications to the processes taking place in organizations and different levels of compliance with standards.

Keywords: *risk management in healthcare, risk management system, risk management, international risk management standards.*

References

1. Koshelevskii I. (2014) *Molodoy uchenyy*, no. 20 (79), pp. 307–310 [in Russ].
2. Rubtsov A. (2013) *Riski transportnogo predpriyatiya* [Risks of a transport enterprise]. St. Petersburg [in Russ].
3. COSO ERM — kontseptual'naya osnova dlya upravleniya riskami organizatsiy [COSO ERM-conceptual framework for risk management of organizations]. Available at: <https://www2.deloitte.com/content/dam/Deloitte/ru/Documents/risk/russian/rules-of-game-changing.pdf>, accessed 20.06.2021 [in Russ]
4. Moiseeva A. (2017) *Molodoy uchenyy*, no. 10 (144), pp. 261–264 [in Russ].
5. Standarty upravleniya riskami [Risk management Standards (Federation of European Risk Managers Associations)]. Available at: <http://www.ferma.eu/wp-content/uploads/2011/11/a-risk-management-standard-russian-version.pdf>, accessed 20.06.2021 [in Russ].
6. Mezhdunarodnyy standart ISO 31000:2018 “Upravleniye riskami-menedzhment” [International standard ISO 31000: 2018 “Risk Management-Management”]. Available at: [https://pqm-online.com/assets/files/pubs/translations/std/iso-31000-2018-\(rus\).pdf](https://pqm-online.com/assets/files/pubs/translations/std/iso-31000-2018-(rus).pdf), accessed 20.06.2021 [in Russ].
7. Mezhdunarodnyy standart ISO 9000:2015 “Sistemy menedzhmenta kachestva — osnovnyye polozheniya i slovar” [International standard ISO 9000:2015 “Quality Management Systems-Basic provisions and vocabulary”]. Available at: <https://docs.cntd.ru/document/1200124393>, accessed 20.06.2021 [in Russ].
8. Serebryakova T., Gordeeva O., Kurtaeva O. (2018) *Uchet. Analys. Audit*, no. 5, pp. 24–32 [in Russ].
9. Burykin I., Aleeva G., Khafizyanova R. (2014) *Meditsinskie nauki*, no. 1, pp. 53–54 [in Russ].
10. Zavrazhsky A. (2017) *Teoreticheskaya i prikladnaya ekonomika*, no. 3, pp. 90–105 [in Russ].
11. Zakon Respubliki Kazakhstan ot 18 noyabrya 2015 goda № 410-V ZRK “O protivodeystvii korruptsii” [Law of the Republic of Kazakhstan of 18 November 2015 no. 410-V ZRK “On Combating Corruption”]. Available at: <https://adilet.zan.kz/rus/docs/Z1500000410>, accessed 20.06.2021 [in Russ].
12. Karalidze G. (2020) *Tendetsii rasvitiya sovremennoy nauki* [Proceedings of the XVI International Scientific and Practical Conference “Trends in the Development of Modern Science”. Economic Sciences. Sheffield]. 132 p. [in Russ].

СЕЛЬСКОХОЗЯЙСТВЕННЫЙ ОБЛИК ЧЕЛЯБИНСКОЙ ОБЛАСТИ

Д. С. Бениц

Челябинский государственный университет, Челябинск, Россия

Статья посвящена обзору сельскохозяйственной отрасли Челябинской области. Показана динамика объемов сельскохозяйственного производства, которая сопоставлена с аналогичными значениями Свердловской, Тюменской и Курганской областей. Показано лидирующее положение Челябинской области в Уральском федеральном округе (УрФО) по объему производства сельскохозяйственной продукции. Причем такое положение область занимает не один десяток лет. Представлена динамика объемов производства продукции сельского хозяйства в сопоставимых ценах. Для Челябинской области характерно падение реальных объемов производства с 2018 г. Показана доля крупного бизнеса в сельскохозяйственной сфере. Если для Урала эта доля составляет почти четверть сельскохозяйственной продукции, произведенной всеми категориями хозяйств, то в Челябинской области на долю крупного бизнеса приходится свыше 40 % всего сельскохозяйственного производства.

Ключевые слова: сельское хозяйство, животноводство, крупный бизнес, Челябинская область, Свердловская область, Тюменская область, Курганская область, Уральский федеральный округ.

Челябинская область, несмотря на свой ярко выраженный промышленный облик, имеет неплохие показатели по производству продукции сельского хозяйства. Сегодня многие исследователи уделяют внимание развитию сельского хозяйства и в частности развитию фермерских хозяйств. Притом удельный вес таковых в последнее время сильно возрастает [1, 2]. Но в статье речь пойдет не о фермерских хозяйствах, а о том, каковы позиции в целом Челябинской области в сравнении с соседними регионами.

Динамика производства продукции сельско-

го хозяйства в Уральском федеральном округе и Челябинской области приведена на рис. 1.

С точки зрения удельного веса, Челябинская область лидирует. На долю региона по состоянию на конец 2019 г. приходится 35,63 % объемов всей сельскохозяйственной продукции Уральского федерального округа. Рисунок 2 подтверждает лидерство области.

По итогам 2019 г. в Челябинской области произведено продукта в 1,33 раза больше, чем в Свердловской области, в 1,48 раза больше, чем в Тюменской области и в 2,65 раза больше, чем

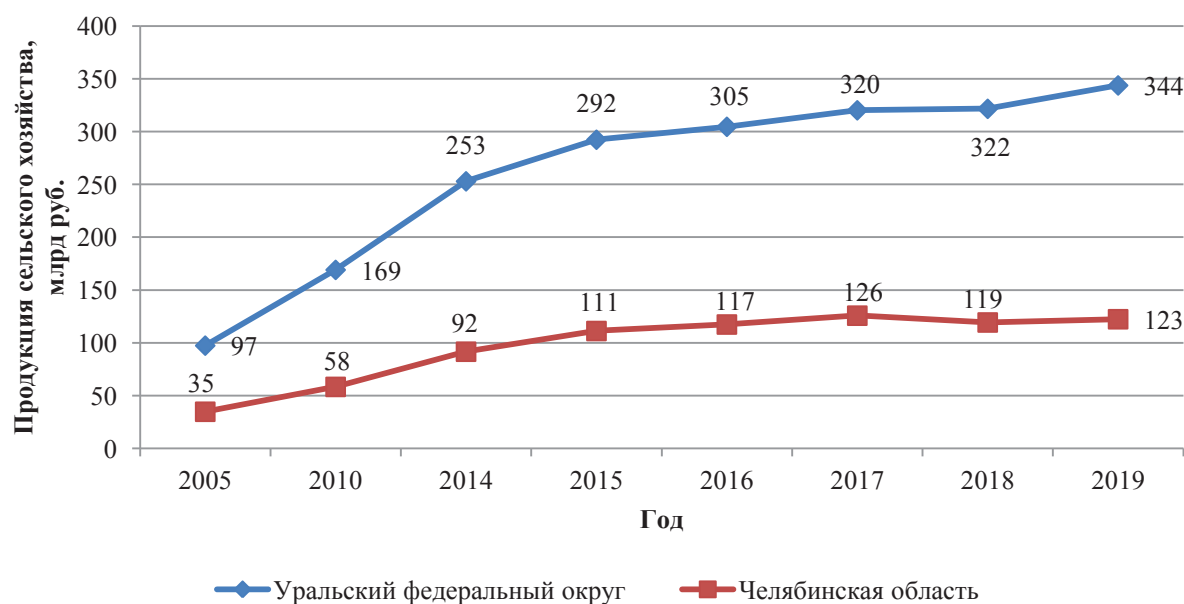

Рис. 1. Производство продукции сельского хозяйства в Уральском федеральном округе и Челябинской области
Источник: составлено автором по данным Росстата [5].

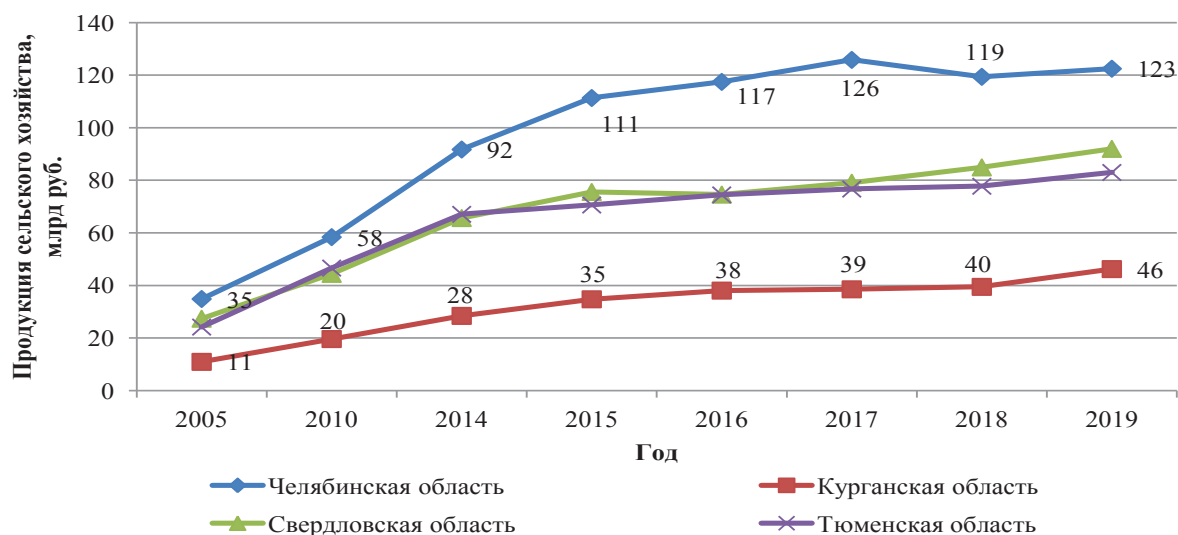

Рис. 2. Производство продукции сельского хозяйства в регионах Уральского федерального округа

Источник: составлено автором по данным Росстата [5].

в Курганской области. По данным Росстата, в конце 2019 г. Челябинская область занимала 15-е место среди всех регионов России по объемам производства продукции сельского хозяйства [5]. И на рис. 2 видно, что лидерство Челябинской области не является одноразовым, это давно устоявшаяся тенденция. Но если перевести анализ в динамическую плоскость, ситуация станет ровно противоположной. В табл. 1 показаны индексы роста объемов сельскохозяйственной продукции в текущих ценах. И здесь Челябинская область демонстрирует самые низкие темпы роста среди всех регионов, входящих в УрФО.

Если же зафиксировать цены и проанализировать динамику объемов производства продукции сельского хозяйства в сопоставимых ценах, то здесь налицо падение объемов начиная с 2018 г. (табл. 2). По данным Министерства сельского хо-

зяйства Челябинской области, по состоянию на конец 2020 г. объемы производства продукции сельского хозяйства составили 112,6 млрд руб., что на 8 % ниже показателя 2019 г. (в текущих ценах) [4]. В фиксированных же ценах в 2020 г. индекс составил 89,3 %, что еще ниже чем в два предыдущих года.

Из табл. 2 видно, что в отношении динамики производства Челябинская область уступает всем своим соседям на Урале. Эта тенденция характерна для трех последних лет, за исключением 2018 г., когда самый низкий процент продемонстрировала Курганская область.

Относительно высокие значения Челябинская область показывала в 2014–2016 гг., когда темпы роста производства продукции сельского хозяйства опережали темпы роста промышленного производства. Сегодня налицо обратное соотношение (рис. 3).

Таблица 1

Темпы роста производства продукции сельского хозяйства в текущих ценах в России, УрФО и входящих в него регионах

Территория	Год				
	2015	2016	2017	2018	2019
Российская Федерация	1,19	1,07	1,00	1,05	1,08
Уральский федеральный округ	1,16	1,04	1,05	1,00	1,07
Челябинская область	1,21	1,06	1,07	0,95	1,03
Курганская область	1,22	1,10	1,01	1,02	1,17
Свердловская область	1,15	0,99	1,06	1,07	1,08
Тюменская область	1,05	1,05	1,03	1,01	1,07

Источник: составлено автором по данным Росстата [5].

Таблица 2

Индекс производства продукции сельского хозяйства в сопоставимых ценах в процентах к предыдущему году

Территория	Год						
	2010	2014	2015	2016	2017	2018	2019
Российская Федерация	87,9	104,11	102,1	104,8	102,9	99,8	104,3
Уральский федеральный округ	90,1	99,3	103	101,1	103,5	99,7	100,5
Челябинская область	87,5	105	107,7	103,4	102,6	97,7	96,1
Курганская область	78,1	85,5	107,1	104,5	106,1	92,9	101,9
Свердловская область	94,6	100,1	100,3	97,9	102,1	105,8	105
Тюменская область	96	98,7	97,2	99,1	105,2	100,1	101,8

Источник: составлено по данным Росстата [5].

На рис. 4 приведена структура основных видов продукции сельского хозяйства Челябинской области по категориям хозяйств, характерная для 2019 г. Если анализировать такую структуру в динамике, можно выделить ряд тенденций. Во-первых, отмечается рост, по ряду видов продукции существенный, присутствия крестьянских фермерских хозяйств (КФХ) в производстве всех видов продукции. Например, доля зерна, приходящаяся на КФХ в 2005 г., составляла 20,6 %. К 2019 г. эта доля возросла до 49,9 %. В отношении семян ситуация аналогичная: в 2005 г. — 19,0 %, в 2019 г. — 45,7 %. Наибольший рост характерен для картофеля: данного продукта КФХ выращивали 1,4 % в 2005 г., к 2019 г. доля составила 16,2 %. Примерно такой же рост характерен для овощей и молока.

Единственным исключением стали скот и птица на убой — в этом виде продукции за тот же период доля КФХ сократилась с 1,5 % до 0,8 %. Во-вторых, доля, приходящаяся на хозяйства населения, опять же за исключением скота и птицы, сохраняется. Во всех видах сельскохозяйственных производств (из тех, что приведены на рис. 4) присутствие хозяйств населения если и меняется, то незначительно. В-третьих, несмотря на возрастающую долю КФХ, почти во всех видах продукции таковая все же невысока. Лишь в отношении зерна доля КФХ максимальна. Остальные виды продукции производятся сельскохозяйственными организациями либо хозяйствами населения. Наибольший удельный вес хозяйства населения занимают в производстве молока, картофеля и овощей.

Рис. 3. Темпы роста производства продукции сельского хозяйства и промышленного производства в Челябинской области

Источник: составлено автором по данным Росстата [5].

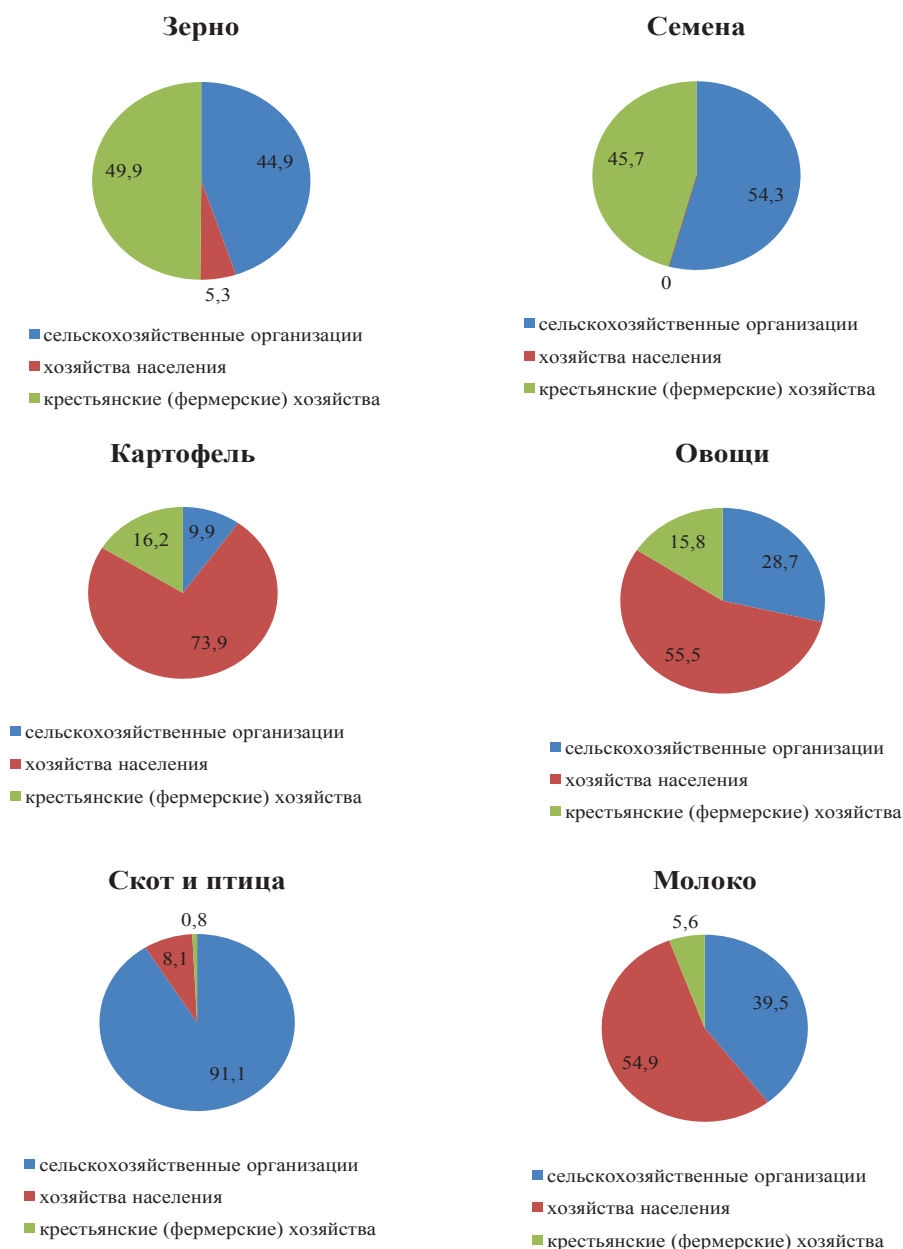

Рис. 4. Структура производства основных видов продукции сельского хозяйства в Челябинской области по категориям хозяйств в 2019 году

Источник: составлено автором по данным Росстата [5].

В Челябинской области скот и птицу на убой производят главным образом сельскохозяйственные организации, доля которых является доминирующей. И эта доля (91,1 %) выше, чем в среднем по стране (79,8 %). Выше она и аналогичного значения по Уралу (81,9 %). И более того, доля эта существенно возросла за 2005–2019 гг. (с 54,8 до 91,1 %).

В табл. 3 приведены данные о крупных сельскохозяйственных предприятиях Уральского федерального округа. Если ориентироваться на объем валовой выручки по итогам 2020 г., превышающий 2 млрд руб., то в раздел крупного

бизнеса в УрФО попали 16 предприятий, ровно половина из которых функционирует в Челябинской области [3]. И все эти предприятия производят скот и мясо птицы на убой. Более того, производство всех 16 предприятий относится к разделу «Животноводство». Таким образом, можно констатировать, что крупный сельскохозяйственный бизнес всего Урала имеет исключительно животноводческий облик.

Суммарная выручка крупных сельскохозяйственных предприятий Уральского федерального округа и входящих в него регионов приведена на рис. 5, на котором отчетливо видно, что удельный

Таблица 3

**Крупные сельскохозяйственные предприятия Уральского федерального округа
(раздел А ОКВЭД 2)**

Компания	Область	Выручка от продаж, тыс. руб.				
		2020 г.	2019 г.	2018 г.	2017 г.	2016 г.
ООО «Агрофирма «Ариант»»	Челябинская	14 856 989	13 802 758	17 304 981	15 467 850	14 738 360
ООО «Равис — Птицефабрика «Сосновская»»	Челябинская	8 465 374	9 322 776	9 473 915	8 933 377	9 083 833
ОАО «Птицефабрика «Рефтинская»»	Свердловская	6 384 988	6 111 239	5 829 736	5 195 551	5 911 646
АО «Уралбройлер»»	Челябинская	6 287 794	6 927 021	6 892 631	6 706 595	6 357 982
АО «Свинокомплекс «Уральский»»	Свердловская	6 064 178	5 491 688	4 878 713	4 460 475	4 317 126
ООО «Чебаркульская птица»»	Челябинская	5 324 661	6 509 793	6 493 557	6 698 050	6 904 972
ПАО «Птицефабрика «Боровская» имени А. А. Созонова»»	Тюменская	4 986 292	4 755 090	4 110 080	3 906 850	4 094 537
ОАО «Птицефабрика «Свердловская»»	Свердловская	4 780 293	4 526 372	4 447 813	4 180 893	4 347 764
АО «Продо Тюменский бройлер»»	Тюменская	4 777 082	4 754 184	4 287 954	4 227 277	4 018 738
ООО «Нагайбакский птицеводческий комплекс»»	Челябинская	4 763 929	5 308 867	3 739 950	3 516 475	4 239 725
ООО «Уральская мясная компания»»	Челябинская	3 877 051	4 138 647	3 590 940	3 345 835	3 159 986
АО «Птицефабрика «Челябинская»»	Челябинская	3 238 359	2 867 793	3 004 915	2 710 997	3 160 070
ООО «Магнитогорский птицеводческий комплекс»»	Челябинская	2 943 054	3 080 691	3 527 177	3 640 077	3 968 880
ЗАО «Племзавод «Юбилейный»»»	Тюменская	2 811 253	2 488 331	2 788 318	2 131 040	2 101 244
ООО «Куратье»»	Свердловская	2 570 257	2 366 201	2 473 936	2 267 632	2 669 607
ООО «Согласие»»	Тюменская	2 462 612	2 244 282	1 935 500	1 686 242	1 512 955

Источник: по данным информационно-аналитической системы FIRA PRO [6].

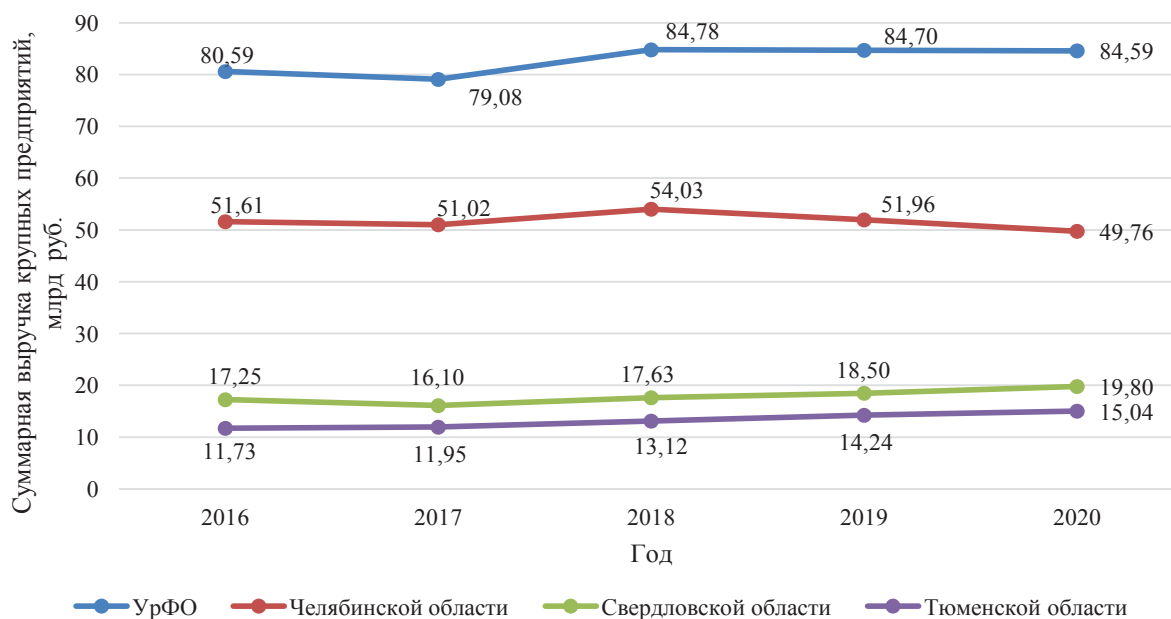

Рис. 5. Суммарная выручка крупных сельскохозяйственных предприятий Уральского федерального округа и входящих в него регионов (раздел А ОКВЭД 2)

Источник: рассчитано автором по данным информационно-аналитической системы FIRA PRO [6].

вес Челябинской области является наибольшим. По состоянию на 2020 г. доля региона в УрФО составила 58,82 %. Доли Свердловской и Тюменской областей составили 23,41 и 17,78 % соответственно. В Курганской области крупного бизнеса в сфере сельского хозяйства нет.

Итак, подведем итоги. Челябинская область занимает лидирующие позиции на Урале по объемам производства сельскохозяйственной продукции. Этот показатель в регионе выше показателей соседей по федеральному округу: на 33,13 % выше аналогичного показателя Свердловской, на 47,5 % — Тюменской, на 164,75 % — Курганской областей. По объему продукции сельского хозяйства Челябинская область уступает лишь 14 регионам в России. Однако динамика производства продукции сельского хозяйства уже не столь кра-

сива. В текущих ценах за последние годы можно увидеть небольшой, но рост, хотя он ниже аналогичного значения у соседей по УрФО. В фиксированных же ценах роста нет совсем. Падение объемов производства наблюдается три последних года. И если в 2018 и 2019 гг. сокращение объемов производства продукции сельского хозяйства составило 2,3 и 3,9 % соответственно, то в 2020 г. падение равнялось 10,7 %.

На Урале функционируют 16 крупных предприятий, производящих животноводческую продукцию. Суммарная выручка этих предприятий равна 84,6 млрд руб., что составляет 24,6 % от общего объема производимой на Урале продукции. В Челябинской же области на долю крупного бизнеса приходится 40,6 % всего сельскохозяйственного производства.

Список литературы

1. Абилова Е. В., Головина С. Г. Факторы развития фермерских хозяйств Челябинской области // Вестник Челябинского государственного университета. 2021. № 3 (449). С. 158–167.
2. Николаева Е. В. Анализ эффективности малых форм сельскохозяйственного производства в Челябинской области // Материалы IV Всероссийского симпозиума по региональной экономике. 2017. С. 129–133.
3. Постановление Правительства РФ от 4 апреля 2016 г. № 265 «О предельных значениях дохода, полученного от осуществления предпринимательской деятельности, для каждой категории субъектов малого и среднего предпринимательства». URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_196415/#dst100005 (дата обращения: 06.09.2021).

4. Официальный сайт Министерства сельского хозяйства Челябинской области. URL: <http://www.chelagro.ru/socio-economic/indicators-development/> (дата обращения: 06.09.2021).
5. Официальный сайт Росстата. Раздел «Региональная статистика». URL: https://rosstat.gov.ru/regional_statistics (дата обращения: 06.09.2021).
6. Первое независимое рейтинговое агентство информационно-аналитической системы FIRA PRO. URL: <https://pro.fira.ru/search/index.html#company> (дата обращения: 06.09.2021).

Сведения об авторе

Бенц Дарья Сергеевна — кандидат экономических наук, доцент, профессор кафедры экономики отраслей и рынков Челябинского государственного университета, Челябинск, Россия. benz@csu.ru

Bulletin of Chelyabinsk State University.
2021. № 10 (456). Economic Sciences. Iss. 74. Pp. 191–197.

AGRICULTURAL PORTRAIT OF CHELYABINSK REGION

D. S. Benz

Chelyabinsk State University, Chelyabinsk, Russia. benz@csu.ru

The article is devoted to an overview of the Chelyabinsk region agricultural sector. The author shows the dynamics of agricultural production volumes. This dynamics is compared with similar values of the Sverdlovsk, Tyumen and Kurgan regions. The author also demonstrates leading position of the Chelyabinsk region in the Ural Federal District in terms of agricultural production. Moreover, this position of the region takes more than a dozen years. The author presents dynamics of agricultural production volumes in comparable prices. The Chelyabinsk region is characterized with drop in real production since 2018. The share of large business in the agricultural sector is shown. If for the Urals this share accounts for almost a quarter of agricultural products produced by all categories of farms, then in the Chelyabinsk region large business accounts for over 40 % of all agricultural production.

Keywords: *agriculture, animal products, large business, Chelyabinsk Region, Sverdlovsk Region, Tyumen Region, Kurgan Region, The Ural Federal District.*

References

1. Abilova E. V., Golovina S. G. (2021). Vestnik Chelyabinskogo gosudarstvennogo universiteta, no. 3 (449), pp. 158–167 [in Russ.].
2. Nikolaeva E. V. (2017). Analiz effektivosti malykh form selskokhozyaystvennogo proizvodstva v Chelyabinskoy oblasti [Analysis of the effectiveness of small forms of agricultural production in the Chelyabinsk region]. Materialy IV Vserossiyskogo simpoziuma po regional'noy ekonomike [Materials of the IV All-Russian Symposium on Regional Economics], pp. 129–133 [in Russ.].
3. Postanovlenie Pravitel'stva RF ot 4 aprelya 2016 № 265 “O predel'nyh znacheniyah dohoda, poluchennogo ot osushhestvleniya predprinimatel'skoj dejatel'nosti, dlya kazhdoy kategorii sub'ektov malogo i srednego predprinimatel'stva” [Decree of the Government of the Russian Federation of 04.04.2016 No. 265 “On the limit values of income received from carrying out entrepreneurial activities for each category of small and medium-sized businesses”]. Available at: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_196415/#dst100005, accessed 06.07.2021 [in Russ.].
4. Oficial'niy sait Ministerstva sel'skogo hozyaistva Chelyabinskoi oblasti [Official website of the Ministry of Agriculture of the Chelyabinsk Region]. Available at: <http://www.chelagro.ru/socio-economic/indicators-development/>, accessed 06.07.2021 [in Russ.].
5. Rosstat. Available at: https://rosstat.gov.ru/regional_statistics, accessed 06.07.2021 [in Russ.].
6. Informatsionno-analiticheskaya sistema FIRA PRO [Information and analytical system FIRA PRO]. Available at: <https://pro.fira.ru/search/index.html#company>, accessed 06.07.2021 [in Russ.].

НОВЫЙ ЭТАП РАЗВИТИЯ ПРОМЫШЛЕННОЙ ПОЛИТИКИ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

Е. С. Чиканова

Краснодарский университет МВД Российской Федерации, Краснодар, Россия

На современном этапе одним из важнейших аспектов социально-экономического развития стран является разработка и реализация политики государства в одной из базовых отраслей национальной экономики — промышленности. Целью данной работы является обзор принятой промышленной политики в РФ на законодательном и исполнительном уровнях. Исходя из представленной цели автором рассмотрены основные аспекты Федерального закона «О промышленной политике в Российской Федерации», проанализирована динамика ряда показателей, характеризующих результативность применяемых государственных мер поддержки промышленного сектора экономики, а также изучены экспертные заключения о действующем законе и необходимых поправках к нему.

Ключевые слова: *промышленная политика, государственная финансовая поддержка, индекс промышленного производства, инвестиции в основной капитал, результаты реализации промышленной политики в РФ.*

Промышленная политика государства является важнейшим аспектом развития национальной экономики. Еще в 1990-е г. мировое сообщество уделяло особое внимание данному направлению как деятельности государства, которая сосредоточена на изменении производственной структуры с целью обеспечения ее устойчивого роста. Со временем интерпретация определения промышленной политики варьировалась в зависимости от внешнеэкономических, политических условий и рассматривалась многими известными авторами, такими как В. Прайс и Дж. Блэк, М. Обсфельд, П. Кругман и многие другие.

Исходя из работ В. Прайса и Дж. Блэка [1, 2], промышленная политика представляет собой проведение государством совокупности мероприятий в целях предотвращения структурных сдвигов или необходимых структурных изменений на общенациональном уровне.

Общеизвестные американские экономисты М. Обсфельд и П. Кругман [3, 4] рассматривали промышленную политику как действия государства по привлечению ресурсов в отдельные секторы экономики, развитие которых лежит в основе экономического роста.

Вопрос важности промышленной политики как отдельного направления экономической политики в России возник благодаря проводимым реформам С. Ю. Витте [5]. Государственный деятель в своих работах отводил важную роль и перспективность промышленности в России для ее будущего процветания и стабильного развития.

Если рассмотреть опыт развитых стран, можно заметить, что в основе промышленной политики лежит трансформация производства для повышения его производительности, формирование и улучшение состояния уже существующих основных фондов промышленности, создание необходимых условий для притока новых технологий и инвестиций на международном уровне. Вся совокупность перечисленных факторов оказывает прямое влияние на развитие человеческого капитала, накопление производственных навыков, формирование инфраструктуры, финансовых инструментов и финансовых рынков, что является главной целью разрабатываемых программ промышленной политики большинства современных государств.

В условиях постепенного перехода к эталонной капиталистической системе хозяйствования в РФ одним из важнейших вопросов является определение оптимального сочетания регулирующих функций рынка и государства в промышленной отрасли.

После длительной фазы мирового финансового кризиса 2008–2009 гг. появилась необходимость определить основные направления РФ в развитии промышленности. Главная цель промышленной политики в 2010–2014 гг. заключалась в преодолении посткризисного состояния экономики, оживлении спроса на продукты отечественной промышленности как на внутреннем, так и на внешнем рынке. В данный период активно использовались инструменты вертикаль-

ной промышленной политики, которая заключалась в поиске новых источников роста через технологическую модернизацию основного капитала промышленности. По мнению Правительства РФ, приоритетными направлениями стали авиационная промышленность и двигателестроение, ракетно-космическая промышленность, атомный энергопромышленный комплекс, судостроительная промышленность, электронная и радиоэлектронная промышленность, энергетическое, нефтегазовое, транспортное и тяжелое машиностроение, а также горно-металлургический комплекс [6]. Но реализация поставленных задач промышленной политики прошлых лет оказалась менее оптимистичной. Промышленный сектор столкнулся с такими проблемами, как латентный характер поведения, формальное участие государства в решении основных аспектов запуска процесса модернизации производств.

На основе полученных результатов стратегии промышленной политики 2010 г. была проведена длительная работа Министерства промышленности и торговли РФ, в результате которой в 2014 г. одобрен и опубликован закон «О промышленной политике в Российской Федерации». Данный закон можно считать рубежом между традиционной и новой промышленной политикой.

При рассмотрении преамбулы закона, стоит акцентировать внимание на том, что при разработке документа была сформирована целостная система принципов, механизмов государственного стимулирования развития российской промышленности.

В ст. 3 закона раскрывается понятие промышленности как комплекса правовых, экономических, организационных и иных мер, направленных на развитие промышленного потенциала РФ, обеспечение производства конкурентоспособной промышленной продукции. То есть рассмотрение промышленной политики выходит за рамки традиционного понимания и становится результатом системной работы всех представленных выше инструментов регулирования [7].

Цель данного закона основывается на нескольких взаимосвязанных направлениях. Рассмотрим каждое из них.

1. Конкурентоспособность и высокая технологичность национальной промышленности, переход к инновационному развитию. В данном случае определяется ориентация государства, относительно того, какие инструменты поддержки должны использоваться. В 2015 г. в рамках науч-

но-экспертной сессии на тему «Закон о промышленной политике в Российской Федерации» большинством экспертов была подчеркнута проблема нынешнего состояния основных фондов, а также человеческого капитала в инженерно-технической части промышленного производства [8]. Исходя из поставленной проблемы финансовая поддержка государства заключалась в субсидировании промышленных предприятий на основе конкурсного механизма, а также в установлении штрафов при недостижении поставленных перед предприятиями целей.

На практике субсидирование основных фондов заключается в заключении специального инвестиционного контракта, участниками которого являются государство и промышленное предприятие. По данному контракту государство является инвестором либо обязано содействовать в нахождении иных лиц для модернизации промышленного производства, в освоении производства промышленной продукции на основе аналогов зарубежных стран. Минимальный объем инвестиций должен составлять 750 млн руб. [9].

Проанализируем результаты реализации данной задачи на основании индекса промышленного производства за 2014–2020 гг. по видам производства (рис. 1).

Как можно заметить, за последние годы данный показатель не имел устойчивой тенденции роста. По мнению экспертов в области торгово-промышленного сектора экономики, такая тенденция ожидаема в условиях недостатка в объемах и условиях кредитования российских предприятий при одновременном сохранении высокого уровня налогового бремени на бизнес [10].

В дополнение к представленной выше картине проанализируем изменение инвестиций в основной капитал промышленного комплекса РФ на основе классификации видов экономической деятельности в 2014–2020 гг. как результат инвестиционной деятельности государства, а также создания благоприятных условий через денежно-кредитную и фискальную политику. (рис. 2)

Диаграмма показывает, что до 2020 г. большую долю в общей сумме инвестиций в основной капитал промышленности занимают капиталовложения в добывающий сектор. Значительно страдает аграрно-промышленные производства, так как на них приходится меньше инвестиций в развитие и модернизацию. При этом ключевыми составляющими привлекаемых инвестиций являются собственные средства организаций или банковские

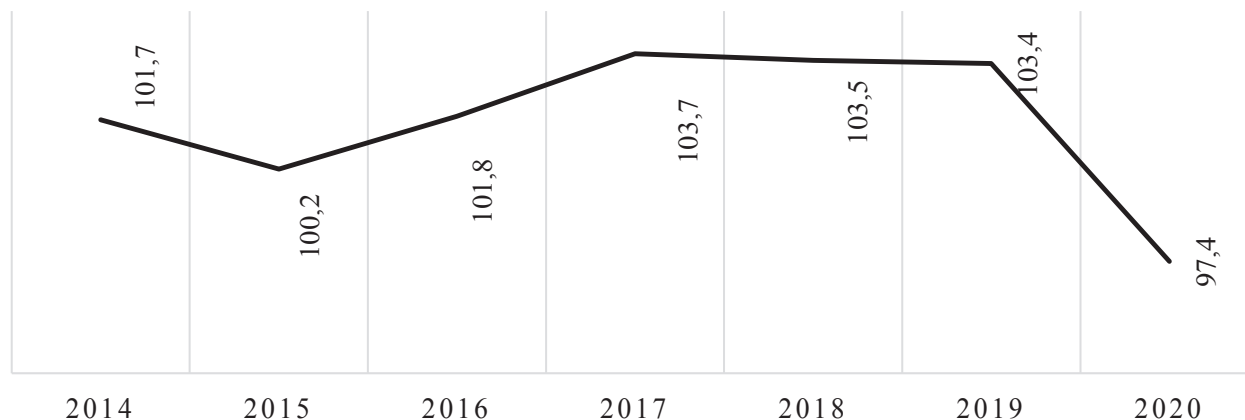

Рис. 1. Индекс промышленного производства в РФ в 2014–2020 гг. (в процентах к предыдущему году)

Источник: составлено автором на основе данных Федеральной службы государственной статистики (https://www.gks.ru/bgd/free/b00_24/IssWWW.exe/Stg/d000/I001700R.HTM; <https://www.fedstat.ru/indicator/57806>)

Рис. 2. Инвестиции в основной капитал по видам промышленного производства за 2014–2020 годы (млрд руб.)

Источник: составлено автором на основе данных Федеральной службы государственной статистики (<https://showdata.gks.ru/report/277042/>)

кредиты, в свою очередь бюджетные средства имеют наименьшую часть и направлены, как правило, на социально значимые проекты.

Стоит отметить наличие в законе базового принципа равенства доступа к финансовой помощи государства как отечественным, так и зарубежным производствам. То есть в данном случае наблюдается противоречие с импортозамещающей политикой государства в последние годы, ведь равные права на получение субсидий, льгот и других преференций создают дополнительное препятствие российскому производителю в наращивании производственных мощностей и создании высокотехнологичного промышленного продукта.

Еще одним из вопросов, требующих доработки со стороны законодательства, является содействие государства отраслям с наличием явных монополистов, а также олигополий. Такие производители в большинстве случаев не заинтересованы в применении инновационных технологий, модернизации производства. Соответственно государственная поддержка подобных отраслей не способна дать достаточный импульс к всеобщему росту, что подтверждается неутешительной динамикой индекса промышленного производства за 2014–2020 гг. (рис. 1).

2. Обеспечение занятости населения и повышение уровня жизни граждан РФ [7]. Для аргу-

Таблица 3

Доля населения, занятая в промышленности РФ в 2014–2020 годах

Отрасль	Год							Отклонение, + / –
	2014	2015	2016	2017	2018	2019	2020	
Всего доля в промышленности	25,9	25,6	25,6	24,9	25,0	25,0	25,2	–0,7
Агропромышленные производства	6,7	6,7	6,7	5,9	5,9	5,8	6,0	–0,7
Добыча полезных ископаемых	2,1	2,1	2,2	2,2	2,3	2,3	2,3	0,2
Обрабатывающие производства	14,2	14,0	14,2	14,2	14,1	14,3	14,2	0
Обеспечение электроэнергией, газом, паром	2,9	2,8	2,7	2,6	2,7	2,6	2,7	–0,2

Источник: составлено автором на основе данных Федеральной службы государственной статистики (https://rosstat.gov.ru/labour_force?print=1).

ментированности нашей позиции относительно данного вопроса проанализируем основные тенденции занятости в разных секторах промышленности РФ в 2014–2020 гг. (табл. 3).

На основании полученных данных можно отметить общее сокращение доли населения, занятого в промышленности, на 0,7 % за анализируемый период. При этом большее сокращение произошло в агропромышленном комплексе, что связано с отсутствием реальной финансовой поддержки государства во все эти годы.

За счет большего объема инвестирования в добывающей промышленности доля населения, занятая в данном секторе, выросла на 0,2 %.

По мнению эксперта Центра исследований и производительности И. Б. Воскобойникова и ведущего сотрудника Центра трудовых исследований В. Е. Гимпельсона, на сегодняшний день в промышленности отсутствует необходимый человеческий капитал. Это вызвано необоснованным давлением со стороны государства и иррациональностью в административно-надзорном регулировании промышленных предприятий. То есть людям намного проще перейти в неформальный сектор экономики, где спрос на их образование, квалификацию, опыт намного выше, чем в формальном [11].

На основе проведенного анализа состояния промышленного сектора экономики РФ за последние годы, можно сделать вывод, что на данном этапе

происходят значительные сдвиги в сторону активной поддержки промышленности со стороны государства в части законодательного регулирования. Однако требуется конкретизация в порядке взаимодействия государства и участников промышленного сектора, а также предоставление более лояльных кредитных и налоговых условий для данных субъектов экономики.

Реализация представленных целей требует более детального подхода к оценке достигнутых результатов не только на основе количественных показателей, но и с учетом экономического эффекта, который должен быть получен от создания инновационных, высокотехнологичных, а также энергоемких продуктов промышленного производства РФ.

Существует объективная необходимость создать систему норм на основе позитивного зарубежного опыта, которая позволит реалистично отражать не только потраченные средства федерального и нижестоящих бюджетов, но и достигнутые результаты каждого участника программы государственной поддержки.

Также большинство экспертов промышленного сектора экономики отмечают важную роль малого и среднего бизнеса в проведении национальной промышленной политики. Поддержка данной группы участников рынка может стать сильнейшим импульсом в развитии промышленности РФ в ближайшем будущем.

Список литературы

1. Price V. C. Industrial policies in the European Community // Macmillan for the Trade Policy Research Centre. 1981.
2. Тамбовцев В. Л. Промышленная политика: к новому пониманию // Известия Уральского государственного экономического университета. 2017. № 5 (73). С. 54–67.

3. Шестакова К. В. Концептуальные подходы к исследованию промышленной политики в контексте обеспечения промышленного и экономического развития страны // Труды БГТУ. Сер. Экономика и управление. 2018. № 2 (214). С. 34–40.

4. Krugman P. R., Obstfeld M. *International economics: Trade and policy*. (7th ed.). Boston : Pearson Addison-Wesley, 2006.

5. Романова О. А. Приоритеты промышленной политики России в контексте вызовов четвертой промышленной революции. Ч. 1 // Экономика региона. 2018. Т. 14, вып. 2. С. 420–432.

6. Лыгина Н. И., Баранов И. В. Этапы развития промышленной политики в России в рыночный период // Вестник ОрелГТЭТ. 2015. № 1 (31). С. 3–6.

7. Федеральный закон от 31 декабря 2014 г. № 488-ФЗ «О промышленной политике в Российской Федерации». URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_173119/ (дата обращения: 26.05.2021).

8. Толкачев С. А., Тепляков А. Ю. Закон «о промышленной политике» и реальная промышленная политика в российской Федерации // Мир новой экономики. 2015. № 2. С. 113–116.

9. Постановление Правительства РФ от 16 июля 2015 г. № 708 «О специальных инвестиционных контрактах для отдельных отраслей промышленности». URL: <http://government.ru/docs/all/102779/> (дата обращения: 01.10.2021).

10. Мельников А. Е. Состояние и проблемы развития промышленного сектора экономики региона в условиях системного кризиса // Проблемы развития территории. 2017. Вып. 2 (88). С. 63–76.

11. Воскобойников И. Б., Гимпельсон В. Е. Рост производительности труда, структурные сдвиги и неформальная занятость в Российской экономике. М. : Изд. дом Высш. шк. экономики, 2015.

Сведения об авторе

Чиканова Елена Сергеевна — кандидат экономических наук, доцент кафедры экономики, бухгалтерского учета и аудита Краснодарского университета МВД РФ, Краснодар, Российская Федерация. echikanova@yandex.ru

Bulletin of Chelyabinsk State University.

2021. № 10 (456). *Economic Sciences. Iss. 74. Pp. 198–203.*

A NEW ROUND OF INDUSTRIAL DEVELOPMENT OF THE STATE

E. S. Chikanova

Krasnodar University of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation, Krasnodar, Russia. echikanova@yandex.ru

At the present stage, one of the most important aspects of the socio - economic development of countries is the development and implementation of state policy in one of the basic sectors of the national economy — industry. The purpose of this work is to substantiate the fact that the industrial policy of the Russian Federation over the past decade did not meet the requirements and trends of the world community and the national market. Based on the presented goal, the author considers the main aspects of the Federal Law “On Industrial Policy in the Russian Federation”, analyzes the dynamics of a number of indicators that characterize the effectiveness of state measures to support the industrial sector of the economy, also studies expert opinions on the current law and the necessary amendments to it.

Keywords: *industrial policy, state financial support, industrial production index, investments in fixed assets, results of the implementation of industrial policy in the Russian Federation.*

References

1. Price V. C. (1981) *Industrial policies in the European Community* // Macmillan for the Trade Policy Research Centre.

2. Tambovtsev V. L. (2017) *Izvestiya Ural'skogo gosudarstvennogo ekonomicheskogo universiteta*, no. 5 (73), pp. 54–67 [in Russ.].

3. Shestakova K. V. (2018) *Trudy BGTU, ser. Ekonomika i upravleniye*, no. 2 (214), pp. 34–40 [in Russ.].

4. Krugman P. R., Obstfeld M. (2006) *International economics: Trade and policy*. (7th ed.). Boston, Pearson Addison-Wesley [in Russ.].
5. Romanova O. A. (2018) *Ekonomika regiona*, vol. 2, iss. 2, pp. 420–432 [in Russ.].
6. Lygina N. I. Baranov I. V. (2015) *Vestnik OryolGET*, no. 1 (31), pp. 3–6 [in Russ.].
7. Federal'nyy zakon ot 31 dekabrya 2014 g. № 488-FZ "O promyshlennoy politike v Rossiyskoy Federatsii" [Federal Law of December 31, 2014 No. 488-FZ "On Industrial Policy in the Russian Federation"]. Available at: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_173119/, accessed 26.05.2021 [in Russ.].
8. Tolkachev S. A., Teplyakov A. Yu. (2015) *Mir novoy ekonomiki*, no. 2, pp. 113–116 [in Russ.].
9. Postanovleniye Pravitel'stva RF ot 16 iyulya 2015 g. № 708 "O spetsial'nykh investitsionnykh kontraktakh dlya otdel'nykh otrasley promyshlennosti" [Resolution of the Government of the Russian Federation dated July 16, 2015 no. 708 "On special investment contracts for certain industries"]. Available at: <http://government.ru/docs/all/102779/>, accessed 26.05.2021 [in Russ.].
10. Mel'nikov A. E. (2017) *Problemy razvitiya territorii*, vol. 2 (88), pp. 63–76 [in Russ.].
11. Voskoboynikov I. B., Gimpel'son V. E. (2015) Rost proizvoditel'nosti truda, strukturnyye sdvigi i neformal'naya zanyatost' v Rossiyskoy ekonomike. [Labor productivity growth, structural shifts and informal employment in the Russian economy]. Moscow, Izdatel'skiy dom Vysshey shkoly ekonomiki [in Russ.].

ДИНАМИКА РАЗВИТИЯ ОТРАСЛИ СЕЛЬСКОГО ХОЗЯЙСТВА ТЮМЕНСКОЙ ОБЛАСТИ

А. И. Литкевич¹, Т. И. Гортаева², Е. П. Киселица²

¹ Государственный аграрный университет Северного Зауралья, Тюмень, Россия

² Тюменский государственный университет, Тюмень, Россия

Проведено исследование значимости агропромышленного комплекса и текущее социально-экономическое развитие Тюменской области (без автономных округов). Сопоставлены показатели агропромышленного комплекса региона с другими субъектами РФ, по отдельным показателям определена оценка рейтингового места по сравнению с другими регионами. Исследована динамика изменения показателей развития отрасли, оплаты труда и численности работников организаций отрасли за период 2010–2020 гг. Сделаны выводы о перспективах дальнейшего развития отрасли сельского хозяйства в регионе с учетом формирования агропромышленного кластера.

Ключевые слова: агропромышленный комплекс, сельское хозяйство, животноводство, растениеводство, Тюменская область.

Агропромышленный комплекс региона объединяет в себе сферу сельскохозяйственного производства: животноводство и растениеводство, кормопроизводство, хранение и переработку сырья, рыбное хозяйство, сферу перерабатывающей промышленности, включая производство пищевой продукции. Производство сельскохозяйственной техники, удобрений и агрохимикатов непосредственно связаны с агропромышленным комплексом и обеспечивают устойчивое его развитие¹.

Агропромышленный комплекс является приоритетным сектором экономики и играет важную роль в социально-экономическом развитии Тюменской области, обеспечивая необходимую потребность в продовольствии и создавая рабочие места в сельской местности [5].

В регионе проживает 1,5 млн человек (1 % населения РФ; без учета населения автономных округов), из которых 0,8 млн — в городском округе Тюмень. Тюменская область (за исключением ХМАО и ЯНАО) один из немногих регионов, который демонстрирует положительную демографическую динамику, что создает дополнительные потребности в основных видах продукции сельскохозяйственного производства².

¹Официальный портал Органов исполнительной власти Тюменской области. URL: <http://admtumen.ru> (дата обращения: 05.02.21).

²Официальный портал Органов исполнительной власти Тюменской области. URL: <http://admtumen.ru> (дата обращения: 05.02.21).

Естественный прирост населения за 2019 г. в Тюменской области (без автономных округов (АО)) составил 3072 человека, при снижении населения в Уральском федеральном округе на 9553 человека и в целом по РФ — на 317 233 человека³.

Валовой региональный продукт (ВРП) области без учета автономных округов составляет 1,5 % совокупного ВРП регионов РФ.

В ВРП юга Тюменской области за 2018 г. совокупная доля продукции сельского хозяйства, лесного хозяйства, охоты, рыболовства и рыбоводства составила 4,1 %.

Наибольшую долю в структуре производства продукции сельского хозяйства Тюменской области (без АО) составляет отрасль животноводства, которая по итогам 2020 г. составила 63,8 % с показателем 46702,7 млн руб. (43546,0 млн руб. в 2019 г.) в стоимостном выражении (рис. 1). Общий объем производства продукции сельского хозяйства в регионе в стоимостном выражении за 2020 г. составил 73 149,0 млн руб. В предыдущем году произведено продукции на 70 692,5 млн руб. Это четвертый показатель в УрФО. Первое место в округе по производству продукции сельского хозяйства за 2019 г. занимает Челябинская область с объемом производства на сумму 122 501 млн руб. и тринадцатое место — в РФ (первое место — Краснодарский край – 417 201 млн руб.) (рис. 2).

³Официальный сайт Федеральной службы государственной статистики. URL: <http://www.gks.ru> (дата обращения 05.02.21).

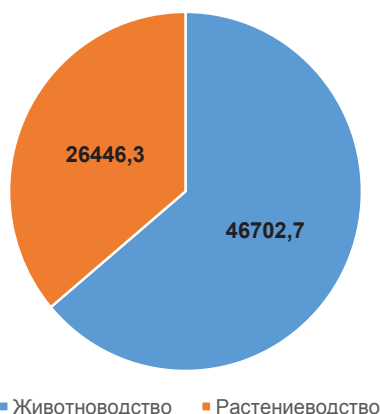

Рис. 1. Производство продукции сельского хозяйства за 2020 год в разрезе подотраслей, млн руб.

Источник: предварительные данные Федеральной службы государственной статистики¹.

Производство продукции сельского хозяйства в Тюменской области (без АО) после однократного снижения в 2011 г. с 2012 г. характеризуется стабильным среднегодовым темпом прироста в 5,6 %. Стабильный рост обеспечен за счет ввода новых высокотехнологичных производственных объектов, модернизации действующих производств.

¹Официальный сайт Федеральной службы государственной статистики. URL: <http://www.gks.ru> (дата обращения: 05.02.21).

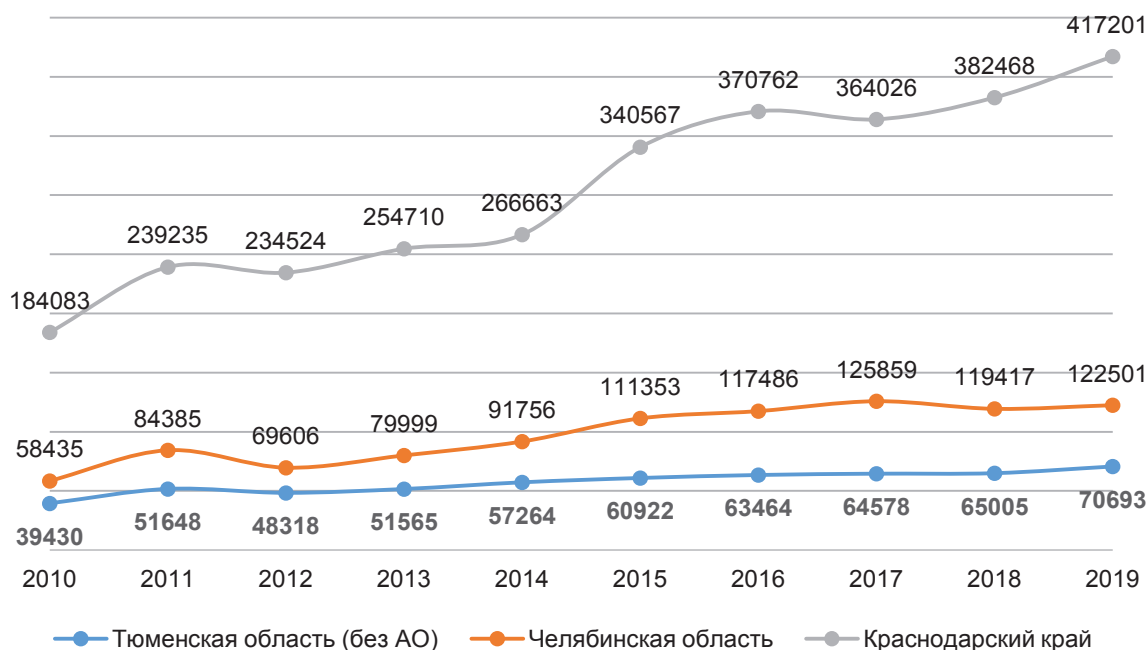

Рис. 2. Изменение производства продукции сельского хозяйства за период с 2011 по 2019 год, млн руб.

Источник: данные Федеральной службы государственной статистики (<http://www.gks.ru>)

Наибольший вклад в производство продукции сельского хозяйства региона обеспечивают Тюменский муниципальный район, Голышмановский городской округ и Упоровский муниципальный район с показателями за 2019 г. соответственно 16 588,4 млн руб. (23,5 % от областного объема), 7405,1 млн руб. (10,5 %) и 5664,1 млн руб. (8,0 %).

Индекс производства продукции сельского хозяйства с 2015 г. показывает положительную динамику. Наибольший рост индекса отмечается в 2011 г. (112,7 %) и 2017 г. (105,2 %).

Тюменская область (без АО) обеспечивает потребности населения региона основными видами сельскохозяйственных продуктов. По продукции, представленной в табл. 1, Тюменская область (без учета АО) имеет результаты, превышающие средний уровень производства на душу населения по УрФО и РФ. Исключение составляют овощи.

Потребление основных видов продукции сельского хозяйства в Тюменской области представлено в табл. 2.

За последние годы объемы потребления значительно не изменяются. Как показывают статистические данные, несмотря на достаточное производство продукции в Тюменской области, объемы потребления продуктов по отдельным видам продукции не соответствуют рекомендуемым рациональным нормам потребления пищевых продуктов, отвечающих современным требованиям здорового питания Минздрава РФ [8].

Таблица 1

**Объем производства основных сельскохозяйственных продуктов
в 2019 году на душу населения**

Основные продукты	Норма Минздрава РФ (с изм. 01.12.20)	Тюменская область (без АО)	Уральский федеральный округ	Российская Федерация
Яйца, шт.	260	1035	397	306
Молоко от всех видов животных, кг	325	365	159	214
Скот и птица на убой, кг	73	77	61	74
Овощи, кг	140	86	49	96
Картофель, кг	90	268	155	150
Зерновые и зернобобовые, кг	—	970	465	826
Пшеница, кг	—	575	296	507

Источник: приказ Минздрава России от 19 августа 2016 г. № 614, данные Федеральной службы государственной статистики (<http://www.gks.ru>), расчет автора.

Таблица 2

**Потребление продуктов питания
на душу населения в Тюменской области
в 2019 году, кг**

Продукт	Кол-во
Картофель	85
Овощи и бахчевые	79
Мясо и мясопродукты	54
Молоко и молочные продукты	178
Яйца и яйцепродукты, штук	300

Источник: данные Федеральной службы государственной статистики (<http://www.gks.ru>).

На 2010–2019 гг. производственная структура по категориям хозяйств в Тюменской области (без АО) значительно не изменилась. Доля категории сельскохозяйственных организаций на протяжении всего периода преобладает с показателем в 2019 г. 67,4 % (57,7 % — в РФ) в общем объеме производства, хозяйства населения составили 27,1 % (28,6 % в РФ), крестьянские (фермерские) хозяйства — 5,5 % (13,7 % в РФ).

В регионе в период с 2010 по 2019 г. отмечается устойчивый рост среднемесячной номинальной начисленной заработной платы (в 2019 г. к 2010 г. — 243,5 %) при сокращении среднесписочной численности работников в организациях по ОКВЭД «Сельское хозяйство» (табл. 4).

Общероссийский показатель за 2019 г. по видам экономической деятельности «Сельское хозяйство», «Лесное хозяйство», «Охота», «Рыбоводство» и «Рыболовство» составил 31 728 руб. (на 12,9 % выше, чем среднемесячная начисленная заработная плата (номиналь-

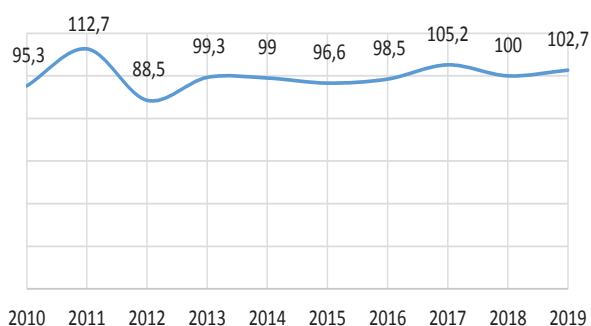

Рис. 3. Изменение индекса производства продукции сельского хозяйства в Тюменской области (без АО) в сопоставимых ценах

Источник: данные Федеральной службы государственной статистики (<http://www.gks.ru>)

ная) в Тюменской области без учета округов по ОКВЭД «Сельское хозяйство»).

Отрасль животноводства в 2019 г. продемонстрировала рост индекса производства продукции животноводства, который в хозяйствах всех категорий составил 104 % (к 2018 г.).

Численность основного вида сельскохозяйственных животных — крупного рогатого скота — во всех категориях хозяйств Тюменской области (без АО) на конец 2019 г. составила 244,2 тыс. голов (27-е место в РФ).

По производству молока в хозяйствах всех категорий по итогам 2019 г. Тюменская область (без АО) занимает 21-е место на уровне всех субъектов РФ с показателем в абсолютном выражении 557,0 тыс. т¹.

По продуктивности продуктивного стада в сельскохозяйственных организациях Тюменская

¹Официальный сайт Федеральной службы государственной статистики. URL: <http://www.gks.ru> (дата обращения: 05.02.21).

Таблица 3

Структура производства продукции сельского хозяйства в разрезе категорий хозяйств в Тюменской области (без АО)

Категория	Год									
	2010	2011	2012	2013	2014	2015	2016	2017	2018	2019
Сельскохозяйственные организации	445,2	550,0	446,6	449,3	447,2	554,7	556,2	660,8	663,9	667,4
Хозяйства населения	551,2	44,8	448,9	445,6	448,2	440,3	339,0	333,9	330,6	227,1
Крестьянские (фермерские) хозяйства	33,6	55,2	44,5	55,1	44,7	55,0	44,8	55,3	55,5	55,5

Источник: данные Федеральной службы государственной статистики (<http://www.gks.ru>).

Таблица 4

Среднемесячная номинальная начисленная заработная плата одного работника в организациях по виду экономической деятельности «Сельское хозяйство» в Тюменской области (без АО)

Показатель	Год									
	2010	2011	2012	2013	2014	2015	2016	2017	2018	2019
Среднемесячная номинальная начисленная заработная плата одного работника, руб.	111 344,3	113 928,8	115 528,9	116 559,8	119 111,4	220 764,2	222 002,6	224 504,0	225 972,9	227 623,8
Среднесписочная численность работников, чел.	222 687	220 727	119 568	119 261	118 545	118 291	118 220	118 058	116 460	116 412

Источник: данные Федеральной службы государственной статистики (<http://www.gks.ru>).

область (без АО) по итогам 2019 г. заняла 20-е место с показателем 6963 кг/гол. (ниже уровня лидирующей по этому показателю Ленинградской области на 25,6 %) (рис. 4). Продуктивность коров в сельхозорганизациях Тюменской области (без АО) выше среднего показателя по РФ на 673 кг [13].

По производству скота и птицы на убой (убойный вес) в категории всех хозяйств регион занимает 33-е место в РФ с показателем за 2019 г. в абсолютном выражении 117,2 тыс. т (рост с 2010 г. на 15,2 %).

Высокая конкуренция среди субъектов УрФО сохраняется в отрасли птицеводства. Шестое, седьмое и восьмое места по производству яиц в РФ по всем категориям хозяйств занимают Челябинская, Тюменская (без АО) и Свердловская области с показателями соответственно 1602,1 млн, 1582,1 млн и 1572,3 млн шт. Рост производства яиц в регионе за 2010–2019 гг. составил 18,4 %¹.

¹Официальный сайт Федеральной службы государ-

В растениеводстве по категориям всех хозяйств в 2018 г. индекс производства продукции составил 100,9 %.

Общая посевная площадь на территории региона (без АО) в 2019 г. составила 1041,1 тыс. га (третий показатель в УрФО).

По валовому сбору зерна (в весе после доработки) по итогам 2019 г. Тюменская область (без АО) заняла 26-ю позицию среди регионов РФ с абсолютным показателем 1481,7 тыс. т (3-е место в УрФО).

Резюмируя проведенное исследование, авторы обращают внимание на большой объем работы, проделанной за последние годы производителями сельскохозяйственной продукции, органами местного самоуправления, органами исполнительной и законодательной власти Тюменской области, направленной на достижение устойчивого развития

статистической. URL: <http://www.gks.ru> (дата обращения: 05.02.21).

Рис. 4. Продуктивность коров в сельскохозяйственных организациях, кг/гол.

Источник: данные Федеральной службы государственной статистики (<http://www.gks.ru>).

агропромышленного комплекса, экономики региона и РФ в целом. Приложенные усилия отражаются в обеспечении продовольственной безопасности и положительной динамике большинства статистических показателей, характеризующих развитие агропромышленного сектора экономики [15].

Несмотря на сложные природно-климатические условия, особенности предоставления государственной поддержки сельского хозяйства РФ, агропромышленный комплекс Тюменской области имеет большой потенциал развития, который может быть реализован благодаря высокой инвестиционной привлекательности региона, намерениям инвесторов по реализации крупных проектов, наличию незагруженных мощностей перерабатывающей промышленности и рынка сбыта продукции (федеральные логистические центры, развитая сеть общественного питания и потребительской торговли), включая экспортный потенциал.

Следует отметить, что статистические данные не отражают полного и объективного состояния агропромышленного комплекса Тюменской области. Как и большинство усредненных макроэкономических показателей, статистические данные имеют в том числе положительную динамику. Для более детальной и объективной оценки ситуации в агропромышленном комплексе дальнейшие исследования целесообразно проводить, анализируя финансово-экономическое состояние и производственные показатели предприятий, разделяя их на сегменты в зависимости от сроков реализации проекта или ввода объектов в эксплуатацию [4].

В условиях высокой зависимости сельскохозяйственных производителей от государственной поддержки, регулярного роста себестоимости производства предприятия агропромышленного

комплекса ожидают сложный период и новые экономические вызовы [14].

В соответствии с распределением бюджетных ассигнований по разделам и подразделам классификации расходов областного бюджета на 2021 г., утвержденным законом Тюменской области «Об областном бюджете на 2021 год и на плановый период 2022 и 2023 годов», объем расходов бюджета области на отрасли сельского хозяйства и рыболовства запланирован в сумме 4 518 621 тыс. руб. Этот показатель на 33,9 % ниже, чем расходы областного бюджета на сельское хозяйство и рыболовство в 2020 г. [7].

В качестве проблематики агропромышленного комплекса региона необходимо выделить следующие факторы:

- отсутствие высококвалифицированных кадров в сельской местности, отток молодого поколения вследствие урбанизации, высокий средний возраст сотрудников сельскохозяйственных предприятий. Тюменская область характеризуется растущей степенью урбанизации: на начало 2010 г. в городах проживало 60,5 % населения, к концу 2019 г. — уже 67,5 %;
- высокая зависимость от импорта оборудования для животноводства (доильное оборудование, оборудование для хранения молока, кормовые решетки, IT-продукты и др.), генетических ресурсов, а именно от импорта поголовья крупного рогатого скота, семени быков-производителей, родительского поголовья в птицеводстве, хряков — в свиноводстве [4].

Только за 2016–2020 гг., по данным регионального органа управления аграрной отраслью, в область было импортировано 7793 голов крупного рогатого скота. Данная ситуация обусловлена отсутствием предложения значительного количества высокопродуктивного племенного поголо-

вья скота для реализации на внутреннем рынке, технологическими процессами и создает отрицательный экономический эффект в виде оттока капитала.

Еще одним негативным фактором развития производства сельскохозяйственной продукции может явиться концентрация объемов производства в руках крупных производителей и уход с рынка более гибких средних и малых предприятий комплекса аграрной промышленности [2].

Дальнейшее успешное функционирование сельскохозяйственных производителей региона возможно при условии повышения эффективности деятельности, основанном на повышении производительности труда, внедрении технологий бережливого производства, использовании цифровых технологий с целью автоматизации процессов, на привлечении высококвалифицированных специалистов на ключевые позиции, совершенствовании системы менеджмента, повышении энергоэффективности и оптимизации производственных процессов, элементарном соблюдении технологических процессов и качественном управленческом учете [3, 10].

Решение кадровой проблемы зависит в том числе от государственной политики и возможно при условии успешной реализации комплексного развития сельских территорий и устойчивого развития села, создания инфраструктуры в сельской местности, развития малого и среднего предпринимательства, выстраивания системы непрерывного аграрного образования. Существующая компенсация части затрат в виде государственной поддержки на привлечение молодых специалистов в сельскохозяйственное производство безусловно имеет положительные результаты, но не защищает агропредприятия от дальнейшей смены сферы деятельности привлеченных специалистов и не решает проблему с отсутствием кадров высшей квалификации на селе. Одним из возможных вариантов является наем в качестве работников

среднего и высшего звена или консультантов иностранных специалистов, высококвалифицированных кадров из других регионов с возможной компенсацией части затрат на их содержание из государственного бюджета [9].

В решении вопроса зависимости от импорта также важная роль возлагается на органы государственного управления: требуется локализация наукоемких инвестиционных проектов, связанных с геномными технологиями и промышленным производством (элевер с современными быками-производителями, лаборатория по производству семени, трансплантации эмбрионов, внедрение в производство геномных технологий) [12].

Решение указанных проблем может быть обеспечено благодаря реализации стратегии социально-экономического развития Тюменской области до 2030 г., утвержденной Законом Тюменской области от 24 марта 2020 г. № 23, которая предусматривает создание агропромышленного кластера. Планом мероприятий по реализации стратегии, утвержденным Постановлением Правительства Тюменской области от 29 декабря 2020 г. № 870-п, намечено выполнение комплекса мероприятий по созданию и развитию агропромышленного и биотехнологического кластера, ответственность за реализацию которого возложена на ряд исполнительных органов государственной власти Тюменской области [6]. Успешное взаимодействие в рамках выполнения данных мероприятий и создание кластера может стать новым драйвером развития сельскохозяйственной отрасли региона. Развитие агротехнологического и биологического кластера может стать одним из ключевых стратегических элементов социально-экономического роста [11].

Достижение целевых показателей возможно при скоординированном и эффективном взаимодействии всех заинтересованных сторон, включая научно-образовательный сектор, органы власти и предпринимательское сообщество.

Список литературы

1. Бабичева Л. В. Современные тенденции развития производства молока и молокопродуктов в условиях рыночной экономики // Вестник Курской государственной сельскохозяйственной академии. 2017. № 7. С. 78–80.
2. Бетляев Р. О., Литкевич А. И. Перспективы развития молочного животноводства Тюменской области // Молочная промышленность. 2019. № 7. С. 60–61.
3. Елфимов А. Эффективность государственного регулирования процесса воспроизводства в сельском хозяйстве // Международный сельскохозяйственный журнал. 2016. № 2. С. 10–13.

4. Литкевич А. И., Лейман Т. И., Лиман И. А. Ресурсная база молочного животноводства Тюменской области // Вестник ЧелГУ. 2019. № 7 (429). С. 60–68.
5. Медведева Л. Б. Этапы формирования молочной промышленности // Вестник Государственного аграрного университета Северного Зауралья. 2014. № 3 (26). С. 67–69.
6. Михайлушкин П. В., Мельников А. Б. Формирование концепции системы государственного регулирования АПК // Международный сельскохозяйственный журнал. 2017. № 4. С. 37–40.
7. Папахчян И. А., Толмачев А. В. Сущность и этапы государственного регулирования аграрной экономики // Политематический сетевой электронный журнал КубГАУ. 2016. № 122 (08). С. 448–460.
8. Сагайдак А. Э., Сагайдак Э. А., Сагайдак А. А. Экономика и организация сельскохозяйственного производства : учебник. М. : КноРус, 2021. 418 с.
9. Санду И. С., Ушачев И. Г. Приоритетные направления инновационного развития АПК современной России. Методологические подходы. М. : Науч. консультант, 2017. 140 с.
10. Серков А. Ф., Ушачев И. Г. Современные тенденции и взгляд в будущее развития АПК России // АПК: Экономика, управление. 2017. № 3. С. 4–14.
11. Семина Л. А., Ковалева И. В. Агропромышленный кластер: проблемы и развитие инновационно-инвестиционной деятельности // Социально-экономический и гуманитарный журнал Красноярского ГАУ. 2017. № 1. С. 64–80.
12. Сидоренко В. В. Государственное регулирование аграрного сектора экономики // Международный сельскохозяйственный журнал. 2016. № 1. С. 16–18.
13. Ткач А. В., Чечитайлов А. С. Молочно-продуктовый подкомплекс России: состояние и перспективы развития // Экономика сельскохозяйственных и перерабатывающих предприятий. 2014. № 10. С. 7–14.
14. Шимук О. В. Государственное регулирование сельского развития: эволюция управленческих решений и совершенствование инструментов программного регулирования // Ars Administrandi (Искусство управления). 2020. Т. 12, № 1. С. 44–60.
15. Экономика сельского хозяйства : учебник / под ред. В. Т. Водяникова. 2-е изд., доп. СПб. : Лань, 2015. 544 с.

Сведения об авторах

Литкевич Антон Иванович — соискатель Государственного аграрного университета Северного Зауралья, Тюмень, Россия. litkevichai@gmail.com

Гортаева Татьяна Ивановна — кандидат экономических наук, доцент кафедры экономики и финансов Тюменского государственного университета, Тюмень, Россия. tany-s@list.ru

Киселица Елена Петровна — доктор экономических наук, профессор кафедры экономики и финансов Тюменского государственного университета, Тюмень, Россия. oles_73@mail.ru

Bulletin of Chelyabinsk State University.

2021. № 10 (456). *Economic Sciences. Iss. 74. Pp. 204–211.*

DEVELOPMENT OF THE AGRICULTURE SECTOR OF THE TYUMEN REGION AND THE TRANSITION TO AGRICULTURAL CLUSTER

A. I. Litkevich

State Agrarian University of the Northern Trans-Urals, Tyumen, Russia. litkevichai@gmail.com

T. I. Gortaeva

Tyumen State University, Tyumen, Russia. tany-s@list.ru

E. P. Kiselitsa

Tyumen State University, Tyumen, Russia. oles_73@mail.ru

The article studies the significance of the agro-industrial complex and the current socio-economic development of the Tyumen region (excluding the autonomous okrugs). The indicators of the agro-industrial complex of the region are compared with other constituent entities of the Russian Federation, according to individual indicators, an assessment of the ranking place is determined in comparison with other regions. The dynamics of changes in the indicators of the development of the industry, wages and the number of employees of organizations in the industry for the period 2010–2020 has been investigated. Conclusions are made about the prospects for the further development of the agricultural sector in the region, taking into account the formation of an agro-industrial cluster.

Keywords: *agro-industrial complex, agriculture, animal husbandry, crop production, Tyumen region.*

References

1. Babicheva L. V. (2017) *Vestnik Kurskoy gosudarstvennoy sel'skokhozyaystvennoy akademii*, no. 7, pp. 78–80 [in Russ].
2. Betlyayev R. O., Litkevich A. I. (2019) *Molochnaya promyshlennost'*, no. 7, pp. 60–61 [in Russ].
3. Yelfimov A. (2016) *Mezhdunarodnyy sel'skokhozyaystvennyy zhurnal*, no. 2, pp. 10–13 [in Russ].
4. Litkevich A. I., Leiman T. I., Liman I. A. (2019) *Vestnik ChelGU*, no. 7 (429), pp. 60–68 [in Russ].
5. Medvedeva L. B. (2014) *Vestnik Gosudarstvennogo agrarnogo universiteta Severnogo Zaural'ya*, no. 3 (26), pp. 67–69 [in Russ].
6. Mikhaylushkin P. V., Melnikov A. B. (2017) *Mezhdunarodnyy sel'skokhozyaystvennyy zhurnal*, no. 4, pp. 37–40 [in Russ].
7. Papakhchyan I. A., Tolmachov A. V. (2016) *Politematicheskij setevoy zhurnal KubGAU*, no. 122 (08), pp. 448–460 [in Russ].
8. Sagaydak A. E., Sagaydak E. A., Sagaydak A. A. (2021) *Ekonomika i organizatsiya sel'skokhozyaystvennogo proizvodstva* [Economics and organization of agricultural production]. Moscow, KnoRus. 418 p. [in Russ].
9. Sandu I. S., Ushachev I. G. (2017) *Prioritetnyye napravleniya innovatsionnogo razvitiya APK sovremennoy Rossii. Metodologicheskiye podkhody* [Priority areas of innovative development of the agro-industrial complex in modern Russia. Methodological approaches]. Moscow, Nauchnyy konsul'tant. 140 p. [in Russ].
10. Serkov A. F., Ushachyov I. G. (2017) *APK: Ekonomika, upravleniye*, no. 3, pp. 4–14 [in Russ].
11. Semina L. A., Kovaleva I. V. (2017) *Sotsial'no-ekonomicheskii i gumanitarnyy zhurnal Krasnoyarskogo GAU*, no. 1, pp. 64–80 [in Russ].
12. Sidorenko V. V. (2016) *Mezhdunarodnyy sel'skokhozyaystvennyy zhurnal*, no. 1, pp. 16–18 [in Russ].
13. Tkach A. V., Chechitaylov A. S. (2014) *Ekonomika sel'skokhozyaystvennykh i pererabatyvayushchikh predpriyatiy*, no. 10, pp. 7–14 [in Russ].
14. Shimuk O. V. (2020) *Ars Administrandi (Iskusstvo upravleniya)*, vol. 12, no. 1, pp. 44–60 [in Russ].
15. Vodyannikova V. T. (2015) *Ekonomika sel'skogo khozyaystva* [Agricultural Economics]. Sankt-Petersburg, Lan'. 544 p. [in Russ].

ОСОБЕННОСТИ ПРИЗНАНИЯ, ОЦЕНКИ И УЧЕТА ДОЛГОСРОЧНЫХ АКТИВОВ К ПРОДАЖЕ

А. Ю. Попов, В. А. Колотило

Уральский государственный экономический университет, Екатеринбург, Россия

Целью статьи является рассмотрение теоретических основ, проблем и перспектив бухгалтерского учета долгосрочных, удерживаемых для продажи активов. Обоснована дефиниция нового учетного объекта в соответствии с ПБУ 16/02 и в сравнении с МСФО 5. Разобраны критерии включения долгосрочного актива к продаже в баланс путем перекалфикации из основных средств, капитальных вложений и других объектов. Освещены принципы оценки при признании и последующей оценке долгосрочных активов к продаже, в том числе на основе справедливой стоимости. Проведен анализ различных точек зрения по поводу отражения операций с долгосрочными активами к продаже в учете и в финансовой отчетности, сформулирована авторская позиция и разработаны рекомендации по отражению данных активов в балансе. По результатам исследования сделаны выводы и обозначены направления совершенствования методики учета долгосрочных активов, предназначенных для продажи.

Ключевые слова: *долгосрочные активы к продаже, основные средства, капитальные вложения, перекалфикация, балансовая стоимость, чистая стоимость продажи, резерв под снижение стоимости, международные стандарты отчетности.*

Современные условия хозяйствования отечественных предприятий требуют привлечения новых, в том числе зарубежных инвестиций и иных ресурсов, но для заключения контрактов с зарубежными партнерами последним нужна полная и достоверная информация о финансовом состоянии и финансовых результатах российской стороны, которая находит отражение в финансовой отчетности российских компаний. Именно поэтому непрерывное реформирование бухгалтерского учета в РФ связано со стремлением к адаптации и приближению отечественных стандартов бухгалтерского учета к международным стандартам финансовой отчетности (МСФО). В частности, начиная с бухгалтерской отчетности 2020 г. Федеральный стандарт бухгалтерского учета ПБУ 16/02 «Информация по прекращаемой деятельности» подлежит применению в новой редакции, согласно которой в отечественной системе появился новый учетный объект под названием «долгосрочный актив к продаже». Вышеуказанное положение по бухгалтерскому учету в новой редакции раскрывает дефиницию долгосрочного актива к продаже, приводит основные принципы его признания, первоначальной и последующей оценки, а также формулирует основополагающие требования к раскрытию информации в бухгалтерской отчетности. До 2020 г. указанный актив в принципе не выделялся в отдельную категорию

и подлежал учету в составе основных средств, доходных вложений в материальные ценности, незавершенных капитальных вложений и т. д. независимо от принятия хозяйствующим субъектом решения о его продаже. Соответственно внесение изменений в бухгалтерский стандарт потребовало пересмотра учетной политики и выработки методики признания указанного объекта, а также принципов отражения операций с ним на бухгалтерских счетах.

До внесения указанных изменений в ПБУ 16/02 вопросы учета долгосрочных активов к продаже рассматривались с позиции МСФО (IFRS) 5 «Долгосрочные активы, предназначенные для продажи, и прекращенная деятельность» отечественными исследователями Э. С. Дружиловской [2], Т. Н. Павлюченко [8], Д. В. Жердевой [3], С. В. Языковой [12] и др. Адаптацию отечественного ПБУ 16/02 под МСФО 5 разбирают в своих трудах И. А. Лисовская [5], Е. А. Петрова [9], С. Н. Богатырева [1], А. В. Лапаева [4] и др. Взаимосвязь возникновения долгосрочных активов к продаже в связи с прекращением сегмента деятельности обосновывают Е. А. Мизиковский [6], Е. С. Павлович [7], А. Ю. Попов [8], А. В. Тищенко [11] и другие экономисты. Научный интерес представляет зарубежный опыт учета долгосрочных активов к продаже, описанный М. Беллахом [13], Г. Воссом [16], К. С. Мутупандианом [15]

Дж. Хосподкой [14] и другими исследователями. Тем не менее в целях практического применения и отражения в учете долгосрочных удерживаемых для продажи активов актуальным остается вопрос их признания и оценки в российском бухгалтерском учете в рамках применения действующего «Плана счетов бухгалтерского учета», что позволило сформулировать цель настоящей статьи — теоретическое и практическое рассмотрение особенностей бухгалтерского учета долгосрочных активов к продаже и разработка рекомендаций для хозяйствующих субъектов по адаптации учетной политики под изменения ПБУ 16/02.

Объектом исследования является комплекс вопросов квалификации, оценки и бухгалтерского учета долгосрочных активов, предназначенных для продажи; предметом исследования — проблемные аспекты методики признания вышеуказанных активов, формирования их стоимости и отражения на бухгалтерских счетах, а также в финансовой отчетности.

Подготовка данной статьи осуществлялась с применением общих и специальных методов научного исследования. В частности, рассмотренные категории долгосрочного актива к продаже осуществлялось с использованием метода наблюдения и описания. При анализе положений ПБУ 16/02 и IFRS 5 использовался прием сравнения. При раскрытии проблематики оценки удерживаемых для продажи долгосрочных активов применялись критический анализ и метод дедукции, а при разработке рекомендаций по отражению вышеуказанных активов на бухгалтерских счетах — методы абстрагирования и экстраполяции.

Рассматривая историю вопроса долгосрочных активов к продаже С. В. Языкова отмечала: «...отсутствие данной категории в системе учета предполагало отражение активов в таких статьях как “Основные средства”, “Нематериальные активы”, “Доходные вложения в материальные ценности” и т. д. Другими словами, долгосрочные активы к продаже отражались в тех объектах, которые планировалось использовать далее в деятельности предприятия» [12]. Это приводило к непониманию финансового положения предприятия и, как следствие, неверным стратегическим и тактическим решениям. Принятые поправки к ПБУ 16/02 изменили данную ситуацию и сформулировали критерии признания долгосрочных активов к продаже:

- по характеристикам к основным средствам либо к иным внеоборотным активам, за исключением финансовых вложений и отложенных налоговых активов, относится объект, в отношении которого хозяйствующий субъект принял решение о продаже, причем данное решение должно быть официальным образом подтверждено;

- объект является материальной ценностью, полученной в результате выбытия, в том числе частичной ликвидации внеоборотного актива либо полученного в результате операций по восстановлению основных средств, к которым, согласно действующему на момент написания статьи ПБУ 6/01, относятся ремонт, реконструкция и модернизация, но за исключением случаев признания указанной ценности в составе запасов в соответствии с ФСБУ 5/2019.

Особый акцент в ПБУ 16/02 сделан на временном прекращении использования внеоборотного актива, к которому, в частности, можно отнести консервацию объекта основных средств. Указанный случай перевода объекта на консервацию не является основанием для его перекалфикации в долгосрочный актив к продаже.

IFRS 5 «Долгосрочные активы, предназначенные для продажи, и прекращенная деятельность», на базе которого сформулированы изменения ПБУ 16/02, раскрывает вопрос признания указанных активов более детально. В частности, указывается принципиальный способ возмещения балансовой стоимости указанных активов — за счет продажи. Кроме того, важно выполнение следующих критериев:

- актив уже подготовлен для реализации в актуальном состоянии (без необходимой предпродажной подготовки);

- продажа будет осуществлена в стандартных рыночных условиях по цене, сложившейся под влиянием спроса и предложения;

- наличие высокой вероятности, что продажа состоится, то есть рынок указанных видов имущества является активным и имеется спрос, а кроме того, продающему подразделению хозяйствующего субъекта поставлена задача интенсивного поиска потенциального покупателя, зафиксированная в плане продажи, причем цена, по которой продажа планируется, не будет существенным образом отличаться от его справедливой стоимости.

Также принципиальным положением является обоснованное формирование плана продажи, согласно которому реализация будет завершена в течение 12 месяцев с момента перекалфикации

ции объекта имущества в долгосрочный актив к продаже.

С вводом в действие новых ФСБУ и изменением действующих ПБУ в российской практике появилось понятие «переквалификация (реклассификация) активов» — перевод их из одной категории в другую. Указанная переквалификация предполагает исключение долгосрочного актива к продаже из статьи «Основные средства, доходные вложения в материальные ценности, незавершенные капитальные вложения и др.» и включение их в состав оборотных активов, но обособленно от других статей в числе последних. Как отмечает О. В. Жердева, «термин “долгосрочный”, как правило, не указывается в группе основных средств. Общепринято, что в эту группу входят краткосрочные активы» [3]. Подтверждением этого является предназначение указанного актива для торговли, то есть выполняются все условия трактовки таких активов как краткосрочных. Однако термин «долгосрочный» позволяет понять интерпретирующему бухгалтерскую информацию субъекту, что данный актив ранее входил в категорию внеоборотных активов.

Обращаясь к истории принятия IFRS 5 «Долгосрочные активы, предназначенные для продажи, и прекращенная деятельность», важно отметить, что ввод в действие указанного стандарта был вызван общими требованиями, предъявляемыми к финансовой отчетности, которые изложены в МСФО 1 «Представление финансовой отчетности». В частности:

- в отчетном периоде долгосрочные активы к продаже должны учитываться отдельно от краткосрочных;
- соблюдается неоспоримость принципа непрерывности деятельности компании, в соответствии с которым финансовая отчетность должна формироваться.

Кроме того, действие МСФО 5 распространяется не только на долгосрочные активы, но и на группу выбытия — «группу активов и относящихся к ним обязательств, подлежащих выбытию путем продажи или иным способом» [3].

Дальнейшее рассмотрение касается первоначальной и последующей оценки долгосрочных активов к продаже. Первоначальное признание должно быть осуществлено по балансовой стоимости соответствующего основного средства или иного внеоборотного актива на момент его переквалификации. Как известно, балансовая оценка основных средств осуществляется по остаточной

стоимости, то есть первоначальной стоимости минус начисленная амортизация. В случае, если в соответствии с действующим на момент написания настоящей статьи ПБУ 6/01 по основному средству ранее производилась переоценка, в любом случае из переоцененной стоимости, учтенной на счете 01, должна быть вычтена амортизация, начисленная к моменту переквалификации. Однако в бухгалтерской отчетности 2022 г. подлежат применению новые ФСБУ 6/2020 «Основные средства» и ФСБУ 26/2020 «Капитальные вложения», согласно которым вышеуказанные активы также подлежат проверке на обесценение, и в случае наличия признаков обесценения оно должно быть учтено в составе прочих расходов, уменьшая балансовую стоимость соответствующих основных средств и незавершенных капитальных вложений. Кроме того, ФСБУ 6/2020 ввело в российскую практику категорию инвестиционной недвижимости, которая, в случае применения модели учета с переоценкой, отражается в учете по справедливой стоимости на момент проведения переоценки, а амортизация по указанной инвестиционной недвижимости не начисляется.

Соответственно для отражения в бухгалтерском балансе при первоначальном признании долгосрочных активов к продаже по указанной балансовой стоимости должна быть выделена отдельная статья в составе оборотных активов, однако действующая форма бухгалтерского баланса, утвержденная Приказом Минфина от 2 июля 2010 г. № 66н, указанной статьи не содержит. По нашему мнению, поскольку активы в российском бухгалтерском балансе отражаются по степени возрастания ликвидности сверху вниз, указанные долгосрочные активы к продаже должны быть отражены рядом со статьей «Запасы», поскольку дальнейший учет и последующая оценка долгосрочных активов к продаже осуществляется по правилам учета запасов. Программа разработки федеральных стандартов бухгалтерского учета, утвержденная приказом Минфина РФ от 5 июня 2019 г. № 83н, предполагает вступление в силу нового стандарта «Бухгалтерская отчетность», разработка проекта которого осуществлена Минфином России и проект указанного стандарта уже размещен на официальном сайте. Однако в отношении даты вступления в силу указанного стандарта в настоящий момент имеется существенная неопределенность, поскольку вышеуказанная программа не обновлялась с 2019 г., а пандемия COVID-19 внесла существен-

ные коррективы в деятельность всех институтов. Соответственно говорить о новых формах бухгалтерской отчетности в настоящий момент не своевременно. Однако при ознакомлении с проектом стандарта «Бухгалтерская отчетность» можно также увидеть сохранение принципа размещения активов в порядке убывания ликвидности, и, соответственно, «Долгосрочные активы к продаже» в данном проекте указаны выше статьи «Запасы» как менее ликвидные. То есть до вступления нового ФСБУ в силу решение о размещении новой статьи должно приниматься хозяйствующим субъектом самостоятельно на основе правил МСФО.

Однако существенным на наш взгляд является также вопрос адаптации действующего Плана счетов бухгалтерского учета под новую категорию Долгосрочных активов к продаже, выделенную ПБУ 16/02, поскольку Приказ Минфина 94н от 31.10.2000 г., утвердивший указанный План счетов не содержит отдельного счета для учета указанных активов и возникает вопрос отражения бухгалтерских записей при переквалификации активов в долгосрочные активы к продаже.

Для учета выбытия основных средств «План счетов» предполагает отдельный субсчет «Выбытие основных средств», на который списывается первоначальная стоимость, сумма начисленной амортизации и в дальнейшем, при вводе в действие ФСБУ 6/2020, сумма накопленного обесценения. Соответственно при списании указанных величин будет получена балансовая стоимость, по которой и осуществляется переквалификация. Однако в отношении доходных вложений в материальные ценности (счет 03) и вложений во внеоборотные активы (счет 08) указанных субсчетов не предусмотрено. Соответственно и вопрос отражения и списания накопленного обесценения по указанным объектам также не является в настоящее время полностью решенным (но он выходит за рамки данной статьи).

Ряд специалистов в области бухгалтерского учета предлагают оставлять долгосрочные активы к продаже на тех же счетах, на которых они учитывались ранее (01, 03, 08 и др.), возможно с введением дополнительных субсчетов. Вторая точка зрения предполагает перевод указанных активов на отдельный субсчет к счету 41 «Товары», поскольку оба из этих активов предназначены для продажи и учитываются по правилам ФСБУ 5/2019 «Запасы». По нашему мнению, может быть рассмотрен и третий вариант, согласно которому организация может ввести в рабочий

план счетов дополнительный счет, например 12 «Долгосрочные активы к продаже», соответственно при переквалификации бухгалтерская запись может иметь вид «Дебет 12», «Кредит 01, 03, 08» (при условии, что на указанных счетах уже сформирована балансовая стоимость). Данная методика позволит обеспечить единообразие в учете долгосрочных активов к продаже и обеспечит репрезентативность представления информации при формировании бухгалтерской отчетности.

Также необходимо затронуть вопрос последующей оценки долгосрочных активов к продаже. ПБУ 16/02 указывает, что они учитываются в порядке, предусмотренном для учета запасов. В настоящий момент учет запасов регулирует вступивший в силу ФСБУ 5/2019, прописывающий, что для отражения в отчетности запасы оцениваются по наименьшей из фактической себестоимости и чистой стоимости продажи. В отношении долгосрочных активов к продаже понятие фактической себестоимости неприменимо, в данном случае речь идет о балансовой стоимости выбывающих основных средств, доходных вложений в материальные ценности и незавершенных капитальных вложений на момент переквалификации. А в отношении чистой стоимости продажи имеет место определенная проблематика, поскольку ФСБУ 5/2019 понимает под ней «предполагаемую цену, по которой организация может продать активы в том виде, в котором обычно продает их в ходе обычной деятельности, за вычетом предполагаемых затрат, необходимых для подготовки к продаже и осуществления продажи»¹. Однако для большинства компаний предметом деятельности не является продажа бывшего в употреблении имущества, и определение его цены часто является затруднительным, поскольку даже при реализации бывших в употреблении автомобилей одинаковой модели и одного года выпуска (в данном случае автомобили трактуются в качестве основных средств) разброс цен очень существенный, поскольку затрагивает такие факторы, как пробег, техническое состояние, сведения об имевших место ДТП, наличие дополнительного оборудования, количество собственников, наличие посторонних запахов в салоне и т. п. И даже указание на то, что «в случае затруднительности определения указанной величины, за чистую стоимость продажи активов может быть принята

¹ Приказ Минфина России от 15 ноября 2019 г. № 180н «Об утверждении Федерального стандарта бухгалтерского учета ФСБУ 5/2019 «Запасы»».

цена, по которой возможно приобрести аналогичные объекты по состоянию на отчетную дату», не является в полной мере решением проблемы точного определения указанной величины в силу специфичности указанных видов активов. В связи с этим организациям может быть рекомендовано использовать экспертную оценку для определения чистой стоимости продажи, однако в связи с существенными затратами на указанную экспертную оценку может быть нарушен принцип рациональности учета, поэтому организациям подлежит принимать решение об указанной оценке исключительно на основе имеющейся информации и профессионального опыта.

В плане бухгалтерского оформления фактов хозяйственной жизни, когда чистая стоимость продажи оказывается ниже балансовой стоимости, методика отражения операций предполагает формирование резерва под снижение стоимости материальных ценностей с использованием счета 14 и отнесение указанной разницы между первоначальной оценкой на момент переквалификации и чистой стоимостью продажи в состав прочих расходов на счет 91-2. В случае дальнейшего снижения чистой стоимости продажи сумма резерва подлежит доначислению, а при повышении чистой стоимости продажи сумма резерва подлежит восстановлению с уменьшением величины признанных при формировании и доначислении резерва расходов.

Также требует рассмотрения вопрос учета выбытия долгосрочных активов к продаже, поскольку «План счетов» указанный вопрос не регламентирует в полной мере, но, используя метод экстраполяции, а также положения ПБУ 9/99 и 10/99, можно предположить правомерность использования существующей методики учета выбытия основных средств с применением счета 91, когда продажная стоимость актива без НДС отражается в составе прочих доходов, а балансовая стоимость отражается в составе прочих расходов, поскольку вышеуказанные ПБУ предполагают отражать результаты выбытия основных средств в составе прочих результатов деятельности. Однако и в данном случае имеет место определенная дискусионность.

Пункт 41 ФСБУ 5/2019 гласит, что «запасы списываются одновременно с признанием выручки от их продажи», а поскольку ПБУ 16/02 прописывает вести последующий учет долгосрочных активов к продаже в порядке, предусмотренном для учета запасов, правомерным является отражение дохода

от продажи в составе выручки, то есть на счете 90, а балансовой стоимости продаваемых долгосрочных активов к продаже — в составе себестоимости продаж. А вводимые в действие ФСБУ 6/2020 и ФСБУ 26/2020 предполагают отражение «свернутого» результата выбытия основных средств и капитальных вложений в виде «разницы между суммой балансовой стоимостью списываемого объекта и затрат на его выбытие, с одной стороны, и поступлениями от выбытия этого объекта, с другой стороны, доходом или расходом в составе прибыли (убытка) периода, в котором списывается вышеуказанный объект»¹.

Кроме того, при продаже долгосрочного актива, подвергнувшегося обесценению и по которому сформирован резерв под снижение стоимости на счете 14, сумма расходов, связанных с выбытием указанного объекта, подлежит уменьшению на сумму созданного резерва сторнировочной записью.

Таким образом, поскольку на момент написания данной статьи Минфином не предложено каких-либо рекомендаций по учету продажи долгосрочных активов, хозяйствующему субъекту следует принимать самостоятельное решение об отражении результата их продажи либо в составе доходов и расходов по обычной деятельности, либо свернуто или развернуто в составе прочих доходов и расходов. На наш взгляд, наиболее соответствующим действующему в 2021 г. законодательству является вариант учета развернутого результата в составе прочих доходов и расходов, поскольку ПБУ 9 и 10 прописывают состав прочих доходов и расходов, в числе которых учитываются поступления и выбытия в связи с продажей основных средств и прочих активов, отличных от денежных средств, продукции и товаров, а долгосрочные активы к продаже вполне правомерно могут быть отнесены в состав прочего имущества. При этом «Программа разработки ФСБУ на 2019–2021 гг.» предполагает перспективное вступление в силу новых ФСБУ «Доходы» и «Расходы» соответственно с 2022 и 2023 г., но практика введения стандартов в силу демонстрирует существенное отставание от намеченного графика. Разработчиком вышеуказанных проектов стандартов является ИПБ России, и проект ФСБУ «Доходы» уже размещен на сайте разработчика. Кроме того, проведено его публичное

¹ Приказ Минфина России от 17 сентября 2020 г. № 204н «Об утверждении Федеральных стандартов бухгалтерского учета ФСБУ 6/2020 «Основные средства» и ФСБУ 26/2020 «Капитальные вложения»».

обсуждение, однако информации от Минфина РФ о предполагаемой дате вступления в силу данного стандарта в настоящий момент не имеется, следовательно, опираться следует на нормы ПБУ 9 и 10.

Также заслуживает пристального внимания ситуация, когда хозяйствующий субъект рассматривает решение о предстоящей продаже долгосрочного актива и планирует получать экономические выгоды от его использования иным способом, в частности продолжить использование в качестве основного средства, в том числе после доработки, реконструкции и модернизации. В данном случае, по нашему мнению, следует руководствоваться критериями признания соответствующих видов активов согласно действующим стандартам бухгалтерского учета, и если вследствие принятия решения объект будет удовлетворять критериям признания в составе основных средств, инвестиционной недвижимости, капитальных вложений, объектов учета аренды и т. д., то хозяйствующему субъекту следует произвести его переклассификацию с соответствующим отражением на бухгалтерских счетах и в бухгалтерском балансе.

А в случае, если продажа долгосрочного актива не состоялась, появились факты, свидетельствующие о невозможности получения экономических выгод (возмещения стоимости) в результате продажи, и иное использование объекта не может быть осуществлено, долгосрочный актив к про-

даже подлежит списанию с бухгалтерского учета.

Резюмируя рассмотренные особенности учета долгосрочных активов к продаже, можно сделать вывод об относительном соответствии изменений, внесенных в ПБУ 16/02 нормам IFRS 5. Однако следует также заметить, что международные стандарты финансовой отчетности, на которые сегодня РФ имеет четкий ориентир, не являются идеальными и также подлежат существенной доработке в плане обеспечения их практического применения хозяйствующими субъектами разных стран с учетом национальных особенностей учета. При этом выделение в структуре всех видов имущества долгосрочных активов к продаже позволяет повысить уровень достоверности представляемой в финансовой отчетности информации. Однако, несмотря на проработку многих спорных моментов относительно учета долгосрочных активов к продаже, к дальнейшим направлениям научных исследований следует отнести разработку теоретико-методологического обоснования учета указанных активов в рамках действующего «Плана счетов бухучета», в том числе внесение изменений в последний, а также выработку рекомендаций по определению справедливой стоимости указанных активов и отражению их обесценения в целях обеспечения большей реальности данных, но при этом, не нарушая принципа рациональности ведения учета.

Список литературы

1. Богатырева С. Н. Особенности учета и раскрытия в отчетности долгосрочных активов, предназначенных к продаже // Вестник Псковского государственного университета. Сер. Экономика. Право. Управление. 2020. № 11. С. 10–18.
2. Дружиловская Э. С. Долгосрочные активы, предназначенные для продажи, и их оценка в российском и международном учете // Международный бухгалтерский учет. 2015. № 1 (343). С. 21–31.
3. Жердева О. В. Особенности учета долгосрочных активов, предназначенных для продажи, в формате МСФО. URL: <http://journal.kfrgteu.ru/files/2017/30/05.pdf> (дата обращения: 22.04.2021).
4. Лапаева А. В., Быстрова А. А. Проблемы бухгалтерского учета долгосрочных активов к продаже в российской практике // Современная наука: актуальные вопросы, достижения и инновации : сб. ст. XI Междунар. науч.-практ. конф. Ч. 2. Пенза : Наука и просвещение, 2020. С. 36–40.
5. Лисовская И. А., Трапезникова Н. Г. Новый порядок отражения долгосрочных активов к продаже // Вестник Поволжского государственного технологического университета. Сер. Экономика и управление. 2020. № 2. С. 78–92.
6. Мизиковский Е. А., Чинякова Т. Н. Прекращаемая деятельность: сравнительный анализ ПБУ 16/02 и МСФО 5 // Аудиторские ведомости. 2008. № 6. С. 69–77.
7. Павлович Е. С., Дробяцко Я. В. Сравнительный анализ ПБУ 16/02 «Информация по прекращаемой деятельности» и МСФО (IFRS) 5 «Внеоборотные активы, предназначенные для продажи и прекращенная деятельность» // Инновации в технологиях и образовании. 2019. С. 150–155.
8. Павлюченко Т. Н. Основные средства, предназначенные для продажи, как особая категория бухгалтерского учета. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/osnovnye-sredstva-prednaznachennye-dlya-prodazhi-kak-osobaya-kategoriya-buhgalterskogo-ucheta/viewer> (дата обращения: 22.04.2021).

9. Петрова Е. А. Отражение прекращения деятельности в бухгалтерском учете // Научный вестник Горно-Алтайского государственного университета. Горно-Алтайск, 2020. С. 89–92.
10. Попов А. Ю. Учетные аспекты исчисления индикаторов экономической безопасности предприятия в условиях прекращаемой деятельности // Развитие аудита, бухгалтерского учета, государственного финансового контроля и надзора в Российской Федерации : материалы Всерос. науч.-практ. конф. Екатеринбург, 2020. С. 68.
11. Тищенко А. Б. Отражение в учете информации о прекращаемой деятельности // Бухгалтерский учет. 2020. №. 8. С. 5–11.
12. Языкова С. В. Долгосрочные активы к продаже как новый объект бухгалтерского учета: основные вопросы признания, оценки, отражения в учете и отчетности // Бизнес. Право. Образование. 2020. № 1 (50). С. 192–195.
13. Bellalah M. Long term optimal investment with regime switching: inflation, information and short sales // *Annals of Operations Research*. 2020. Pp. 1–14.
14. Hospodka J. IFRS 5 and its reporting in the Czech Republic // *The impact of globalization on international finance and accounting*. Springer, Cham, 2018. Pp. 347–355.
15. Muthupandian K. S. IFRS 5 Non-current Assets Held for Sale and Discontinued Operations—A Closer Look // *Management Accountant-Calcutta*. 2008. Vol. 43, no. 3. P. 133.
16. Voss G. Assets Held for Sale and Discontinued Operations—Evaluation of Liquidity — Determination of Ratio — or Necessity of Adjustment? // *Eurasian Journal of Economics and Finance*. 2015. Vol. 3, no. 1. Pp. 13–21.

Сведения об авторах

Попов Алексей Юрьевич — кандидат экономических наук, доцент, доцент кафедры бухгалтерского учета и аудита Уральского государственного экономического университета, Екатеринбург, Россия. prepodpopov@yandex.ru

Колотило Виолетта Александровна — бакалавр экономики, кафедра бухгалтерского учета и аудита Уральского государственного экономического университета, Екатеринбург, Россия. kolotilo.violetta@mail.ru

Bulletin of Chelyabinsk State University.

2021. № 10 (456). *Economic Sciences*. Iss. 74. Pp. 212–219.

MODERN CONCEPTS OF RECOGNITION, VALUATION AND ACCOUNTING LONG-TERM ASSETS FOR SALE

A. U. Popov

Ural State University of Economics, Ekaterinburg, Russia. prepodpopov@yandex.ru

V. A. Kolotilo

Ural State University of Economics, Ekaterinburg, Russia. kolotilo.violetta@mail.ru

The purpose of this article is to address the theoretical basis, problems and prospects for the accounting treatment of long-term assets held for sale. The definition of the new accounting entity in accordance with AP 16/02 is justified and compared with IFRS 5. Historical assumptions of the identification of the entity in accordance with the concept of financial reporting have been disclosed. The criteria for including a long-term asset in the balance sheet by requalification from property, plant and equipment, capital investments and other facilities were reviewed. Valuation principles for the recognition and subsequent valuation of long-term assets for sale are highlighted, including fair value measurement. Various views on the treatment of transactions with long-term, held-for-sale assets in accounting and financial reporting have been analysed, a copyrighted position has been formulated and recommendations have been made to reflect these assets in the balance sheet. The study drew conclusions and identified areas for improvement in the treatment of long-term assets intended for sale.

Keywords: *long-term assets for sale, core funds, capital investment, reclassification, book value, net sale value, depreciation reserve, international reporting standards.*

References

1. Bogatyreva S. N. (2020) *Vestnik Pskovskogo gosudarstvennogo universiteta. Ser. Ekonomika. Pravo. Upravlenie*, no. 11, pp. 10–18 [in Russ.].
2. Druzhilovskaja E. S. (2015) *Mezhdunarodnyy buhgalterskiy uchet*, no. 1 (343), pp. 21–31 [in Russ.].
3. Zherdeva O. V. Osobennosti ucheta dolgosrochnykh aktivov, prednaznachennykh dlya prodazhi, v формате MSPhO [Features of accounting for long-term assets held for sale in the IFRS format]. Available at: <http://journal.kfrgteu.ru/files/2017/30/05.pdf>, accessed 22.04.2021 [in Russ.].
4. Lapaeva A. V., Bystrova A. A. (2020) Problemy buhgalterskogo ucheta dolgosrochnykh aktivov k prodazhe v rossijskoj praktike [Problems of accounting for long-term assets in Russian practice]. *Sovremennaya nauka: aktual'nye voprosy dostizheniya i innovazii* [Modern science: current issues, achievements and innovations]. Penza, Nauka i prosveshhenie, pp. 36–40 [in Russ.].
5. Lisovskaja I. A., Trapeznikova N. G. (2020) *Vestnik Povolzhskogo gosudarstvennogo tehnologicheskogo universiteta. Ser. Jekonomika i upravlenie*, no. 2, pp. 78–92 [in Russ.].
6. Mizikovskiy E. A., Chinjakova T. N. (2008) *Auditorskie vedomosti*, no. 6, pp. 67–77 [in Russ.].
7. Pavlovich E. S., Drobjacko Ja. V. (2019) *Innovacii v tehnologijah i obrazovanii*, pp. 150–155 [in Russ.].
8. Pavljuchenko T. N. Osnovnye sredstva, prednaznachennye dlya prodazhy, kak osobaya kategoriya buhgalterskogo ucheta [Fixed assets held for sale as a special category of accounting]. Available at: <https://cyberleninka.ru/article/n/osnovnye-sredstva-prednaznachennye-dlya-prodazhi-kak-osobaya-kategoriya-buhgalterskogo-ucheta/viewer>, accessed 22.04.2021 [in Russ.].
9. Petrova E. A. (2020) *Nauchnyj vestnik Gorno-Altayskogo gosudarstvennogo universiteta*, pp. 89–92 [in Russ.].
10. Popov A. Yu. (2020) Uchetnye aspekty ischislenija indikatorov jekonomicheskoy bezopasnosti predpriyatija v uslovijah prekrashhaemoj dejatel'nosti [Accounting aspects of calculation of indicators of economic security of the enterprise in the conditions of discontinued operations]. *Razvitie audita, buhgaltersogo ucheta, gosudarstvennogo phinansovogo kontrolya i nadzora v Rossiyskoj Federatsii* [Development of audit, accounting, State financial control and supervision in the Russian Federation]. Ekaterinburg. 68 p. [in Russ.].
11. Tishhenko A. B. (2020) *Buhgalterskiy uchet*, no. 8, pp. 5–11 [in Russ.].
12. Jazykova S. V. (2020) *Biznes. Pravo. Obrazovanie*, no. 1 (50), pp. 192–195 [in Russ.].
13. Bellalah M. (2020) *Annals of Operations Research*. pp. 1–14.
14. Muthupandian K. S. (2008) *Management Accountant — Calcutta*. Vol. 43, no. 3, 133 p.
15. Hospodka J. (2018) *The impact of globalization on international finance and accounting*, pp. 347–355.
16. Voss G. (2015) *Eurasian Journal of Economics and Finance*, vol. 3, no. 1, pp. 13–21.

СВЕЖИЙ ВЗГЛЯД

A FRESH LOOK

Вестник Челябинского государственного университета.
2021. № 10 (456). Экономические науки. Вып. 74. С. 220–228.

УДК 378.4

DOI 10.47475/1994-2796-2021-11025

ББК 65.497.4

РОЛЬ ЦЕНТРОВ КОМПЕТЕНЦИЙ В СТРУКТУРЕ УНИВЕРСИТЕТА

К. А. Витер

Российский экономический университет им. Г. В. Плеханова, Москва, Россия

Приведено обоснование роли центров компетенций в структуре университетов, заключающейся в обеспечении связи между сферами науки, образования и бизнеса. Подробно рассматриваются факторы формирования центров компетенций внутри организационной структуры университета. Кроме того, в статье приведен алгоритм создания и организации работы центра компетенций, состоящий из таких основных этапов, как составление плана работы центра и перечня оказываемых им услуг, разработка программы обучения, определение размера бюджета для обеспечения работы центра и штатного расписания, а также порядка коммуникации центра с бизнес-средой. В статье также рассматривается возможность трансформации образовательно-научных центров университета в центры компетенций посредством формирования проектных групп, включающих в себя исследователей, преподавателей, определенных специалистов из других отделов университета, а также внешних и зарубежных специалистов.

Ключевые слова: *центр компетенций, образовательно-научный центр, компетенции, проектное обучение.*

Обоснование роли центров компетенций приводится во многих работах российских исследователей. Например, М. А. Аксенова в статье «Центр компетенций как образовательный ресурс подготовки высококвалифицированных специалистов» утверждает, что центры компетенций позволяют обучающимся в них специалистам осваивать профессиональные компетенции, согласованные с их работодателями и необходимые для инновационной деятельности организации заказчика. По мнению М. А. Аксеновой, центры компетенций ориентированы на конкретные виды наукоемких технологий и призваны помогать специалистам образовательных организаций и предприятий реального сектора экономики реализовывать эти технологии, обеспечивая их эффективность и результативность.

Исследователь Л. А. Амирова в статье «Центр развития компетенций в высшей школе-ресурсная площадка профессионализации личности» описывает роль центра компетенций в качестве основного ресурса самоорганизации и самореализации студента, а также площадки для раскрытия его личного потенциала и самосовершенствования.

По мнению исследователя Г. Ю. Каллаур в статье «Развитие центров компетенций как условие

цифровой трансформации экономики», центры компетенций как структуры высокопрофессиональных услуг, нацеленные на поиск новых знаний и их активный трансфер, могут способствовать созданию условий для эффективной цифровой трансформации экономики. В процессе цифровой трансформации экономики центры компетенций принимают активное участие в реализации программы «Цифровая экономика РФ» посредством формирования технологических заделов, цифровых компетенций, а также институциональной среды для развития исследований и разработок.

Ученый А. И. Боровков в статье «Центр компетенций национальной технологической инициативы» повествует, что центры компетенций играют роль инженерно-образовательных консорциумов, реализующих программы по преодолению технологических барьеров для обеспечения лидерства российских компаний на глобальных рынках. По мнению А. И. Боровкова, центры компетенций обеспечивают партнерство университетов, научных и коммерческих организаций. Задача центров компетенций заключается в передаче результатов фундаментальных исследований в инженерные приложения, в обеспечении технологического трансфера через кооперацию с индустрией».

стриальными партнерами, а также в подготовке лидеров разработки новых технологий посредством реализации образовательных программ.

Проанализировав работы российских исследователей, представляем возможным сделать вывод о том, что причины возникновения значительных системных проблем — проблемы экономического развития, процесса производства, экологической безопасности, обеспечения высококвалифицированными кадрами — являются фактором создания центров компетенций.

Центр компетенций — структурное образование, исследующее новые знания, осуществляющее их активную передачу, предоставление консультационных и высокопрофессиональных услуг.

Актуальность центров компетенций заключается в том, что их деятельность определяется федеральным проектом программы развития цифровой экономики и Постановлением Правительства от 2 марта 2019 г. № 234 «О системе управления реализацией национальной программы “Цифровая экономика Российской Федерации”».

Центр компетенций включает в себя совокупность лабораторий и производственных площадок. В рамках работы данного центра осуществляется комплексная международная коллаборация с известными учеными и университетами, обмен молодыми профессионалами, заключение международных договоров и организация проектов.

Центр компетенций позволит студентам участвовать в научных исследованиях, познать весь порядок разработки нового продукта — от проектирования до оформления необходимой документации.

Центр компетенций университета позволит обучающимся приобрести профессиональные компетенции и научиться организовывать исследовательскую работу в процессе проведения учебных занятий [2, с. 124–129].

На данный момент наблюдается существенный разрыв между компетенциями выпускников вузов и требованиями работодателей. Более половины выпускников университетов не могут устроиться на работу по своей специальности и вынуждены проходить профессиональную переподготовку [1, с. 7–11].

Системе высшего образования необходимо адаптировать свою деятельность под запросы рынка труда: формировать в процессе обучения студентов разносторонние компетенции, конкурентоспособность, стремление к непрерывному профессиональному росту и мобильности, а также

к постоянному обучению в течение всей жизни.

Проблема адаптации образования под потребности рынка обусловлена отсутствием достаточного уровня практической деятельности в университетах. Основные приобретаемые выпускниками знания не относятся к практико-ориентированным, так как небольшое количество преподавателей-практиков задействовано в учебном процессе.

Имеющаяся система профессионального образования и повышения квалификации не в полной мере подготавливает обучающихся к динамичным условиям рынка труда. Необходим переход от традиционного образования к нацеленному на приобретение компетенций, востребованным российскими и зарубежными работодателями. Для осуществления данного перехода целесообразно создание внутри университетов центров компетенций.

Кроме того, формированию университетских центров компетенций предшествуют такие факторы, как стагнация университетского образования и науки, снижение конкурентоспособности университета, кардинальное изменение категории «потребителя высшего образования», снижение требований к уровню подготовки абитуриентов, неактуальность образовательных стандартов, программ, технологий и кадров высшего образования, ускоренное технологическое развитие.

В табл. 1 представлено описание перечисленных ранее основных факторов формирования центров компетенций внутри организационной структуры университета.

Таким образом, центры компетенций отличны от системы повышения квалификации сотрудников или профессиональной подготовки тем, что способствуют освоению специалистами тех компетенций, которые необходимы работодателю, а также связанных с инновационной деятельностью. Центры компетенций нацелены на определенные типы наукоемких продуктов и способствуют эффективному освоению специалистами и предприятиями реального сектора экономики данных продуктов и технологий.

Центры компетенций обладают рядом других отличительных признаков, среди которых неограниченные сроки приема на образовательные программы, наличие участников разных возрастов (как выпускники вузов, так и специалисты с многолетним опытом работы), научных работников, высококвалифицированных работников производства, а также различная организационно-правовая форма деятельности центров (как структур-

Таблица 1

**Факторы формирования центров компетенций внутри
организационной структуры университета**

Фактор	Описание
Стагнация университетского образования и науки	Низкий спрос на исследования, инновации, качественное образование; утечка мозгов из университета в другие сферы и др.
Снижение конкурентоспособности университета	Снижение конкурентоспособности университета по сравнению с корпоративными исследовательскими центрами и университетами, зарубежными вузами в части разработок, инноваций, подготовки кадров. Кафедры теряют доступ к ресурсам государства и бизнеса
Кардинальное изменение категории «потребителя высшего образования»	В числе «потребителей высшего образования» преобладают взрослые люди. Программы, технологии образования и кадры высшей школы устаревают, формируется сеть альтернативных образовательных центров
Снижение требований к уровню подготовки абитуриентов	В процессе отбора абитуриентов снижаются требования со стороны университетов к качеству их подготовки. Как следствие кафедры вынуждены подготавливать слабых абитуриентов до необходимого уровня, это приводит к ухудшению эффективности образовательного процесса. Качественное образование заключается в отдельных программах и направлениях подготовки, ведущих жесткий отбор абитуриентов
Неактуальность образовательных стандартов, программ, технологий и кадров высшего образования	Массовое внедрение технологий усиления интеллекта (компьютерно-мозговые интерфейсы, визуализация объектов мышления, программные средства коллективного решения задач и т. д.) приводит к устареванию образовательных стандартов, программ, технологий и кадров высшего образования. Происходит формирование внеуниверситетской образовательной среды — высшая школа теряет роль главного образовательного института
Ускоренное технологическое развитие	Резкое увеличение темпов технологического развития (робототехника в сфере услуг, экспертные системы в сфере принятия решений и др.), приводит к изменениям объема и структуры занятости населения, набору профессий и квалификаций. Имеющиеся образовательные стандарты, программы, технологии образования становятся неактуальными. Снижается статус высшей школы, ресурсы переходят к корпоративным университетам и т. п.

Источник: [1].

ное подразделение, так и юридическое лицо) [14, с. 89].

Как следствие представляется возможным сформировать визуальную модель взаимодействия центров компетенций в рамках университета (рис. 1).

Важный момент заключается в том, что формирование центра компетенций осуществляется за счет средств университета, и в краткосрочной перспективе данный центр не будет приносить экономическую выгоду от сотрудничества с бизнес-сообществами [7, с. 131]. Однако на начальном этапе работы центра произойдет расширение компетенций университета и улучшение имиджа среди абитуриентов, обучающихся, государственных органов и в бизнес-сфере [4, с. 253].

При подготовке центра компетенций к открытию возникают следующие организационные вопросы:

- разработка цифровых компетенций студентов, профессорско-преподавательского состава, сотрудников, предприятий и предпринимателей [15, с. 4];

- составление плана работы центра и перечня оказываемых им услуг, разработка программы обучения;

- определение размера бюджета из средств университета для обеспечения работы центра и его проектов;

- определение места центра компетенций в организационной структуре университета и порядка его внешнего взаимодействия;

- определение количества штатных единиц и обязанностей сотрудников;

- определение порядка коммуникации с бизнес-сферой и обеспечения вовлеченности внешних организаций и их удержания;

- порядок документационного сопровождения сотрудничества;

- определение показателей эффективности работы центра согласно поставленным целям (табл. 2).

Кроме того, немаловажно при организации работы центра компетенций определить показатели эффективности его деятельности. Проанализировав труды ученых М. А. Аксеновой

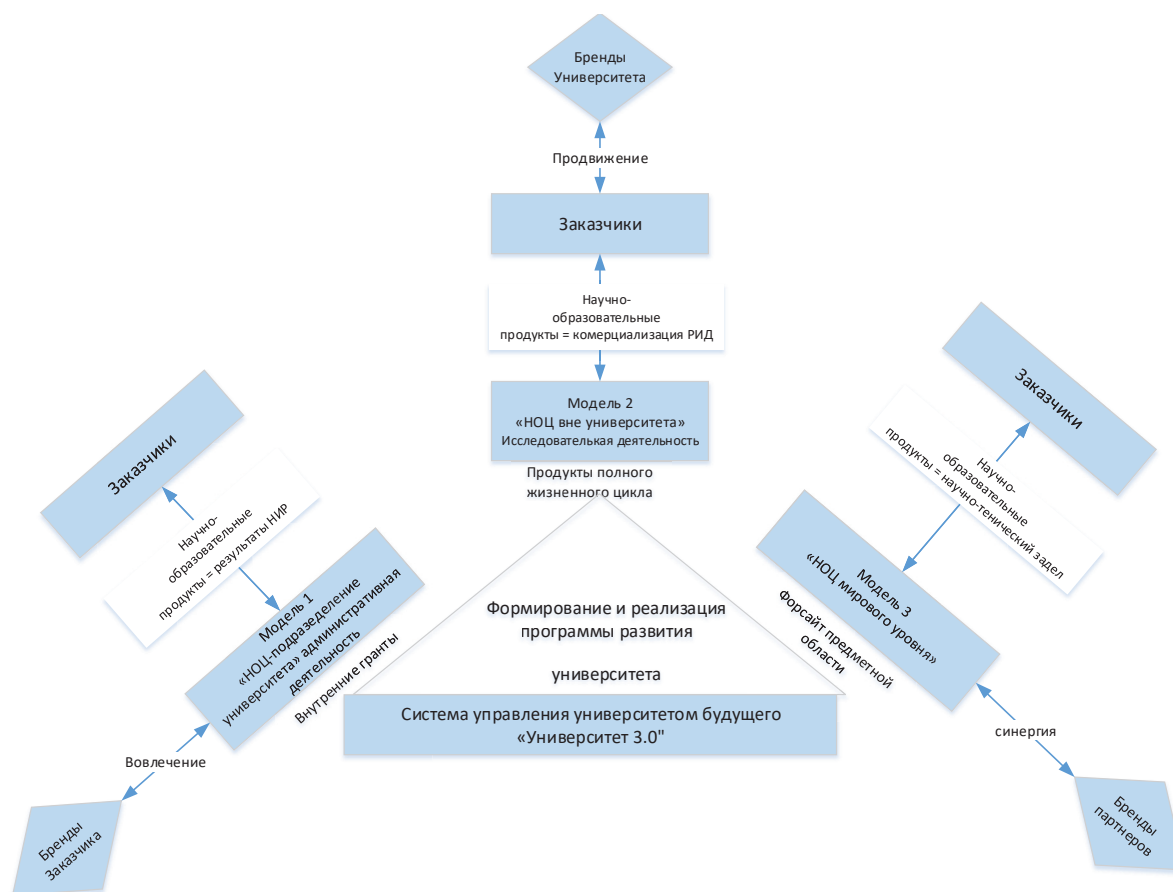

Рис. 1. Модель взаимодействия центров компетенций в рамках университета

Источник: [7].

«Центр компетенций как образовательный ресурс подготовки высококвалифицированных специалистов» и М. А. Гаранина «Модель управления университетом как центром развития компетенций», представляется возможным вывести количественные и качественные показатели центра компетенций (табл. 2). Данные показатели позволят качественно и количественно оценить эффективность деятельности университета в результате создания в его структуре центра компетенций.

Современный специалист вынужден решать различные по своей специфике вопросы: разработка проектов, обеспечение производственного процесса, контроль материально-технического и кадрового обеспечения, анализ рынка, ведение переговоров, организация сбыта продукции, управление человеческими и производственными ресурсами [3, с. 122–127]. Компетентностная модель специалиста становится более широкой, включает в себя и социальную ориентацию в том числе и не ограничивается техническими аспектами. В связи с этим центры компетенций объ-

единяют узкоспециализированные и общекультурные компетенции, создают их на базе практических умений, навыков, опыта, развивают собственное отношение специалиста к предмету его деятельности.

Трансформация образовательно-научных центров университета в центры компетенций

В структуре многих университетов имеются так называемые образовательно-научные центры, частично наделенные функционалом центров компетенций.

Однако задолго до появления образовательно-научных центров кафедры были тесно связаны с факультетами. Подобный формат работы оказался излишне организационно нагружен. Факультеты и кафедры имеют относительно разную специфику работы: факультеты сфокусированы на работе со студентами, а кафедры – на проведении научных исследований, разработке образовательных программ, преподавании. Факультеты управляют образовательным процессом, подбором оптимального кадрового состава, предоставляемого кафедрой.

Таблица 2

Показатели оценки центра компетенций

Количественные показатели	Качественные показатели
Число разработанных программ дополнительного профессионального образования; Процент программ дополнительного образования, разработанных совместно с бизнес-сообществами от общего количества программ; Число обученных студентов, преподавателей, сотрудников внешних организаций; Число организованных обучающих мероприятий; Количество договоров и размер поступлений по ним по итогам дополнительного обучения физических и юридических лиц; Число контрагентов, заключивших повторные договоры с университетом на постоянной основе; Средняя продолжительность и стоимость обучения.	Процент лояльности обучающихся; Оценка уровня компетенций обучающихся; Степень удовлетворенности обучением; Достигнутые результаты и достижения обучившихся.

Источник: [2].

Возникает необходимость в развитии и активизации научно-исследовательской работы студентов в соответствии с направлениями научных исследований кафедр. Формирование образовательно-научных центров способствовало данной активизации. Образовательно-научные центры формируются по различным направлениям: менеджмент, торговля, экономика, информационные технологии, финансовая деятельность, а также гуманитарное направление [5, с. 140].

Образовательно-научные центры являются самоуправляемыми, гибкими и эффективными подразделениями, которые координируют образовательно-научную деятельность кафедр. Их функционирование позволяет обеспечить воспроизводственную роль кафедр по обеспечению колоссального развития научного потенциала. Во-первых, это приводит к улучшению научных исследований по различным направлениям, во-вторых, возникает возможность формирования междисциплинарных проектных групп для выполнения научных исследований и новых открытий на стыке дисциплин, в том числе на международном уровне [10, с. 91].

Образовательно-научные центры играют важную роль в системе внутренних и внешних грантов университета, нацеленных на перспективные научные исследования и разработки в пределах университета. В данном случае центры выступают интеграторами заказов, поступающих от партнеров, осуществляя выявление перспективных направлений в соответствии с предметной областью и учетом междисциплинарных исследований. Междисциплинарные исследования особен-

но актуальны, например, биохимические исследования, поведенческая экономика и т.п.

Необходимо усилить роль образовательно-научных центров в системе внутренних и внешних грантов посредством предоставления им возможности формировать тематику грантов согласно потребностям бизнеса, государства и перечню междисциплинарных исследований для дальнейшего представления в экспертные советы университета. Также образовательно-научные центры ответственны за организацию разработки продуктов для их дальнейшего распространения и работы перспективных команд, которые выведут на рынки данные продукты, обладающие популярным рыночным спросом [9, с. 23].

Образовательно-научные центры, помимо всего прочего, являются важным звеном системы управления университетом, так как обеспечивают интеграцию научной, образовательной и коммерческой деятельности посредством взаимодействия с другими подразделениями [8, с. 96].

Сходство образовательно-научных центров с центрами компетенций заключается в наличии проектных групп, включающих в себя исследователей, преподавателей, определенных специалистов из других отделов университета, а также внешних и зарубежных специалистов, участие которых способствует повышению имиджа университета. Участие проектных групп расширяет область деятельности образовательно-научных центров, обеспечивает гибкость, адаптацию внутренних грантов к внешней среде [12, с. 25].

Таким образом, функционал образовательно-научных центров, которые организованы в университетах, представляется возможным расширить до

Таблица 3

Модели развития образовательно-научных центров в процессе трансформации в центры компетенций

Модель	Реализация модели в научной сфере	Реализация модели в образовательной сфере
Сохранение сложившегося тренда	<p>Сохранение имеющихся направлений исследований, поиск заказчиков исходя из интересов научно-педагогических работников (НПР) кафедр.</p> <p>Отсутствие исследовательских сетей, в которых участвуют кафедры.</p> <p>Новые технологии менеджмента — повторение разработок 5–10-летней давности. Поиск источников финансирования осуществляется силами НПР, заведующих кафедрами, директорами образовательно-научных центров</p>	<p>Консервативный подход к содержанию и формам образования, имитация и фальсификация процесса и результатов образования.</p> <p>Выделение группы элитных университетов (10–20), интегрированных в мировые образовательные и исследовательские сети</p>
Догоняющая модернизация	<p>Модернизация предметной области кафедр, поиск и развитие новшеств, уже имеющихся в практической деятельности.</p> <p>Ориентация НПР кафедр на создание «точек роста» новшеств, их обсуждение на круглых столах, конференциях и других формах обмена.</p> <p>Представление разработок, полученных в предметной области кафедры, потенциальным заказчикам</p>	<p>Локальные изменения в методах преподавания, их дифференциация на цифровой основе.</p> <p>Целевая подготовка магистров для развивающихся и высокотехнологичных секторов.</p> <p>Развитие прикладного бакалавриата с ориентацией на стратегических партнеров-работодателей.</p> <p>Поддержка образовательно-научными центрами локальных изменений в образовательном процессе на кафедрах, активно взаимодействующих с работодателями</p>
Локальное лидерство	<p>Увеличение темпов развития отдельных направлений исследований, ориентированных на создание научных продуктов, их коммерциализацию в приоритетных отраслях (IT-, нано-, биотехнологии и др.). Модернизация исследований в предметной области, высокий спрос на разработку новшеств, проведение фундаментальных и прикладных исследований для высокотехнологичных отраслей экономики.</p> <p>Создание системы инноваций для конкурентоспособных направлений научных исследований кафедры (ресурсный центр и т. п.)</p>	<p>Реформа образовательного процесса — уменьшение имитации и фальсификации образования, развитие проектной и предпринимательской области образования.</p> <p>Опережающее развитие образования взрослых.</p> <p>Кафедры в качестве центров интеграции образования, науки и инноваций.</p>
Исследовательский центр	<p>Увеличение инновационной активности кафедр. Комплексная организационная и технологическая модернизация научных исследований на основе интеллектуализации процессов в управлении организациями.</p> <p>Формирование «экономики знаний» на основе драйверов роста масштабов научных исследований</p>	<p>Уменьшение бюрократической составляющей образования, формирование лидерских групп кафедр и их роли в профессиональных сообществах.</p> <p>Реализация масштабных проектов и программ по формированию нового образования в менеджменте.</p> <p>Переход к массовому формированию основ исследовательских, проектных, управленческих компетенций у обучаемых.</p> <p>Появление кафедр — центров компетенций — интеграторов образования, науки и инноваций</p>

Источник: [10].

функционала центров компетенций. В таком случае основные задачи центра компетенций в области модернизации образовательного процесса будут следующими: усовершенствование порядка реализации основных профессиональных образо-

вательных программ, участие во внедрении проектного обучения, а также разработка дополнительных компетенций выпускников [11, с. 52–59].

При усовершенствовании порядка реализации основных профессиональных образовательных

программ целесообразным является отказ от проведения методических комиссий кафедрами и деканатами. Кафедры и деканаты могут выступить администраторами основных профессиональных образовательных программ (ОПОП), а разработку подобных ОПОП целесообразней осуществлять специальным проектным группам [13, с. 48–50]. Участниками проектных групп могут быть ведущие выпускающими кафедрами, преподаватели кафедр, представители образовательно-научных центров и деканатов, а также заинтересованных работодателей. Проектные группы помимо разработки ОПОП участвуют также в их сопровождении и непрерывном учете требований работодателей [6, с. 183–194].

Трансформация образовательно-научных центров в центры компетенций происходит по следующим альтернативным моделям развития:

- сохранение сложившегося тренда;
- догоняющая модернизация;
- локальное лидерство;
- исследовательский центр.

В табл. 3 представлено подробное описание каждой предлагаемой модели:

Таким образом, основная роль центров компетенций заключается в обеспечении эффективного взаимодействия науки, образования и бизнеса. Немаловажным является также созда-

ние центров компетенций внутри университетов для обеспечения перехода от традиционного образования к нацеленному на приобретение компетенций, востребованных российскими и зарубежными работодателями. Создание университетских центров компетенций позволит избежать стагнации университетского образования и науки, снижения конкурентоспособности университетов, актуальности образовательных стандартов, программ, технологий и кадров высшего образования.

Кроме того, с целью повышения эффективности деятельности университетов представляется возможным трансформация образовательно-научных центров университета в центры компетенций посредством формирования проектных групп, включающих в себя исследователей, преподавателей, определенных специалистов из других отделов университета, а также внешних и зарубежных специалистов.

Таким образом, деятельность центров компетенций основывается на проектном подходе и направлена на достижение инновационного образовательно-научного сотрудничества, анализ стратегической востребованности продуктов университета, а также на развитие компетенций и профессионализма научно-педагогических работников.

Список литературы

1. Аксенова М. А. Центр компетенций как образовательный ресурс подготовки высококвалифицированных специалистов // *Профессиональное образование и рынок труда*. 2017. № 4. С. 7–11.
2. Аксенова М. А. Центры компетенций как условие непрерывного профессионального образования // *Непрерывное профессиональное образование как фактор устойчивого развития инновационной экономики*. 2017. С. 124–129.
3. Амирова Л. А. Центр развития компетенций в высшей школе — ресурсная площадка профессионализации личности // *Высшее образование сегодня*. 2018. № 4. С. 122–127.
4. Боровков А. И. Центр компетенций национальной технологической инициативы. «Новые производственные технологии» Санкт-Петербургского политехнического университета Петра Великого // *Инновации*. 2019. № 11. 253 с.
5. Вертакова Ю. В., Плотников В. А. Трансформация роли университетов в обеспечении социально-экономического развития // *Экономика и управление*. 2017. № 6. 140 с.
6. Гаранин М. А. Модель управления университетом как центром развития компетенций // *Креативная экономика*. 2019. № 1. С. 183–194.
7. Драг Т. П., Сальжанова З. А. Повышение эффективности взаимодействия бизнес-сообщества и вузов через создание и функционирование центров компетенций // *Перспективные направления взаимодействия науки и общества*. 2019. С. 131.
8. Калинина И. А. РЭУ им. Г. В. Плеханова как конкурентоспособный университет будущего // *Вестник Российского экономического университета им. Г. В. Плеханова*. 2017. № 6. 96 с.
9. Каллаур Г. Ю. Развитие центров компетенций как условие цифровой трансформации экономики // *Современные проблемы управления проектами в инвестиционно-строительной сфере и природопользовании*. 2018. 23 с.

10. Кулапов М. Н., Масленников В. В., Шкляев А. Е. Образовательно-научный центр «Менеджмент» как управленческая инновация: опыт и проблемы // Вестник Российского экономического университета им. Г. В. Плеханова. 2017. № 1. 91 с.

11. Мальцева А. А. Основы формирования центров компетенций как структур управления интеллектуальным капиталом на региональном уровне // Вестник Тверского государственного университета. Сер. Экономика и управление. 2020. № 1. С. 52–59.

12. Нариманова О. В. Концепция университет 3.0: перспективы реализации в России в условиях новой технологической революции // Личность в меняющемся мире: здоровье, адаптация, развитие : сетевой журн. 2019. № 2. 25 с.

13. Патахова З. Ш., Абдулаева Х. С., Мухидинов М. Г. Возможности проектного подхода в образовании // Проблемы и тенденции научных преобразований в условиях трансформации общества. 2021. С. 48–50.

14. Песчанникова А. Р., Оленева О. С. К вопросу об актуальности создания центров компетенций в университетах, реализующих подготовку кадров для легкой промышленности России // Богатство России. 2019. 89 с.

15. Сорокин А. Н. Компетенции научно-образовательного центра: определение, перечень и структура // Вестник Минского университета. 2021. № 1. 4 с.

Сведения об авторе

Витер Ксения Анатольевна — аспирант кафедры теории менеджмента и бизнес-технологий Российского экономического университета им. Г. В. Плеханова, Москва, Россия. oksa_95@mail.ru

Bulletin of Chelyabinsk State University.

2021. № 10 (456). *Economic Sciences. Iss. 74. Pp. 220–228.*

ROLE OF CENTERS OF COMPETENCE IN THE UNIVERSITY STRUCTURE

K. A. Viter

FSBEI HE "PRUE them. G.V. Plekhanov", Moscow, Russia. oksa_95@mail.ru

The main purpose of the article is to substantiate the role of centers of excellence in the structure of universities, which is to provide a link between the spheres of science, education and business. The factors of formation of centers of competence within the organizational structure of the university are considered in detail. In addition, the article provides an algorithm for creating and organizing the work of a competence center, consisting of such main stages as drawing up a work plan for the center and a list of services provided to it, developing a training program, determining the size of the budget to ensure the work of the center and staffing, as well as the communication procedure. center with a business environment. The article also discusses the possibility of transforming the educational and scientific centers of the university into centers of competence through the formation of project groups, including researchers, teachers, certain specialists from other departments of the university, as well as external and foreign specialists.

Keywords: *competence center, educational and scientific center, competencies, project training.*

References

1. Aksenova M. A. (2017) *Professional'noe obrazovanie i rynek truda*, no. 4, pp. 7–11 [in Russ.].
2. Aksenova M. A. (2017) *Nepreryvnoe professional'noe obrazovanie kak faktor ustojchivogo razvitiya innovacionnoj ekonomiki*, pp. 124–129 [in Russ.].
3. Amirova L.A. (2018) *Vysshee obrazovanie segodnya*, no. 4, pp. 122–127 [in Russ.].
4. Borovkov A.I. (2019) *Innovacii*, no. 11, p. 253 [in Russ.].
5. Vertakova Yu. V., Plotnikov V. A. (2017) *Ekonomika i upravlenie*, no. 6, p. 140 [in Russ.].
6. Garanin M. A. (2019) *Kreativnaya ekonomika*, no.1, pp. 183-194 [in Russ.].
7. Drah T. P., Sal'zhanova Z. A. (2019) *Perspektivnye napravleniya vzaimodejstviya nauki i obshchestva*, p. 131 [in Russ.].

8. Kalinina I. A. REU im. G. V. (2017) *Vestnik Rossijskogo ekonomiche-skogo universiteta im. G. V. Plekhanova*, no. 6, p. 96 [in Russ.].
9. Kallaur G. Yu. (2018) *Sovremennye problemy upravleniya proektami v investicionno-stroitel'noj sfere i prirodopol'zovanii*, p.23 [in Russ.].
10. Kulapov M. N., Maslennikov V. V., Shklyaev A. E. (2017) *Vestnik Rossijskogo ekonomicheskogo universiteta im. G. V. Plekhanova*, no. 1, p. 91 [in Russ.].
11. Mal'ceva A. A. (2020) *Vestnik Tverskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Ekonomika i upravlenie*, no. 1, pp. 52–59 [in Russ.].
12. Narimanova O. V. (2019) *Lichnost' v menyayushchemsya mire: zdorov'e, adaptaciya, razvitie: setevoj zhurn*, no. 2, p. 25 [in Russ.].
13. Patakhova Z. Sh., Abdulaeva H. S., Muhidinov M. G. (2021) *Problemy i tendencii nauchnyh preobrazovanij v usloviyah transformacii obshchestva*, pp. 48–50 [in Russ.].
14. Peschannikova A. R., Oleneva O. S. (2019) *Bogatstvo Rossii*, p. 89 [in Russ.].
15. Sorokin A. N. (2021) *Vestnik Minskogo universiteta*, no. 1, p. 4 [in Russ.].

АНАЛИЗ ЦИФРОВИЗАЦИИ УЧЕТА МУНИЦИПАЛЬНОЙ СОБСТВЕННОСТИ

Е. В. Рожков

Уральский государственный экономический университет, Екатеринбург, Россия

Задача исследования состоит в анализе проведения этапов цифровизации муниципальной собственности. Теоретико-методологическая актуальность работы заключается в том, что экономистами не рассматривается вопрос публичности информации о проведении цифровизации муниципальной собственности на разных этапах реализации государственной программы цифровой экономики. Недостаточность разработки данных вопросов предопределили актуальность, практическую значимость проблемы и задачи, которые обозначил автор. Статья определила необходимость решения следующей задачи: выявление проблемы управления собственностью как современного экономического процесса и анализ роли цифровизации имущества на современном этапе. Новизна статьи состоит в определении образующихся экономических отношений при оцифровке имущества и важности анализа информации по цифровому изменению при публичном управлении муниципальной собственностью.

Ключевые слова: муниципальное имущество, цифровизация, большие данные, инвентаризация, цифровые платформы.

Затраты на реализацию мероприятий федерального проекта «Цифровой регион», который включен в нацпрограмму «Цифровая экономика», составят 247,5 млрд руб. (до 2024 г.). Это будет способствовать строительству зданий с помощью технологий информационного моделирования, созданию информационных систем экологического мониторинга и учета отходов, а также обеспечению вовлеченности граждан в процессы принятия решений. В счет этой суммы федеральный бюджет выделит 70,2 млрд руб., бюджеты регионов — 177,3 млрд руб. Внедрение в регионах технологий информационного моделирования (Building Information Modeling — BIM) и цифрового проектирования новых объектов капитального строительства обойдутся в 600 млн руб. Ожидается, что все проектирование новых зданий за счет средств регионального бюджета будет осуществляться с использованием BIM. Еще 800 млн руб. потребуется на внедрение в субъектах Федерации информационной системы обеспечения градостроительной деятельности (ИСОГД). При этом в категорию «недвижимое имущество», как правило, входят жилой и нежилой фонд, коммунальные сети, различного рода сооружения и т. д. Многообразный по составу, назначению и использованию, а также коммерческому потенциалу (его определяет возможность передачи имущества в аренду или приватизации) имущественный комплекс рассматривается муниципальными образованиями,

с одной стороны, в качестве основного источника неналоговых поступлений в местные бюджеты, с другой — как средства решения большого числа социально значимых вопросов. В связи с этим эффективность использования муниципальной собственности, как правило, оценивается, во-первых, с позиции извлекаемого дохода, во-вторых, по размеру полученного социального эффекта.

Вышеприведенное описание некоторых основ управления муниципальным имуществом потребовалось лишь затем, чтобы можно было думать, что результатом (достижением) согласованного (на базе общей цифровой системы) использования распределенного (во времени и пространстве) муниципальной собственности являются дополнительные доходы и социальные эффекты. Насколько это обоснованно, следует выяснить. Основные мероприятия по цифровизации процессов управления муниципальной собственности проводятся в соответствии с национальным проектом «Цифровая экономика Российской Федерации» и заключаются во внедрении цифровых технологий и платформенных решений в сфере управления и оказания муниципальной услуги как для населения, так и для предпринимателей [11].

Вопросы, связанные с процессами цифровизации, изучались как российскими (С. М. Крымов [10], М. Ю. Витман [3], Н. С. Ахмадзода [1]), так и иностранными (E. Bakici [14], B. Bergvall-Kareborn [15], A. Camero

[16], D. Carter [17], H. Couclelis [18], R. P. Dameri [19], A. I. Gretchenko [20], P. Hall [21], J. Howe [22], N. Komninos [23], Z. Putra [25] и т. д.) учеными.

В России есть несколько методик оценки уровня цифровизации: «Цифровая жизнь российских мегаполисов» (Сколково), «Цифровая Россия», «Отражение цифровизации субъектов Российской Федерации через призму открытых источников» (Сколково), «Национальный рейтинг цифровизации регионов Российской Федерации», «Фонд “Цифровое развитие”», «Рейтинг решений для цифровизации России». В ходе работы над статьей были применены общенаучный метод познания проблемы и метод системного анализа, теория цифровизации систем, расчетно-экспериментальные методики моделирования цифровизации собственности.

Анализ цифрового преобразования муниципалитетов покажет уровень удовлетворенности населения, а органы власти, в свою очередь, — репутацию прогрессивной и современной структуры на муниципальном уровне [26]. Основные элементы цифровизации муниципалитетов представим на рисунке.

Рис. 1. Элементы цифровизации

Источник: составлено по данным [13].

В настоящее время в муниципальных образованиях имеются проблемы с цифровизацией собственности и определяется это «цифровым разрывом» — увеличивается или уменьшается степень цифрового разрыва с течением времени при «естественном» развитии ситуации. В 2014 и 2015 гг. московская школа управления «Сколково» опробовала модель «цифровой жизни» на российских городах-миллионниках, ограничив несколькими измерениями. Начиная с 2016 г. было проведено новое исследование, при котором выборка

городов была увеличена до 91 города. С 2020 г. анализ цифровизации городов, городской среды и собственности проводится по муниципальным образованиям с численностью населения более 100 тыс. человек, что в свою очередь дает более четкую информацию в государственную информационную систему «Федеральный портал странственных данных».

Важным аспектом цифрового разрыва является разница в развитии цифровой жизни в региональных столицах и вторых городах субъектов Федерации (наиболее крупного по численности населения). Практически все «вторые» города в субъектах оказываются ниже по значению индекса цифровой жизни (табл. 1).

Судя по результатам, приведенным в табл. 1, между индексами цифровой жизни некоторых столиц субъектов РФ и «вторых» городов регионов [13] имеется существенный цифровой разрыв (разница в проникновении цифровых технологий во все аспекты повседневной жизни горожан). У всех городов, представленных в таблице, разница между общими индексами составляет от 30 до 50 %, кроме Екатеринбурга и Нижнего Тагила как «второго» города — у них разница между общими индексами составляет более 100 %.

Такое различие общих индексов двух крупных городов одного региона в большей степени определяется спросом (цифровым). Сравнение цифрового спроса и предложения по двум городам одного субъекта РФ представлены в табл. 2.

Результаты, приведенные в табл. 2, показывают цифровой разрыв — большую разницу между цифровым спросом и цифровым предложением во всех городах, причем примерно одинаковую (в столицах регионов больше, чем во «вторых» городах). Единственным исключением по показателю «спрос / предложение» (0,61 / 0,67) является Екатеринбург: здесь цифровой спрос выше, чем цифровое предложение [13]. Это характеризует город как столицу Свердловской области с опережающими темпами запроса его населения.

Цели цифровизации управления муниципальной собственностью: создание экономических и технологических условий доступности всей информации о собственности для всех участников хозяйственных процессов; разработка и реализация программ последовательного, целенаправленного и эффективного внедрения информационных технологий; создание аппаратных и телекоммуникационных систем, обеспечивающих формирование информационных ресурсов

Таблица 1

Сравнение индексов цифровой жизни в центральных и «вторых» городах субъектов РФ

Столица региона	Общий индекс	«Второй» город	Общий индекс
Волгоград	0,4	Волжский	0,31
Екатеринбург	0,64	Нижний Тагил	0,31
Казань	0,46	Набережные Челны	0,26
Самара	0,55	Тольятти	0,33
Челябинск	0,49	Магнитогорск	0,37

Источник: составлено по данным [13].

Таблица 2

Сравнение цифрового спроса и предложения в двух городах регионов РФ

Столица региона	Предложение	Спрос	«Второй» город	Предложение	Спрос
Волгоград	0,54	0,25	Волжский	0,54	0,09
Екатеринбург	0,61	0,67	Нижний Тагил	0,42	0,20
Казань	0,61	0,32	Набережные Челны	0,40	0,12
Самара	0,63	0,46	Тольятти	0,51	0,13
Челябинск	0,60	0,37	Магнитогорск	0,61	0,12

Источник: составлено по данным [13].

и доступ к ним [12]. Цифровое управление муниципальной собственностью позволяет решить задачу объединения несколько видов учета, осуществляемого муниципалитетом, в единой информационной системе, вести систематизированный и в то же время пообъектовый учет муниципальной собственности [Там же].

Цифровые технологии проникают в повседневную жизнь и формирование новой экономической реальности [10]. Внедрение цифровых технологий меняет потребителей при поиске того или иного имущественного комплекса [24]. На каждом этапе жизненного цикла объекта строительства происходит интеграция традиционных подходов с новыми технологиями [4, 5]. В ближайшие годы будет делаться ставка на развитие «умных городов», проводится анализ модернизации городской инфраструктуры с учетом критериев интеллектуальных городов [6, 8]. Цифровая экономика представляет собой развивающуюся быстрыми темпами сферу жизнедеятельности, способную полностью переформатировать привычные хозяйственные связи и существующие бизнес-модели [3]. В нашей стране имеются предпосылки для дальнейшей реализации цифрового потенциала и ускорения темпов цифровизации. В России активно развивается инфраструктура информационно-коммуникационных технологий в государственном масштабе [2].

Цифровая экономика имеет тенденцию к развитию и трансформации, реализуя свое главное предназначение — применение неиспользуемых или малоиспользуемых активов [1].

Вопросы применения BIM-технологий на стадии эксплуатации объектов капитального строительства являются наименее изученными. Эксплуатация объектов — длительный и затратный период жизненного цикла объекта, и именно на нем можно получить экономический эффект от внедрения BIM-технологий. В свою очередь BIM-моделирование позволяет оптимизировать затраты на эксплуатацию объекта, повысить эффективность работы его систем [9].

Разными учеными изучаются этапы внедрения цифровизации на примере Москвы как локомотива внедрения современных технологий в нашей стране: первичная автоматизация (2010–2012 гг.); информатизация (2012–2016 гг.); цифровизация, предполагающая работу с большими данными (с 2017 г.). В 2017 г. Москва вошла в топы нескольких рейтингов «умных городов» мира. По данным Форума интеллектуального сообщества, Москва вышла в финал конкурса на звание самого «умного города» мира. На цифровые процессы в Москве влияют общемировые тенденции (урбанизация, отраслевая конвергенция, виртуализация и т. д.). Особенно быстрыми темпами реализуется проект «Умный город — 2030» [7].

В 2021 г. Росреестр Пермского края работает над созданием единого информационного ресурса (ЕИР) о земле и недвижимости. Сейчас сведения хранятся более чем в десяти различных информационных системах. Например, территория г. Перми станет одной из пилотных площадок по созданию ЕИР о земле и недвижимости наряду с Пермским и Добрянским районами Пермского края. Согласно постановлению Правительства РФ, эксперимент проводится Росреестром совместно с Минцифры РФ в течение 2021 г. Управление Росреестра провело предварительный сбор и анализ сведений об объектах недвижимости в разрезе каждого муниципального образования, участвующего в эксперименте. В Перми, например, более 6 тыс. земельных участков и почти 160 тыс. объектов недвижимости, права на которые не оформлены в Росреестре. Более 18 тыс. земельных участков в Перми поставлены на учет в Едином государственном реестре недвижимости без указания точных границ.

Объективный и своевременный статистический мониторинг процессов и результатов цифровизации муниципального имущества может быть реализован в полном объеме при наличии соответствующего подзаконного акта о порядке статистического мониторинга цифровой трансформации. Создание простого универсального цифрового ресурса поможет инвесторам, застройщикам планировать свою деятельность, развивать жилищное строительство, повышать комфортность проживания людей на территории муниципального образования и при этом учитывать интегрированные сведения о земле и недвижимости ряда федеральных ведомств и органов

власти. Сейчас сведения о лесных участках, водных объектах, сельскохозяйственных угодьях, земле и недвижимости хранятся в более чем десяти различных информационных системах. Основные цели цифровизации собственности муниципального образования — это сбор и сопоставление сведений о земле и недвижимости, которые содержатся в разных государственных картотеках, а также выработка механизмов интеграции этих данных в ЕИР. Это необходимо и для повышения в дальнейшем прозрачности управления и эффективности использования земельных участков. А правообладатели, потенциальные покупатели или инвесторы смогут получить на одном ресурсе все необходимые сведения об объекте недвижимости, формируя спрос на услуги по цифровизации. Предложение на использование информационно-коммуникационных технологий могут формировать организации ИТ-сектора, осуществляющие деятельность в сфере телекоммуникаций, информационных технологий, разработки компьютерного программного обеспечения и т. д.

Задача нацпроекта «Цифровая экономика» (до 2024 г.) — создание универсальной цифровой платформы для инвентаризации, учета и контроля состояния всех видов энергоресурсов имущественных комплексов. Еще одними задачами на период до 2024 г. являются формирование информационной инфраструктуры, увеличение рабочих мощностей серверного оборудования и объемов систем хранения данных, обеспечение прозрачности процессов учета и распоряжения муниципальным имуществом.

Список литературы

1. Ахмадзода Н. С. Особенности государственного регулирования инвестиционных процессов в условиях цифровой экономики // Вестник Российского нового университета. Сер. Человек и общество. 2020. № 3. С. 3–8.
2. Васенькин Н. Е., Чаткин В. В. Проблемы инновационно-технического развития в России: формирование цифровой экономики // Актуальные проблемы экономической теории : материалы Всерос. науч.-практ. конф. студентов и молодых ученых. Екатеринбург : Изд-во Урал. гос. экон. ун-та, 2018. С. 5–9.
3. Витман М. Ю., Маковецкий М. Ю. Цифровая экономика и ее значимость для развития российской экономической системы // Потенциал российской экономики и инновационные пути его реализации : материалы Междунар. науч.-практ. конф. студентов и аспирантов. Ч. 1. Омск, 2018. С. 34–37.
4. Гареев И. Ф., Мухаметова Н. Н. Внедрение цифровых технологий на этапах жизненного цикла объектов жилой недвижимости // Жилищные стратегии. 2018. Т. 5, № 3. С. 305–322.
5. Дудин М. Н., Толмачев О. М. Практика внедрения инновационных технологий в строительной отрасли // Вопросы инновационной экономики. 2017. № 4. С. 407–416.

6. Дюдюн Т. Ю., Старостина Н. А. «Умный город» как основная составляющая инфраструктуры будущего // Вестник МГЭИ. 2019. № 4. С. 49–57.
7. Зотов В. Б., Терехова К. О., Царапов М. Н. Анализ программ цифровизации в городе Москве // Муниципальная академия. 2020. № 4. С. 8–17.
8. Иванов З. З., Иванова З. Ш. Направления развития инфраструктурного комплекса «умных городов» // Известия Кабардино-Балкарского научного центра РАН. 2017. № 6-2 (80). С. 109–113.
9. Иванова А. Н. Анализ эффективности использования BIM-технологий при эксплуатации объектов недвижимости // IV Всероссийский научно-исследовательский конкурс. МЦНС «Наука и просвещение». 2020. С. 17–21.
10. Крымов С. М., Кольган М. В. Методология инновационных обновлений предприятий на основе информационных технологий // Креативная экономика. 2018. № 6. С. 787–804.
11. Сидоренко Э. Л., Барциц И. Н., Хисамова З. И. Эффективность цифрового государственного управления: теоретические и прикладные аспекты // Вопросы государственного и муниципального управления. 2019. № 2. С. 93–114.
12. Фролова Е. А., Щербень Е. Г. Цифровая экономика: муниципальный аспект // Вестник Саратовского государственного социально-экономического университета. 2019. № 1 (75). С. 17–21.
13. Цифровая жизнь Российских регионов — 2020. Сколково, 2020. URL: <https://www.skolkovo.ru/researches/digital-life-of-russian-citie> (дата обращения: 10.04.2021).
14. Bakici E., Almirall J., Wareham A. Smart City Initiative: the Case of Barcelona // Journal of the Knowledge Economy. 2012. Vol. 4 (2). Pp. 135–148.
15. Bergvall-Kareborn B., Stahlbrost A. Living Lab: an open and citizen-centric approach for innovation // Int. J. Innov. Reg. Dev. 2009. Vol. 1 (4). Pp. 356–370.
16. Camero A., Alba E. Smart City and information technology: A review // Cities. 2019. Vol. 93. Pp. 84–94.
17. Carter D. Urban Regeneration, Digital Development Strategies and the Knowledge Economy: Manchester Case Study // Journal of the Knowledge Economy. 2013. Vol. 4 (2). Pp. 169–189.
18. Couclelis H. The construction of the digital city // Environment and planning B: Planning and Design. 2004. Vol. 31 (1). Pp. 5–19.
19. Dameri R. P. Searching for smart city definition: A comprehensive proposal // International Journal of Computers and Technology. 2013. Vol. 11 (5). Pp. 2544–2551.
20. Gretchenko A. I., Nikitskaya E. F., Valishvili M. A., Gretchenko A. A. Role of higher education institutions in developing hr potential in a forming innovation economy // Revista ESPACIOS. 2018. Vol. 39, no. 21. P. 13.
21. Hall P. Creative cities and economic development // Urban Studies. 2000. Vol. 37 (4). Pp. 639–649.
22. Howe J. Crowdsourcing: why the power of the crowd is driving the future of business // Crown Business. N. Y., 2008.
23. Komninos N., Pallot M., Schaffers H. Special Issue on Smart Cities and the Future Internet in Europe // Journal of the Knowledge Economy. 2012. Vol. 4 (2). Pp. 119–134.
24. Maalsen S. «Generation Share»: digitalized geographies of shared housing // Socialand Cultural Geography. 2018. DOI: 10.1080/14649365.2018. 1466355.
25. Putra Z., Knaap W. Urban innovation system and the role of an open web-based platform: The case of Amsterdam Smart City // Journal of Regional and City planning. 2018. Vol. 29 (3). Pp. 234–249.
26. Tskhadadze N. V., Ioseliani A. D. The era of change — a new stage of Alienation // Marx and Modernity: A Political and Economic Analysis of Social Systems Management / «Advances in Research on Russian Business Management». «Information Age Publishing Inc» USA. 2020. Pp. 153–162.

Сведения об авторе

Рожков Евгений Викторович — соискатель кафедры экономики предприятий Уральского государственного экономического университета, Екатеринбург, Россия, rozhkov@pochtobank.ru.

Bulletin of Chelyabinsk State University.
2021. № 10 (456). Economic Sciences. Iss. 74. Pp. 229–235.

ANALYSIS OF STAGES OF DIGITALIZATION OF MUNICIPAL PROPERTY

E. V. Rozhkov

Ural State University of Economics, Yekaterinburg, Russia. rozhkov@pochtobank.ru

The task of the study is to analyze the stages of digitalization of municipal property. The theoretical and methodological relevance of this work is that economists do not consider the issue of publicity of information on the digitalization of municipal property at different stages of the implementation of the state program of the digital economy. The lack of development of these questions predetermined the relevance, practical significance of the problem and the tasks that the author outlined in the article. This goal determined the need to solve the following problem: to identify the problems of property management as a modern economic process and to analyze the role of digitalization of property at the present stage. The novelty of the article consists in determining the resulting economic relations in the digitization of property and the importance of analyzing information on digital change in the public management of municipal property.

Keywords: *municipal property, digitization, big data, inventory, digital platforms.*

References

1. Ahmadzoda N.S. (2020) *Bulletin of the Russian New University*. no. 3. pp. 3–8 [in Russ.].
2. Vasenkin N. E., Chatkin V. V. (2018) *Current problems of economic theory: materials Vseros. scientific. - practical. conf. students and young scientists*. Yekaterinburg, pp. 5–9 [in Russ.].
3. Witman M. Yu., Makovetsky M. Yu. (2018) The potential of the Russian economy and innovative ways of its implementation: Materials of the international scientific and practical conference of students and graduate students. Century of 2 parts 1. Omsk, pp. 34–37 [In Russ.].
4. Gareev I. F., Mukhametova N. N. (2018) *Housing strategies*, vol. 5, no. 3. pp. 305–322 [in Russ.].
5. Dudin M. N., Tolmachev O. M. (2017) *Issues of innovative economy*, no. 4, pp. 407–416 [in Russ.].
6. Dyudyun T. Yu., Starostina N. A. (2019) *IPEI Bulletin*, no. 4, pp. 49–57 [in Russ.].
7. Zotov V. B., Terekhova K. O., Tsarapov M. N. (2020) *Municipal Academy*, no. 4, pp. 8–17 [in Russ.].
8. Ivanov Z. Z., Ivanova Z. Sh. (2017) *Izvestia of the Kabardino-Balkarian Scientific Center of the Russian Academy of Sciences*, no. 6-2 (80), pp. 109–113 [in Russ.].
9. Ivanova A. N. (2020) Analiz effektivnosti ispol'zovaniya BIM-tekhnologiy pri ekspluatatsii ob'yektov nedvizhimosti [Analysis of the efficiency of using BIM technologies in the operation of real estate objects.] IV All-Russian Research Competition. ICNS "Science and Education." pp. 17–21 [in Russ.].
10. Krymov S. M., Kolgan M. V. (2018) *Creative economy*, no. 6, pp. 787–804 [in Russ.].
11. Sidorenko E. L., Bartsits I. N., Khisamova Z. I. (2019) *Issues of state and municipal administration*, no. 2. pp. 93–114 [in Russ.].
12. Frolova E. A., Shcherben E. G. (2019) *Bulletin of the Saratov State Socio-Economic University*, no. 1, (75). pp. 17–21 [in Russ.].
13. Digital life of the Russian regions-2020. SKOLKOVO. 2020. 62 p. [in Russ.].
14. Bakici E., Almirall J., Wareham A. (2012) *Journal of the Knowledge Economy*, vol. 4 (2), pp. 135–148.
15. Bergvall-Kareborn B., Stahlbrost A. (2009) *Int J Innov Reg Dev*, vol. 1 (4), pp. 356–370.
16. Camero A., Alba E. (2019) *Cities*, vol. 93, pp. 84–94.
17. Carter D. (2013) *Journal of the Knowledge Economy*, vol. 4 (2), pp. 169–189.
18. Couclelis H. (2004) *Environment and planning B: Planning and Design*, vol. 31 (1), pp. 5–19.
19. Dameri R. P. (2013) *International Journal of Computers and Technology*, vol. 11 (5), pp. 2544–2551.
20. Gretchenko A. I., Nikitskaya E. F., Valishvili M. A., Gretchenko A. A. (2018). *Revista ESPACIOS*, vol. 39, no. 21, p. 13.
21. Hall P. (2000) *Urban Studies*, vol. 37 (4), pp. 639–649.
22. Howe J. (2008) *Crown Business*. N. Y. 1 P.
23. Komninos N., Pallot M., Schaffers H. (2012) *Journal of the Knowledge Economy*, vol. 4 (2), pp. 119–134.

24. Maalsen S. (2018) Social and Cultural Geography. DOI: 10.1080/14649365.2018.1466355.
25. Putra Z., Knaap W. (2018) *Journal of Regional and City planning*, vol. 29 (3), pp. 234–249.
26. Tskhadadze N. V., Ioseliani A. D. (2020) Marx and Modernity: A Political and Economic Analysis of Social Systems Management / «Advances in Research on Russian Business Management». «Information Age Publishing Inc» USA. pp. 153–162.

ПРИНЯТИЕ РЕШЕНИЙ О РЕЖИМЕ НАЛОГООБЛОЖЕНИЯ В ФИРМЕ: АНАЛИЗ РЕЗУЛЬТАТОВ И СЛОЖНОСТЕЙ РЕАЛИЗАЦИИ

О. С. Цемошевич, А. А. Киртянова

Челябинский государственный университет, Челябинск, Россия

В статье рассмотрено принятие решения о режиме налогообложения для индивидуального предпринимателя, оказывающего услуги общественного питания в г. Челябинске. Проанализированы особенности общего и специальных налоговых режимов Российской Федерации, оценена их экономическая выгода для объекта исследования и работников предприятия, выявлены трудности внедрения системы. Построено дерево целей для предпринимателя, осуществляющего выбор налогового режима.

Ключевые слова: *общий режим налогообложения, специальные режимы налогообложения, лицо, принимающее решение, дерево целей.*

Для современного предпринимателя остро стоит вопрос о том, какой режим налогообложения наиболее предпочтителен для его бизнеса, так как от этого зависят размер и периодичность отчислений, способ ведения бухгалтерского учета, величина налоговой выгоды и личный комфорт при ведении коммерческой деятельности.

Целью исследования является изучение процесса принятия решения о выборе налоговых режимов РФ для малого и среднего бизнеса. Необходимо не только изучить особенности режимов, но и понять, как они применяются в организации, какие сложности могут при этом возникнуть у предпринимателей, а также в чем состоят преимущества режимов.

Тема статьи актуальна, поскольку предприниматель при ведении бизнеса сталкивается с проблемой выбора системы налогообложения в фирме. Текущая политика государства не нацелена на предпринимателя: информация является открытой, но для ее понимания и практического внедрения необходимо обладать должным уровнем знаний и большим запасом временных ресурсов. Кроме того, нормативно-правовая база подвергается изменениям, и от предпринимателя требуется мониторинг нововведений, что вызывает дополнительное неудобство.

Информационной основой исследования выступают теоретические и научно-практические публикации С. Ю. Гуровой, Л. А. Большой, Я. Г. Шипеевой и Р. В. Ровнейко по вопросам налогового законодательства и налоговых систем [1, 2]. В своих работах авторы уделяют особое внимание роли специальных налоговых режимов в на-

логообложении субъектов малого и среднего бизнеса, поднимают вопросы об улучшении условий предпринимательства и конкуренции в России, проводят анализ и сравнение существующих систем, формулируют основные проблемы, связанные с налоговыми системами страны. Несмотря на большой объем изучаемого материала, они не учитывают процесс принятия решения о выборе налогового режима. В связи с этим в рамках нашей работы с учетом научных исследований В. И. Бархатова, Д. А. Плетнева, З. С. Биткуловой [3] была проанализирована процедура разработки и осуществления управленческого решения на примере индивидуального предпринимателя (ИП), оказывающего услуги общественного питания. Средняя годовая выручка организации составляет около 5 млн руб., списочная численность работников — 5 человек, площадь используемого помещения — 30 м².

При выборе системы налогообложения предпринимателю следует учитывать влияние налогового режима на финансовое состояние предприятия. Следовательно, предприниматель, являясь лицом, принимающим решение (ЛПР), должен ставить перед собой такие цели, как сохранение максимальной экономии на налогах, предоставление комфортных условий для сотрудников организации, обеспечение наименьших издержек в процессе перехода с одного режима на другой и при дальнейшем его использовании. Наиболее наглядно цели можно представить в виде дерева (рис. 1).

На май 2021 г. в РФ существовали общий режим налогообложения и специальные налоговые

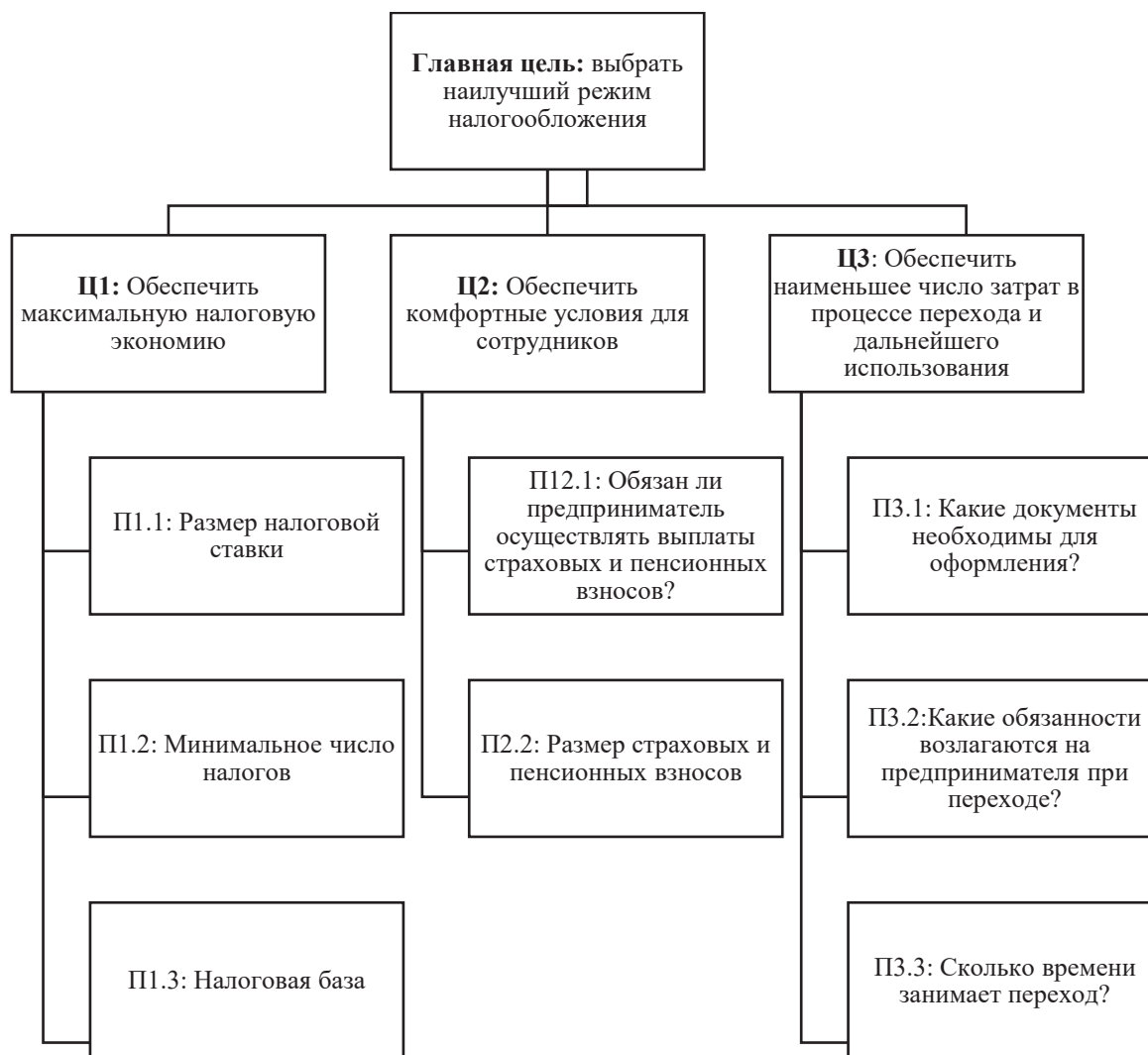

Рис. 1. Дерево целей предпринимателя при выборе налогового режима

Источник: составлено авторами.

режимы. Под специальным налоговым режимом принято понимать механизм налогового регулирования, который заключается в обеспечении особого порядка исчисления и уплаты налогов для некоторых юридических лиц (ЮЛ) и индивидуальных предпринимателей [1]. Случаи и порядок его установления определяются нормативными правовыми актами, преимущественно Налоговым кодексом Российской Федерации (НК РФ). На май 2021 г. в стране функционировали следующие специальные режимы налогообложения [2]:

ЕСХН — единый сельскохозяйственный налог (не включен в исследование, так как рассматриваемое предприятие не занимается производством сельскохозяйственной продукции);

УСН — упрощенная система налогообложения;

ПСН — патентная система налогообложения;

НПД — налог на профессиональный доход.

Стоит отметить, что с 1 января 2021 г. был от-

менен специальный налоговый режим в виде единого налога на вмененный доход [10], поэтому он не фигурирует в нашем исследовании.

Рассмотрим особенности каждого из вышеупомянутых режимов. При регистрации хозяйствующему субъекту автоматически присваивается общий режим налогообложения, который не устанавливает ограничений по численности работников, величине дохода, а также по виду деятельности. Согласно данному режиму предприниматель обязуется выплачивать налоги на прибыль, налоги на имущество, транспортные и земельные налоги, а также НДФЛ и страховые взносы.

Самой распространенной системой налогообложения для малого и среднего бизнеса России является упрощенная система налогообложения (УСН). Ее могут использовать как индивидуальные предприниматели, так и юридические лица. В табл. 1 представлены основные условия и огра-

ничения, связанные с применением данного режима.

Главным ограничением УСН является вид деятельности предприятия. Законодательство запрещает применять режим казенным и бюджетным учреждениям, нотариусам и адвокатам, организациям, добывающим полезные ископаемые, производящим подакцизные товары и т. д. Полный перечень ограничений отражен в п. 3 ст. 346.12 НК РФ. Для предприятий, чьи доходы превысили 150 млн руб., но составляют не более 200 млн руб., а численность работников свыше 100 человек, но ниже 130, действует повышенная налоговая ставка по УСН: 8 % для объекта «доходы»; 20 % для объекта «доходы, уменьшенные на величину произведенных расходов» [8].

Патентная система налогообложения (ПСН) может совмещаться с УСН, ЕСХН, ОСНО (общей системой налогообложения), что является одним из преимуществ режима. Как и в случае с УСН, в ПСН существуют ограничения, связанные с видом предпринимательской деятельности

(ст. 346.43 НК РФ. Патент не может применяться в отношении видов предпринимательской деятельности, осуществляемых в рамках договора простого товарищества, договора доверительного управления имуществом, а также реализации товаров, не относящихся к розничной торговле [5]. Патентная система, в отличие от упрощенного режима, может быть использована только индивидуальными предпринимателями. Ее преимущество состоит в том, что ПСН не требует представления налоговой декларации в Федеральную налоговую службу.

С 2019 г. в России для физических лиц (ФЛ) и ИП применяется специальный режим налогообложения — налог на профессиональный доход (НПД). Его создание обосновано введением такой категории, как «самозанятые», под которыми обычно понимают лиц, оказывающих услуги в частном порядке. До 2019 г. их деятельность не регистрировалась, соответственно «самозанятые» не выплачивали налоги. В ряде регионов РФ ситуация изменилась после принятия

Таблица 1

Особенности специальных налоговых режимов в РФ

Показатель	УСН [8]	ПСН [6]	НПД [7]
Основные ограничения	Численность работников не более 130 человек; доход не более 150 млн руб. в год; ограничения по отдельным видам деятельности; для ЮЛ и ИП	Численность работников не более 15 человек; доход не должен превышать 60 млн руб. в год; только для ИП	Нельзя привлекать работников; доход не должен превышать 2,4 млн руб. в год; нельзя совмещать с другими режимами; для ИП и ФЛ
Налоговые ставки	6 % — если объект налогообложения «доходы»; 15 % — если объект налогообложения «доходы с вычетом расходов»	6 %	4 % при реализации товаров / услуг физическим лицам; 6 % при реализации товаров / услуг индивидуальным предпринимателям и юридическим лицам
Применение заменяет	Выплату налога на прибыль для ЮЛ; выплату НДФЛ с доходов, полученных с предпринимательской деятельности для ИП; выплату НДС; выплату налогов на имущество	Выплату НДФЛ в отношении доходов, которые являются объектом обложения налогом на профессиональный доход; выплату НДС; выплату налога на имущество	Выплату НДФЛ в отношении доходов, являющихся объектом обложения налогом на профессиональный доход; выплату НДС
Основные обязанности	Предприятие обязано представлять отчетность раз в год; необходимо вести книгу учета доходов и расходов	Предприятие выплачивает налог два раза в год; необходимо вести книгу учета доходов и расходов	—

Источник: составлено авторами на основе данных официального сайта Федеральной налоговой службы и справочной правовой системы «КонсультантПлюс» [6, 7, 8].

Государственной Думой Федерального закона от 27 ноября 2018 г. № 422-ФЗ «О проведении эксперимента по установлению специального налогового режима “Налог на профессиональный доход”». Налог на профессиональный доход могут применять только физические лица и индивидуальные предприниматели, осуществляющие свою деятельность на территории одного из субъектов, где проводится эксперимент [7]. Главными ограничениями данного налогового режима являются запрет на привлечение работников и размер годового дохода менее 2,4 млн руб. Исходя из этого, НПД не подходит нашему предприятию.

Отдельно необходимо упомянуть единый налог на вмененный доход, который был отменен с 1 января 2021 г. По оценкам предпринимателей, он являлся одним из самых выгодных режимов, поэтому, вероятно, отмена ЕНВД связана низкими налоговыми отчислениями в государственный бюджет, а также с длительностью и сложностью оформления отчетности предприятия. Данный налоговый режим не устанавливал требования

к размеру дохода предприятия, а среднесписочная численность работников организации могла достигать 100 человек. Уплата ЕНВД освобождала предпринимателей от уплаты налога на прибыль, налога на имущество и НДС. Размер налоговой ставки при данном режиме составлял 15 % [4]. Несмотря на преимущества режима для малого и среднего бизнеса, на текущий момент он не применяется в РФ, поэтому его анализ в рамках работы также не целесообразен.

Таким образом, с учетом всех существующих ограничений для ИП, осуществляющего услуги в сфере общественного питания, подходят только УСН с налоговой базой «доходы» / «доходы — расходы» и ПСН.

Возвращаясь к тому, что одной из целей предпринимателя является обеспечение максимальной налоговой выгоды, наиболее подходящей для рассматриваемой фирмы является патентная система налогообложения (табл. 2).

Важно отметить, что при оценке налоговых режимов мы не учитывали налоговые льготы, нало-

Таблица 2

Размер налоговых выплат и страховых взносов

Налоговый режим	Налог без учета страховых взносов, руб.	Сумма страховых взносов, руб.	Сумма налога с учетом страховых взносов, руб.
ОСНО	642 961	457 989	1 100 950
УСН (доходы — расходы)	154 740	468 402	623 142
УСН (доходы)	150 000	503 402	653 402
ПСН	35 100	459 252	494 352

Источник: составлено авторами на основе данных, полученных при помощи налогового калькулятора «Контур.Бухгалтерия» (<https://www.b-kontur.ru/profi/vybor-sistemy-nalogooblozheniya>).

говые каникулы и дополнительные условия, из-за которых возможно изменение налоговой ставки. Расчеты являются условными, и предпринимателям необходимо выстраивать персональную стратегию принятия решения о выборе режима налогообложения, используя налоговые калькуляторы, актуальные нормативно-правовые акты и опыт конкурентов. Следует обращать внимание на то, что данные при вычислениях актуальны для г. Челябинска на май 2021 г. для ИП, оказывающего услуги общественного питания и имеющего зал обслуживания посетителей (за исключением услуг столовых), а также пять наемных работников, годовой доход в размере 5 млн руб.,

годовой расход в размере 3 млн руб., из которых 2 млн руб. уходит на зарплату работников, и помещение площадью 30 м². В другом субъекте в иной временной период, а также при другой организационно-правовой форме и виде деятельности данные могут отличаться.

Исходя из дерева целей (рис. 1), при выборе режима налогообложения предприниматель должен стремиться не только к материальной выгоде, но и к обеспечению комфортных условий для сотрудников. Этого можно достичь путем выплаты страховых взносов во внебюджетные фонды, тем самым предоставляя право работникам на получение медицинского обслуживания, пенсий, посо-

бий по временной нетрудоспособности, беременности и родам и т. д.

Недобросовестный предприниматель может использовать НПД, переводя своих подчиненных в категорию «самозанятые» и освобождая себя от обязательной выплаты страховых взносов, а работников — от социального пакета. При НПД возможно вступать в правовые отношения со страховыми фондами в добровольном порядке (ст. 29 Федерального закона от 15 декабря 2001 г. № 167-ФЗ «Об обязательном пенсионном страховании в Российской Федерации» для физических лиц, применяющих специальный налоговый режим «Налог на профессиональный доход»), однако это не является гарантией для сотрудников и снижает доверие к работодателю. По этой причине ЛПП следует не гнаться за экономической выгодой, а сохранить свою репутацию, используя другие специальные налоговые режимы. К аналогичному умозаключению приходят В. И. Бархатов, Д. А. Плетнев и З. С. Биткулова: «Идеология управленческих решений, выражающаяся прежде всего на этапе целеполагания, должна охватывать как область рационального расчета, так и сферу морально-этических ценностей» [3]. Анализируя табл. 2, можно отметить, что наименьшую сумму страховых взносов предполагают общая и патентная системы налогообложения.

Третья цель при принятии решения о выборе системы налогообложения заключается в обеспечении более простого и быстрого изменения режима (рис. 1).

Индивидуальному предпринимателю при переходе на упрощенную систему необходимо подать уведомление в налоговый орган при оформлении ИП либо при переходе с другой системы налогообложения — не позднее 31 декабря [9]. Во втором

случае изменение режима будет осуществлено только с начала следующего календарного года, что вызывает очевидные сложности. В то время как при переходе на патентную систему налогообложения заявление подается не позднее десяти дней до начала применения ПСН, и налоговый орган обязан представить решение о выдаче патента в течение пяти дней со дня получения заявления. Следовательно, для нашего объекта исследования ПСН вновь становится самым приемлемым вариантом.

Таким образом, при принятии решения о режиме налогообложения в фирме предприниматель должен выделить для себя основные цели и проанализировать налоговые выгоды с учетом экономических особенностей собственного бизнеса и действующих ограничений на использование налоговых режимов. Если предприятие является производителем сельскохозяйственных товаров, то стоит обратить внимание на единый сельскохозяйственный налог. При организационно-правовой форме в виде ИП без наемных работников следует рассмотреть налог на профессиональный доход, в случае необходимости привлечения дополнительных сотрудников — на патентную систему налогообложения. В большинстве ситуаций общая система налогообложения является самым невыгодным вариантом, поэтому для ЮЛ или ИП необходим переход на упрощенную систему с учетом разницы между доходами и расходами при выборе одной из двух возможных налоговых баз.

Научный руководитель: к. э. н., доцент Плетнёв Дмитрий Александрович, Челябинский государственный университет.

Список литературы

1. Гурова С. Ю., Большова Л. А., Шипеев Я. Г. Специальные налоговые режимы в налоговой системе Российской Федерации // Вестник Российского университета кооперации. 2020. № 3. С. 30–34.
2. Ровнейко Р. В. Специальные налоговые режимы // Евразийский союз ученых (ЕСУ). 2017. № 6. С. 96–98.
3. Бархатов В. И., Плетнев Д. А., Биткулова З. С. К вопросу об идеологии, методологии и технологиях разработки управленческих решений в российских корпорациях // Вестник Челябинского государственного университета. 2013. № 32 (323). Экономика. Вып. 42. С. 69–76.
4. Зацаринная Е. И., Проданова Н. А. Налогообложение малого бизнеса при ЕНВД // Торгово-экономический журнал. 2015. № 2. С. 111–120.
5. Налоговый кодекс Российской Федерации. Глава 26.5. Патентная система налогообложения // КонсультантПлюс: справ. правовая система. URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_28165/601ccc77a2e1a946466f51ac661e28726728f0e7/ (дата обращения: 16.04.2021).

6. Патентная система налогообложения // Федеральная налоговая служба : офиц. сайт. URL: https://www.nalog.ru/create_business/ip/in_progress/usn_patent/ (дата обращения: 16.04.2021).

7. Федеральный закон от 27.11.2018 г. № 422-ФЗ «О проведении эксперимента по установлению специального налогового режима “Налог на профессиональный доход”» // КонсультантПлюс : справ. правовая система. URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_311977/ (дата обращения: 16.04.2021).

8. Упрощенная система налогообложения (УСН) // Федеральная налоговая служба : офиц. сайт. URL: https://www.nalog.ru/create_business/ip/in_progress/usn/step1/ (дата обращения: 16.04.2021).

9. Упрощенная система налогообложения // Федеральная налоговая служба : офиц. сайт. URL: <https://www.nalog.ru/rn77/taxation/TAXES/usn/> (дата обращения: 04.05.2021).

10. Вместо ЕНВД: какой налоговый режим выбрать? // Федеральная налоговая служба : офиц. сайт. URL: <https://www.nalog.ru/rn77/taxation/taxes/envd2020/> (дата обращения: 31.03.2021).

Сведения об авторах

Цемошевич Ольга Сергеевна — студентка Челябинского государственного университета, Челябинск, Россия. olgats2208@mail.ru

Киртянова Антонина Александровна — студентка Челябинского государственного университета, Челябинск, Россия. antonina.kirtyanova@mail.ru

Bulletin of Chelyabinsk State University.

2021. № 10 (456). Economic Sciences. Iss. 74. Pp.236–242.

DECISION-MAKING ON TAXATION REGIME IN THE COMPANY: ANALYSIS OF RESULTS AND IMPLEMENTATION CHALLENGES

O. S. Tsemoshevich

Chelyabinsk State University, Chelyabinsk, Russia. olgats2208@mail.ru

A. A. Kirtyanova

Chelyabinsk State University, Chelyabinsk, Russia. antonina.kirtyanova@mail.ru

The article discusses the adoption of a decision on the taxation regime for an individual entrepreneur providing catering services in the city of Chelyabinsk. The features of the general and special tax regimes of the Russian Federation are analyzed, their economic benefits for the object of research and the employees of the enterprise are estimated, the difficulties of introducing the system are revealed. A tree of goals has been built for an entrepreneur who chooses a tax regime.

Keywords: *general taxation regime; special tax regimes; decision maker; goal tree.*

References

1. Gurova S. U., Bol'shova L. A., Shipoyev Ya. G (2020) *Vestnik Rossiyskogo universiteta kooperatsii*, no. 3, pp. 30–34 [in Russ].
2. Rovneyko R. V. (2017) *Yevraziyskiy Soyuz Uchenykh (YESU)*, no. 6, pp. 96–98 [in Russ].
3. Barkhatov V. I., Pletnev D. A., Bitkulova Z. S (2013) *Vestnik Chelyabinskogo gosudarstvennogo universiteta*, vol. 42, no. 32 (323) [in Russ].
4. Zatsarinnaya Ye. I, Prodanova N. A (2015). *Torgovo-ekonomicheskij zhurnal*, no. 2, pp. 111–120 [in Russ].
5. NK RF Glava 26.5 Patentnaya sistema nalogooblozheniya [Reference legal system “ConsultantPlus”.] available at: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_28165/601ccc77a2e1a946466f51ac661e28726728f0e7/ (accessed 16.04.2021) [in Russ].
6. Patentnaya sistema nalogooblozheniya [Official website of the Federal Tax Service]. Available at: https://www.nalog.ru/create_business/ip/in_progress/usn_patent/, accessed 16.04.2021 [in Russ].

7. Federal'nyy zakon "O provedenii eksperimenta po ustanovleniyu spetsial'nogo nalogovogo rezhima "Nalog na professional'nyy dokhod" ot 27.11.2018 N 422-FZ [Reference legal system "ConsultantPlus"], Available at: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_311977/, accessed 16.04.2021 [in Russ].
8. Uproshchennaya sistema nalogooblozheniya (USN) [Official website of the Federal Tax Service]. Available at: https://www.nalog.ru/create_business/ip/in_progress/usn/step1/, accessed 16.04.2021 [in Russ].
9. Uproshchennaya sistema nalogooblozheniya [Official website of the Federal Tax Service]. Available at: <https://www.nalog.ru/rn77/taxation/TAXES/usn/>, accessed 04.05.2021 [in Russ].
10. Vmesto YENVVD: kakoy nalogovyy rezhim vybrat'? [Official website of the Federal Tax Service]. Available at: <https://www.nalog.ru/rn77/taxation/taxes/envd2020/>, accessed 31.03.2021 [in Russ].